

Art Logos

(ИСКУССТВО СЛОВА)

№ 4 (25), 2023

Art Logos (The Art of Word)
scientific journal, No. 4 (25), 2023

Art Logos

(искусство слова)

ISSN 2541-9803
e-ISSN 2713-1319

№ 4 (25), 2023

Главный редактор

Т. В. Мальцева, д-р филол. наук, профессор, ЛГУ им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

Редакционная коллегия

С. Л. Слободнюк, д-р филол. наук, д-р фил. наук, профессор,
ЛГУ им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

О. Ю. Осьмухина, д-р филол. наук, профессор, МГУ им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Россия

Т. И. Рожкова, д-р филол. наук, профессор, МГТУ им. Г. И. Носова, г. Магитогорск, Россия

А. А. Карпов, д-р филол. наук, профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

С. Г. Греньё, канд. филол. наук, профессор, Университет Джорджтауна, Вашингтон, США

М. Яхьяпур, канд. филол. наук, профессор, Тегеранский университет, Тегеран, Иран

В. В. Волков, д-р филол. наук, профессор, ТьГУ, г. Тверь, Россия

К. П. Сидоренко, д-р филол. наук, профессор, РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Е. В. Купчик, д-р филол. наук, доцент, ТюмГУ, г. Тюмень, Россия

О. А. Мещерякова, д-р филол. наук, доцент, ЛГУ им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

З. И. Резанова, д-р филол. наук, профессор, ТГУ, г. Томск, Россия

М. Р. Желтухина, д-р филол. наук, профессор, ВГСПУ, г. Волгоград, Россия

Г. Н. Чиршева, д-р филол. наук, профессор, ЧГУ, г. Череповец, Россия

Н. В. Козловская, д-р филол. наук, доцент, ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, Россия

О. Е. Похаленков, д-р филол. наук, доцент, КГУ им. К. Э. Циолковского, г. Калуга, Россия

Учредитель, издатель: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 3 февраля 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-68617

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Журнал издается с 2017 года. Периодичность 4 раза в год

Art Logos

(The Art of Word)

ISSN 2541-9803
e-ISSN 2713-1319

No. 4 (25), 2023

Chief editor

T. V. Maltseva, Doctor of Philology Full Professor,
Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia

Editorial Board

S. L. Slobodnyuk, Doctor of Philology, Doctor of Philosophy, Full Professor,
Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia

O. Y. Osmukhina, Doctor of Philology, Full Professor, MRSU, Saransk, Russia

T. I. Rozhkova, Doctor of Philology, Full Professor, NMSTU, Magnitogorsk, Russia

A. A. Karpov, Doctor of Philology, Full Professor, SPbSU, St. Petersburg, Russia

S. G. Grenier, PhD in Philology, Professor, Georgetown University, Washington, D.C., USA

M. Yahyapour, PhD in Philology, Professor, UT, Tehran, Iran

V. V. Volkov, Doctor of Philology Full Professor, TSU, Tver, Russia

K. P. Sidorenko, Doctor of Philology, Full Professor, Herzen University, St. Petersburg, Russia

E. V. Kupchik, Doctor of Philology, Associate Professor, UTMN, Tyumen, Russia

O. A. Meshcheryakova, Doctor of Philology, Associate Professor,
Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia

Z. I. Rezanova, Doctor of Philology Full Professor, TSU, Tomsk, Russia

M. R. Zheltukhina, Doctor of Philology, Full Professor, VSSPU, Volgograd, Russia

G. N. Chirsheva, Doctor of Philology, Full Professor, ChSU, Cherepovets, Russia

N. V. Kozlovskaya, Doctor of Philology, Associate Professor, ILS RAS, St. Petersburg, Russia

O. E. Pokhalenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, KSU n. a. K. E. Tsiolkovski, Kaluga, Russia

Founder, publisher: Pushkin Leningrad State University

The journal is registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media February 03, 2017. The certificate of the mass media registration ПИИ № ФС 77-68617

The journal is included into the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree

The journal is issued since 2017. Quarterly, 4 issues per year

Содержание

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ПЕРСОНАЛИИ

О. А. Фарафонова Жанровое своеобразие дневниковых записок С. А. Порошина	10
Т. В. Мальцева, Ю. А. Скиба Матримониальные конфликты в «Семейной хронике» С. Т. Аксакова	28
А. Г. Гродецкая Реалии в «Обломове»: стратегии деисторизации	43
А. П. Трушкина Специфика русской готической новеллы первой трети XX столетия	57
О. А. Лучкина Как составить краткую биографию писателя: вырезать, провозить и склеить	73
В. И. Абрамова, Ю. В. Архангельская Значение Пушкина для русской культуры: мифологема и ее репрезентации в фольклоре Рунета	93
М. Яхьяпур, Дж. Карими-Мотаххар, Ф. Согудехмехр Роль женщин в судьбе детей («Анна Каренина» Л. Толстого и «Любовь и слеза» Дж. Фазела)	108
В. В. Королева, А. Р. Притомская Эволюция эзотерического символизма Э. Т. А. Гофмана в романе Г. Майринка «Голем»	122
С. Лян Рассказ «Безмолвный голос» китайского писателя Ли Эра как художественная интерпретация рассказа «Дама с собачкой» А. П. Чехова	140

ЛИНГВИСТИКА. ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ

- В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко** 158
«Евгений Онегин» в русской речи: от прецедентного текста
к прецедентному раритету
- М. Н. Перфилова** 178
Словообразование архаичных цветообозначений в русском языке
- Н. В. Зубенко** 203
Регулятивная функция «текстов о ценностях» в теории
и практике функционального подхода к анализу
художественного произведения
(на материале стихотворения А. А. Блока «Коршун»)
- Р. Е. Булат, Х. С. Байчорова** 216
Воспитательный потенциал терминоведения
- К. Колар** 231
Molit vas и *Извините*: анализ маркеров вежливости
в русском и хорватском языках
- И. И. Конькова** 247
Метаструктуры как отражение диалогичности в англоязычном
научно-техническом дискурсе
- Е. В. Купчик, С. Ма** 257
Антропоморфные метафоры С. Есенина с областью цели
«природа» в аспекте перевода на китайский язык

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- О. Б. Абакумова, А. Д. Бакина** 278
7-я Международная научно-практическая конференция
«Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение».
Орел, 12-13 октября, 2023

Contents

LITERARY STUDIES AND HISTORY OF LITERATURE. PERSONALITIES

Oksana A. Farafonova Genre Originality of Diary Notes by S. A. Poroshin	10
Tatiana V. Maltseva, Yulia A. Skiba Matrimonial Conflicts in "Family Chronicle" by S. T. Aksakov	28
Anna G. Grodetskaya Realities in "Oblomov": The Strategies of Dehistoricization	43
Aliona P. Trushkina The Specifics of the Russian Gothic Novel of the first third of the XX century	57
Olga A. Luchkina How to Write a Short Biography of a Writer: Cut, Wax and Glue	73
Veronika I. Abramova, Yuliya V. Arkhangelskaya Pushkin's Significance to Russian Culture: The Mythologeme and its Representations in Runet Folklore	93
Marzieh Yahyapour, Janolah Karimi-Motahhar, Forough Sotoudehmehr Women's Role in the Fate of Children ("Anna Karenina" by Leo Tolstoy and "Love and Tear" by Javad Fazel)	108
Vera V. Koroleva, Alina R. Pritomskaya The Evolution of the Esoteric Symbolism of E. T. A. Hoffmsn's Works in the Novel "The Golem" by G. Meyrink	122
Xuefei Liang The Story "Silent Voice" by the Chinese Writer Lee Era as an Artistic Interpretation of the Story "Lady with a Dog" by A. P. Chekhov	140

LINGUISTICS. LANGUAGE AS A MEANS OF COMMUNICATION

Valery M. Mokienko, Konstantin P. Sidorenko "Eugene Onegin" in Russian Speech: From a Precedent Text to a Precedent Rarity	158
Maria N. Perfilova Word Formation of Archaic Color Designations in Russian	178
Natalya V. Zubenko Regulative Function of "Texts about Values" in the Theory and Practice of the Functional Approach to the Analysis of Artistic Works (on the Material of A. A. Blok's Poem "Korshun")	203
Roman E. Bulat, Khafiza S. Baychorova Educational Potential of Terminology	216
Klara Kolar <i>Molim Vas</i> and <i>Извините</i> : Analysis of Politeness Markers in Russian and Croatian Languages	231
Inna I. Konkova Metastructures as Dialogization Reflection in English Scientific and Technical Discourse	247
Elena V. Kupchik, Xun Ma S. Yesenin's Anthropomorphic Metaphors with the Field of the Goal "Nature" in the Aspect of Translation into Chinese	257

REVIEWS

Olga B. Abakumova, Anna D. Bakina 7th International Scientific and Practical Conference "Language. Culture. Communication: Learning and Teaching". Orel, October 12-13, 2023	278
--	-----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.
ПЕРСОНАЛИИ

О. А. Фарафонова

Жанровое своеобразие дневниковых записок

С. А. Порошина

Статья посвящена выявлению и описанию жанровой специфики дневника воспитателя и учителя Павла I С. А. Порошина «Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича» (1765–1766). Памятник русской мемуаристики анализируется в контексте основных тенденций русской культуры и литературы второй половины XVIII века. Делается вывод, что «Записки...» Порошина находятся на стыке двух ведущих тенденций развития русской мемуаристики в XVIII веке, совмеща признаки мемуаров, посвященных историческому событию или личности, современником которого был автор, и автобиографии. Точка зрения автора и его концепция воспитания просвещенного монарха становится началом, объединяющим дискретные подневные записи о пребывании Порошина в должности «кавалера» при наследнике престола в единое повествование, кумулятивный сюжет которого демонстрирует процесс становления личности будущего правителя. Сам же Порошин предстает в дневнике не только как свидетель описываемых ситуаций, но как всезнающий и рефлексирующий о возможных причинах и последствиях увиденного и услышанного автором.

Ключевые слова: С. А. Порошин, дневник, мемуары, историко-биографический анекдот, апофтегма.

Для цитирования: Фарафонова О. А. Жанровое своеобразие дневниковых записок С. А. Порошина // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 4. – С. 10–27. DOI: 10.35231/25419803_2023_4_10. EDN: DCJYDZ

«Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича», принадлежащие перу воспитателя и учителя будущего российского императора С. А. Порошина, – неординарное явление в истории русской мемуаристики, редко попадающее в поле зрения литературоведов.

В свое время насыщенная, но недолгая жизнь Порошина и его «Записки...» стали центром исторической повести «Опасный дневник», написанной советским филологом, исследователем русской литературы XVIII века А. В. Запа-

довым [7]. Современные исследователи считают Порошина «незаурядной личностью», оказавшей «значительное влияние на формирование нравственных качеств царевича» [6, с. 60]. Имя Порошина включается в контекст екатерининской эпохи при ее изучении с разных точек зрения [4]. Мемуаристу, писателю и переводчику Порошину посвящена статья В. П. Степанова во втором выпуске «Словаря русских писателей XVIII в.» [19; с. 477–479]. Исследователь называет «Записки...» Порошина «литературно-назидательным сочинением» и отмечает, что «в отборе фактов <...> прослеживается обдуманная воспитательная тенденция» [19, с. 479].

Чаще всего дневник Порошина рассматривается в качестве документального источника в контексте исследований биографии Павла I [9; 13; 16; 18], истории воспитания и образования [6; 10] или истории дворцового быта и церемониала, русской культуры и общественно-философской мысли в целом [3–5; 8; 17].

Отчасти опираясь на «Записки...» Порошина, В. И. Сергеев в книге, посвященной Павлу I, прослеживает истоки увлечения российского монарха идеями и историей рыцарства, в частности, Мальтийского ордена, гроссмейстером которого он станет впоследствии [16; с. 88–95].

Видя в «Записках...» Порошина исключительно важный источник для воссоздания истории детства Павла Петровича, А. М. Песков отдает должное личности автора, который «сумел очень подробно и аналитически запечатлеть натуру Павла», поскольку был человеком «наблюдательным и умным» [13, с. 8]. Исследователь считает свидетельство Порошина настолько значимым, что помещает сокращенный текст «Записок...» в биографии Павла I, написанной для серии «Жизнь замечательных людей» [13; с. 222–241].

В. Проскурина использует дневниковые записи Порошина как источник, содержащий ценные наблюдения о быте двора Екатерины II и характере отношений между составившими его людьми [15, с. 52, 95].

Н. Ю. Бахарева и В. А. Семенов, предваряя современное научно подготовленное издание мемуаров Порошина, называют его «Записки...» «интереснейшим литературным и историческим памятником» и отмечают, что они «по сей день остаются одним из важнейших источников

для исследователей, обращающихся к разным проблемам российской истории XVIII в.» [1, с. 5, 10].

Согласившись с тем, что «Записки...» Порошина являются одним из ценнейших и чрезвычайно подробных источников информации о жизни русского двора и условиях формирования личности и характера будущего российского императора Павла I, отметим, что самостоятельным объектом литературоведческого изучения этот примечательный во многих отношениях текст до сих пор не был. На жанровое своеобразие дневника Порошина с разными целями обращали внимание А. Г. Тартаковский [20] и М. Я. Билинкис [2].

А. Г. Тартаковский, систематизировавший русские мемуарные тексты XVIII – первой половины XIX веков, называет дневник Порошина «ценнейшим по разнообразию и достоверности фактических сведений по истории XVIII в. мемуарным памятником» и не сомневаясь относит «Записки...» Порошина к безусловно значимым текстам русской мемуаристики [20, с. 111]. Однако вопрос жанровой специфики дневника Порошина интересовал Тартаковского с точки зрения типологии и истории публикаций дневника Порошина в контексте бурно развивающейся в XVIII веке русской мемуаристики. Разделив весь корпус русских мемуаров на дневники (как «исторически первичную и простейшую форму запечатления личностью опыта своего участия в исторической жизни») и воспоминания (как «более сложную и развитую форму мемуарной культуры»), Тартаковский относит «Записки...» Порошина именно к первой категории [20, с. 8, 264].

В работе Билинкиса обращение к «Запискам...» Порошина было мотивировано изучением логики процессов, определявших движение русской прозы XVIII века «от словесности к собственно литературе, от подневных записей летописного типа к роману и повести» [2, с. 3]. Исследователя интересует эволюция жанровых форм и истоки русской прозы. Он рассматривает дневник Порошина в контексте других известных мемуарных произведений подобного рода и отмечает, что «дневниковый жанр предполагает для Порошина обязательное присутствие рассказчика во всех описываемых событиях» [2, с. 40]. Такая безусловная включенность автора и повествование о ежедневных событиях

от первого лица – явный признак жанра дневника. Билинкис также указывает, что дневник Порошина существовал в двух вариантах: «дневник для истории» и «дневник для Панина», бывшего главным воспитателем наследника престола и порекомендовавшего Порошина на должность «кавалера» при цесаревиче. Билинкис, анализируя проявление авторского «я» в «Записках...» Порошина, указывает на определенную двойственность его положения – «сегодня – наставник, завтра – подданный», – определившую во многом структуру обоих текстов и способы изложения событий.

Н. И. Панину, узнавшему о существовании дневника и потребовавшему его себе для прочтения, Порошин предоставляет «сокращенный вариант, в котором события не комментируются, а только перечисляются в хронологической последовательности» [2, с. 41]. В данном случае Порошин предстает исключительно летописцем Павла Петровича, не проявляющим себя. «Дневник для истории», который, по замыслу его автора, должен был впоследствии стать основой «настоящей истории» Павла Петровича, фиксирует не только ситуации, но и взаимоотношения между «Ментором-Порошиным» и его учеником, и не предназначается для глаз Панина. Здесь Порошин фиксирует и описывает все происходящее при дворе наследника значительно подробнее: фиксируются «все разговоры, которые ведутся при Павле <...>. Порошин комментирует наследнику рассказы Панина <...> и объясняет труды французских философов. Связь наследника с внешним миром осуществляется исключительно через Ментора-Порошина, и посредников здесь быть не может» [2, с. 41]. В пределах одного текста позиции летописца и ментора не смешиваются: это, как отметил Билинкис, «действители разных текстов» [2, с. 42].

Отмеченной Билинкисом двойственностью положения Порошина при дворе можно, как нам представляется, только отчасти объяснить наличие двух текстов дневника – черновых ежедневных записей и развернутого, литературно обработанного текста, но не жанровое своеобразие «Записок...». Общим «знаменателем» «дневника для истории» и «дневника для Панина» является хронология событий. Во всем остальном это разные по своим задачам и способу их реализации тексты.

И, если первый сопоставим с другими аналогичными записками, которые велись придворными (например, с «Памятными записками» статс-секретаря Екатерины II А. В. Храповицкого), то второй в жанровом плане более сложен.

Текст «Записок...» занимает «промежуточное положение» между записками самовидцев, как определяли себя авторы записок о Петре I (А. К. Нартов, Н. И. Кашин) и личными дневниками конца XVIII – начала XIX веков, где на первом месте собственное «я» (А. И. Тургенев, П. Н. Львова). В «Записках...» Порошина имеет место характерная для мемуарных текстов первой половины XVIII века фиксация «внеличного» (события, поступки, высказывания другого человека, значимой исторической личности, в данном случае – наследника престола). Отличие дневника Порошина от аналогичных дневниково-мемуарных произведений заключается в выражении совершенно очевидной и целостной личной точки зрения автора не только относительно описываемых событий и персонажей, но, главное, относительно общей концепции воспитания наследника престола и формирования человеческого характера. Поставив перед собой цель написать «настоящую историю Павла Петровича», Порошин каждый вечер делал записи всего, что произошло за день, затем обрабатывал эти черновые записи, добавляя собственные комментарии и размышления и выстраивая более целостный текст «Записок...». Сочетание кумулятивно-летописного сюжета, дневниковой структуры, авторской рефлексии и по объективным причинам открытого финала превращает дневник Порошина в уникальное в жанровом отношении произведение русской мемуаристики второй половины XVIII века.

Материалы и методы

Дневник, который Порошин вел в течение 1764–1766 гг., после смерти автора хранился у его брата И. А. Порошина, был впервые в сокращенном виде опубликован в 1810 г. в «Вестнике Европы». У исследователей есть основания полагать, что эта публикация была подготовлена В. А. Жуковским [20, с. 111]. Первая публикация «Записок...» Порошина отдельным изданием состоялась в 1844 г. стараниями его внучатого племянника профессора Петербургского университета В. С. Пороши-

на. Ценность этой публикации заключается в том, что именно она положила начало изучению рукописи Порошина и других «документов, связанных с его деятельностью при дворе наследника престола» [1, с. 9]. В 1869 г. в «Русском архиве» были опубликованы недостающие фрагменты рукописи Порошина, обнаруженные в семейном архиве потомков сестры Порошина, а в 1881 г. М. И. Семевский осуществил публикацию «Записок...» Порошина на основании рукописи, хранившейся в Павловском дворце и принадлежавшей императору Павлу I.

Современное научно подготовленное издание дневника Порошина было предпринято Н. Ю. Бахаревой и В. А. Семеновым в 2015 г. Высказав предположение, что оригинальная рукопись «Записок...» Порошина хранилась «в семейном архиве, который, вероятно, был разделен между его родными», исследователи публикуют текст по изданию 1881 г., сверяя его с публикацией 1844 г. В статье учитываются все отмеченные публикации, поскольку издатели каждой из них по-разному обрабатывали и комментировали текст, руководствуясь различными основаниями. Цитирование «Записок...» Порошина осуществляется по последнему изданию, подготовленному Н. Ю. Бахаревой и В. А. Семеновым.

Исходной гипотезой, объясняющей жанровую специфику «Записок...» Порошина, является то, что они находятся на стыке двух направлений развития мемуарного жанра в русской литературе XVIII века, совмещающая тяготеющие к объективности повествования мемуары об исторической личности или событии, современником которых был автор, и субъективные воспоминания о себе и своей жизни. Личность автора и его точка зрения становятся определяющим фактором, обеспечивающим традиционно дискретному дневниковому изложению событий целостность мемуарного повествования.

Объектом исследования в статье является жанровая специфика дневниковых записок Порошина, для характеристики которой применяются сравнительно-исторический и герменевтический методы исследования. Цель представленного в статье исследования состоит в выявлении и описании композиционных и повествовательных особенностей «Записок, служащих к истории ... Павла Петровича», обуславливающих жанровое своеобразие текста дневника Порошина.

Результаты

Семен Андреевич Порошин (1741–1769) – русский публицист, мемуарист и писатель второй половины XVIII века, один из воспитателей будущего императора Павла I. В 1759 г. по окончании Сухопутного шляхетского кадетского корпуса был оставлен при нем преподавателем математики. Через полтора года он назначен флигель-адъютантом Петра III в ранге подполковника. Его первым поручением в этой должности было сопровождение в Россию из Кёнигсберга двоюродного дяди Петра III и родного (по матери) дяди Екатерины II голштинского принца Георга, которого император назначает на должность генерала-фельдмаршала русской армии и прочит ему место главнокомандующего в планируемой войне с Данией. Следующее поручение, полученное Порошиным от Петра III, заключалось в том, чтобы быть неотлучно при графе Н. И. Панине и следить за каждым его шагом. Порошин находился при Панине и в беспокойные дни перед переворотом 1762 г., но, как отметил В. П. Степанов в статье о Порошине в «Словаре русских писателей XVIII века», «не противодействовал заговорщикам» [19, с. 477]. Вскоре после переворота 16 июля 1762 г. Порошин по рекомендации Панина получает должность «кавалера» (воспитателя и учителя) при великом князе Павле Петровиче. В этой должности Порошин оставался до 1766 г. В 1764 г., когда Павлу Петровичу исполнилось 10 лет, Порошин начинает вести дневник своего пребывания в роли воспитателя при дворе наследника, сожалея, что эта мысль не пришла ему в голову с самого начала службы.

В жанровом отношении «Записки...» Порошина представляют особый интерес в контексте изучения становления и развития русской мемуаристики, поскольку в них имеет место контаминация двух способов «отражения действительности»: собственно дневниковой – синхронной, и мемуарной – ретроспективной. В «Записках...» Порошина, объектом которых выступает его воспитанник Павел Петрович, находит отражение и характерная для жанра дневника значимость авторского «я». При этом перед нами не интимный дневник, а записи, которые Порошин затем читает цесаревичу и показывает придворным. Это «тщательно продуманные и проработанные заметки и рассуждения» [1, с. 13].

Дневниковая форма «Записок...» Порошина определяет только внешнюю структуру повествования – запись по дням, фиксирование конкретных дат. Непосредственные дневниковые записи он дополнял развернутыми собственными рассуждениями на разные темы. Пусть временной промежуток, отделяющий непосредственную фиксацию произошедшего от присовокупления собственных размышлений и выводов, сделанных позже, невелик в сравнении с мемуарами как таковыми. Однако именно эти дополнения, отражающие авторскую точку зрения, и обеспечивают запискам Порошина целостность, отличную от традиционной дневниковой формы изложения событий. В отличие от дискретного изложения фактов в типичных дневниках, текст «Записок, служащих к истории Его императорского высочества» объединен пристальным вниманием автора к одному герою (Павлу Петровичу) и общей концепцией воспитания монарха. Здесь можно сравнить «Записки...» С. А. Порошина с дневником А. В. Храповицкого, который, как отметил Тартаковский, «на протяжении 11 лет и 7 месяцев <...> почти стенографически в регулярных поденных заметках фиксировал все, чему был свидетелем у кормила правления» Екатерины II [20, с. 213]. Однако, в отличие от «Памятных записок» Храповицкого, Порошин в своем дневнике не является «немым свидетелем» происходящего. Порошин – автор, имеющий свою точку зрения и не скрывающий ее.

В самом начале записок Порошин высказывается относительно манеры и общей формы их ведения, ориентируясь, очевидно, на принципы жизнеописания сформулированные еще Плутархом: «Если в сих повседневных записках кому что мало-важным покажется, тому я отвечаю, что иногда, по-видимому, и неважные бы вещи лучше, нежели прямые дела, изображают нрав и склонности человеческие, особливо в нежной младости. <...> Всякой вечер записывал я, что днем произойдет, и не мог на то употребить более часа или полутора часов времени, за другими моими упражнениями и делами» [14, с. 34].

Порошин предваряет свой дневник предисловием, очевидно ориентируясь на будущего читателя. К сожалению, практически невозможно определить, было ли это небольшое предисловие написано Порошиным «в моменте», т. е. именно тогда, когда он начинает свои «Записки...», или же добавлено

позже при редактировании и дополнении дневника. Но нехарактерная для собственно «повседневных записок» установка на «другого», безусловно, обращает на себя внимание и ставит «Записки...» Порошина значительно ближе к собственно мемуарам, автор которых вполне отдает себе отчет, что его записи не носят интимного характера, а имеют надличностную (общественную и государственную) ценность.

Эту главную и текстоформирующую интенцию дневника Порошина вполне «считал» его внучатый племянник В. С. Порошин, который в предисловии к публикации записок 1844 г. писал: «В государстве самодержавном воспитание Государя есть первый и коренной закон» [14, с. 18]. Порошин-младший, по сути, воссоздает теорию воспитания монарха, изложенную в дневнике его деда, ставя ее в один ряд со всеми известными «руководствами, исключительно посвященными назиданию Государей» [14, с. 23].

Проблема воспитания правителя была одной из ключевых и обсуждаемых в эпоху Просвещения. «Мысль о том, что от государя зависит нравственное и умственное состояние подданных, относится к числу общераспространенных в эпоху Просвещения» [11; с. 313–314]. Н. И. Панин, руководивший общим воспитанием Павла Петровича, чрезвычайно был увлечен идеей правильного воспитания будущего монарха. По его замыслу, цесаревич должен был стать первым поистине просвещенным российским правителем, с ним Панин «связывал судьбу своих реформационных планов» и «свою основную задачу <...> видел в политическом воспитании самодержца» [19, с. 409]. Очевидно, что воспитательные идеи Панина были близки и Порошину. Еще до своего назначения на должность «кавалера» наследника престола он всерьез занимается этим вопросом: в 1757 г. переводит «Письмо к приятелю о сравнении Александра Великого с Карлом XII, королем шведским», в 1759 г. «Письма Марка Аврелия к Пирамону...», а также «Содержание мечтательных игр об Александре раскаявшемся». По замечанию В. П. Степанова, записки Порошина, по сути, представляют собой «литературно-назидательное сочинение, которое должно было дать юному государю возможность посмотреть на себя со стороны и увидеть пути исправления своих недостатков» [19, с. 479]. Так происходит потому, что, приступая к своим «Запи-

скам», Порошин, очевидно, имел вполне четкую концепцию (образ) текста, который должен был у него получиться в итоге: «Читая “Записки” С. А. Порошина, мы не должны забывать, что перед нами не интимный дневник, содержание которого должно быть скрыто от посторонних. Автор делает записи, которые затем читает цесаревичу, показывает придворным. Их следует рассматривать как тщательно продуманные и проработанные заметки и рассуждения» [1, с. 13].

Традиция известных в России к 1760-м годам воспитательно-биографических сочинений была обширна: от античных биографий философов и императоров до западноевропейских сборников анекдотов о «просвещенных государях». Как отмечает Е. К. Никанорова, «основным материалом» для таких сборников «служили маловажные, на первый взгляд, слова и поступки известного лица, имевшие отношение не только к публичной, но и к частной, домашней жизни» [11, с. 17].

«Тема власти и образ правителя получили детальную разработку» уже в литературе античности [11, с. 30]. В качестве основных имен можно назвать Цицерона, Плиния Младшего, Плутарха. Отметим, что помимо античных образцов начитанный и владеющий иностранными языками Порошин ориентируется и на более современные ему теории воспитания. 1760-е годы становятся временем, когда в России были переведены и опубликованы многие педагогические трактаты, в частности, «Мысли о воспитании» Дж. Локка, появляется внимание к ребенку и его внутреннему миру. «Записки...» Порошина соединяют идею воспитания идеального государя с внимательными наблюдениями за становлением личности. Стремясь создать «настоящую историю Павла Петровича» и не упуская из поля зрения ничего, что происходит с цесаревичем, Порошин описывает процесс воспитания идеального государя и одновременно следит за взрослением человека. Два плана – частный (прогулки, обеды, режим дня, игры) и общественный (поведение на людях, во время официальных церемоний, праздников и т. п.) – становятся в последовательном повествовании Порошина ведущими и, в силу возраста героя, зачастую неразделимыми.

Большое внимание уделено беседам, которые ведутся взрослыми в присутствии Павла Петровича за обедом или

чаем. Порошин тщательно фиксирует, кто именно составляет наследнику компанию, подробно пересказывает, о чем разговаривают присутствующие. В определенном смысле такие фрагменты записок похожи на «Застольные беседы» Плутарха: «Сели мы за стол. Из посторонних обедали у нас г. Салдерн и Карл Федорович Круз <...> Говорил Его Превосходительство Никита Иванович между прочим Великому Князю о немецком языке, что он мало в нем успевает. И как Его Высочество отвечал, что он хотя сам не говорит, однако что говорят другие, то почти все понимает, когда говорят не очень скоро, то пошутил тут над ним Никита Иванович, говоря, как у нас иные о себе сказывают, что они грамоте только про себя умеют. Наконец разговорились мы о неустрашимости. <...> Зашли и далее в рассуждение, и говорили, что между дерзостию и неустрашимостию справедливое различие делать надобно. Говорил я о Государе Петре Великом, что он от природы, как сказывают, не весьма храбр был, но что слабость свою преодолевал рассуждением, и в бесчисленных случаях показывал удивительное мужество, что не токмо не умаляет его великости, но еще утверждает ее» [14; с. 256–257].

Важно, что образ Петра Великого в таких беседах присутствует постоянно, он становится безусловным ориентиром в выстраивании концепции воспитания просвещенного государя и в «Записках...» Порошина. Истории о Петре I, рассказываемые в присутствии Павла Петровича, имеют характер исторического анекдота. Отметим, что тема «великого преобразителя России» к этому времени уже несколько десятилетий была одной из центральных в русской (и не только) литературе и «получила разработку как в письменной традиции (исторические, биографические, риторические сочинения), так и в устной (исторические предания, песни и сказки о Петре)» [11; с. 113–123]. Сборники анекдотов о Петре Великом будут изданы почти на 15 лет позже, но Порошин активно использует их, предлагая своему воспитаннику «модель должного поведения в определенной ситуации» [12, с. 39].

Отметим, что историко-биографический анекдот как таковой был неотъемлемой частью культуры русского общества второй половины XVIII века, поэтому совершенно не удивительно, что в «Записках» Порошина пересказывают-

ся и другие анекдоты, которые он и его воспитанник слышат в беседах за чаем или обедом: «Еще же Никита Иванович изволил рассказывать, что он слышал от графа Ржеутского, а Ржеутский <...> от самого старика министра графа Понятовского, что он был тогда в Гданьске, когда фельдмаршал граф Миних во владение императрицы Анны Иоанновны взял город сей приступом. Граф Миних имел тогда повеление взять его под караул. Услышавши о сем, граф Понятовский сам пришел к нему: побыл с ним полчаса. Фельдмаршал отпустил его с учтивостью и не коснулся до его свободы. Как граф Ржеутский и нынешний Его Величество король Польский спросили старика графа Понятовского: “Что ж за причина, что он не задержал вас по повелению?” То на сие отвечивал им министр: “Я тогда говорил ему то, чего он никому не перескажет, и он говорил мне то, чего я никогда никому не перескажу”» [14, с. 51].

Услышанные от Панина и воспроизведенные в «Записках...» Порошина анекдоты встраиваются в общий контекст воспитания: все, что происходит вокруг наследника (разговоры, встречи, обучение и пр.), осмысливается автором как неотъемлемая часть воспитательного процесса и становится основой повествования.

Идея воспитания просвещенного государя сказывается в отборе фактов, интерпретации описываемых ситуаций повседневной жизни во дворце. Замысел Порошина написать впоследствии «настоящую историю» Павла Петровича обуславливает то, что по отношению к своему воспитаннику он очень внимателен. Наблюдая за Павлом в повседневной жизни и во время «обыкновенного ученья», Порошин подмечает многое: кому симпатизирует Павел Петрович, кто из окружения ему неприятен, какие вопросы/предметы особенно интересуют, в связи с чем возникают перепады настроения, каков наследник в общении с другими и т. п.

Ведя свои «Записки...» в форме дневника, Порошин старается показать среду, в которой воспитывается Павел, и очевидно выделяет для этого самые примечательные разговоры/события/слова/поступки будущего императора.

Таким образом, специфика общей структуры повествования в «Записках...» Порошина обусловлена наличием двой-

ного фокуса, совмещающего синхронное фиксирование происходящего и последовательное раскрытие концепции правильного воспитания будущего монарха. На фоне плавного течения дней с описанием пробуждения наследника, его занятий в течение дня, бесед за столом во время чая или обеда и т. п. часто выделяются достаточно яркие эпизоды, иллюстрирующие ум и нрав будущего императора. Одни из них по своей структуре и содержанию соответствуют историко-биографическому анекдоту, другие представляют собой классическую апофтегму: «Окончив урок исторический, переводил русские ведомости на французский язык. Читая оные ведомости прежде вслух изволил два раза чихнуть, и сказать после: “Два раза я чихнул, и все на запятых, что-то будет как дойду до точки”» [14, с. 66]; «Рассматривая генеральную карту Российской Империи, сказать изволил: “Эдакая землище, что сидючи на стуле всего на карте и видеть нельзя, надобно вставать, чтоб оба конца высмотреть”» [14, с. 115].

То, какие именно эпизоды в «Записках» Порошина оформляются им как историко-биографические анекдоты-апофтегмы, зависит от ролей, в которых он видит себя и своего героя. Порошин, как уже отмечалось выше, находится в двойственном положении, совмещая роль учителя и наставника с ролью подданного. Павел Петрович для него одновременно десятилетний ребенок и ученик, которого он воспитывает, и государь, которому он должен подчиняться. Анекдотические эпизоды, соответственно, распределяются на две группы: те, в которых акцент сделан на смысленности, остром уме и добром от природы нраве Павла, и те, в которых он предстает не по годам мудрым наследником престола.

Оформление в записках Порошина некоторых эпизодов из жизни и обучения Павла Петровича в виде анекдотов-апофтегм имеет определенный беллетристический потенциал, заключающийся, прежде всего, в том, что в центре внимания автора (и читателя) оказывается не столько сама система обучения и воспитания (что, безусловно, крайне важно в общей концепции дневника), сколько формирующийся характер будущего правителя и те факторы, «которые влияют на его формирование и развитие, включая сферу частной жизни и быта» [11, с. 39]. Конечно, эти эпизоды не разворачиваются в самосто-

тельные сюжеты, но они становятся частью общего сюжета «Записок...» Порошина – сюжета о воспитании монарха.

Представляется, что у подобных эпизодов есть и еще одна немаловажная функция в контексте этого нетипичного дневника – создание определенной эмоциональной ауры. В отношениях учитель-ученик, равно как и государь-подданный, в «Записках» Порошина важное место занимает трогательное чувство симпатии, уважения и доверия между учителем и его учеником. Бахарева и Семенов справедливо указывают, что Порошин не все помещает на страницы своего дневника, он «остаётся верным хранителем тайн своего юного друга, доверяющего ему свои личные переживания, сокровенные мысли» [1, с. 7]. Типичная для жанра дневника интимность переживания присутствует и в «Записках...» Порошина, но распространяется не только на автора, как основного носителя переживания, но и на героя повествования: «С некоторого времени примечаю я, что Его Высочество начал становиться слишком резов и несколько своенравен. Ведаю тому причину; да пусть я только один ее ведаю» [14, с. 258].

Обсуждения и выводы

Для понимания уникальности «Записок...» Порошина, в том числе и жанровой, важно, что эти «повседневные записи» велись им не для себя: это был текст, который изначально задумывался как публичный. Однако то, что их первая сокращенная публикация состоялась в 1810 г., заставило В. П. Степанова отметить, что «Записки...» «оказались вне процесса развития мемуарной литературы XVIII в., оставаясь примечательным образцом раннего повествовательного стиля» [19, с. 479]. Исследователь также указывает, что с рукописи Порошина после смерти Екатерины II распространились списки. Однако такое положение вещей не отменяет того факта, что «Записки...» Порошина в полной мере отразили ключевые тенденции развития русской мемуаристики второй половины XVIII – начала XIX века. Это дневник, но дневник необычный. Можно говорить о целостности повествования и элементах его беллетризации путем включения пересказываемых анекдотов (например, о Петре I) или оформления отдельных эпизодов ежедневной истории

воспитания Павла Петровича в виде анекдотов-апофтегм. Важно, что в случае с записками Порошина анекдот создается здесь и сейчас, он буквально вырастает из «пены дней». Но, в отличие от, например, автобиографических произведений Г. Р. Державина или М. В. Данилова, в данном случае анекдот является не способом презентации себя или истории своего рода. Модель историко-биографического анекдота и апофтегмы задействуется в ее классической функции – рассказ о правителе, позволяя Порошину запечатлеть своего героя «отчетливыми штрихами» [13, с. 241].

«Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества ... Павла Петровича» С. А. Порошина, являясь по своей природе дневниковыми записями, тяготеют к мемуарам как таковым: череда записанных эпизодов, в конце концов, выстраивается в единый кумулятивный сюжет, главным героем которого является юный Павел Петрович. Сам же Порошин предстает в своем дневнике не только как свидетель описываемых ситуаций, но как всезнающий и рефлексирующий о возможных причинах и последствиях увиденного и услышанного автор.

Список литературы

1. Бахарева Н. Ю., Семенов В. А. Глас истинного долга и усердия // Порошин С. А. Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. – М.: Кучково поле, 2015. – С. 5–13.
2. Билински М. Я. Русская проза XVIII века: Документальные жанры. Повесть. Роман. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. – 104 с.
3. Бугров К. Д. «Дискурс Монтезкье»: роль интеллектуальных заимствований в политических проектах Н. И. Панина // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 66. – № 4. – С. 32–43.
4. Бугров К. Д. «Дело Волынского» в политическом контексте начала 60-х гг. XVIII в.: Н. И. Панин и Екатерина II // Наука и современность. – 2010. – № 1–1. – С. 114–118.
5. Готовцева А. Г. «Достойнейшее упражнение ученого человека»: литературные переводы в первом русском журнале // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2018. – Т. 23. – № 4. – С. 466–476.
6. Дудникова О. Г. Воспитание и образование царских детей: эволюция системы. Вторая половина XVIII – первая половина XIX века // Аксиологические проблемы педагогики: сборник научных трудов. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2014. – С. 55–63.
7. Западав А. В. Опасный дневник. Историческая повесть. – М.: Советский писатель, 1974. – 360 с.
8. Зорин А. Л. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 568 с.
9. Конькова О. Ю. Личность императора Павла I в оценках французских и русских мемуаристов // Вестник РУДН. Серия: История России. – 2015. – № 2. – С. 104–108.

10. Лелина Е. И. Формирование системы обучения и воспитания наследников престола в императорской России // Альманах современной науки и образования. – 2016. – № 6 (108). – С. 54–59.
11. Никанорова Е. К. Исторический анекдот в русской литературе XVIII века: Анекдоты о Петре Великом. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – 468 с.
12. Никанорова Е. К. Мотив неузнанного императора в его сюжетных и текстовых модификациях (на материале исторических анекдотов XVIII – первой половины XIX веков // Сибирский филологический журнал. – 2009. – № 1. – С. 36–47.
13. Песков А. М. Павел I. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 442 с.
14. Порошин С. А. Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. – М.: Кучково поле, 2015. – 592 с.
15. Проскурина В. Ю. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 328 с.
16. Сергеев В. И. Павел I. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 512 с.
17. Скопцова Е. А. Куртаги как одна из форм светского придворного общения в России XVIII в. // Вестник Мордовского университета. – 2013. – № 3. – С. 58–63.
18. Скоробогатов А. В., Макарова Н. И. «Прадеду правнук»: образ Петра I в философии власти императора Павла I // Вестник РУДН. Серия: История России. – 2004. – № 3. – С. 18–24.
19. Степанов В. П. Порошин Семен Андреевич // Словарь русских писателей XVIII века. – СПб.: Наука, 1999. – Вып. 2. (К-П). – С. 477–479.
20. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. – М.: Наука, 1991. – 288 с.

Oksana A. Farafonova

Genre Originality of Diary Notes by S. A. Poroshin

The article is devoted to the identification and description of the genre specifics of the diary of the educator and teacher Paul I by S. A. Poroshin, which has the author's title "Notes serving the history of His Imperial Highness the Right-Believing Sovereign Tsarevich and Grand Duke Pavel Petrovich" (1765–1766). The monument of Russian memoirs is analyzed in the context of the main trends in Russian culture and literature of the second half of the 18th century. It is concluded that Poroshin's "Notes..." are at the junction of two leading trends in the development of Russian memoirs in the 18th century, combining the features of memoirs dedicated to a historical person or event, the contemporary of which the author was, and autobiographical motifs. The author's point of view and his concept of educating an enlightened monarch becomes the beginning, uniting discrete daily records about Poroshin's tenure as a "cavalier" under the heir to the throne into a single narrative, which aims to demonstrate the process of becoming a future ruler's personality. Separate episodes line up in a single cumulative plot, the main character of which is young Pavel Petrovich. Poroshin himself appears in his diary not only as a witness to the situations described, but as an omniscient and reflective author about the possible causes and consequences of what he saw and heard.

Key words: S. A. Poroshin, diary, memoirs, historical and biographical anecdote, apophtegma.

For citation: Farafonova, O. A. (2023) Zhanrovoe svoebrazie dnevnikovyh zapisok S. A. Poroshina [Genre Originality of Diary Notes by S. A. Poroshin]. *Art Logos – The Art of the World*. No. 4. Pp. 10–27. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_4_10. EDN: DCJYDZ

References

1. Bahareva, N. U., Semenov, V. A. (2015) Glas istinnogo dolga i userdiya [The voice of true duty and diligence]. Poroshin S. A. *Zapiski, sluzhashchie k istorii Ego Imperatorskogo Vysochestva blagovernogo gosudarya cesarevicha i velikogo knyazya Pavla Petrovicha* [Poroshin S. A. Notes serving the history of His Imperial Highness the right-believing sovereign Tsarevich and Grand Duke Pavel Petrovich]. Moscow: Kuchkovo pole Publ. Pp. 5–13. (In Russian).
2. Bilinkis, M. Y. (1995) *Russkaya proza XVIII veka: Dokumental'nye zhanry. Povest'. Roman* [Russian prose of the 18th century: Documentary genres. Tale. Novel]. St. Petersburg: SPbGU Publ. (In Russian).
3. Bugrov, K. D. (2009) «Diskurs Montesk'e»: rol' intellektual'nyh zaimstvovaniy v politicheskikh proektakh N. I. Panina [«Discourse of Montesquieu»: the role of intellectual borrowings in the political projects of N. I. Panin]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki – News of the Ural State University. Series 2: Humanities*. Vol. 66. No. 4. Pp. 32–43. (In Russian).
4. Bugrov, K. D. (2010) «Delo Volynskogo» v politicheskom kontekste nachala 60-h gg. XVIII v.: N. I. Panin i Ekaterina II [«The case of Volynsky» in the political context of the early 60s. 18th century: N. I. Panin and Catherine II]. *Nauka i sovremennost' – Science and modernity*. No. 1–1. Pp. 114–118. (In Russian).
5. Gotovtseva, O. G. (2018) «Dostojnejshhee uprazhnenie uchenogo cheloveka»: literaturnye perevody v pervom russkom zhurnale [«The worthy exercise of a learned person»: literary translations in the first Russian journal]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika – Bulletin of RUDN University. Series: Literary criticism. Journalism*. Vol. 23. No. 4. Pp. 466–476. (In Russian).
6. Dudnikova, O. G. (2014) Vospitanie i obrazovanie carskikh detej: evolyuciya sistemy. Vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX veka [The upbringing and education of royal children: the evolution of the system. Second half of the 18th – first half of the 19th century]. *Aksiologicheskie problemy pedagogiki: sbornik nauchnykh trudov* [Axiological problems of pedagogy: a collection of scientific papers]. Smolensk: SmolGU Publ. Pp. 55–63. (In Russian).
7. Zapadov, A. V. (1974) *Opasnyj dnevnik* [Dangerous Diary]. Moscow: Sovetskij pisatel' Publ. (In Russian).
8. Zorin, A. L. (2016) *Poyavleniye geroya: Iz istorii russkoy emotsional'noy kul'tury kontsa XVIII – nachala XIX veka* [The emergence of a hero: from the history of russian emotional culture of the late 18th – early 19th centuries]. Moscow: New literature Observer Publ. (In Russian).
9. Konkova, O. U. (2015) Lichnost' imperatora Pavla I v ocenках francuzskikh i russkikh memuaristov [The personality of Emperor Paul I in the estimates of French and Russian memoirists]. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii – Bulletin of RUDN University. Series: History of Russia*. No. 2. Pp. 104–108. (In Russian).
10. Lelina, L. I. (2016) Formirovanie sistemy bucheniya i vospitaniya naslednikov prestola v imperatorskoj Rossii [Formation of the system of education and upbringing of the heirs to the throne in Imperial Russia]. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya – Almanac of modern science and education*. No. 6 (108). Pp. 54–59. (In Russian).
11. Nikanorova, E. K. (2001) *Istoricheskiy anekdot v russkoj literature XVIII veka: Anekdoty o Petre Velikom* [Historical anecdote in Russian literature of the 18th century: Anecdotes about Peter the Great]. Novosibirsk: Sibirskij khronograf Publ. (In Russian).
12. Nikanorova, E. K. (2009) Motiv neuznannogo imperatora v ego syuzhetnyh i tekstovyh modifikacijah (na materiale istoricheskikh anekdotov XVIII – pervoj poloviny XIX vekov [The motive of the unrecognized Emperor in its plot and text modifications (on the material of historical anecdotes of the 18th – first half of the 19th centuries)]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal – Siberian Philological Journal*. No. 1. Pp. 36–47. (In Russian).
13. Peskov, A. M. (2003) *Pavel I* [Paul I]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ. (In Russian).
14. Poroshin, S. A. (2015) *Zapiski, sluzhashchie k istorii Ego Imperatorskogo Vysochestva blagovernogo gosudarya cesarevicha i velikogo knyazya Pavla Petrovicha* [Notes for the history of His Imperial Highness the blessed overreign tsarevich and grand duke Pavel Petrovich]. Moscow: Kuchkovo pole Publ. (In Russian).

15. Proskurina, V. U. (2006) *Mify imperii: Literatura i vlast' v epohu Ekateriny II* [Myths of empire: Literature and power in the era of Catherine II]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian).

16. Sergeev, V. I. (1999) *Pavel I* [Paul I]. Rostov-on-Don: Fenix Publ. (In Russian).

17. Skoptsova, E. A. (2013) Kurtagi kak odna iz form svetskogo pridvornogo obshcheniya v Rossii XVIII v. [Kurtagi as one of the forms of secular court communication in Russia in the 18th century]. *Vestnik Mordovskogo universiteta – Bulletin of the Mordovian University*. No. 3. Pp. 18–24. (In Russian).

18. Skorobogatov, A. V., Makarova, N. I. (2004) «Pradedu pravnu»: obraz Petra I v filosofii vlasti imperatora Pavla I [«Great-grandfather's great-grandson»: the image of Peter I in the philosophy of power of Emperor Paul I]. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii – Bulletin of RUDN University. Series: History of Russia*. No. 3. Pp. 18–24. (In Russian).

19. Stepanov, V. P. (1999) Poroshin Semen Andreevich [Poroshin Semyon Andreevich] *Slovar' russkikh pisatelej XVIII veka. Vyp. 2. (K–P)* [Dictionary of Russian writers of the XVIII century. Issue. 2. (K–P)]. St. Petersburg: Nauka Publ. Pp. 477–479. (In Russian).

20. Tartkovsky, A. G. (1991) *Russkaya memuaristika XVIII – pervoj poloviny XIX v.* [Russian memoirs of the 18th – first half of the 19th centuries]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Об авторе

Фарафонова Оксана Анатольевна, доцент Новосибирского государственного педагогического университета кандидат филологических наук, доцент (г. Новосибирск, Российская Федерация); e-mail: oxana.faroks@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-4205-6793

About the author

Oksana A. Farafonova, Associate Professor, Novosibirsk State Pedagogical University, PhD in Philology (Novosibirsk, Russian Federation); e-mail: oxana.faroks@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-4205-6793

дата получения: 30.07.2023 г.
дата принятия: 30.09.2023 г.
дата публикации: 30.12.2023 г.

date of receiving: 30 July 2023
date of acceptance: 30 September 2023
date of publication: 30 December 2023

Т. В. Мальцева, Ю. А. Скиба

Матримониальные конфликты в «Семейной хронике» С. Т. Аксакова

Материалом статьи является художественная рефлексия уникальной личной практики «сестроительства» рода Аксаковых, отраженная в «Семейной хронике» С. Т. Аксакова. В рамках семейной темы как ведущей в русской романистике и семейной мемуарной прозе XIX века проанализированы описанные С. Т. Аксаковым роли героев в матримониальных коллизиях, где сталкиваются такие факторы, как любовь, неравенство, власть. В матримониальном планировании происходит конфликт между интересами рода и семьи, который разрешается различно. Проанализирован матримониальный конфликт брачного союза представителей родов Багровых и Зубиных, следствием которого является изменение функциональных ролей сторон этого союза в семье. Охарактеризовано, как герои матримониальной коллизии понимают природу любви и пытаются отстоять ее вопреки традиции рода и патриархальным семейным ролям. Выявлено соотношение патриархальных ролей в семье и гендерологические характеристики исполнителей этих ролей, конфликты интересов рода и семьи, являющиеся причиной семейной конкуренции, в результате чего не только проявляются фамильные свойства характеров, но и формируются новые.

Ключевые слова: С. Т. Аксаков, «Семейная хроника», матримониальные коллизии, гендерные роли, семья, род.

Для цитирования: Мальцева Т. В., Скиба Ю. А. Матримониальные конфликты в «Семейной хронике» С. Т. Аксакова // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 4. – С. 28–42. DOI: 10.35231/25419803_2023_4_28. EDN: DFKDVX

«Русский роман говорит преимущественно о семье, о человеке в семье, о человеке, утратившем связи с семейным кругом. Многообразие семейно-родственных отношений, различные стороны семейной жизни, все ее коллизии охвачены романом...» [5; с. 7–8]. Это утверждение В. А. Котельникова о семейной теме как ведущей в русской романистике справедливо и по отношению к семейной мемуарной прозе. Особое место в ее ряду занимает «Семейная хроника» С. Т. Аксакова. О роли семьи в жизни человека и об-

щества писал сын Аксакова Иван Сергеевич: «Кажется нам, история умственного и общественного развития в России едва ли может быть вполне понята без частной истории семей, без оценки той системы участия, <...> которое в нашей личной и общественной судьбе приходится на долю семье и быту, – непосредственному действию предания и обычая» [1; с. 19–20].

Уникальная практика «семьестроительства» рода Аксаковых и ее отражение в семейных автодокументах – мемуарах, записных книжках, переписке, а также беллетристической и художественной прозе выдающегося представителя рода Сергея Тимофеевича Аксакова является объектом пристального интереса литературоведов. Так, роль рода Аксаковых в русской культуре и художественная рефлексия аксаковской «мысли семейной» осмыслена в монографиях С. И. Машинского [14], Ю. В. Манна [13], Е. И. Анненковой [3], монографии [11] и статьях В. А. Кошелева [8–10], а также А. А. Чуркина [18], Л. Н. Савиной [17] и др. Литургические мотивы «семьестроительства» в мемуарной прозе Аксакова анализирует Г. В. Мосалева [16]. Исследователь выявляет как реальные – исторические, социальные, культурологические – характеристики семьи и семейных ролей, так и сакральные, инобытийные. Основам формирования собственной аксаковской семьи и воспитания детей, отраженным в хронике, посвящены многочисленные диссертационные исследования: О. С. Тарасенко¹ и Т. В. Пустошкина рассматривают семейную трилогию С. Т. Аксакова как часть концептуального основания русского национального мифа «о золотом счастливом детстве»²; Н. И. Романова, анализируя тематический контекст повести Л. Н. Толстого «Детство», справедливо утверждает, что в «Семейной хронике» Аксакова «первостепенное значение отводится семье, в которой гармонично сочетаются образованность, нравственная сила и высота духовных устремлений»³; А. А. Чуркин, анализируя «романизированные методы» отбора элементов содержания «Семейной хроники», представляет некоторые матримониальные сюжеты мемуаров преце-

¹ Тарасенко О. С. С. Т. Аксаков и М. А. Осоргин: типология творческих индивидуальностей: дис. ... канд. филол. наук. Бирск, 2011. 247 с.

² Пустошкина Т. В. Мифология детства в русской прозе 20–40-х гг. XIX века, ее своеобразии и развитии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. С. 9.

³ Романова Н. И. Повесть Л. Н. Толстого «Детство» в контексте русских художественно-автобиографических повестей середины XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. С. 14.

дентами готического романа, считая, что, обращаясь к этой традиции, «мемуарист получил широкую свободу в выборе художественных средств»¹; мифопоэтическое начало в описании семейных отношений в семье Аксаковых анализирует В. Е. Угрюмов², тему домостроительства, роль жены и матери в семье, поэтику и семантику мужских и женских образов в хронике Аксакова исследует Н. А. Колодина³ и т. д.

С понятием «семья» у Аксакова противоречиво связано близкое ему понятие «род», которое имеет важные смысловые оттенки и через них – прямое отношение к природе (породе) человека и к родственникам. Что касается Аксакова, то справедливо замечено: «Мотивы, основанные на идее родства, не просто играют существенную роль в композиции “Семейной хроники”, своим присутствием они пронизывают все семантически значимые уровни текста»⁴.

Судьба фамильного рода может быть обусловлена гендерологически, так как прямыми продолжателями рода Степан Багров считает только сыновей, а «...дочерей считал он ни за что. “Что в них проку! ведь они глядят не в дом, а из дому. Сегодня Багровы, а завтра Шлыгины, Малыгины, Поповы, Колпаковы. Одна моя надежда – Алексей...” – сказал на прощанье мой дедушка и отправился за Волгу» [2, с. 76; курсив здесь и далее в цитатах наш. – Т. М., Ю. С.]. Таким образом, интересам продолжения фамильного рода могут противоречить женские инстинкты к образованию новых – своих – семей (казалось бы, вполне законные для человеческой природы). В этом мы видим противоречие связи между понятиями «род» и «семья».

Дифференцированное отношение к детям разного пола является не случайной прихотью главы рода, но принципиальной установкой. Потому оно распространилось позднее и на внуков. Первой в браке Алексея Багрова родилась девочка – внучка Степана Багрова, но прожила недолго: «Степан Михайлыч принял известие о смерти внучки весьма равнодушно, даже сказал: “Вот есть об чем убиваться, об девчонке, этого добра еще будет!” Но когда вслед за первым известием

¹ Чуркин А. А. Мемуарно-автобиографическая проза С. Т. Аксакова: проблемы поэтики: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. С. 13.

² Угрюмов В. Е. Стиль прозы С. Т. Аксакова: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 176 с.

³ Колодина Н. А. Проза С. Т. Аксакова: Контекст и поэтика: дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2003. 214 с.

⁴ Чуркин А. А. Мемуарно-автобиографическая проза С. Т. Аксакова: проблемы поэтики: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. С. 109.

было получено другое, что здоровье Софьи Николаовны находится в опасности, – старик сильно перетревожился» [2, с. 265], но продолжал надеяться, что невестка еще подарит ему внука (и надежда впоследствии оправдалась).

Сам Степан Багров изначально женился не по любви на «небогатой девице, также из старинного дворянского дома. <...> Он не женился на одной весьма богатой и прекрасной невесте, которая ему очень нравилась, единственно потому, что прадедушка ее был не дворянин» [2; с. 77–78]. Так что интересы продолжения фамильного рода могут выступать даже против эмоциональных предпочтений, интимных наклонностей и более того – преодолевать их. Подобные приоритеты Степан Багров будет навязывать и своему сыну как продолжателю рода. Значит, в аксиологическом измерении ценности фамильного рода могут оказываться по значимости выше ценностей семьи или даже любви.

Материалы и методы

Материалом исследования является мемуарно-автобиографическая проза С. Т. Аксакова «Семейная хроника». Предмет анализа – матримониальные коллизии планируемого брачного союза представителей родов Багровых (Алексей) и Зубиных (Софья), следствием которых является определение функциональных ролей сторон этого союза в семье. Описываемые Аксаковым семейные отношения относятся еще к XVIII веку, но работа писателя по составлению «Семейной хроники» началась в 1840-е годы, поэтому они рассматриваются в общественном и литературном контексте, связанном с дискуссией 1840–1860-х гг. о кризисе патриархальной семьи [4]. О необходимости выработки новых этических оснований брака и семьи, о равноправии в браке писал М. Л. Михайлов: «Вопрос о положении и об организации семейства есть один из самых насущных вопросов нашего времени. Только от его разрешения зависят твердые и правильные успехи цивилизации» [15, с. 163]. Мы рассматриваем матримониальную коллизию с точки зрения конфликта патриархальных ролей в семье и гендерологические характеристики членов семейного союза, конфликты интересов рода и семьи, являющиеся причиной семейной конкуренции, изменяющей природные фамильные свойства характеров героев.

Результаты

В «Семейной хронике» развернуты разные варианты семейной конкуренции – как внешние (между семьями по родovitости, богатству и проч.), так и внутри семьи (власть семейной роли и власть любви). На первом плане выступают семьи Багровых и Зубиных. Планируемая свадьба Алексея и Софьи образует новое семейное звено и намечает перспективу (затем реализованную с рождением сына Сережи) продолжения рода Багровых. При сравнении этих семей безусловно значимыми оказываются факторы социального, имущественного и культурного неравенства родов. По двум первым Багровы в неявной конкуренции выигрывают у Зубиных, а по культурному развитию явно проигрывают им. Про Степана Багрова, например, узнаем, что «при общем невежестве тогдашних помещиков и он не получил никакого образования, русскую грамоту знал плохо», в заслугу себе ставил лишь то, что выучился «первым правилам арифметики и выкладке на счетах» [2, с. 76]. Между тем, Николай Зубин в губернской Уфе был «товарищ наместника коллежский советник» [2, с. 140]. Должность по тем временам неординарная, значит, уровень образования у занимающего эту должность должен быть достаточно высокий.

Два главы семейства – Степан Багров и Николай Зубин – различаются и в гендерологическом отношении. Первый из них – несомненный носитель мускулинности [5], что отражено в его портрете, во властных инстинктах и в поведении. У второго, напротив, наблюдаются признаки женственного безволия. Например, во втором браке Николай явный «подкаблучник» и не способен защитить свою любимицу-дочь от своеволия мачехи: «...не видел дочери по целым месяцам и, когда встречал одетую чуть не в рубище, – отворачивался, вздыхал, плакал потихоньку и спешил удалиться» [2, с. 141].

Дети, как свидетельствует Аксаков, не всегда напрямую наследуют природные свойства родителей. Но в культурном отношении Софья Зубина даже превзошла своего отца. Она с юности активно занималась самообразованием, выучилась читать и говорить по-французски. Внимание к семейной конкуренции обостряется с намечающимся браком между Алексеем Багровым и Софьей Зубиной. Все потенциальные

как сторонники, так и противники образования новой семьи (притом из разных «лагерей») приводили доводы, касающиеся многоаспектного неравенства между возможными супругами. Даже те, кто сочувствовал и содействовал союзу Алексея и Софьи с нейтральных позиций, указывали на факторы неравенства. Например, дальняя родственница Багровых характеризовала жениха и невесту как *неровню* с разных точек зрения: «...она преумная, прегордая, превоспитанная. <...> Ты, конечно, красавчик, старинного дворянского рода, <...> со временем будешь и богат <...>; но ты человек не ошлифованный, деревенский, ничему не ученый, и больно уж смирен в публике...» [2, с. 146]. Алексей удивляется ее сомнениям по поводу согласия своих родителей на этот брак: «...разве есть какой-нибудь порок в Софье Николавне?» – «Пребольшой, – отвечала умная старуха. – Она бедна, у нее ровно нет ничего, а ее дедушка был простой урядник в казачьем Уральском войске» [2, с. 147]. Тем более в самом семействе Багровых должны были изначально в штыки воспринять возможный брак Алексея с Софьей, особенно его сестры. На первый взгляд, фигурируют все те же факторы социального и имущественного неравенства: «...вот какое мнение составилось о Софье Николавне. Во-первых, Зубиха (так называли ее сестры и мать Алексея Степаныча в своих тайных заседаниях) – низкого рода; дедушка у ней был уральский казак, по прозванью Зуб, а мать <...> – из купеческого звания. Следовательно, низко было породниться с ней старинному дворянскому дому. Во-вторых, Зубиха – нищая: как умрет отец или отставят его от должности, то пойдет по миру, а потому и братцев, и сестриц своих навяжет на шею мужу. В-третьих, Зубиха – *гордячка, модница* <...>; следовательно, на них, на деревенских жителей, – даром что они старинные столбовые дворяне, – и плюнуть не захочет. Наконец, в-четвертых, Зубиха – колдунья, которая корнями приворачивает к себе всех мужчин, бегающих за ней высуня язык, и в том числе приворотила бедного братца их» [2; с. 148–149].

Иначе говоря, после двух первых, очевидных (и как бы резонных), доводов вступают в силу третий и четвертый – и в них проглядывают эгоизм и ревность. Если Софья «гордячка» и «модница», то значит, ей есть чем гордиться перед «деревенскими жителями» (в том числе и перед женихом).

Невольно признается (в-третьих) более высокий общекультурный уровень невестки. И что еще важнее (в-четвертых) – в основе планируемой семьи угадывается любовь, чего лишены сестры Багровы. А любовь является очень важной ценностью в аксиологическом девичьем мире.

Обратим внимание, что семьи Багровых и Зубиных складывались по велению принципиально разных инстинктов. Как уже сказано, Степан Багров в свое время подавил сердечную склонность и выбрал жену по *родовитости*. А Николай Зубин был женат дважды, и оба раза – *по любви*. Когда он волею обстоятельств овдовел, «у него осталось трое детей: дочь Сонечка, двенадцати лет, и два малолетних сына. Отец любил свою Сонечку страстно, да и как было не любить такую красавицу и умницу <...>. Года через полтора после смерти первой жены, *горячо им любимой*», он «влюбился <...> и вскоре женился» [2, с. 140].

И вот в новом поколении обеих семей их представители во многом изменяют семейным природным свойствам. Во-первых, они уже не похожи на своих отцов: натерпевшаяся от мачехи Софья начинает доминировать над безвольным отцом; почитание отца избалованным Алексеем держится не на уважении, а на страхе. А в самом сыне проявляется то, что чуждо Багрову-старшему, – изнеженность, мягкосердечие. В перспективе обсуждаемой свадьбы меняются даже полюса намерений: в Алексее регулярно подчеркивается его «безумная любовь», а Софья, напротив, неоднократно признается (в том числе, будущему мужу) в отсутствии подобных ответных чувств.

Матримониальные сложности, описанные Аксаковым, предвосхищают гончаровский и толстовский варианты матримониальных коллизий и вариант Достоевского. Гончаров в своем романе покажет многоаспектное неравенство Ольги Ильинской и Ильи Обломова, препятствующее их любовному и семейному союзу. Толстой опишет нечто подобное в «Войне и мире» (Андрей Болконский и Наташа Ростова). Наконец, у Достоевского в повести «Кроткая» будет показано закономерное разрушение семейного союза героев под влиянием неравенства другого рода, в более сложном варианте [12].

Что касается препятствий к союзу Алексея и Софьи в хронике Аксакова, здесь важную роль сыграли позиции их от-

цов. С одной стороны, оба отца указывают на знакомый фактор неравенства, и всякий раз оно понимается в пользу девушки. Софья и образованнее, и бойчее, и умнее Алексея. Это признаёт даже Степан Багров и считает, что она «будет командирша над мужем». А с патриархальных позиций это неприемлемо для семейных отношений (так повелось со времен Гесиода, закреплено в русском Домострое и архетипически сказывается в инстинктах Багрова-старшего). Помехой является и влюбленность Алексея. Это противоречит и личному опыту Степана Багрова.

С другой стороны, у Зубина-старшего опыт был во многом противоположный: семейные союзы он дважды заключал *по любви*. Однако последствия второго брака Николая Федоровича были далеко не благими. Он свёл любимых жену и дочь в положение *мачехи* и *падчерицы*. Их разлад оказался непреодолимым и привел к драматичным последствиям. Новообразованная семья Зубиных начинала разваливаться. Этот процесс завершился, по воле судьбы, смертью мачехи (она умерла вскоре после родов): «Боже мой, как *смерть перевернула все вверх дном!* <...> Раскаянье долго терзало больного старика, долго лились у него слезы и день и ночь, и долго повторял он только одни слова: “Нет, Сонечка, ты не можешь меня простить!”» [2, с. 143].

Таким образом, к моменту объяснений с детьми по поводу их решения вступить в брак отцы были в очень разных положениях. Страстно желавший продолжения рода Степан Багров был в «сильной позиции»: он отговаривает баловня-сына с полным правом и здравыми доводами, на которые нечего возразить. Николай Зубин, в свою очередь, приводит подобные же доводы против брака, но позиция его уязвима. Во-первых, в нем живет неизбывная вина перед дочерью, и он давно потерял моральное право решать ее судьбу. Во-вторых, сам же он (впрочем, как и Багров-старший) признает в Софье сильную и самостоятельную натуру: «Николай Федорыч проследил за ней и сказал: “Друг мой, умница моя Сонечка! делай, что тебе угодно: я на все согласен”» [2, с. 168]. В перспективе новой семье ей уготовлена уж никак не подчиненная роль.

Перелом в решениях отцов (в сторону согласия на брак их детей) произошел по разным и также примечательным мо-

тивам. Алексей преодолевает запрет отца – отчаянием и готовностью на самоубийство (то есть фактически – своей слабостью). Софья демонстрирует во многом обратный вариант (такое сегодня принято называть *мягкой силой*): она гасит сомнения слабовольного отца собственной решимостью влиять на будущего мужа и постепенно изживать культурное неравенство между ним и собою. Она видит плюсы даже в том, в чем отец – минусы, и воспринимает неравенство как вызов для себя: «Батюшка! <...> я надеюсь, с божиею помощью, что чрез год вы не узнаете Алексея Степаныча. Чтение хороших книг, общество умных людей, беспрестанные разговоры со мною вознаградят недостаток воспитания; застенчивость пройдет, и умнее держать себя в свете придет само собою» [2; с. 171–172].

Решимость Алексея на самоубийство, обозначенная далеко не в бунтарском, а в отчаянно-смирненном письме, оказалась вынужденным, однако *сильным ходом* уже потому, что ставила под угрозу генеральную стратегию отца, нацеленную на продолжение рода: «Ведь не позволим, так нам не видать Алексея как ушей своих: или умрет с тоски, или на войну уйдет, или пойдет в монахи – и род Багровых прекратится» [2, с. 156].

Сам мотив власти был замечен в хронике и ранее (власть Степана Михалыча в его семье, власть мачехи Александры в семье Зубиных, власть Михаила Максимовича в семье Куролесовых). Но с момента рассматриваемых предсвадебных «договоренностей» этот мотив преобразуется в постановку полноценной *многоаспектной проблемы*. Многоаспектность сказывается в том, что можно иметь в виду власть мужчины над женщиной (и наоборот). А можно усматривать власть любви в поступках человека (будь то мужчина или женщина). И напротив, возможно властное подавление любовных инстинктов за счет иных, враждебных любви, влияний (например, интересов конкретной семьи или фамильного рода в целом). Проблемность же заключается в том, что исход конфликтного столкновения двух и более выражений «власти» не всегда остается единовременным и окончательным. Возможна ведь изменчивая история конфликта с переменной результатов.

О готовности Софьи к замужеству автор выразился так, что «любовь к власти была тайною причиною ее решимости» [2, с. 167]. Она знает цену женской власти в семье,

потому что извела ее на себе и на примере отца-«подкаблучника». Пока что понаслышке, по рассказам о Степане Багрове, она знает и о мужской семейной власти (а затем узнает и воочию). И фактически совсем она не знает (правда, тоже наслышана, или, вернее, *поначитана*) – о власти любви. Поэтому на любовь слабовольного Алексея она всецело полагаться не хочет. Значит, обеспечивать будущее семейное согласие она должна будет сама, *своею властью*.

То, что Софья плохо знает любовь с ее свойствами, подтверждается ее душевными движениями и надеждами. Например: «Ей представилась пленительная картина постепенного пробуждения и воспитания дикаря, у которого не было недостатка ни в уме, ни в чувствах, погруженных в непробудный сон, который будет еще более любить ее, если это возможно, в благодарность за свое образование» [2, с. 167]. Во-первых, любить за образование – это что-то новое. Здесь возникает еще одна, очередная аллюзия, на этот раз на Чернышевского. Это в его романе «Что делать?» Вера Павловна *ненадолго* влюбляется в Лопухова. Но ни у Аксакова как предшественника Чернышевского, ни у других писателей – например, у Гончарова, Тургенева, Толстого – их героям влюбляться из *благодарности за что-либо* – не суждено (и навверное, слава богу). Во-вторых, любовь принципиально *не дозируется*. Любить всё менее или еще более человек, пожалуй, не способен. А вот Софья продолжает иметь в виду *дозированную* любовь и даже будет распространять это понимание на себя, равняться в этом с влюбленным Алексеем. Почти накануне свадьбы она, натерпевшись от приглашенных посмотреть на нее золовок, прочла жениху гневную нотацию. И, помимо прочего, заметила: «Вы знаете, что я не влюблена в вас, но я начинала любить вас и, конечно, полюбила бы сильнее и постояннее, чем вы» [2, с. 181].

Вот с таким пониманием любви Софья берется поучать жениха: «Нет, Алексей Степаныч, *благородные люди не так любят и не так поступают*. Зная, что меня терпеть не могут ваши родные, <...> вы допустили их говорить вам в глаза оскорбительные мне слова. <...> Я заключаю из всего этого, что любовь ваша *пустое нежничанье*, что на вас нельзя положиться и что нам лучше расстаться теперь, нежели быть

несчастливыми на всю жизнь» [2, с. 181]. То есть неосознанно для себя она допускает логическую ошибку – ставит его любовь (природу которой не понимает) в зависимость от семейной власти (которую понимает очень хорошо). Сама пока что не обретя такой власти, Софья ждет и требует от Алексея как раз того, в отсутствии чего давно убедилась и приняла его таким, каков он есть, – безвольным: «...имеете ли вы довольно твердости, чтобы быть моим защитником против ваших родных и всех, кто вздумал бы оскорблять меня? Можете ли вы заставить ваших сестер не обижать меня?» [2, с. 181].

Далее последовал примечательный поворот, даже скачок, в душевной жизни Алексея, и здесь неожиданно сказалась не предвиденная никем власть любви. Оказалось, что она способна – пусть на время – влиять даже на природу влюбленного человека, менять его. Так произошло и с Алексеем Багровым под угрозой отмены свадьбы и потери любимой: «Как громом пораженный, Алексей Степаныч не вдруг пришел в себя. Наконец, мысль потерять обожаемую Софью Николаевну представилась ему с поразительной ясностью, ужаснула его и вызвала то мужество, ту энергию, к которой бывают способны на короткое время люди самого слабого, самого кроткого нрава. <...> Человек добрый, тихий и терпеливый бывает страшен в гневе» [2; с. 181–182].

Притом любовь, как оказалось, если сильна, то добывает своего, потому что изобретательна. Вот и Алексей, если уж не имеет своей власти над сестрами, то интуитивно апеллирует к чужой, безусловной для всех его домочадцев. Он «сказал между прочим своим сестрам, что “если они осмелятся еще сказать при нем хотя одно оскорбительное слово об его невесте или насчет его самого, то он <...> обо всем напишет к батюшке”. Этого было довольно». Угроза возымела действие. Сестры «поехали к Софье Николаевне, лебезили перед ней и ласкались самым униженным образом. Она очень хорошо поняла, что это значит, и – торжествовала» [2, с. 181].

То есть любовь Алексея побудила его на сильный ход, который мало того что изменил ситуацию, но на время преобразил даже его самого: «Его любовь, <...> несколько запуганная и как будто пристыженная насмешками сестер, – вспыхнула с такую яростью, что в настоящую минуту он был способен

на всякое самоотвержение, на всякий отчаянный поступок, пожалуй – на геройство» [2; с. 181–182].

Обсуждение и выводы

Таковы, на наш взгляд, описанные Аксаковым роли в матримониальных коллизиях таких факторов, как неравенство, власть и любовь. Рассмотрены матримониальные коллизии осуществленных браков и планируемой свадьбы представителей родов Багровых и Зубиных, следствием которой является отрицание патриархального разделения семейных ролей и перераспределение семейных функций в этом союзе.

Описаны две модели семейной стратегии: 1) интересы продолжения *фамильного рода* заставляют следовать патриархальной традиции и преодолевают личное влечение (семья Багрова-старшего); 2) стремление создать свою семью преодолевает традиции *фамильного рода* и приводят к изменению семейных ролей (семья Алексея Багрова и Софьи Николаевны Зубиной). Результат в этом случае возможен различный: изменения в семейных ролях (доминирование жены) могут быть как губительны для семьи (второй брак Николая Зубина), так и созидательны. В создаваемой новой семье обнаруживается сознательно планируемая невестой инициатива «*семейной власти*» жены, которая видит свою роль в семье в том, пробудить и воспитать «дикаря, <...> погруженного в непробудный сон», чтобы влиять на слабовольного мужа и изживать культурное неравенство между ним и собою, «поднять» мужа до своего уровня. Установлено, что героини планируемой матримониальной коллизии иначе понимают природу любви и свои семейные роли, чем в патриархальной семье, и пытаются отстаивать свои чувства вопреки традиции рода. Понимание «*власти любви*» приводит героев к изменениям традиционной модели поведения в семье, сильным поступкам и формированию новых черт характера.

Список литературы

1. Аксаков И. С. Биография Федора Ивановича Тютчева. – М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1886. – 327 с.
2. Аксаков С. Т. Собр. соч. В 4 тт. – М.: ГИХЛ, 1955. – Т. 1. – 492 с.

3. Анненкова Е. И. Аксаковы. – СПб.: Наука, 1998. – 366 с.
4. Бурмистрова С. В. Любовно-семейная проблематика в русской литературе середины XIX века // Вестник ТГПУ. – 2010. – Вып. 8 (98). С. 73–79.
5. Заварницына Н. М. «Идея отца» и образ главы семейства в «Семейной хронике» С. Т. Аксакова // Наследие семьи Аксаковых и проблемы ценностного выбора в современной культуре: материалы Всероссийской научно-практической конф., 14 ноября 2017 г. – Самара: СГИК, 2018. – С. 71–75.
6. Кожин В. В. «Семейная хроника» С. Т. Аксакова // Литература в школе. – 1995. – № 1. – С. 19–25.
7. Котельников В. А. От редактора серии // Анненкова Е. И. Аксаковы. – СПб.: Наука, 1998. (Преданья русского семейства). – С. 4–11.
8. Кошелев В. А. Семейные традиции Аксаковых как феномен русского славянофильства // С. Т. Аксаков и славянская культура. – Уфа: БашГУ, 1991. – С. 60–61.
9. Кошелев В. А. Предания рода и семьи в художественном мире С. Т. Аксакова // Оренбургский край: Архивные документы. Материалы. Исследования. – Оренбург, 2006. – Вып. 3. – С. 131–138.
10. Кошелев В. А. Аксаковы: мифология рода // Вторые Аксаковские чтения: сб. материалов Всероссийской научной конф. 21–24 сент. 2006 г. / под общ. ред. Л. А. Сапченко; Ульяновский гос. ун-т. – Ульяновск, 2006. – С. 17–24.
11. Кошелев В. А. Сто лет семьи Аксаковых. – СПб.: Полиграф, 2019. – 380 с.
12. Макаричева Н. А. Художественная гендерология в творческих исканиях Ф. М. Достоевского. – СПб.: изд-во СПбГЭУ, 2019. – С. 224–238.
13. Манн Ю. В. Семья Аксаковых. Историко-литературный очерк. – М.: Детская литература, 1992. – 399 с.
14. Машинский С. И. С. Т. Аксаков. Жизнь и творчество. – М.: ГИХЛ, 1961. – 344 с.
15. Михайлов М. Л. Парижские письма // Современник. – 1859. – Т. 73. – Февраль. – Отд. 3.
16. Мосалева Г. В. Летопись варяжского рода: Храмовая структура и литургические сюжеты в мемуарно-биографической прозе С. Т. Аксакова // Филологический класс. – 2016. – № 1 (43). – С. 76–82.
17. Савина Л. Н. «Мысль семейная» в автобиографических повестях С. Т. Аксакова // Мировая словесность для детей и о детях. – М., 2006. – Вып. 11. – С. 229–234.
18. Чуркин А. А. Тема и мотивы семьи в «Семейной хронике» С. Т. Аксакова // Русская литература. – 2009. – № 1. – С. 133–145.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50/50 %

Tatiana V. Maltseva, Yulia A. Skiba

Matrimonial Conflicts in "Family Chronicle" by S. T. Aksakov

The material of the article is an artistic reflection of the unique personal practice of "family building" of the Aksakov family. It is reflected in the "Family Chronicle" by S. T. Aksakov. The theme of family is leading in Russian novels and memoir prose of the 19th century. The roles of heroes in matrimonial conflicts where factors such as love, inequality, and power collide are analyzed. In matrimonial planning, there is a conflict between the interests of the clan

and the family. It describes how the patriarchal idea of the role of the wife in the family is changing. The matrimonial conflict of the planned marriage union of the Bagrov and Zubin family is described. The consequence of the conflict is the determination of the functional roles of the parties to this union in the family. It is characterized how the heroes of the matrimonial conflict understand the nature of love and try to defend it contrary to the tradition of the clan. The correlation of patriarchal roles in the family and the genderological characteristics of the performers of these roles have been revealed. The conflict of interests of the clan and family, which is the cause of family competition, is described. As a result of the conflict, not only family characteristics of characters appear, but also new ones are formed.

Key words: S. T. Aksakov, "Family Chronicle", matrimonial conflicts, gender roles, family, clan.

For citation: Maltseva, T. V., Skiba, Yu. A. (2023) Matrimonial'nye konflikty v «Semejnoj hronike» S. T. Aksakova [Matrimonial Conflicts in "Family Chronicle" by S. T. Aksakov]. *Art Logos – The Art of the Word*. No. 4. Pp. 28–42. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_4_28. EDN: DFKDVX

References

1. Aksakov, I. S. (1886) *Biografiya Fedora Ivanovicha Tyutcheva* [Biography of Fyodor Ivanovich Tyutchev]. Moscow: Tipografiya M. G. Volchaninova. (In Russian).
2. Aksakov, S. T. (1955) *Sobr. soch. V 4 tt.* [Collection. op. in 4 vols.]. Vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury Publ. (In Russian).
3. Annenkova, E. I. (1998) *Aksakovy* [Aksakovs]. St. Petersburg: Nauka Publ. (Predan'ya russkogo semejstva). (In Russian).
4. Burmistrova, S. V. (2010) *Lyubovno-semejnyaya problematika v russkoj literature serediny XIX veka* [Love and family issues in Russian literature of the mid-19th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of the TSPU*. Issue 8 (98). Pp. 73–79. (In Russian).
5. Zavarnicyna, N. M. (2018) «Ideya otca» i obraz glavy semejstva v «Semejnoj hronike» S. T. Aksakova [“The Idea of the Father” and the image of the head of the family in S. T. Aksakov's “Family Chronicle”]. *Nasledie sem'i Aksakovyh i problemy cenostnogo vybora v sovremennoj kul'ture: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konf., 14 noyabrya 2017 g.* [Heritage of the Aksakov family and problems of value choice in modern culture: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, November 14, 2017]. Samara: SGIK Publ. Pp. 71–75. (In Russian).
6. Kozhinov, V. V. (1995) *Semejnaya hronika S. T. Aksakova* [Family chronicle of S. T. Aksakova]. *Literatura v shkole – Literature at school*. No. 1. Pp. 19–25. (In Russian).
7. Kotel'nikov, V. A. (1998) *Ot redaktora serii* [From the editor of the series]. Annenkova E. I. *Aksakovy* [Aksakovs]. St. Petersburg: Nauka Publ. Pp. 4–11. (Predan'ya russkogo semejstva). (In Russian).
8. Koshelev, V. A. (1991) *Semejnye tradicii Aksakovyh kak fenomen russkogo slavjanofil'stva* [Family traditions of the Aksakovs as a phenomenon of Russian Slavophilism]. S. T. *Aksakov i slavyanskaya kul'tura* [S. T. Aksakov and Slavic culture]. Ufa: BashGU Publ. Pp. 60–61. (In Russian).
9. Koshelev, V. A. (2006) *Predaniya roda i sem'i v hudozhestvennom mire S. T. Aksakova* [Traditions of clan and family in the artistic world of S. T. Aksakova]. *Orenburgskij kraj: Arhivnye dokumenty. Materialy. Issledovaniya* [Orenburg region: Archival documents. Materials. Research]. Issue 3. Pp. 131–138. Orenburg. (In Russian).
10. Koshelev, V. A. (2006) *Aksakovy: mifologiya roda* [Aksakovs: mythology of the family] *Vtorye Aksakovskie chteniya* [Second Aksakov Readings]. Collection materials of the All-Russian scientific conf. 21–24 Sept. 2006; ed. L. A. Sapchenko; Ulyanovsk State University. Ulyanovsk. Pp. 17–24. (In Russian).
11. Koshelev, V. A. (2019) *Sto let sem'i Aksakovyh* [One hundred years of the Aksakov family]. St. Petersburg: Poligraf Publ. (In Russian).

12. Makaricheva, N. A. (2019) *Hudozhestvennaya genderologiya v tvorcheskikh iskaniyah* F. M. Dostoevskogo [Artistic genderology in the creative quest of F. M. Dostoevsky]. St. Petersburg: SPbGEU Publ. Pp. 224–238. (In Russian).

13. Mann, YU. V. (1992) *Sem'ya Aksakovykh. Istoriko-literaturnyj ocherk* [The Aksakov family. Historical and literary essay]. Moscow: Detskaya literatura Publ. (In Russian).

14. Mashinskij, S. I. (1961) *S. T. Aksakov. ZHizn' i tvorchestvo* [Aksakov. Life and art]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury Publ. (In Russian).

15. Mihajlov, M. L. (1859) *Parizhskie pis'ma* [Paris letters]. *Sovremennik – Contemporary*. Vol. 73. Fevral'. Part 3. (In Russian).

16. Mosaleva, G. V. (2016) *Letopis' varyazhskogo roda: Hramovaya struktura i liturgicheskie syuzhety v memuarно-biograficheskoj proze S. T. Aksakova* [Chronicle of the Varangian family: Temple structure and liturgical subjects in the memoir-biographical prose of S. T. Aksakov]. *Filologicheskij klass – Philological class*. No. 1 (43). Pp. 76–82. (In Russian).

17. Savina, L. N. (2006) «Mysl' semejnyaya» v avtobiograficheskikh povestiyah S. T. Aksakova [“Family Thought” in the autobiographical stories of S. T. Aksakov]. *Mirovaya slovesnost' dlya detej i o detyah* [World literature for children and about children]. Issue 11. Pp. 229–234. (In Russian).

18. Churkin, A. A. (2009) *Tema i motivy sem'i v «Semejnoj hronike» S. T. Aksakova* [The theme and motives of the family in “Family Chronicle” by S. T. Aksakov]. *Russkaya literatura – Russian literature*. No. 1. Pp. 133–145. (In Russian).

Об авторах

Мальцева Татьяна Владимировна, заведующий научно-образовательным центром русского языка и литературы Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: kafalit@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-8432-4314

Скиба Юлия Александровна, аспирант Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: cool_11@mail.ru; ORCID ID: 0009-0003-7760-1082

About the authors

Tatiana V. Maltseva, Head of the Scientific and Educational Center of the Russian Language and Literature, Pushkin Leningrad State University, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: kafalit@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-8432-4314

Yulia A. Skiba, Graduate Student, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: cool_11@mail.ru; ORCID ID: 0009-0003-7760-1082

дата получения: 21.10.2023 г.
дата принятия: 30.11.2023 г.
дата публикации: 30.12.2023 г.

date of receiving: 21 October 2023
date of acceptance: 30 November 2023
date of publication: 30 December 2023

А. Г. Гродецкая

Реалии в «Обломове»: стратегии деисторизации

В статье рассматривается ряд историко-культурных реалий в романе «Обломов» с точки зрения их семантических и функциональных особенностей. Социальный и предметный мир текста выступают самооценными носителями культурной памяти, составляя вместе с тем часть общего сюжетного замысла, единого смыслового целого. Тенденция к широкому обобщению, к универсализации и символизации органична для поэтики Гончарова. В персонажной сфере генерализующая тенденция формирует «символические типы» (А. Ф. Лосев), или сверхтипы, в сфере бытовой и вещной возвышает до уровня символа отдельные детали, предметы, бытовые ситуации. Этой тенденцией определяется и общая стратегия деисторизации повествования, создание условного (ахронного) текстового времени, в котором внешняя и внутренняя датировка теряют актуальность в движении сюжета. Большинство социально-исторических реалий в романах Гончарова даются как явления повторяющиеся, ритуализованные, хронологически не конкретизированные. На внутренних структурных повторах, ритмах и циклах выстраивается и архитектура гончаровского текста. В статье на уровне деталей и микросюжетов демонстрируются разнообразные стратегии, выполняющие функцию деисторизации повествования, включая именование (сигнификация) и не-именование объекта изображения, систему умолчаний в его репрезентации.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, «Обломов», реалии в тексте, научный комментарий, текстовое время, авторские стратегии, символизация, историзация и деисторизация.

Для цитирования: Гродецкая А. Г. Реалии в «Обломове»: стратегии деисторизации // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 4. – С. 43–56. DOI: 10.35231/25419803_2023_4_43. EDN: DPBРЕK

Реалии любого художественного произведения представляют собой многоуровневую совокупность текстовых элементов – биографических, социально-исторических, общекультурных и этнокультурных, бытовых, мифологических, фольклорных, литературных, антропонимических, топографических, лингвистических, – каждый из которых как носитель культурной памяти может рассматриваться как *текст в тексте*. Большинство историко-культурных реалий в про-

изведениях XIX века нуждается в комментарии прежде всего с точки зрения осмысления их конкретно-эмпирической семантики, во многих случаях архаизированной, вышедшей из социального и языкового обихода. «Именно комментарий, – убеждает современный исследователь, – обеспечивает непрерывность традиции: трансляцию и ретрансляцию культуры. <...> Комментарий <...> не просто консервирует имеющиеся знания, но способствует их приращению, исправляя ошибочное и договаривая недосказанное» [17, с. 39].

Внетекстовая реальность, или *текст эпохи*, в тех или иных формах отраженный в произведении, представляет собой «сложное структурное целое», внутри которого человек, по словам Ю. М. Лотмана, «включен в сложную систему норм и правил <...> чинов и служебных градаций, правил поведения, определяющих деятельность человека как дворянина или купца, чиновника или офицера, петербуржца или провинциала...» [11, с. 294]. И еще одно суждение ученого стоит напомнить: «Каждая “вещь” в тексте, каждое лицо и имя, т. е. все, что сопряжено в культурном сознании с определенным значением, таит в себе в свернутом виде спектр возможных сюжетных ходов. На пересечении этих потенциальных возможностей возникает исключительное богатство трансформаций...» [11, с. 329]. Реалии в тексте, таким образом, нуждаются в осмыслении и в аспекте их функциональной семантики: как части единого смыслового целого они одновременно и подчинены общему сюжетному замыслу, и манифестируют, и формируют этот замысел.

Материалы и методы

Второй роман Гончарова на ранних этапах работы имел, как известно, название «Обломовщина», то есть в сознании автора изначально присутствовала «символическая концепция сущности» (А. Ф. Лосев) изображаемого явления. Основные признаки-атрибуты обломовщины в тексте романа приобрели статус и функции знаков (символов), наделенных изоморфными явлению свойствами. Главным атрибутом обломовщины (всесторонне исследованным, хрестоматийным¹) стал халат Ильи Ильича. Вспомним: «Как шел домашний

¹ Обзор см., например: [16, с. 19–34].

костюм Обломова к покойным чертам лица его и к изнеженному телу! На нем был халат из персидской материи, настоящий восточный халат, без малейшего намека на Европу, без кистей, без бархата, без талии, весьма поместительный, так что и Обломов мог дважды завернуться в него» [4, с. 6]. Любопытно, что в первоначальной редакции первой части романа, на той стадии работы, когда центральный персонаж еще сохранял черты эпикуреизма и гедонизма, функцию халата выполнял шлафрок; ср.: «Обломов прежде, бывало, и дома ходил в щегольском костюме. У него была полная коллекция разных модных шлафроков, домашних сюртуков, красивых туфель. Он, нарядившись в красивый парижский шлафрок, любил полежать на шитой подушке на окне и позевать на соседок, но потом мало-помалу отменил эти затеи и завел себе халат, покойный, поместительный, в каком он является в начале романа» [5, с. 97]. В окончательной редакции «парижский шлафрок» заменил «восточный халат, без малейшего намека на Европу». В оппозитивности халата–шлафрока и халата–сюртука реализуется, что не раз было отмечено, одна из фундаментальных оппозиций романа – европейских и азиатских начал, культурно-менталитетных ценностей. Предметный мир романа, согласно интерпретации Ангелики Молнар, «преобразуется в семантический комплекс. <...> Объяснение сущности (без) действия Обломова не может быть рассказано, оно реализуется только через метафорические высказывания» [15, с. 184].

Тенденция к символизации являет себя в прозе Гончарова последовательно и мощно, что очень хорошо чувствовали символисты. Напомним несколько известных констатаций этого явления. Д. С. Мережковский признавал: «Каждый из характеров, созданных Гончаровым, – идеальное обобщение человеческой природы. Скрытая идея поднимает на недостижимую высоту мелкие подробности быта, делает их прекрасными и ценными. <...> Гончаров разлагает ткань жизни до ее первоначальной клетки, но вместе с тем он обладает могучей способностью творческого синтеза...» [13, с. 201]. Яркую характеристику то же явление получило в статье В. В. Чуйко, писавшего о способности писателя «свести к одному окончательному синтезу всю историческую, государственную

и общественную жизнь определенной эпохи». «...Не о типе, не о личности заботился он, а о символизации обобщающих понятий <...> в гончаровском творчестве все-таки поразительнее всего символизм. Благодаря этому символизму индивидуальные черты его фигур мало-помалу сглаживаются, теряют свои очертания и, вместо живой картины, является <...> аллегорическое изображение философских взглядов автора на смысл русской жизни, на характер ее логики...» [23; с. 285, 288–289]. «Не только типы, но и отдельные сцены в романах Гончарова, – отмечал в 1912 году В. Е. Евгеньев-Максимов, – могут быть истолкованы символически» [12; с. 180–181].

Генерализующая тенденция у Гончарова, направленная на широчайшие обобщения, в персонажной сфере формирует «символические типы» [10; с. 129–136], или сверхтипы, в сфере бытовой и вещной – возвышает до уровня символа отдельные детали, предметы, бытовые ситуации.

Результаты

Рассмотрим ряд текстовых элементов, отличных от символов-атрибутов обломовщины. Их семантика и функции зависят, главным образом, от их именованности (*сигнификации*) [21; с. 10–15, 57, 119] с сопутствующей, как правило, тематизацией имени, или, напротив, продуманного *неименования*. Конкретность и точность (именование) историко-культурных реалий служит *историзации* повествования, актуализируя для исследователя проблему текстового времени, и, напротив, намеренная размытость, неконкретность исторических реалий отражает стратегию *деисторизации* и *универсализации* сюжетных событий и ситуаций.

Во временной сфере генерализующий принцип оформляет условное, ахронное или панхронное текстовое время [8]. При этом речь не идет, разумеется, о полной «свободе от истории» гончаровских сюжетов, поскольку «историчность присуща самому бытию» [14, с. 528].

Время в прозе Гончарова Д. С. Лихачев определил как *нравоописательное*. «Типизация, – писал ученый, – связана с указанием на повторяемость происходящего, она требует обыденности и медленности течения времени» [9, с. 301]. Временная модель Д. С. Лихачева соответствовала модели

бытового времени, предложенной М. М. Бахтиным, который, описывая хронотоп провинциального мещанского городка, или «флоберовскую разновидность» хронотопа, и оговариваясь, что «...созданную, правда, не Флобером», ниже уточнял: «Это обыденно-житейское циклическое бытовое время. Оно знакомо нам в разных вариациях и по Гоголю, и по Тургеневу, по Глебу Успенскому, Щедрину, Чехову. Приметы этого времени просты, грубо материальны, крепко срослись с бытовыми локальностями...» [1, с. 396]. Ученый не упомянул в этом ряду Гончарова, поскольку проза последнего в его работе вписана в идиллический хронотоп. Однако бытовое время, описанное Бахтиным, для гончаровской прозы, впитавшей идиллическую топику, также органично. Прочитаем: «Такой городок – место циклического бытового времени. Здесь нет событий, а есть только повторяющиеся “бывания”. Время лишено здесь поступательного исторического хода, оно движется по узким кругам: круг дня, круг недели, месяца, круг всей жизни. <...> Время здесь бессобытийно и потому кажется почти остановившимся. Здесь не происходят ни “встречи”, ни “разлуки”. Это густое, липкое, ползущее в пространстве время <...> часто оно служит контрастирующим фоном для событийных и энергических временных рядов» [1; с. 396–397].

Специфическая темпоральная организация составляет одну из важнейших особенностей гончаровского романа. Для прозы Тургенева, например, как в свое время отметил Л. В. Пумпянский, характерна «непрерывная датировка, внешняя и внутренняя»; повествование у Тургенева «точно приурочено к определенным датам, причем автор тщательно заботится о консистентной связи этих дат на всем протяжении рассказа; дело сводится, следовательно, к точной внутренней хронологии и календарю» (ученый ссылается на пушкинское примечание к «Евгению Онегину»: «Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю») [18, с. 444]. Тургеневский герой вообще «не существует вне его исторической функции» [3, с. 91].

В движении сюжета гончаровского романа «внешняя и внутренняя датировка» не актуальны. Начало сюжетного действия в «Обломове», по наблюдению А. Г. Цейтлина, датируется 1843 годом [22; с. 162–164]: «парад гостей» на квартире Ильи

Ильича происходит в субботу, 1-го мая, каждый из пришедших приглашает его в Екатерингоф, куда ежегодно именно в этот день петербургские жители, следуя сложившейся традиции, отправлялись на городское гулянье. Гулянье в данном случае – элемент устоявшегося, ежегодно повторяющегося городского ритуала, и именно в качестве повторяющегося явления оно включается в сюжет романа. В первых же главах возникает, таким образом, знак зеркальности протекания событий в обломовском и петербургском времени, и это один из характерных симметризмов, органичных для архитектоники гончаровского текста. На более глубоком смысловом уровне это знак сближения противоположностей – покоя Обломовки и *суеты* Петербурга. Как одно, так и другое оказываются равно вписанными в жизненный круговорот. Сближение (и снятие) оппозиции *суеты–покоя* с ее напряженно контрастной, именно на контрасте основанной, дифференцирующей семантикой ведет в итоге к обесмысливанию и того, и другого. Подчеркнем, что ритуальность первомайского гулянья, включенного в циклическую временную модель, сама эмпирическая конкретика данного явления нуждается для современного читателя в комментариях, иначе смысловые внутритекстовые «сцепления» от него ускользают.

Приуроченность к конкретной календарной дате (суббота выпала на 1 мая в 1843 году) важна для комментатора (и читателя), но в сюжетном целом она семантически нейтральна. Для развития сюжета актуальна весна как начало сезонного цикла и символический повод к пробуждению Обломова – повод, героем не реализованный. Смена сезонов в сознании главного героя и в его ритуализованном повседневностью быте определяется подчеркнуто бытовыми знаками-символами – необходимостью выставлять вторые рамы и привозом устриц (он «...определял весну привозом устриц и омаров...» [4, с. 183]), т. е. связан с весенним открытием навигации на Неве.

Серединой 1840-х годов датируется и ряд других историко-культурных реалий романа (опубликованного, напомним, в 1859 году). Так, его герои используют ассигнации, полностью изъятые из оборота и замененные кредитными билетами к 1 января 1848 года. Эта подробность также оказывается для

общей авторской интенции несущественной, хотя, несомненно, текстовое время ею в известной степени маркировано. В романе, работа над которым продолжалась десять лет, отразились и явления более позднего времени. В длительности работы Гончарова над текстом можно видеть объяснение сосуществования в нем разновременных элементов.

Большинство социально-исторических реалий в романах Гончарова, и не только в «Обломове», даются как явления устоявшиеся, повторяющиеся, ритуализованные, не привязанные к конкретным датам и событиям. Архитектоника гончаровского текста, не подчиненная хронологии «календаря», выстраивается по иным темпоральным законам и обладает внутренними структурными повторами, ритмами и циклами, чему в специальной литературе уделено значительное внимание [7; 19]. «Повторяемость и круговорот, – пишет, например, А. Молнар, – относятся не только к природному существованию в качестве главного закона жизни в “Сне Обломова”, но также и к построению всего романа» [15, с. 232].

Сюжетное движение в «Обломове», что давно замечено, определяется циклической моделью смены времен года: оно начинается весной, последовательно выстраивается через переход к лету, осени и зиме и затем утрачивает отчетливые сезонные границы в обломовском бытии-пребывании на Выборгской стороне, воссоздающем устойчивый и неизменный круговорот жизни в Обломовке. В первой главе четвертой части читаем: «И на Выборгской стороне, в доме вдовы Пшеницыной, хотя дни и ночи текут мирно, не внося буйных и внезапных перемен в однообразную жизнь, хотя *четыре времени года повторили свои отправления*, как в прошедшем году, но жизнь все-таки не останавливалась, всё менялась в своих явлениях, но менялась с такою медленною постепенностью, с какою происходят геологические видоизменения нашей планеты...» [4, с. 374; курсив мой. – А. Г.]. Мотив *четырех времен года* – один из инвариантных тематических мотивов романа, поддерживающий и реализующий, со всеми его модификациями, сезонную модель. Мотив имеет многочисленные общекультурные и литературные претексты, «несет память» о них, актуализируя эту память в той или иной степени в конкретных сюжетных ситуациях.

При этом мотив *четырёх времен года* вписан не только в «обломовский текст» романа, он возникает и в программном признании Штольца, выражающем его представление о «норме жизни», и отразившем, как принято считать, авторское жизненное кредо. «Он <Штолец> говорил, что “нормальное назначение человека – прожить четыре времени года, то есть четыре возраста, без скачков и донести сосуд жизни до последнего дня, не пролив ни одной капли напрасно, и что ровное и медленное горение огня лучше бурных пожаров, какая бы поэзия ни пылала в них”» [4, с. 163]. Эта важнейшая жизненная декларация, взятая вне контекста, может быть прочитана и как обломовская, демонстрируя потенциалы сближения и гармонизации семантических оппозиций в романе и жизненных принципов персонажей-антагонистов. Совершенно по-обломовски звучат в этом штольцевском монологе не свойственные его живой, разговорной (и иронической) стилистике риторика и пафос.

Помимо стратегий деисторизации описанных явлений на уровне *календаря* Гончаров активно прибегает и к системе умолчаний в репрезентации историко-социальных реалий. Так, отдельные ситуации и мотивы, связанные с общей концепцией центрального персонажа, что само по себе исключительно важно, остались в романе «темными». Их неотчетливость в данном случае намеренно привносится в повествование, что становится очевидным, если проследить развитие этих мотивов от рукописи к окончательному тексту. Самыми показательными в этом плане являются ситуации с получением Обломовым аттестата о высшем образовании и классного чина коллежского секретаря [6; с. 496–501]; ср.: «Обломов, дворянин родом, коллежский секретарь чином, – читаем в начале 5-й главы первой части романа, – безвыездно живет двенадцатый год в Петербурге» [4, с. 54]. Обломова, как мы помним, вместе с Андреем Штольцем родители отправили получать образование в Москву, и Штолец предстает в романе успешным выпускником Московского университета. Указания в тексте на его университетское образование определены, конкретны и содержательно исключительно важны. «Университета русского» пытливого студенту Андрею Штольцу оказалось недостаточно. Вкусив «нашей премудрости», он,

как будто с целью гармонизации русского и немецкого начал в собственной образовательной программе, «смирненно сидел на студенческих скамьях в Бонне, в Иене, в Эрлангене» [4; с. 181–182], то есть в университетских аудиториях Германии, впрочем, не самых известных и знаменитых. Именованние университетов не может не быть в тексте романа семантически значимым. Немецкие университеты в русской литературной традиции успели ко времени создания «Обломова» приобрести определенный семантический ореол (включающий память о «геттингенской душе» пушкинского героя).

В рассказе о годах учебы Ильи Ильича в Москве речь ни разу впрямую не идет об университете, названо только некое «заведение» – неотчетливо, обобщенно, без тех смысловых акцентов, которые очевидны в повествовании об университетских годах Штольца. Университетская тема в прозе современников Гончарова, от Герцена до Тургенева и Достоевского, неизменно звучала остро актуально. Так, в тургеневских повестях и романах 1850-х годов одной из причин драмы «лишних людей» – Рудиных, уездных Гамлетов, Чулкатуриных – становится их умозрительное, головное, в российской реальности ставшее «лишним» образование. Обойти университетскую тему Гончаров в своем романе не мог, однако у него она дана вне исторической конкретности и социально-идейной напряженности. Выпускником Московского университета Гончаров своего главного героя сделать не решился.

Та же стратегия отказа от исторической конкретности, тот же принцип семантической релятивизации действует и при определении места службы, рода занятий, должности и чина Обломова. Разумеется, системы чиновничества Гончаров по опыту собственной службы не мог не знать. В российской социально-культурной реальности, в официальном и неофициальном обиходе и, соответственно, в литературе «семиотика чинов» имела исключительно важное значение, что не раз отмечал в своих работах Ю. М. Лотман [11, с. 236, 294]. Однако по тем данным, которые есть в тексте романа, определить происхождение чина Ильи Ильича не представляется возможным [6; с. 499–501]. Остается заключить, что условный чин Ильи Ильича и ситуация неопределенности в его приобретении составили

необходимый элемент общей характерологической *неопределенности* центрального персонажа.

Обсуждение и выводы

Гончаровский принцип генерализации при создании образа Обломова отчасти близок гоголевскому. Напомним наблюдения А. В. Михайлова: «Сама внешность Чичикова с его невероятно гладкими щеками и “приятной полнотой” есть знак той же *неопределенности*, – если учесть, что внешний образ героя в “Мертвых душах” всегда гармонирует и с его душевным миром и со средой, которую герой организует вокруг себя и которая не просто несет на себе отпечаток личности, но прямо продолжает личность, – как деревни Собакевича и Плюшкина характер каждого из них, – так что личность вовсе даже и не замкнута у Гоголя в своем теле, а беспрепятственно переносится на окружающее, до конца подчиняя его себе <...>. Гладкость щек, приятная полнота – признак “бесхарактерности”; но такая полнота – ее Гоголь, вполне естественно, не раз обыгрывает чисто иронически – это у Гоголя и знак вполне позитивный. От эмпирической и просто “буквальной” полноты как свойства Павла Ивановича Чичикова Гоголь прокладывает мостики к позитивному бытию, которое отмечено полнотой, переполненностью, преизобилием, сытостью...» [14, с. 317; курсив мой. – А. Г.].

Неопределенность как определяющая черта внешности и характера персонажа акцентируется в первых же абзацах текста. «Это был человек лет тридцати двух–трех от роду, среднего роста, приятной наружности, с темно-серыми глазами, но с *отсутствием* всякой *определенной* идеи, всякой *сосредоточенности* в чертах лица. Мысль гуляла вольной птицей по лицу, порхала в глазах, садилась на полуотворенные губы, пряталась в складках лба, потом совсем пропадала, и тогда во всем лице теплился ровный свет беспечности. С лица беспечность переходила в позы всего тела, даже в складки шлафрока. <...> Цвет лица у Ильи Ильича не был ни румяный, ни смуглый, ни положительно бледный, а *безразличный*...» [4, с. 5; курсив мой. – А. Г.]. С точки зрения гоголевских проекций, прежде всего его известной «фигуры фикции» («ни толстый, ни тонкий») [2, с. 80], особенно показательны здесь, безусловно, – «ни румяный, ни смуглый, ни положительно бледный...».

Воплощает сущность обломовской *неопределенности* один из двойников героя – безкачественный Алексеев («человек без свойств»), о котором узнаем: «...одни говорили, что он Иванов, другие звали Васильевым или Андреевым, третьи думали, что он Алексеев. Постороннему, который увидит его в первый раз, скажут имя его – тот забудет сейчас, и лицо забудет; что он скажет – не заметит. Присутствие его ничего не придаст обществу, так же как отсутствие ничего не отнимет от него. Остроумия, оригинальности и других особенностей, как особых примет на теле, в его уме нет» [4, с. 29]. Выразительна и характеристика Алексеева в первоначальной редакции: «...праздная форма, которую природа пустила гулять по белу свету, забыв влить в нее содержание» [5, с. 29]. Этот далеко не комический обломовский двойник открывает в главном герое (и человеке вообще) сознаваемые автором онтологические глубины человеческой пустоты. И это тоже, пожалуй, гоголевский след в прозе Гончарова. Правда, Обломов, в отличие от Алексева, вполне самодостаточен, его состояние покоя обладает полнотой и *сытостью*, если использовать метафору А. В. Михайлова. На Алексееве в романе испытываются потенциалы стратегии *не-именования*.

Мы привели только ряд примеров, иллюстрирующих функции отдельных историко-культурных реалий в романе. Почти каждая из них в гончаровской прозе, что, несомненно, определяет ее художественную специфику, приобретает благодаря авторской тенденции к деисторизации и универсализации описываемых явлений свою тематизирующую и сюжетогенную функцию. И нельзя сказать, что данная особенность поэтики Гончарова в достаточной степени изучена.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.
2. Белый А. Мастерство Гоголя. – М.; Л.: ОГИЗ – ГИХЛ, 1934. – 324 с.
3. Гинзбург Л. Я. О литературном герое. – Л.: Сов. писатель, 1979. – 221 с.
4. Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. – СПб.: Наука, 1998. – Т. 4. – 492 с.
5. Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. – СПб.: Наука, 2003. – Т. 5. – 493 с.
6. Гродецкая А. Г. Где учился, кем служил Илья Ильич Обломов и кто такая Милитриса Кирбительвна... // Гончаров И. А. Обломов. Роман в четырех частях / статья и примеч. А. Г. Гродецкой. – СПб.: Пушкинский Дом, 2012. – С. 496–505.

7. Гузь Н. А. Ритмическая организация в романах И. А. Гончарова // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 4 (41). – С. 3–6. EDN: REFUIF
8. Ильинская Т. Б. Категория времени в романе «Обломов»: (К истории вопроса) // Русская литература. – 2002. – № 3. – С. 38–43.
9. Лихачев Д. С. Нравоописательное время у Гончарова // Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. – 3-е изд., доп. – М.: Наука, 1979. – С. 299–305.
10. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – 2-е изд., испр. – М.: Искусство, 1995. – 320 с.
11. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Книга для учителя. – М.: Просвещение, 1988. – 352 с.
12. Максимов В. Е. И. А. Гончаров // Максимов В. Е. Очерки по истории русской литературы 40-х – 60-х годов. Натуральная школа. (Тургенев, Гончаров, Островский, Герцен, Некрасов и др.). – СПб., 1912. – С. 133–183.
13. Мережковский Д. С. Вечные спутники: Портреты из всемирной литературы. – СПб.: Наука, 2007. – 903 с. – (Лит. памятники).
14. Михайлов А. В. Обратный перевод. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 856 с.
15. Молнар А. Поэзия прозы в творчестве Гончарова. – Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012. – 448 с. EDN: QXHLQV
16. Недзвецкий В. А. Роман И. А. Гончарова «Обломов»: Путеводитель по тексту: Учеб. пособие. – М.: МГУ, 2010. – 224 с. EDN: RBVMKX
17. Пильщиков И. А. Стандарты современного филологического комментария // Комментарий исторического источника: Исследования и опыты. – М.: ИВИ РАН, 2008. – С. 36–45.
18. Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 847 с.
19. Пырклов И. В. Роман И. А. Гончарова «Обломов»: Особенности ритмического построения // И. А. Гончаров: Материалы международной конференции. – Ульяновск: Печатный двор, 1998. – С. 158–172.
20. Савинков С. В. Неоконченность и окончательность: о формах бытия гоголевского человека // Савинков С. В., Фаустов А. А. Аспекты русской литературной характерологии. – М.: Изд-во Кулагиной –Интрада, 2010. – С. 92–108. EDN: RZJXYV
21. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – 2-е изд. – М.: Либроком, 2010. – 336 с. EDN: QUOBF
22. Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. – М.: АН СССР, 1950. – 492 с.
23. Чуйко В. В. «Лучше поздно, чем никогда» // И. А. Гончаров, его жизнь и сочинения: Сб. историко-литературных статей / сост. В. И. Покровский. – М.: Типогр. Г. Лисснера и Д. Совко. – 1912. – С. 278–291.

Anna G. Grodetskaya

Realities in "Obломov": The Strategies of Dehistoricization

The article examines a number of historical and cultural realities in the novel "Obломov" from the point of view of their semantic and functional features. The social and objective world of the text act as valuable carriers of cultural memory, at the same time constituting part of the overall plot concept, a single semantic whole. The tendency towards broad generalizations, universalization and symbolization is organic to Goncharov's poetics, that has been repeatedly noted in criticism and scientific literature. In the character sphere, the generalizing tendency forms "symbolic types" (A. F. Losev), or supertypes; in the sphere of everyday life and things, it elevates separate details, objects, and situations to the level of a symbol. This tendency also determines the general strategy of dehistoricization

of the narrative, the creation of conditional (achronic) textual time, in which external and internal dating lose relevance in the movement of the plot. Most of the socio-historical realities in Goncharov's novels, and not only in *Oblomov*, are presented as recurring, ritualized, and not chronologically specified phenomena. The architectonics of Goncharov's text are also built on internal structural repetitions, rhythms and cycles. The article demonstrates, at the level of details and microplots, various strategies that perform the function of dehistoricizing the narrative, including naming (signification) and non-naming of the image object, a system of paralipsis in its representation.

Key words: I. A. Goncharov, "Oblomov", realities in text, scientific commentary, textual time, author's strategies, symbolization, historicization and dehistoricization.

For citation: Grodetckaya, A. G. (2023) Realii v "Oblomove": strategii deistorizatsii [Realities in "Oblomov": The Strategies of Dehistoricization]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 43–56. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_4_43. EDN: DPBREK

References

1. Bahtin, M. M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of Literature and Aesthetics]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ. (In Russian).
2. Belyj, A. (1934) *Masterstvo Gogolya* [Gogol's Mastery]. Moscow, Leningrad: OGIZ – GIHL Publ. (In Russian).
3. Ginzburg, L. Ya. (1979) *O literaturnom geroe* [About a Literary Hero]. Leningrad: Sovetskij pisatel' Publ. (In Russian).
4. Goncharov, I. A. (1998) *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t.* [Complete collection of works and letters: in 20 vols]. Vol. 4. St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).
5. Goncharov, I. A. (2003) *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t.* [Complete collection of works and letters: in 20 vols]. Vol. 5. St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).
6. Grodeckaya, A. G. (2012) Gde uchilsya, kem sluzhil Il'ya Il'ich Oblomov i kto takaya Militrisa Kirbit'evna... [Where did study, whom did serve Ilya Ilyich Oblomov, and who was Militrisa Kirbit'evna...]. *Goncharov, I. A. Oblomov. Roman v chetyrekh chastyah. Stat'ya i primechaniya* A. G. Grodetckoj [Goncharov I. A. Oblomov. Novel in four parts. Article and notes by A. G. Grodetckaya]. St. Petersburg: Pushkinskij Dom Publ. Pp. 496–505. (In Russian).
7. Guz', N. A. (2013) Ritmicheskaya organizatsiya v romanah I. A. Goncharova [Rhythmic organization in the novels of I. A. Goncharov]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya – World of science, culture, education*. No. 4 (41). Pp. 3–6. (In Russian). EDN: REFUIF
8. Il'inskaya, T. B. (2002) *Kategoriya vremeni v romane «Oblomov»*: (K istorii voprosa) [Category of Time in the Novel «Oblomov»]: (On the History of the Issue)]. *Russian literature – Russkaya literatura*. No. 3. Pp. 38–43. (In Russian).
9. Lihachev, D. S. (1979) *Nravoopisatel'noe vremya u Goncharova* [Moralsdescriptive Time in Goncharov]. *Lihachev D. S. Poetika drevnerusskoj literatury* [Likhachev, D. S. Poetics of Old Russian Literature]. 3-e izd., dop. [3rd ed., add.]. Moscow: Nauka Publ. Pp. 299–305. (In Russian).
10. Losev, A. F. (1995) *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [The problem of symbol and realistic art]. 2-e izd., ispr. [2nd ed., rev.]. Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russian).
11. Lotman, Yu. M. (1988) *V shkole poeticheskogo slova. Pushkin. Lermontov. Gogol': Kniga dlya uchitelya* [At the school of poetic word. Pushkin. Lermontov. Gogol: A Book for a teacher]. Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russian).
12. Maksimov, V. E. (1912) *I. A. Goncharov. Maksimov V. E. Ocherki po istorii russkoj literatury 40-h – 60-h godov. Natural'naya shkola. (Turgenev, Goncharov, Ostrovskij, Gercen, Nekrasov i dr.)* [Maksimov V. E. Essays on the history of Russian literature of the 40s – 60s. Natural school. (Turgenev, Goncharov, Ostrovsky, Herzen, Nekrasov, etc.)]. St. Petersburg. Pp. 133–183. (In Russian).
13. Merezhkovskij, D. S. (2007) *Vechnye sputniki: Portrety iz vseмирnoy literatury* [Eternal Companions: Portraits from World Literature]. St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).
14. Mihajlov, A. V. (2000) *Obratnyj perevod* [Reverse Translation]. Moscow: YAzyki russkoj kul'tury Publ. (In Russian).

15. Molnar, A. (2012) *Poeziya prozy v tvorchestve Goncharova* [Prose Poetry in the Works of Goncharov]. Ulyanovsk: Korporaciya tekhnologij prodvizheniya Publ. (In Russian). EDN: QX-HLQB
16. Nedzveckij, V. A. (2010) *Roman I. A. Goncharova «Oblomov»: Putevoditel' po tekstu: Uchebnoe posobie* [I. A. Goncharov's Novel «Oblomov»: Guide to the Text: Textbook]. Moscow: MCGU Publ. (In Russian). EDN: RBBMKX
17. Pil'shchikov, I. A. (2008) *Standarty sovremennogo filologicheskogo kommentariya* [Standards of modern philological commentary]. *Kommentarij istoricheskogo istochnika: Issledovaniya i opyty* [Commentary on a historical source: Research and experiments]. Moscow: institut vsemirnyh issledovanij RAN. Pp. 36–45. (In Russian).
18. Pumpyanskij, L. V. (2000) *Klassicheskaya tradiciya: Sobranie trudov po istorii russkoj literatury* [Classical Tradition: Collected Works on the History of Russian Literature]. Moscow: YAzyki russkoj kul'tury Publ. (In Russian).
19. Pyrkov, I. V. (1998) *Roman I. A. Goncharova «Oblomov»: Osobennosti ritmicheskogo postroeniya* [I. A. Goncharov's novel «Oblomov»: Features of rhythmic construction]. *I. A. Goncharov* [I. A. Goncharov]. Materials of International conference. Ulyanovsk: Pechatnyj dvor Publ. Pp. 158–172. (In Russian).
20. Savinkov, S. V. (2010) *Neokonchennost' i okonchatel'nost': o formah bytiya gogolevskogo cheloveka* [Incompleteness and finality: on the forms of existence of Gogol's man]. Savinkov, S. V., Faustov, A. A. *Aspekty russkoj literaturnoj harakterologii* [Aspects of Russian literary characterology]. Moscow: Kulagina–Intrada Publ. Pp. 92–108. (In Russian). EDN: RZJXYV
21. Stepanov, Yu. S. (2010) *V trekhmernom prostranstve yazyka: Semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva* [In the three-dimensional space of language: Semiotic problems of linguistics, philosophy, art]. 2-e izd. [2nd ed.]. Moscow: Knizhnyj dom Librokom Publ. (In Russian). EDN: QUOBIF
22. Cejtin, A. G. (1950) *I. A. Goncharov*. Moscow: AN SSSR Publ. (In Russian).
23. Chujko, V. V. (1912) «Luchshe pozdno, chem nikogda» [«Better late than never»]. *I. A. Goncharov, ego zhizn' i sochineniya: Sb. istoriko-literaturnyh statej; sost. V. I. Pokrovskij* [I. A. Goncharov, his Life and Works: Collection of historical and literary articles; comp. V. I. Pokrovsky]. Moscow: Tip. G. Lissnera i D. Sovko. Pp. 278–291. (In Russian).

Об авторе

Гродецкая Анна Глебовна, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН доктор филологических наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: grodetskaiaag@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-1198-2877

About the author

Anna G. Grodetskaya, Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of Russian Academy of Science, Doctor of Philology (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: grodetskaiaag@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-1198-2877

дата получения: 20.10.2023 г.
дата принятия: 30.11.2023 г.
дата публикации: 30.12.2023 г.

date of receiving: 20 October 2023
date of acceptance: 30 November 2023
date of publication: 30 December 2023

А. П. Трушкина

Специфика русской готической новеллы первой трети XX столетия

Статья посвящена анализу малой прозы русских писателей первой трети XX века. Исследование предпринято с целью выявить особенности русской готической новеллы, а также указать её принципиальные отличия от зарубежной новеллистики этого же периода. В первую очередь, резюмируются ключевые свойства рассматриваемого явления с опорой на литературоведческую традицию; анализируется специфика бытования готических мотивов и образов в текстах русских прозаиков; сопоставляется их воплощение с сюжетами западных современников и предшественников. Научная новизна исследования состоит в том, что в готических произведениях русских прозаиков начала XX столетия впервые выявлены жанровые признаки новеллы. Доказано, что признаками жанра новеллы являются: ориентация на фиктивного слушателя, исключительность изображаемых событий, организация сюжета вокруг символического предмета. Установлено, что отечественные писатели, с одной стороны, актуализируют элементы готической литературы эпохи романтизма (фигура куклы, образ зеркала, мотив двойничества), а с другой – создают типичную для готики атмосферу ужаса и тревоги при помощи элементов, свойственных символизму (мотивы сна/галлюцинации, физического и духовного распада личности).

Ключевые слова: готическая традиция, новелла, хронотоп, телесность, перверсия, романтизм, символизм.

Для цитирования: Трушкина А. П. Специфика русской готической новеллы первой трети XX столетия // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 4. – С. 57–72. DOI: 10.35231/25419803_2023_4_57. EDN: ECTZCU

Общеизвестно, что на Западе увлечение литературой ужасов началось в конце XVIII века с появления первого «готического» романа [13, с. 76]. Г. Уолпол и его последователи (К. Рив, А. Рэдклифф, сёстры Ли и др.) завоевали внимание читателей (а чуть позднее – исследователей) изображением экзотических пейзажей, средневековых замков, хранящих семейные тайны, призраков, предупреждающих об опасности, а также всевозможных суггестивных символов.

Эти художественные особенности со временем сформировались в комплекс обязательных атрибутов.

Однако уже в начале XIX столетия романная форма литературной готики перестаёт быть доминирующей, уступая малым жанровым формам. Как справедливо утверждает А. Б. Танасейчук, возникает, так называемый, «“страшный” рассказ – “побочный продукт” “готического” романа и повести» [19, с. 45]. По мнению исследователя, готическая новеллистика обрела популярность по причине не только «“естественного” тяготения романтиков к малым формам» [19, с. 45], но и бурного развития газетно-журнального дела. «Готическая новелла XIX века не только унаследовала основные поэтологические характеристики своего предшественника, готического романа XVIII столетия, но и великолепно видоизменила их с учётом собственной специфики и требований изменившейся реальности» [5, с. 61], – считает Н. В. Водолажченко. Тенденция к созданию готической новеллистики сохраняется и в XX веке. Малая проза этого периода – синтез элементов эпохи романтизма и примет нового времени.

Готические произведения первой трети XX столетия представляют богатый материал для исследования, поскольку позволяют, во-первых, вычленив признаки «русской готической новеллы»; во-вторых, избежать терминологического смешения («готический рассказ» и «готическая новелла» зачастую отождествляются). В связи с этим актуальность темы исследования обусловлена необходимостью детального осмысления русской готической новеллы и выявления её характерных черт на материале конкретных писательских практик.

Теоретической базой работы явились труды, посвящённые становлению и развитию готической традиции на Западе (исследования О. В. Разумовской [16], О. Ю. Осьмухиной и А. Б. Танасейчука [13; 19], Н. Кэрролла [26]) и в России (монография В. Э. Вацура [4]). Существенны работы А. В. Михайлова [12], В. Шкловского [24], Б. М. Эйхенбаума [25], проблематизирующие жанровые признаки новеллы и её отличия от других жанровых форм. Иная точка зрения, отождествляющая новеллу и рассказ, представлена в трудах М. А. Петровского [13] и Б. Томашевского [20]. Конкретно готической новеллистике посвящены исследования Н. В. Водолажченко [5] и А. А. Ли-

пинской [10]. Отдельные аспекты литературной готики на примере творчества русских писателей начала XX века рассматривают Е. С. Апалькова [1], Г. Н. Боева [2], Е. Глухова [6], М. А. Дударева, Н. З. Кольцова [8], С. Ю. Чверко [22–23].

Цель исследования – выявить особенности готической новеллы в русской прозе первой трети XX века. Обозначенная цель определила ряд задач: во-первых, конкретизировать признаки готической новеллы; во-вторых, выявить в текстах отечественных писателей начала XX века особенности готической новеллы; в-третьих, сопоставить авторские стратегии русских и зарубежных прозаиков.

Материалы и методы

Материалом исследования служит малая проза отечественных писателей 1900–1930-х годов (новеллистика А. Ремизова, В. Брюсова, С. Городецкого, Ф. Сологуба, А. Грина, Н. Гумилёва, Л. Андреева, С. Кржижановского).

Для осуществления поставленных задач использованы следующие методы исследования: сравнительно-типологический, позволяющий сопоставить художественные особенности новелл XIX и XX веков, а также выявить сходства и различия в реализации готических мотивов в текстах русских и зарубежных прозаиков; культурно-исторический, позволяющий осмыслить новеллистику вышеназванных писателей в широком контексте отечественной словесности первой трети XX столетия. Кроме этого, для детального рассмотрения художественных особенностей русской готической новеллы использован метод целостного анализа художественного произведения.

Художественные особенности готической новеллы

Напомним, что А. Б. Танасейчук (как Б. Томашевский, который считал рассказ «русским термином для новеллы» [20, с. 162] и М. А. Петровский) отождествляет рассказ и новеллу, мы же вслед за А. В. Михайловым и Л. Н. Полубояриновой (составителем словарной статьи в «Поэтике») склонны разделять эти жанры.

Во-первых, новелла насыщена событиями, причём нетипичными и необыкновенными, не случайно Гёте называет её «неслыханным случившимся» [15, с. 146]. Поэтому, учитывая

тот факт, что в основу готического текста положен сюжет о сверхъестественном, справедливо называть его малую форму именно новеллой. Сюда же мы отнесём строгость новеллы в своей структуре, чуждость описательности, в то время как рассказ – «любое короткое повествование без строгого построения» и менее очевидной событийностью. Во-вторых, на жанр новеллы указывают все варианты развязок произведений «страшной» литературы: неожиданная развязка (тексты Э. А. По в XIX веке, для которых характерен «сильный финальный акцент» [25, с. 127], новеллы А. Бирса в XX); объяснение элементов, создающих пугающую и таинственную атмосферу с рациональной точки зрения (произведения М. Н. Загоскина, «Привидение в Инженерном замке» Н. Лескова); развязка, построенная по принципу «двойной мотивировки», когда мистическую составляющую можно объяснить состоянием главного героя (сон, безумие, детская фантазия и т. п.); двойной финал (яркий пример – новеллы А. Бирса). В-третьих, начало обособления готики в малые жанровые формы связано с появлением произведений, особенность которых – стилизация под вставную новеллу, ориентированную на фиктивного слушателя. Таким образом, соблюдается принцип «рамки» [15, с. 146], характерный для жанра новеллы. И, в-четвёртых, сюжет новеллы зачастую построен вокруг символического предмета. Этот признак мы вновь можем наблюдать в «страшной» прозе: зеркало, книга, статуя и т. д. – константные мотивы литературной готики, выполняющие сюжетообразующую функцию.

Расцвет готической новеллистики приходится на эпоху романтизма. Так, немецкие (Л. Тик, Э. Т. А. Гофман), английские (М. Шелли, П. Шелли, В. Скотт), французские (Ш. Нодье, Ш. Рабу) и американские (ярчайший представитель – Э. А. По, создатель остросюжетной короткой новеллы) романтики представили целый корпус готических произведений, более того, обогатили канон разными мотивами и образами.

В это время на русской почве тоже наблюдается новый виток развития готики, когда тяга писателей к сверхъестественному и таинственному усиливается. Под влиянием немецкого романтизма свои произведения создают О. М. Сомов, М. П. Погодин, О. И. Сенковский, Н. А. Полевой, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь и др. При этом отечественных прозаиков нельзя

назвать «прямыми трансляторами» идей немецких романтиков. Например, Пушкин обыгрывает классические готические приёмы («Гробовщик»); Гоголь обогащает мистические сюжеты элементами украинского фольклора; Полевой, в отличие от Гофмана, воспринимает безумие не как недуг и проклятье, а как одну из форм обретения духовной свободы.

Впрочем, наиболее примечательными для нас являются произведения первой трети XX столетия, которые продолжили готическую романтическую традицию, отразив кризисное состояние эпохи. Сохраняя за собой совокупность характерных штампов, литературная готика этого периода быстро приспособилась к новой культурной парадигме, а её ключевые элементы легко отразили алогичную и абсурдную действительность.

Элементы готической прозы в новеллистике русских писателей начала XX века

С одной стороны, отечественные прозаики активно включают в произведения черты поэтики романтизма. Так, новеллы Г. Чулкова «Голос из могилы», «Мёртвый жених», «Морская царевна» явно испытали влияние Гофмана. В них присутствуют экзотические локусы, мотивы безумия, двойничества, фигура куклы-автомата. Особенности, условно говоря, романтической готики проявились и в рассказе «Упырь». Чулков, подобно А. Погорельскому, вводит в повествование ребёнка, в результате чего финал оказывается неоднозначным: врач является вампиром, или же это детская фантазия, впечатления от историй о чудовищных кровопийцах из уст женщины в поезде и одноклассниц девочки. К слову, обращение к внутреннему миру ребёнка наблюдаем и в зарубежной литературе этого периода (Г. Джеймс, «Поворот винта»; М. Олифант, «Окно библиотеки»).

Кстати говоря, вампир – достаточно частотная фигура в готических текстах начала XX столетия, о чём свидетельствует сборник «Русская вампирическая проза XIX – первой половины XX в.», составленный С. Шаргородским. На наш взгляд, в перечне произведений (А. Ремизов, «Упырь», «Суженая», «Мертвец»; И. Лукаш, «Черноокий вампир»; Ю. Ревякин, «Упырь»; А. Амфитеатров, «Киммерийская болезнь»;

Е. А. Нагродская, «Материнская любовь» и т. д.) выделяется «Красногубая гостья» Ф. Сологуба. Писатель продолжает «ветвь», начатую Ш. ле Фаню, во-первых, представляя женский вариант образа вампира, а, во-вторых, наделяя его сексуальной привлекательностью: «И только хотелось ему смотреть в бездонную глубину этих странных, точно неживых, точно навеки замороженных тишиною и тайной, зеленоватых глаз. И только хотелось ему увидеть эту безумно-алую на бледном лице улыбку» [9, с. 83].

Продолжая разговор о воплощении элементов романтизма в готической прозе XX века, следует упомянуть А. Грина, неслучайно его творческий метод характеризуется как «неоромантизм» [11, с. 156]. Интерес А. Грина к творчеству Э. По отразился во многих его произведениях. Примечателен рассказ «Загадка предвиденной смерти», отсылающий к новелле Э. По «Колодец и маятник», а также к произведению Огюста Вилье де Лиль-Адана «Тайна эшафота». Все они объединены топомосом тюрьмы, образом преступника, ожидающего наказания, а также полудетективным сюжетом. При этом готическая фигура Смерти и нарушение персонажами границы миров осмысливаются писателями по-разному. Так, у По смерть – символ небесной кары, неизбежность, которую можно только отсрочить. Для американского романтика страх смерти – главный и неугасимый страх. Французский прозаик делает смерть одним из способов познания бытия, попыткой заглянуть по ту сторону реальности. Десакрализация смерти происходит и у Грина. Автор показал «имагинативное проживание смерти» [8, с. 33].

Кроме этого, А. Грин – последователь Э. Т. А. Гофмана, правда, опыт немецкого романтика переосмыслен им в модернистском ключе. Например, в рассказе «Убийство в Кунст-Фише» Грин модифицирует романтический мотив ожившей куклы. К слову, поэтика заглавия текста отсылает к творчеству Э. По (ср.: «Убийство на улице Морг»). Здесь разрушительной овеществлённой силой наделён предмет искусства – статуэтка самурая. Похожий сюжет, кстати говоря, находим у П. Мериме в новелле «Венера Ильская», где воплощением Зла является статуя Венеры. Другой пример – рассказ «Серый автомобиль». Грин наполняет идущую от Го-

фмана сюжетную коллизию любви человека к кукле новым, актуальным для своей эпохи, содержанием. Подобно тому, как история о Песочном человеке в одноимённой повести – рама, предваряющая повествование о трагической любви, рассказ Эбенезера Сиднея об автомобиле необходим для перехода к волнующей истории отношений человека и манекена. Кукла и серый автомобиль – символы бездушности и искусственности бытия, сосредоточение враждебных сил, столкновение с которыми несёт безумие и гибель.

На наш взгляд, наиболее ярко классическая готическая традиция и элементы поэтики немецкого романтизма воплощаются в прозе Грина 1920-х годов. Так, в «Крысолове» роль замка выполняет здание банка. Замкнутость этого пространства-лабиринта усиливает атмосферу кошмара, заставляет героя додумывать в своём сознании страшные картины. Также в новеллах этого периода можно выделить мотивы сна (в «Крысолове» сон метафорический соотносится с реальным), зеркала (Сидней в «Сером автомобиле» видит в отражении истину о себе самом), карт («Фанданго»). Подчеркнём, что здесь карты рассматриваются не в рамках темы азартной игры, а в рамках темы предсказания будущего: цыгане открывают герою тайну перемещения в иной мир. Кроме этого, произведение объединяет способ завершения повествования. Грин даёт произошедшим событиям двойную мотивировку. С одной стороны, невероятность происходящего объясняется психопатологией, с другой – они реальны.

В контексте рецепции европейской романтической традиции нельзя не упомянуть малую прозу В. Брюсова. Его новелла «В зеркале» – переосмысление двоemiрия и двойничества Гофмана и мотива зеркальности Ш. ле Фаню. В тексте русского прозаика зеркало является порождением действительности, которая вводит человека в заблуждение и приводит к его падению. Объект в отражении – «тёмный двойник» главной героини, обнажающий её порочность и греховность: «После этого началась моя жизнь как отражения. Странная, полусознательная, хотя тайносластная жизнь. Нас было много в этом зеркале, темных душ, дремлющих сознаний. Мы не могли говорить одна с другой, но чувствовали близость, любили друг друга» [3, с. 149]. Зеркало – ключевая деталь

и в тексте «Менуэт», однако здесь в нём заключена не другая личность, а целый потусторонний мир.

Впрочем, писатели начала XX века не только повторяли опыт предшественников, но и обогащали готический нарратив эзотерическими мотивами. Интерес к спиритизму и магии, воплотившийся в появлении многочисленных кружков и оккультной литературы (журнал «Ребус», книги Е. Блаватской и т. п.), нашёл отражение в творчестве А. М. Ремизова, В. Я. Брюсова, С. Городецкого и др. Более того, он явился своеобразной трансформацией нарушения границ двух миров.

Так, ситуация приобщения героя к тайному знанию описана в «Чёртике» А. Ремизова: молодой человек становится прорицателем после ныряния в прорубь. «Всё, что бывало, ни скажет утопленник, всё так и сбудется» [17, с. 177]. К слову, здесь реализуется такая важная особенность нового этапа развития «страшной прозы», выделенная С. Четвертко, как «перверсия» [21, с. 126]: в праздник Крещения через омовение человек приобщается к Богу, однако у Ремизова вода связана с несчастьями. В «Занофе» ярко представлен образ ведьмы и переосмысленный средневековый сюжет о её колдовстве. В произведении Ф. Сологуба «Дама в узах» тема контакта с потусторонним миром связана с верой в переселение душ: каждый год душа покойного мужчины выбирает себе физическую оболочку, чтобы явиться к супруге. Похожий сюжет разворачивает и С. Городецкий в «Страшной усадьбе». Героиня, желая воскресить погибших детей с помощью восковых кукол, каждую ночь проводит магические сеансы.

Кстати, рассказ С. Городецкого принципиально важен с точки зрения реализации готического хронотопа. Если в середине XIX столетия специфика пространства отходила на второй план, и топоры деревенской избы/городской квартиры/загородного дома/театра лишь характеризовались таинственной и мрачной атмосферой, то на рубеже веков именно русская усадьба превратилась в своеобразного «метаязыка» [6, с. 28] готического повествования. Архитектура, обилие декораций, пристальное внимание к деталям роднят русскую усадьбу с готическим замком. В тексте С. Городецкого усадьба пани Ясницкой хоть и охарактеризована как «страшная», более того, главной героине она видится как

полное мистики и ужасов место, не является пространством свершения зла, а странные ритуалы его хозяйки – попытки обрести женское счастье, воссоединившись с детьми. Усадьба же в рассказе Г. Чулкова «Сестра», действительно, хранит в себе тайны греховной связи близких родственников, смерти прекрасной героини и явление призрака тётки персонажам. Это позволяет установить, что усадебный топос оказывается необходимой частью готического нарратива, располагаясь на границе двух времён, связывая потусторонний мир и реальность. «Страшным» местом оказывается и усадьба Бородиных в «Жертве» А. Ремизова. Писатель противопоставляет внешний облик «Бородинского гнезда» происходящим в нём ужасам. «Старый с колоннами дом, кленовая аллея, фруктовый сад, поля, лес, скот, люди – всё Благодатское приводило в восхищение не только соседей, но и любого наезжавшего с других краёв» [17, с. 145]. В то время как хозяин этого «земного рая» – демоническая личность, мимикой и жестами напоминающая куклу, склонная к греховности и насилию; его супруга – фанатичка, которая из-за безумной любви к мужу проклинает собственных детей. Подтверждением ужасов также служит череда смертей молодых людей. Впрочем, к финалу рассказа усадьба обретает «истинный облик»: «По дому, по всем комнатам пошел тяжелый дух. Дом был старый, под полом водилось множество крыс...» [17, с. 171], а в развязке она и вовсе сгорает со всеми жителями.

Следует отметить, что в готических текстах начала XX века страх перед непознанным зачастую сменяется отвращением, которое вызывают сцены физических страданий и разложения, а хрупкость разума уступает хрупкости тела. Прозаики делают акцент на «телесности», и проза Ремизова – тому подтверждение. «Старик, дрогнув, присел на корточки, весь осунулся. Всё в нем – нос, рот, уши – всё собралось в жирные складки и, пуфнув, поплыло. И плыла липкая кашица, чисто очищая от дряни белые кости» [17, с. 175], – читаем в уже упомянутой новелле «Жертва». В Брюсов, в свою очередь, в произведении «Теперь, – когда я проснулся...» подробно описывает пытки и смерть жены героя: «Я видел, как она вся вздрогнула, вытянулась <...> А по моей руке, державшей кинжал, потекла липкая и тепловатая кровь.

Я стал медленно наносить удары, сорвал одеяло с лежавшей и колот её, обнажённую <...> я воткнул ей кинжал в шею <...> кровь заклокотала...» [3, с. 147]. Другое проявление «телесности» находим в произведении Ф. Сологуба «В толпе», посвящённом давке на Ходынском поле: «Две бабы сцепились. Молча, угрюмо. Одна залезла пальцами в рот другой и рвала ей рот. Видна была кровь» [18, с. 48].

Использование ранее табуированной темы позволяет назвать готическую литературу первого десятилетия XX века предтечей отечественной неоготики. Напомним, что для этого этапа развития «страшной прозы» характерны описание морального распада личности, акцент на психических отклонениях персонажей, описание необоснованной жестокости, синтез мистики и науки. Ключевая черта – перенос устоявшихся приёмов и стилевых особенностей классической готики в современную цивилизацию. Ранее мы рассматривали тексты В. Брюсова как продолжение немецкой и английской романтических традиций. Однако в его произведениях также можно выделить черты зарождающейся неоготики. Например, в «Восстании машин» представлена гротескная картина общества, в которой главный «злодей» – технический прогресс. В этом контексте новеллу Брюсова можно противопоставить английской малой прозе XIX века, которая «получила мощный интеллектуальный импульс от достижений точных и естественных наук» [21; с. 13–14]. В зарубежной новеллистике провозглашались важность и ценность научных достижений, более того, сверхъестественные события имели научное объяснение, а учёный приравнивался к загадочному колдуну-отшельнику (проза Э. Булвера-Литтона, А. Эдвардса). При этом действие «Восстания машин» разворачивается в классическом замкнутом хронотопе, реализацией которого является многоквартирный дом. Тезис «Наука – орудие дьявола» воплощен и в произведении «Студный бог». Здесь сюжетная коллизия дополняется мотивами проклятия и мести, а роль готического топоса выполняет поезд.

Подчеркнём, что наряду с призраками, отсылающими к классической готике, и вампирами, присущими романтизму, в произведениях начала века появляются оборотни. Причём оборотень представлен не человеком, одержимым

зверем (что наблюдается в фольклоре разных народов), а зверем, вынужденным носить человеческий облик. Наиболее показателен в этом отношении «Чёрный Дик» Н. Гумилёва, где оборотень, наслаждаясь проявлением своей животной натуры, воплощает демонические качества. В прозе Сологуба герои тоже нередко имеют черты животных и птиц. Впрочем, однозначная, на первый взгляд, ситуация усложняется безумием персонажей. Так, в новелле «Собака» главная героиня сама не может понять: то ли она сошла с ума, то ли на самом деле превратилась в собаку, а старуха на улице – в ворону. Примечателен рассказ Гумилёва «Путешествие в страну эфира», где главные герои погружаются в мир грёз под действием наркотического вещества.

Л. Андреев и готическая литература – один из самых дискуссионных вопросов в исследованиях, посвящённых «страшной прозе» XX века. С. Роле, Г. Н. Боева и ряд других учёных выделяют в текстах прозаика категории «страшное» и «ужасное», но не соотносят их проявление с готикой. Так, например, характеризует творчество автора Е. Глухова: «Художественный метод (Андреева. – А. Т.) не принято рассматривать как наследующий принципам литературной готики, тем не менее рассказы "Красный смех", "Он. Рассказ неизвестного", "Бездна" – принадлежат скорее к области поэтики сверхъестественного, реализуя готический дискурс как "память жанра"» [6, с. 27]. Согласимся с высказываемым учёного лишь частично. На наш взгляд, «Он. Рассказ неизвестного» можно уверенно включить в ряд русской готических новелл, поскольку действие здесь разворачивается во вполне готическом пространстве – старинном особняке, заключающем тайны его обитателей. Отсюда следуют мотив загадочной смерти жены хозяина, появление призраков, преследующих главного героя. К романтической готике отсылают и мотивы бала («странного веселья»), где природа его участников так и остаётся загадкой, а также безумия. Поэтому финал новеллы неоднозначен: персонаж психически болен или же события, произошедшие с ним, вполне реальны.

Философская проза С. Кржижановского, насыщенная многочисленными аллюзиями, содержит элементы поэтики готического романа, которые писатель использует как средство

создания гротеска и сатиры (новеллы «Чётки», «Сбежавшие пальцы», «Мост через Стикс»). Более того, «Квадратурин» (1926) является новой интерпретацией классического сюжета продажи души дьяволу, здесь главный герой получает в дар необычную комнату, которую обязан скрывать ото всех.

Обсуждение и выводы

Таким образом, русская готическая новелла первой трети XX столетия обладает рядом специфических особенностей.

Во-первых, в ней актуализируются и обновляются мотивы, характерные для романтической традиции. Например, сон часто заменяется галлюцинациями (Л. Андреев, «Он. Рассказ неизвестного»), безумие воспринимается как попытка к бегству от чудовишной действительности или личного горя (С. Городецкий, «Страшная усадьба»). Прямое продолжение традиций как классического готического романа, так и романтической новеллы – создание «мистической» канвы вокруг символического предмета (зеркала, статуэтки, карт и т. п.). Выстраивание же композиции по рамочному типу для малой прозы первой трети XX века не характерно.

Во-вторых, писатели акцентируют внимание на физиологичности явлений, в результате чего ключевой эмоцией, на которую «работает» литературная готика, становится отнюдь не страх, но отвращение (А. Ремизов, «Жертва»).

В-третьих, в новеллах появляется новый тип готического хронотопа – усадебный хронотоп. Обладающая всеми признаками замка усадьба скрывает чудовищные грехи своих обитателей (А. Ремизов, «Жертва»; Г. Чулков, «Сестра»), а также заключает в себе печальные тайны (С. Городецкий, «Страшная усадьба»).

Наконец, «русская готическая новелла» является отражением целого ряда примет нового времени, среди которых: интерес к спиритизму (А. Ремизов, «Чёртик», «Занофа»); желание оказаться по ту сторону реальности с помощью смертельно опасных методов (Н. Гумилёв, «Путешествие в страну эфира»); многочисленные акты насилия и жестокости, совершаемые как индивидуумом (В. Брюсов, «Теперь, – когда я проснулся»), так и обществом (Ф. Сологуб, «В толпе»); скептическое отношение к научно-техническому прогрессу (В. Брюсов, «Восстание машин», «Студный бог»). К слову, по-

следнее позволяет усматривать в отечественной новеллистике начала XX века обновление готической традиции, переход её, условно говоря, в качественно новое явление неоготики.

Перспективой дальнейшего исследования, на наш взгляд, может стать изучение художественных особенностей русской готической новеллы второй половины XX – начала XXI века (Ю. Мамлеева, В. Сорокина и др.) в сравнительно-сопоставительном аспекте с их западными аналогами, а также выявление влияния приёмов готики на современную прозу масскульта.

Список литературы

1. Апалькова Е. С. Типология магических сюжетов А. С. Грина 1920-х годов («Серый автомобиль», «Крысолов», «Фанданго») // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 3 (94). – С. 323–326.
2. Боева Г. Н. Поэтика ужаса в творчестве Л. Андреева: рецептивный аспект // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2015. – № 3. – С. 66–70.
3. Брюсов В. Огненный ангел: роман, повести, рассказы. – СПб.: Северо-Запад, 1993. – 909 с.
4. Вацура В. Э. Готический роман в России. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 544 с.
5. Водолажченко Н. В. Становление и развитие английской готической новеллы в XIX веке // Вестник Новгородского государственного ун-та им. Ярослава Мудрого. – 2014. – № 83. – С. 60–64.
6. Глухова Е. Готический модус «усадебного текста» русского модернизма // Русская словесность. – 2020. – № 6. – С. 26–36.
7. Городецкий С. М. Страшная усадьба: избранные рассказы. – Б. м.: Salamandra P. V. V., 2019. – 212 с.
8. Дударева М. А., Кольцова Н. З. Этосы жизни и смерти в рассказе А. Грина «Загадка предвиденной смерти»: имажинативная апофатическая реальность // Концепт: философия, религия, культура. – 2021. – Т. 5 (1). – С. 25–33.
9. Красногубая гостья: Русская вампирическая проза XIX – первой половины XX в.; сост., предисл. и комм. С. Шаргородского. – Б. м.: Salamandra P. V. V., 2018. – Т. II. – 216 с.
10. Липинская А. А. Готическая новелла и ее литературно-идеологический контекст: цикл Р. С. Хиченса «Языки совести» // Мировая литература на перекрестке культур и цивилизаций. – 2017. – № 3–4 (19–20). – С. 35–47.
11. Литература и язык: современная иллюстрированная энциклопедия / [ред. А. П. Горкин]. – М.: Росмэн-Пресс, 2007. – 584 с.
12. Михайлов А. В. Новелла // Краткая литературная энциклопедия [гл. ред. А. А. Сурков]. – М.: Сов. Энциклопедия, 1968. – Т. 5. – Стб. 306–308.
13. Осьмухина О. Ю., Танасейчук А. Б. Специфика преломления готической традиции в романе Г. Леру «Призрак Оперы» // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2019. – № 1 (28). – С. 76–84.
14. Петровский М. А. Морфология новеллы // Ars poetica: сборник статей [гл. ред. М. А. Петровский]. – М.: Государственная академия художественных наук. – 1927. – Вып. 1. – С. 69–101.
15. По Э. А. Колодец и маятник: рассказы. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 352 с.
16. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко]. – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – 358 с.

17. Разумовская О. В. По. Лавкрафт. Кинг: Четыре лекции о литературе ужасов. – М.: РИПОЛ классик, 2019. – 224 с.
18. Ремизов А. М. Зга // *Собрание сочинений*. – СПб.: Росток, 2015. – Т. 11. – 790 с.
19. Сологуб Ф. Мелкий бес: повести, рассказы, стихотворения. – М.: АСТ, Астрель, 2011. – 670 с.
20. Танасейчук А. Б. Готическая традиция в литературно-художественном сознании Запада. – Саранск: Издательство Мордовского ун-та, 2023. – 108 с.
21. Томашевский Б. Теория литературы. Поэтика. – М.: Флинта, 2021. – 336 с.
22. Чамеев А. А. «Британской музы небылицы...» // *Лицом к лицу с призраками: таинственные истории*. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – С. 5–20.
23. Чверко С. Ю. «Живые мертвецы» в фантастических новеллах символистов // *Все страхи мира: Ноггот в литературе и искусстве*. – СПб. – Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2015. – С. 112–121.
24. Чверко С. Ю. Особенности хронотопа в «страшных» новеллах Серебряного века // *Вестник Костромского гос. ун-та*. – 2016. – № 3. – С. 125–130.
25. Шкловский В. О теории прозы. – М.: Федерация, 1929. – 265 с.
26. Эйхенбаум Б. М. О Генри и теория новеллы // *Литература: Теория. Критика. Полемика*. – Л.: Прибой, 1927. – 300 с.
27. Carroll N. *The philosophy of horror or Paradoxes of the heart*. – N.Y.; L.: Routledge, 1990. – 269 p.

Aliona P. Trushkina

The Specifics of the Russian Gothic Novel of the first third of the XX century

The article is devoted to the analysis of small prose by Russian writers of the first third of the XX century. The study is undertaken to identify the features of the Russian Gothic novel, as well as to point out its fundamental differences from foreign short stories of the same period. First of all, the author, relying on the literary tradition, summarises the key properties of the phenomenon in question. Then he analyses the specificity of Gothic motifs and images in the texts of Russian novelists, compares their embodiment with the plots of Western contemporaries and predecessors. The scientific novelty of the research consists in the fact that in the Gothic works of Russian novelists of the early XX century the genre features of the short story are revealed for the first time. It is proved that the analysed works can be called novellas due to the orientation on the fictitious listener, the exclusivity of the depicted events, as well as the organisation of the plot around a symbolic subject. It has been established that domestic writers, on the one hand, actualise elements of Gothic literature of the Romantic era (the figure of the doll, the image of the mirror, the motif of duality), and on the other hand, create an atmosphere of horror and anxiety typical of Gothic with the help of elements typical of symbolism (motifs of dreams/hallucinations, physical and spiritual disintegration of personality).

Key words: gothic tradition, novel, chronotope, physicality, perversion, romanticism, symbolism.

For citation: Trushkina, A. P. (2023) *Specifika ruskoj goticheskoj novelly pervoj treti XX stoletiya* [The Specifics of the Russian Gothic Novel of the first third of the XX century]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 57–72. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_4_57. EDN: ECTZCU

References

1. Apal'kova, E. S. (2022) Tipologiya magicheskikh syuzhetov A. S. Grina 1920-h godov («Seryj avtomobil», «Krysolov», «Fandango») [Typology of A. S. Green's magical plots of the 1920s ("Grey Car", "Pied Piper", "Fandango")]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The world of science, culture, education*. No. 3 (94). Pp. 323–326. (In Russian).
2. Boeva, G. N. (2015) Poetika uzhasa v tvorchestve L. Andreeva: receptivnyj aspekt [Poetics of horror in the works of L. Andreev: receptive aspect]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific notes of Petrozavodsk State University*. No. 3. Pp. 66–70. (In Russian).
3. Bryusov, V. (1993) *Ognennyj angel: roman, povesti, rasskazy* [The Fiery Angel: novel, novellas, short stories]. St. Petersburg: Severo-Zapad Publ. (In Russian).
4. Vacuro, V. E. (2002) *Goticheskij roman v Rossii* [Gothic Romance in Russia]. Moscow: New Literature Observer Publ. (In Russian).
5. Vodolazhchenko, N. V. (2014) Stanovlenie i razvitie anglijskoj goticheskoj novelly v XIX veke [Formation and development of the English Gothic novel in the XIX century]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo – Bulletin of the Novgorod State University of the Yaroslav the Wise*. No. 83. Pp. 60–64. (In Russian).
6. Gluhova, E. (2020) Goticheskij modus «usadbnogo teksta» russkogo modernizma [The Gothic mode of the "manor text" of Russian Modernism]. *Russkaya slovesnost' – Russian literature*. No. 6. Pp. 26–36. (In Russian).
7. Gorodeckij, S. M. (2019) *Strashnaya usad'ba: izbrannye rasskazy* [The Terrible Manor: selected stories]. Salamandra P. V. V. Publ. (In Russian).
8. Dudareva, M. A., Kol'cova, N. Z. (2021) Etosy zhizni i smerti v rasskaze A. Grina «Zagadka predvidennoj smerti»: imaginativnaya apofaticheskaya real'nost' [The Ethos of Life and Death in A. Green's short story "The Riddle of Foreseen Death": Imaginative Apophatic Reality]. *Koncept: filosofiya, religiya, kul'tura – Concept: philosophy, religion, culture*. No. 5 (1). Pp. 25–33. (In Russian).
9. SHargorodskij, S. (2018) (ed.) *Krasnogubaya gost'ya: Russkaya vampiricheskaya proza XIX – pervoj poloviny XX v.; sost., predisl. i komm. S. SHargorodskogo* [The Red-lipped Guest: Russian vampiric Prose of the XIX – first half of the XX century]. Salamandra P. V. V. Publ. (In Russian).
10. Lipinskaya, A. A. (2017) Goticheskaya novella i ee literaturno-ideologicheskij kontekst: cikl R. S. Hichensa «Yazyki sovesti» [The Gothic novella and its literary and ideological context: the cycle of R. S. Hichens "Languages of Conscience"]. *Mirovaya literatura na perekrest'e kul'tur i civilizacij – World literature at the crossroads of cultures and civilizations*. No. 3–4 (19–20). Pp. 35–47. (In Russian).
11. Gorkin, A. P. (2007) (ed.) *Literatura i yazyk: sovremennaya illyustrirovannaya enciklopediya* [Literature and Language: a modern illustrated encyclopedia]. Moscow: Rosman Press. (In Russian).
12. Mihajlov, A. V. (1968) Novella [Novella] *Kratkaya literaturnaya enciklopediya* [A short literary encyclopedia]. Vol. 5. Column 306–308. (In Russian).
13. Osmukhina, O. Y., Tanaseychuk, A. B. (2019) Specifika prelomleniya goticheskoj tradicii v romane G. Leru «Prizrak Opery» [The specifics of the refraction of the Gothic tradition in G. Leroux's novel "The Phantom of the Opera"]. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva – Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University*. № 1 (28). Pp. 76–84. (In Russian).
14. Petrovskij, M. A. (1927) *Morfologiya novelly* [Morphology of the novel]. *Ars poetica: sbornik statej* [Ars poetica: collection of articles]. Issue 1. Pp. 69–101. (In Russian).
15. Po, E. A. (2017) *Kolodec i mayatnik: rasskazy* [The Well and the pendulum: stories]. St. Petersburg: ABC, ABC-Attikus Publ. (In Russian).
16. Tamarchenko, N. D. (2008) (ed.) *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatij* [Poetics: dictionary of current terms and concepts]. Moscow: Kulagina Publ. (In Russian).
17. Razumovskaya, O. V. (2019) *Po. Lav'kraft. King: CHetyre lekcii o literature uzhasov* [Poe. Lovecraft. King: Four Lectures on Horror Literature]. Moscow: RIPOL Publ. (In Russian).

18. Remizov, A. M. (2015) *Zga. Sobranie sochinenij*. Vol. 11 [Zga. Collected works. Vol. 11]. St. Petersburg: Rostok Publ. LLC. (In Russian).
19. Sologub, F. (2011) *Melkij bes: povesti, rasskazy, stihotvoreniya* [The Little Devil: novels, short stories, poems]. Moscow: AST, Astrel Publ. (In Russian).
20. Tanasejchuk, A. B. (2023) *Goticheskaya tradiciya v literaturno-hudozhestvennom soznanii Zapada* [The Gothic tradition in the Literary and artistic consciousness of the West]. Saransk: Mordovskij un-t Publ. (In Russian).
21. Tomashevskij, B. (2021) *Teoriya literatury. Poetika* [Theory of literature. Poetics]. Moscow: Flinta Publ. (In Russian).
22. CHameev, A. A. (2004) «Britanskoj muzy nebylicy...» ["The British Muse is a tall tale..."]. *Licom k licu s prizrakami: tainstvennye istorii* [Face to face with ghosts: Mysterious stories]. St. Petersburg: ABC-klassik Publ. Pp. 5–20 (In Russian).
23. CHverko, S. YU. (2015) «ZHivye mertvecy» v fantasticheskikh novellah simvolistov ["The Living Dead" in the fantastic novels of the Symbolists]. *Vse strahi mira: Horror v literature i iskusstve* [All the Fears of the World: Horror in Literature and Art]. St. Petersburg; Tver: Marina Batasova Publ. Pp. 112–121. (In Russian).
24. CHverko, S. YU. (2016) Osobennosti hronotopa v «strashnyh» novellah Serebryanogo veka [Features of the chronotope in the "scary" novels of the Silver Age]. *Vestnik Kostromskogo gos. un-ta – Bulletin of the Kostroma State University*. No. 3. Pp. 125–130. (In Russian).
25. SHklovskij, V. (1929) *O teorii prozy* [About the theory of prose]. Moscow: Federaciya Publ. (In Russian).
26. Ejhenbaum, B. M. (1927) O'Genri i teoriya novelly [O'Henry and the theory of the novel]. *Literatura: Teoriya. Kritika. Polemika* [Literature: Theory. Criticism. Controversy]. Leningrad: Priboj Publ. (In Russian).
27. Carroll, N. (1990) *The philosophy of horror or Paradoxes of the heart*. N.Y., L.: Routledge.

Об авторе

Трушкина Алёна Петровна, преподаватель Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (г. Саранск, Российская Федерация); e-mail: trualena1998@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-4882-364X

About the author

Aliona P. Trushkina, Lecturer, Ogarev Mordovian State University (Saransk, Russian Federation); e-mail: trualena1998@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4882-364X

дата получения: 19.10.2023 г.
дата принятия: 30.11.2023 г.
дата публикации: 30.12.2023 г.

date of receiving: 19 October 2023
date of acceptance: 30 November 2023
date of publication: 30 December 2023

О. А. Лучкина

Как составить краткую биографию писателя: вырезать, провозить и склеить

Статья посвящена анализу жанра биографии, адресованной читателю-ребенку, и жизнеописанию как инструменту педагогики. В работе рассматривается частный случай подобного жанра и практики – ««Силуэты» пятидесяти русских литераторов и краткие их биографии» А. А. Чернохвостовой. В задачи статьи входит выявление представлений составителя сборника о литературной иерархии и восприятия истории русской литературы в целом, анализ трансляции для детской аудитории истории жизни значимых писательских персоналий и их общественного и культурного потенциала, определение смысловой нагрузки жизнеописаний и структурных компонентов биографических нарративов. А. С. Пушкин, И. А. Крылов, М. В. Ломоносов были авторитетнее остальных писателей и получали более объемные биографии. В работе устанавливаются причины успеха биографий названных авторов у составителя сборника. В статье проясняются особенности традиции биографической литературы для детей. Отдельное внимание уделяется специфике жанра справки-биографии. Отмечается, что в результате работы составителя анализируемого сборника и подобных ему читатель-ребенок в пространстве книги знакомится с вариантом литературного канона и общей мифологической схемой русской литературы.

Ключевые слова: биография, детская литература XIX века, литературный портрет, силуэт, иллюстрированная биография, А. Д. Галахов, А. Э. Мюнстер, А. А. Чернохвостова.

Для цитирования: Лучкина О. А. Как составить краткую биографию писателя: вырезать, провозить и склеить // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 4. – С. 73–92. DOI: 10.35231/25419803_2023_4_73. EDN: EUTZWE

Несмотря на сопутствующую критику и вызовы на протяжении XIX и XX веков биографический метод стал частью академического литературоведения и гуманитарных наук в целом [14]. Литературоведами контекст жизненного опыта писателя учитывается при анализе и комментировании произведений. Основы же биографики заложил Ш. О. Сент-Бёв¹ в 1830-е гг., погрузившись в исследование генеалогии, политического и социального окружения писателя [19, с. 44]. Сент-Бев, создавая свои «литературные портреты», концен-

¹ См. его исследования «Литературно-критические портреты» (т. 1–3, 1836–1839) и «Беседы по понедельникам» (т. 1–15, 1851–1862).

© Лучкина О. А., 2023

трировался на личности автора. Вслед за ним не только исследователи, но и педагоги обратились к фигуре автора, характер или поступки которого были восприняты уже не просто как факты биографии, объясняющие обстоятельства создания произведения, а как воспитательный капитал. И исследовательскую, и педагогическую практику обращения к биографиям критиковал и, собственно, сам автор художественных произведений – А. Блок, называя ее «последним пережитком печальных дней русской школьной системы – вялой, неумелой и несвободной, плоды которой у всех на глазах» [3, с. 30].

На протяжении второй половины XIX века русская школьная система методично порождала многочисленные учебные пособия с биографиями писателей, а русская детская литература – беллетризованные биографии. Биография писателя в детском чтении – это прежде всего модель образцовой жизни известного и уважаемого человека. В школьный учебник биография «вписана» как приложение к произведению изучаемого автора, задача как правило короткой сопроводительной статьи не только рассказать о писателе, истории создания текста, стиле и творческой манере, но и воспитать качества, ценности, идеи, которые транслирует набор фактов о писателе. Инкорпорированное в учебник жизнеописание стало частью идейной несущей конструкции всей школьной программы, а поступки писателя – аргументом в пользу ценностей или педагогических задач методистов. Для того, чтобы образцовая биография признанного в обществе и закрепленного в истории страны человека соответствовала актуальным педагогическим стандартам, в биографию из общего писательского таймлайна «вырезаются» необходимые факты, они проващиваются удобной интерпретацией, и цепочка фактов склеивается в общий нарратив. Повествование о жизни писателя, адресованное детям, может быть представлено в форме статьи в школьном учебнике или хрестоматии, статьи в словаре или энциклопедии, популярного биографического очерка или романа, вступления к изданию книги, байопика. В поле зрения читателя-ребенка могут попадать и такие разновидности жанра, как автобиографии, некрологи или научные монографии.

Материалы и методы

Сегодня биографирование – ключевой инструмент в создании культурно-ценностной картины мира: «Деятельность биографов для современной России чрезвычайно важна, поскольку здесь массовое сознание обычно осмысляет историю не в рамках генерализованных понятий, закономерностей и тенденций, а через личностные и семейные модели. Поэтому значимы не столько идеологические и политические программы (характерно, что современные партии не предъявляют их, а электорат не очень ими интересуется), сколько лидеры. И история трактуется как цепь биографий. Постоянно тасуются одни и те же наборы персонажей (Петр Первый, Суворов, Кутузов, Ленин, Сталин, Пушкин, Толстой, Менделеев, Гагарин и т. д.)» [17, с. 194]. История литературы и ее воспитательные смыслы тоже обрамляются портретами писателей. И хотя произведения остаются здесь самостоятельно значимыми, педагоги и просветители с особым вниманием относятся к жанру биографии и подходам к ее написанию для школьников (См., например, анализ биографических сведений об И. С. Тургеневе в учебниках литературы в статье В. А. Доманского [10]).

«Силуэты» пятидесяти русских литераторов и краткие их биографии» А. А. Чернохвостовой в контексте традиции

Традиция создавать биографический нарратив появилась в России в XVIII веке и продолжила развиваться в XIX веке: «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова (1772), «Пантеон российских авторов» П. П. Бекетова (1801), «Словарь достопамятных людей русской земли» Д. Бантыш-Каменского (1836–1847), «Фон-Визин» П. А. Вяземского (1848), «Н. В. Станкевич» (1856), «А. С. Пушкин в Александровскую эпоху» (1874) П. В. Анненкова. Использование подобных текстов в воспитательных целях было давно опробованной (с XVIII века) и распространенной педагогической практикой. Детский извод жанра предлагал ребенку образец идеального человека, которому стоит подражать. В 1836 г. предлагалась для чтения книга «М. В. Ломоносов» К. А. Полевого [15], начиная со второй половины 1860-х гг. в хрестоматии включали рассказы о детстве

Петра I. В 1860–1880-е гг. публиковались биографические сборники и отдельные произведения, написанные для детей профессиональными литераторами: А. О. Островинской, П. Р. Фурманом, И. С. Ремезовым, С. М. Макаровой, А. П. Мунтом, Е. А. Сысоевой, Т. Толычевой (Е. В. Новосильцевой)¹.

К 1877 г., когда Анна Афанасьевна Чернохвостова² издала «Силуэты» пятидесяти русских литераторов и краткие их биографии» [20], уже были изданы и словари, и отдельные жизнеописания. В книге А. Чернохвостовой объединились визуальная (фиксация внешнего облика героя) и словесная (создание нарратива и интерпретация смысла жизни) традиция мемориализации. Составителем сборника стал некий В. Д. К., однако в издании указывалось, что словарь составлен по А. Д. Галахову³, А. Э. Мюнстеру⁴, П. Н. Полевому⁵, В. Ф. Тиму⁶, Ф. Г. Толю⁷, Н. В. Гербелю⁸ и др. Алексей Дмитриевич Галахов известен своими педагогическими пособиями по истории русской литературы [5–8]. Все работы многократно переиздавались, а «Полная русская хрестоматия» выдержала 33 издания. Главным ее достоинством считалось открытие для школьного мира новых имен (М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев). Популярность книги закончилась в начале XX века, когда и литература, и общество шагнули дальше, а школа оставалась специальным законсервированным пространством. Для самих литераторов она стала пережитком прошлого уже в конце XIX века. Книги Петра Николаевича Полевого «История русской литературы в очерках и биографиях» [16], Николая Васильевича Гербеля «Русские поэты в биографиях и образцах» [9] послужили основой для составления сборника писательских силуэтов Чернохвостовой, в котором представлены уже сильно сокращенные варианты жизнеописаний.

¹ Островинская А. О. Искры божьи: Биографические очерки А. Островинской: В 2 ч. СПб.: тип. И. А. Цедербаума, 1885. 367 с.; Фурман П. Р. Саардамский плотник: Повесть для детей: [В 2 ч.]. СПб.: Н. Г. Мартынов, 1890. 115 с.; Ремезов И. С. Самоучки. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1886; Макарова С. М. Как и чему учил Петр Великий народ свой. СПб.: тип. т-ва "Общество польза", 1883. 34 с.; Валуева-Мунт А. П. Джордж Вашингтон. СПб.: В. П. Бородин, 1880. 48 с.; Сысоева Е. А. Жизнь и подвиги Иннокентия, проповедника Евангелия на Алеутских островах. СПб.: ред. журн. "Родник", 1887. 56 с.; Толычева Т. Св. Стефан Пермский: С изображением святителя, рис. проф. Ф. Г. Солнцевым. СПб.: на средства Изд. о-ва при Постоянной комис. по устройству нар. чтений, 1884. 39 с.

² Сведения об издательнице скудны. Известно, что купеческая дочь А. А. Чернохвостова (1816–?) с 1845 г. жила в Санкт-Петербурге, преподнесла в дар митрополиту Филарету рукописную книгу «Житие Богородицы».

³ Алексей Дмитриевич Галахов (1807–1892), педагог, историк русской литературы.

⁴ Александр Эрнестович Мюнстер (1824–1908), литограф.

⁵ Петр Николаевич Полевой (1839–1902), литературовед, переводчик, писатель.

⁶ Василий Федорович Тимм (1820–1895), литограф.

⁷ Феликс-Эмануил Густавович Толь (1823–1867), педагог, писатель.

⁸ Николай Васильевич Гербель (1827–1883), поэт, переводчик, литературовед, издатель-редактор, библиограф.

В книге Чернохвостовой содержались не только биографии, но и силуэтные портреты писателей. Мемориализация писателя традиционно осуществляется не только вербальными способами, но и иллюстративными (например, через марки, открытки, портреты). В этом издании силуэт словесный дополнялся силуэтом графическим: и описание жизненного пути, и внешний облик давались без деталей, схематично на всех уровнях. Сборник биографий сопровождался оттисками силуэтов пятидесяти отобранных авторов, которые можно было вырезать, провозить и склеить. Издание предваряла инструкция по вырезке силуэтов: «Вырезку следует начинать с середины рисунка, с более мелких частей его, а самый удобный порядок следующий: белки глаз, потом окружающие глаза просветы, затем рот и линии, соединяющие его с носом. За ртом следуют нос, брови, лоб, щеки, и только покончив с вырезкой середины силуэта, следует приступить к наружной его обрезке. Для начинающих мы посоветовали бы провозить перед вырезкой» [20, с. 5]. Можно было купить и отдельные оттиски, они продавались по 10 копеек каждый. Сами оттиски сделаны с литографий Александра Эрнестовича Мюнстера, выпустившего в свет «Портретную галерею русских деятелей» [13] и издателя «Русского художественного листка»¹ Василия Федоровича Тимма. «Портретная галерея» Мюнстера объединила в себе портреты и биографии русских деятелей, в разных сферах деятельности и в разное время прославивших Россию. А книга Чернохвостовой повторила совмещение жанров биографии и художественного портрета в издании для детской читательской аудитории. Можно утверждать, что вторая половина XIX века – это становление традиции иллюстрированных и беллетризованных биографий для детей, начатая ещё П. П. Бекетовым в «Пантеоне российских авторов» и адресованная взрослой читательской аудитории.

50 формул писательских судеб в справках-биографиях

К 1870-м гг. жанр обзавелся своими конвенциями, законами и формами. «Силуэты» Чернохвостовой представляют

¹ «Русский художественный листок» – журнал, издавался живописцем и рисовальщиком В. Ф. Тиммом с 1851 по 1862 гг. в Санкт-Петербурге. В этом печатном сборнике В. Ф. Тимм помещал как свои собственные литографии, так и выполненные другими художниками. Рисунки к изданию готовились в мастерской А. Э. Мюнстера.

с собой краткий биографический словарь, или, точнее, адресованный детской аудитории сборник, содержащий справки-биографии. В предисловии издательница выражала надежду, что подобранные в хронологическом порядке жизнеописания писателей облегчат изучение русской литературы и будут полезны юношеству. Жанр силуэта возник во Франции в конце XIX века, когда Реми де Гурмон создал «Книгу масок», раскрывающую портретные характеристики французских писателей. В России этот жанр стал известен в начале XX века благодаря Ю. Айхенвальду. Его книга «Силуэты русских писателей» [1] – это сборник эссе, в центре внимания которых – внутренняя жизнь писателя. Айхенвальд называл свой метод «психологическим вчувствованием», в силуэтах критика различался общий контур биографии писателя, эскиз, была дана обобщенная характеристика, а не литературный портрет в деталях. Название сборника Чернохвостовой не определяет его жанровой специфики в трактовке Айхенвальда. Эта книга – сборник литературных портретов, биографий-справок. В графике силуэт определяется как изображение фигур или предметов, форма которых воспринимается без деталей и объемности. Такие силуэты выступают в качестве приложения к сборнику.

Специфика жанра справки-биографии подразумевала краткость и емкость, однако при всей шаблонности формата составитель сборника реконструировал «литературные лица» с избирательностью, вырезал, проващивал и склеивал справки в соответствии с иерархией писательских репутаций. Представленные в сборнике биографии были неравноценны по объему и набору фактов, что позволяет выявить наиболее значимых для составителя авторов, критерии отбора и ценностную систему для построения повествования о жизни героев. Действительно, кто был выбран в хронологический писательский ряд и какие справки «выдали» авторам? Есть ли место оценочности в пространстве достаточно короткого биографического жанра или нет? И как она используется, если есть? С учетом каких параметров создается имидж писателя? Как формализм школьного подхода вымывает «живое лицо», которое, по Лотману¹, читатель и хочет увидеть в биографии?

¹ «За читательским интересом к биографии всегда стоит потребность увидеть красивую и богатую человеческую личность. Биография соединяет для читателя эстетические переживания, родственные тем, которые возбуждает слияние игрового и документального кинематографа: герой – как в романе, а сознание подлинности – как в жизни» [12, с. 228].

Если видеть в биографии «формулу» жизни человека с общей концепцией, движением и переходом из одного состояния в другое [17, с. 179], то в случае с изданием Черныхвостовой мы получаем 50 «формул», 50 попыток найти смысл жизни разных писателей. Как привносит смысл в личную и творческую жизнь избранных персонажей издательница, исходя из чего структурирует жизнеописание?

В оглавлении сборника составитель перечислил всех персонажей в хронологическом порядке, таким образом обозначив историю русской литературы в лицах. Начало отечественной литературы ассоциируется в книге с историком, географом, автором «Истории Российской» Василием Никитичем Татищевым (1686–1750), а конец – с поэтом Василием Степановичем Курочкиным (1831–1875). Список отобранных писателей демонстрировал не только личный взгляд составителя на ленту истории русской литературы, но и значимость персоналий с точки зрения их общественного, культурного и педагогического потенциала. Среди пятидесяти актуальных авторов можно обнаружить неравнозначность в объемах представленных жизнеописаний и выявить литературную иерархию в пространстве сборника. Факты, организующие нарративное повествование, создают объем биографии. Чем больше фактов и сопровождающих их интерпретаций, тем длиннее становится «жизнь» героя. Фактографическая плотность и объем (строка, полстраницы, страница, две страницы) могут быть показателями для измерения значимости лица, а наличие более/менее значимых позволяет сделать выводы о складывающемся представлении авторов сборника о сложившейся литературной иерархии.

Первую позицию в литературной иерархии силуэтов занимает А. С. Пушкин (2,5 страницы в издании), у М. Л. Ломоносова и И. А. Крылова биографии немногим меньше (по 2 стр.), а историям жизни Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, Н. А. Полевого, Н. В. Гоголя-Яновского посвящено по полторы страницы. У других писателей биография ограничилась одной страницей: В. Н. Татищев, В. К. Тредиаковский, А. Д. Кантемир, А. П. Сумароков, М. М. Херасков, И. Ф. Богданович, Е. Р. Дашкова, Г. Р. Державин, Д. И. Фонвизин, И. И. Дмитриев, В. А. Озеров, С. Т. Аксаков, А. С. Грибоедов, М. И. Глинка,

А. В. Кольцов, В. Г. Белинский, М. Ю. Лермонтов, А. Ф. Писемский, Я. П. Полонский, А. Н. Майков, Н. А. Некрасов, Ф. М. Достоевский, А. Н. Островский, А. В. Дружинин, И. С. Никитин, В. С. Курочкин. Некоторые авторы описываются с помощью нескольких предложений: И. И. Хемницер, Н. И. Новиков, И. И. Козлов, П. А. Вяземский, М. П. Погодин, А. И. Одоевский, Н. М. Языков, А. С. Хомяков, Д. В. Веневитинов, В. В. Бенедиктов, А. А. Краевский, И. И. Панаев, Т. Г. Шевченко, И. С. Тургенев, А. А. Фет, Д. В. Григорович. Таким образом, силуэт Пушкина оказывался четче и объемнее, чем силуэты Хемницера или Фета. Попробуем определить смысловой вес неравнозначных жизнеописаний и структурные компоненты нарративов. Каждая биография-справка состояла из набора компонентов, по которым выстраивалась линия жизни персонажа. Ключевыми параметрами стали следующие сведения: дата рождения/смерти; образование/воспитание; военная служба; литературные заслуги (новаторство, круг литературных знакомств, произведения); статус первопроходца. Эти параметры становились рамкой, которая превращала «живое лицо» в силуэт. Сетка биографических показателей упорядочивала истории жизней, а отобранные факты помогали выстраивать смысловую конструкцию и в тоже время демонстрировали ценностную картину настоящего через значимые позиции (военная служба – один из постоянных критериев, используемых для описания героя). Рассказ о жизни автора начинался с сообщения о дате рождения: «Князь А. И. Одоевский родился в Москве в 1802 году г.» и заканчивался сведениями о смерти: «А. И. Одоевский умер в октябре 1839 г.» [20, с. 35]. В некоторых случаях после этих данных давалось объяснение заслуг писателя и значения его жизни для общества. Второй значимый компонент в структуре повествования – образование и воспитание персонажа: «Он был сын священника. Жажда просвещения заставила его в 1723 году бежать в Москву, где в Славяно-греко-латинской Академии он и прошел курс схоластического учения. В 1726 году Третьяковский нашел способ пробраться за границу и окончил свое образование в Сорбонне во Франции. В конце 1729 года он вернулся в Россию, где после многих лишений и неудач ему только в 1731 году удалось поступить в число переводчиков при Академии Наук. В 1745 году Третья-

ковский получил звание профессора российского красноречия в академическом университете и занимал это место в течение четырнадцати лет» [20, с. 8]. Мотив преодоления трудностей на пути к профессиональному успеху использовался и в биографиях других героев. В других жизнеописаниях акцентировалась роль воспитания или семейных обстоятельств в жизни будущего известного человека: «Д. И. Фонвизин родился в 1744 году. Он происходил от древнего рыцарского рода. Предок его, барон Петр Фонвизин, во время Ливонской войны при Иоанне Грозном взят был в плен и поселился в России. Благодаря светлому уму своего отца Денис Иванович получил тщательное домашнее воспитание, весьма редкое по тому времени и в 1755 году помещен был в только что учрежденный в Москве университетский благородный пансион, а в 1759 году перешел в университет и будучи студентом вышел на литературное поприще» [20, с. 18]. Факт военной службы отмечался обязательно, а иногда заменял другие структурные компоненты, если их качество не удовлетворяло общему просветительскому посылу. Так, избегаемые аспекты жизни А. А. Фета (происхождение, воспитание и прочее) замещались сразу же более предпочтительными.

Краткая биография выглядела в сборнике в полном виде так: «Афанасий Афанасьевич Фет (1821). А. А. Фет служил в военной службе. Свои стихотворения он начал печатать в журналах сороковых годов. Помимо множества своих стихотворений, замечателен переводами стихотворений Горация, поэм Гете, Шекспира и др.» [20, с. 47]. Особое положение в семье отца, исключение из рода, лишение дворянских прав – факты, умалчиваемые составителем. Об образовании тоже не говорится: А. Фет учился в немецком частном пансионе Крюммера, а позже поступил в Московский университет. Окончив университет, он поступил унтер-офицером в кирасирский Военного ордена полк. «Силуэтная» биография начиналась сразу с 1840-х гг., минуя первые 20 лет жизни поэта. Решение составителя можно объяснить и неудобными фактами, и особенностями этапа биографирования. А. И. Рейтблат отмечал, что важной вехой в биографировании конкретного человека и особенно в публикации биографии является его смерть, которая «фиксирует конец жизни, ста-

вит точку и, тем самым, позволяет придать законченность биографической конструкции» [17, с. 212]. Поясним, что Рейтблат выделял 4 этапа эволюции биографии. На первом этапе значительную роль играет сам автор: он сам сообщает о себе сведения в печати, обществе, создает самообраз. В 1877 году биография Фета находилась на этом этапе. Кроме того, «детский» вариант биографии традиционно представляет собой еще более отшлифованный текст, чем тот, который биографы пишут для взрослой аудитории, так как педагогическая задача заставляла биографа быть осторожным в обороте фактов и содержании интерпретаций. В результате педагогической цензуры жизнь Фета уместилась в трех предложениях. В повествовании о Курочкине воспитательный и служебный пункты описания срачивались: «В. С. Курочкин родился в 1831 году. Воспитывался он в Дворянском полку, из которого был выпущен прапорщиком; прослужив два года в военной службе, вышел в отставку для литературной деятельности» [20, с. 53]. Биография Г. Р. Державина превратилась в рассказ о его служебных успехах: «В 1762 г. он рядовым поступил в Преображенский полк и хотя жил в казармах вместе с солдатами; но не переставал доканчивать свое образование, читая немецкие и русские книги. В 1772 г. Державин произведен в офицеры и до 1776 г. пробыл на Востоке России, состоя членом секретной комиссии, учрежденной во время Пугачевщины. В 1777 г. он поступил в статскую службу: служил в Сенате, был губернатором и в 1791 г. возведен в звание статс-секретаря Императрицы Екатерины. Во время краткого царствования Императора Павла, Державин был президентом Коммерц Коллегии, а потом Государственным казначеем. По вступлении на престол Императора Александра I, Державин был министром юстиции и наконец в 1803 г. вышел в отставку, всецело посвятив себя литературе» [20; с. 16–17]. История карьерного успеха заканчивалась предложением, которое емко описывало литературный путь поэта-министра: «Поэзия Державина представляет по преимуществу хвалебный гимн Екатерининскому веку» [20, с. 17]. Биография Державина обозначает отношение биографа к структурным компонентам нарратива. «Дата рождения, смерти» – рамочный элемент, «образование/воспитание» – частотный, но не ключевой, как «военная служ-

ба». Заслуги автора перед обществом – еще один значимый мотив в контрапунктической переключке эпизодов жизни героев. Описываемые литературные заслуги могли касаться новаторства, включенности в традицию, принадлежности к литературному сообществу, конкретных литературных произведений, ставших значимыми образцами жанра, эпохи, иллюстрацией актуальной темы или проблемы для общества. Литературная репутация М. Ю. Лермонтова в сборнике кроилась из прецедента, положившего начало литературной известности поэта, и типа литературного героя, который был им «открыт»: «...но собственно литературная известность Лермонтова началась не ранее 1837 года, когда на смерть Пушкина он написал стихи "На смерть поэта". <...> Лермонтов ввел новый тип в русскую литературу: печоринство» [20; с. 43–44]. Заслуги В. А. Озерова раскрывались через творчество: «Озеров написал несколько од, басен и посланий, но известен он своими драматическими сочинениями. Вершины своей славы Озеров достиг трагедией "Дмитрий Самозванец", одним из своих наименее замечательных, по литературному достоинству, сочинений; но поставленных на сцену во время самого разгара борьбы России с Наполеоном, когда русский патриотизм был сильно возбужден» [20, с. 24]. В некоторых случаях на первый план в нарративе выходили заслуги перед властью: «Все свободное от служебных обязанностей время Татищев посвящал на выполнение двух любимейших мыслей Петра Великого: собирание материалов по русской истории и географии. Географию Татищев не кончил, но русскую историю обработал довольно полно в пяти объемистых книгах. Этот труд был издан уже тридцать лет спустя по смерти Татищева. При отыскании материалов для истории, Татищев нашел два важные исторические памятника "Русскую правду" и "Судебник" Иоанна IV. Как характеристика современного времени замечательно сочинение Татищева: "Духовное заветование моему сыну"» [20; с. 7–8].

Итак, с помощью набора мотивов (образование/воспитание – служба – заслуги) составитель оформлял смысловую связь в каждой биографии сборника. В отсутствии необходимых скрепляющих канву повествования элементов он расцветчивал сюжет с помощью личных эпизодов из жизни

героя, которые обычно опускались: «Иван Иванович Козлов (1774–1838). Лучшее его произведение, поэма «Чернец», переведенная на многие европейские языки. В 1802 г. паралич лишил его употребления ног, а потом и зрения» [20, с. 24]. Жизнь И. И. Козлова описывалась с помощью двух предложений, рассказывала о его литературном достижении и болезни. Сведения личного характера избегались в биографиях, но в этом случае составитель распространял короткую биографию за счет описания трагических обстоятельств в жизни героя. Однако в остальных случаях короткие тексты не сопровождалась не только личными подробностями, но и теми, которыми мог располагать биограф, но не стал использовать: И. И. Хемницер («Первый (по времени) русский баснописец подготовивший почву Дмитриеву и Крылову» [20, с. 17]), Н. И. Новиков («Н. И. Новиков – остроумный и талантливый издатель наших первых сатирических журналов. Около него группировался современный ему кружок литераторов» [20, с. 19]), И. И. Панаев («И. И. Панаев один из редакторов «Современника» родился в 1812 году. Он начал свое литературное поприще еще в тридцатых годах. С 1847 г. он писал под псевдонимом "Нового поэта"» [20; с. 42–43]). Предположим, что ключевым в определении объема, а, значит, и статуса биографии были заслуги автора. Если они не оказывались с точки зрения составителя достаточно весомыми, то силуэт оказывался тоньше: рассказывалось только о достижениях персонажа, а жизнь оставалась в тени.

Среди заслуг приоритетными были те, что обнаруживали новаторство героя. Персонаж получал статус первого автора: «российский Расин» – директор первого русского театра, по мысли «российского Гомера» Хераскова, учрежден при Московском университете «благородный пансион», Карамзин «ввел новое сентиментальное направление» и «первый заговорил в книгах чистым русским языком», Грибоедов «начал ряд поэтов, рисующих вполне верную картину русской жизни преимущественно с ее мрачной стороны», Гоголь познакомил публику «с тем смехом, сквозь который слышатся слезы», Достоевский «известен как писатель психиатр», Островский «создал самобытную русскую комедию, оказав литературе услугу разработкой жизни и нравов замкнутой касты купечества».

Основываясь на пособиях Галахова и Полевого, составитель В. Д. К. транслировал уже закрепленные педагогами репутационные маркеры, которые используются в педагогической практике и сегодня. Маркеры были разного свойства (открытие литературного направления, жанра, подхода к отражению действительности, участие в жизни общества с помощью значимых инициатив). Возможно, именно они были основанием для «выдачи» более объемной справки-биографии. Словесные конструкции, фиксирующие заслуги героев, обнаруживают существующие в обществе представления о том, кто достоин биографии вообще, и кто достоин расширенной биографии. А. С. Пушкин, И. А. Крылов, М. В. Ломоносов были авторитетнее остальных 47 литераторов и получали преимущество в виде более длинных биографий, отображающих большее число сторон жизни персонажа. Рассмотрим формулы наиболее объемных биографий пристальнее и попробуем выяснить, почему они возглавляли иерархию писателей.

Силуэты А. С. Пушкина, И. А. Крылова и М. В. Ломоносова

Пропущенная через фильтры авторов учебных пособий биография А. С. Пушкина выглядит канонично и в житейско-бытовом смысле нейтрально. Течение всей жизни писателя определяется опорными событиями, выбранными из довольно обширного материала [11]: рождение и первоначальное домашнее образование, обучение в Лицее, появление в печати первых произведений, публичный экзамен и чтение «Воспоминания в Царском Селе», чтение первых песен «Руслана и Людмилы», перевод на юг (1820–1824), причиной которого в справке называются «неумеренные порывы сатирической музыки Пушкина», ссылка в Михайловское (в самом тексте слово ссылка на упоминается¹) и жизнь в имении матери (Ирина² Родионовна, изучение «русской народности», исторических памятников, касавшихся смутного времени), дозволение въез-

¹ Традиция умалчивания неудобных фактов или обстоятельств в жизни А. С. Пушкина велась от его первых биографов. В 1855 г. П. В. Анненков в работе «А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений» аккуратно описывал жизнь поэта: «Наиболее опасные места автор нарочито излагает штампованно-казенным стилем. Так неопределенно именуя «вольные стихи» Пушкина «грехами молодости» (прямо он их совсем не упоминает), а его ссылку – «одним событием, удалившим Пушкина из Петербурга на другой конец империи», он так излагает историю последней: «Не раз переступал он [Пушкин] черту, у которой остановился бы всякий более рассудительный человек, и скоро дошел до края той пропасти, в которую упал бы непременно, если бы его не удержали снисходительность и попечительность самого начальства» [2, с. 250].

² В биографии используется этот вариант имени няни.

да в столицы, пожалование в камер-юнкеры (за «Историю пугачевского бунта»), издание «Современника», смертельное ранение на дуэли с бароном Дантесом. В биографии указывается ряд произведений поэта: «Воспоминания в Царском Селе», «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Цыгане», «Евгений Онегин», «Прощание с морем», «Борис Годунов». Все эти произведения комментируются автором биографии через призму литературных направлений, темы русской народной жизни, исторической памяти. Факты биографии и произведения отбираются исходя из их актуальности для текущей социальной и эстетической повестки. Внутренняя динамика жизни героя передается с помощью этапов его творческой эволюции (от эпиграмм и подражательной лирики до исторической драмы).

Судьба М. В. Ломоносова – это череда преодолений жизненных сложностей: рано научился читать, но мачеха преследовала его за страсть к чтению; бежал из дома и доехал до Москвы, где «претерпел много бед и лишений», но попал в число студентов Славяно-греко-латинской академии, затем Ломоносов был переведен в Петербургскую академическую гимназию, отправлен за границу для окончания образования и наконец вернулся в Петербург и был назначен адъюнктом. Эти перипетии обозначает составитель. В биографии перечисляются разнообразные жанры, в которых успел проявить свой талант Ломоносов (поэма, трагедия, ода, стихотворение, похвальные и благодарственные слова, переводы), но главным его достижением считается открытие народного разговорного языка для усовершенствования и оживления книжной речи. Динамика жизни Ломоносова задается его бытовым и профессиональным совершенствованием.

В жизнеописании И. А. Крылова акцент сделан на его карьерной истории: служба писцом в Калязинском уездном суде, затем – в Тверском магистрате, служба в Петербурге в казенной палате, в кабинете Ее Величества, издательское поприще («Почта Духов», «Зритель»/«Петербургский Меркурий»), воспитатель (потом секретарь) в семье князя С. Ф. Голицына. Динамика создается за счет описания смены профессионального статуса Крылова. Мотив преодоления жизненных невзгод звучит в начале и в финале биографии: «В наследство

от отца Крылов получил сундук с книгами и пристрастие к чтению, но крайняя бедность заставила Крылова рано поступить на службу...» [20, с. 22]. И, следуя логике автора биографической справки, сундук с книгами долгое время писатель должен был отодвигать в сторону: «Только в конце 1805 года Крылов снова выступил на литературное поприще и занялся басней, т. е., тем родом поэзии, которой Крылов обязан своей славой» [20, с. 23]. Собственно, именно «народный язык» басен и называется главной заслугой автора.

Нарратив в биографических формулах Пушкина, Ломоносова и Крылова выстраивается по нормативным требованиям, предъявляемым к биографическим исследованиям: отражает взгляд на жизнь индивида в целом, учитывает взаимосвязь индивидуальной истории жизни и истории общества, осмысливает интерпретационную активность актеров повседневности [18, с. 7]. В трех формулах жизнеописаний создается точка восприятия ее героев: мы видим выдающуюся творческую личность, преодолевшую подражательность и ученичество, создавшую шедевры, порой склонную к неуместной сатиричности; сына рыбака, ставшего преподавателем в академии и поэтом; терпящего бедность будущего баснописца, вынужденного всю свою жизнь служить, но все же достигшего литературной славы. Учитывается и взаимосвязь с общественной жизнью. В случае с Пушкиным – это и история лица, и история русской (знакомство с Жуковским, Карамзиным) и зарубежной (подражание Байрону) литературы. История Ломоносова «смыкается» с историей российского образования, а этапы биографии Крылова – с историей российской журналистики (издание журналов). Интерпретационная активность героев писательских биографий – это механизм осмысления, понимания, оценки, она дает возможность консолидировать сообщество. Все три биографии объединяются вокруг идеи открытия народности. В качестве маркера, фиксирующего заслугу героев, в наиболее объемных биографиях ключевым оказался язык и народная тематика произведений: «простой русский язык» (Ломоносов), «первый заговорил народным языком» (Крылов), «фантазия поэта обращалась к русской народной жизни» (Пушкин). Заслуга вышеназванных поэтов и писателей не сводится к трансляции идеи народно-

сти, но используется в качестве основного фильтра. Пушкин, Ломоносов и Крылов обретают наиболее объемные биографии в пространстве одного сборника, так как их биографии позволяют автору постулировать ценность, вокруг которой можно организовывать детей-читателей: писатель и поэт открывает читателю русскую историю, русский народ, русский язык. Биография писателя превращается в идеологический конструкт, с помощью которого моделируется идея русского писателя. К середине XIX века возросло национальное самосознание, в процессе становления которого усиливалось внимание ко всему русскому: искусству, науке, литературе. А. Э. Мюнстер, по «Портретной галерее русских деятелей» которого создавались оттиски силуэтов писателей к изданию Чернохвостовой, писал в предисловии к своей книге: «Руководствуясь при этом мыслью, что всякий, кто искренно любит свою родину ради ее самой, не может оставаться холодным к изображениям, дорогим сердцу патриотов; а дороги сердцу патриотов, без сомнения, изображения отечественных деятелей...мы русские, и ни один русский деятель не должен быть нами забыт...» [13; с. 3–4]. Факты жизни героев биографий позволяли рассказать историю с определенной оптикой восприятия и встроить эпизоды их судеб в общий контекст жизни общества.

Обсуждение и выводы

В сборнике «"Силуэты" пятидесяти русских литераторов и краткие их биографии» собраны жизнеописания, созданные по разным формулам. Г. О. Винокур предложил три стадии биографирования: антикварную (анализ разрозненного материала), историческую (связный рассказ) и философскую (понимание, истолкование) [4, с. 58]. Биографии в книге Чернохвостовой проходят разные стадии: истории жизни Пушкина, Ломоносова, Крылова претендуют на философскую (в терминологии Винокура), хотя в жанре короткой справки интерпретационный потенциал в полной мере раскрыть было сложно. Но при этом биографический трафарет помогал автору сборника скомпоновать и упорядочить пятьдесят писательских судеб. Составитель решал таким образом презентационную и идеологическую задачи, а читатель получал

упорядоченную жизнь-схему, которая соответствовала идеям, популярным в обществе, и приближала образ писателя или поэта к реальности читателя с актуальными для него нормами и ценностями. Объем биографии зависел и от этапа биографирования, и от количества прожитых героем лет, и от имеющихся сведений. В результате отбора авторов, конкретных жизненных эпизодов и характера интерпретации этих эпизодов и жизни в целом читатель-ребенок в пространстве книги знакомился с вариантом литературного канона. «Силуэты», будучи созданы на основе учебных книг по истории литературы и альбома с литографиями, все же представляют собой общую мифологическую схему русской литературы, актуальную для учащихся 1870-х гг. и общества этого времени в целом. Силуэт русского писателя вследствие вырезания, проващивания и склеивания становится талантом, преодолевающим сложные жизненные обстоятельства и пишущим во благо русского государя и народа.

Список литературы

1. Айхенвальд Ю. А. Силуэты русских писателей. – М.: Издание «Научного слова», 1906. – Т. 1. – 258 с.
2. Благой Д. Проблемы построения научной биографии Пушкина // [Александр Пушкин]. – М.: Журнально-газетное объединение, 1934. – С. 247–270.
3. Блок А. А. Педант о поэте // Собрание сочинений: в 8 т. – М.: ГИХЛ, 1962. – Т. 5. – С. 25–30.
4. Винокур Г. О. Биография и культура. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 96 с.
5. [Галахов А.] Полная русская хрестоматия. – 4-е изд. с переменами. Ч. 1–3. – М.: Унив. тип., 1849.
6. Галахов А. Д. Русская хрестоматия для детей, или Книга для первоначального чтения и практического изучения русского языка. – М.: Унив. тип., 1855. – 292 с.
7. Галахов А. Д. Историческая хрестоматия нового периода русской словесности: [От Петра I до нашего времени]. В 2 т. – СПб., 1861–1864.
8. Галахов А. Д. История русской словесности: (Учеб. для сред. учеб. заведений). – СПб.: тип. Морского министерства, 1879. – 252 с.
9. Гербель Н. В. Хрестоматия для всех: Русские поэты в биографиях и образцах. – СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1873. – 656 с.
10. Доманский В. А. И. С. Тургенев в школе: традиции и преодоление стереотипов // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2019. – Вып. 1 (198). – С. 113–126.
11. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. / Сост. М. А. Цявловский, Н. А. Тархова; науч. ред. Л. Я. Левкович. – М.: СЛОВО/SLOVO, 1999. – 542 с.
12. Лотман Ю. М. Биография – живое лицо // Новый мир. – 1985. – № 2. – С. 228–236.
13. Портретная галерея русских деятелей: 1864–1865 / А. Мюнстер. – СПб.: Тип. А. Мюнстера, 1865–1869. – Т. 1: Сто биографий. – 124 с.

14. Петровская И. Ф. Биографика: введение в биографику: источники биографической информации о россиянах, 1801–1917 гг. – СПб.: Logos, 2003. – 488 с.

15. Полевой К. А. Михаил Васильевич Ломоносов: [Ист. повесть]. В 2 т. – М.: тип. Августа Семена, при Мед.-хирург. акад., 1836.

16. Полевой П. Н. История русской литературы в очерках и биографиях: (1862–1852). – СПб.: Тип. А. Траншеля, 1872. – 675 с.

17. Рейтблат А. И. Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 416 с.

18. Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. – М.: Высшая школа экономики, 2012. – 381 с.

19. Сент-Бёв Ш. О. Шатобриан в оценке одного из близких друзей в 1803 г. [Определение биографического метода] (отрывок из статьи, перевод В. Большакова, Г. Косикова) // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Тракаты, статьи, эссе. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 39–48.

20. [Чернохвостова А. А.] Силуэты пятидесяти русских литераторов и краткие их биографии по Галахову, Мюнстеру, Полевому... и др. / Сост. В. Д. К. – СПб.: тип. Ф. Х. Иордана, 1877. – 53 с., 50 л. портр.

Olga A. Luchkina

How to Write a Short Biography of a Writer: Cut, Wax and Glue

The article is devoted to the analysis of the genre of biography addressed to the child reader and biography as a tool of pedagogy. The work examines a specific case of such a genre and practice – A. A. Chernokhvostova's "Silhouettes" of fifty Russian writers and their brief biographies. The tasks of the article include identifying the compiler's views on literary hierarchy and perception of the history of Russian literature as a whole, analyzing the transmission to the children's audience of the life stories of significant literary personalities and their social and cultural potential, determining the semantic load of biographies and structural components of biographical narratives. A. S. Pushkin, I. A. Krylov, and M. V. Lomonosov were more authoritative than other writers and received more voluminous biographies, reflecting a greater number of aspects of the character's life. The work establishes the reasons for the success of the biographies of the named authors with the compiler of the collection "Silhouettes" of fifty Russian writers and their brief biographies. The author of the article clarifies the features of the tradition of biographical literature for children. Special attention is paid to the specifics of the reference-biography genre. It is noted that as a result of the work of the compiler of the analyzed collection and similar ones, the child reader in the space of the book becomes acquainted with a version of the literary canon and a general mythological scheme of Russian literature.

Key words: biography, children's literature of the 19th century, literary portrait, silhouette, illustrated biography, A. D. Galakhov, A. E. Munster, A. A. Chernokhvostova.

For citation: Luchkina, O. A. (2023) Kak sostavit' kratkuyu biografiyu pisatelya: vyrezat', provoshchit' i skleit' [How to Write a Short Biography of a Writer: Cut, Wax and Glue]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 73–92. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_4_73. EDN: EUTZWE

References

1. Ajhenval'd, YU. A. (1906) *Siluetny russkikh pisatelej* [Silhouettes of Russian writers]. Vol. 1. Moscow: Nauchnoe slovo Publ. (In Russian).
2. Blagoj, D. (1934) Problemy postroeniya nauchnoj biografii Pushkina [Problems of constructing a scientific biography of Pushkin]. *Alexander Pushkin* [Aleksandr Pushkin]. Moscow: ZHurnal'no-gazetnoe ob'edinenie Publ. Pp. 247–270. (In Russian).
3. Blok, A. A. (1962) Pedant o poete [Pedant about the poet]. *Sobranie sochinenij: v 8 t. [Collected works: in 8 vols.]*. Vol. 5. Moscow: GIHL. Pp. 25–30. (In Russian).
4. Vinokur, G. O. (2007) *Biografiya i kul'tura* [Biography and culture]. Moscow: LKI Publ. (In Russian).
5. Galahov, A. (1849) (ed.) *Polnaya russkaya hrestomatiya*. 4-e izd. s peremenami. CH. 1–3 [Complete Russian anthology; 4th ed. with changes. Parts 1–3]. Moscow: Universitetskaja tipografija Publ. (In Russian).
6. Galahov, A. D. (1855) *Russkaya hrestomatiya dlya detej, ili Kniga dlya pervonachal'nogo chteniya i prakticheskogo izucheniya russkogo yazyka* [Russian Reader for Children, or a Book for Initial Reading and Practical Study of the Russian Language]. Moscow: Universitetskaja tipografija Publ. (In Russian).
7. Galahov, A. D. (1861–1864) *Istoricheskaya hrestomatiya novogo perioda russkoj slovesnosti [Ot Petra I do nashego vremeni]*. V 2 t. [Historical anthology of the new period of Russian literature: [From Peter I to our time. In 2 vols]. St. Petersburg. (In Russian).
8. Galahov, A. D. (1879) *Istoriya russkoj slovesnosti: (Ucheb. dlya sred. ucheb. zavedenij)* [History of Russian literature: (Textbook for secondary educational institutions)]. St. Petersburg: Tip. Morskogo ministerstva. (In Russian).
9. Gerbel', N. V. (1873) *Hrestomatiya dlya vsekh: Russkie poety v biografijah i obrazchah* [Reader for everyone: Russian poets in biographies and samples]. St. Petersburg: Tip. Imperat. Akademii nauk. (In Russian).
10. Domanskij, V. A. (2019) *I. S. Turgenev v shkole: tradicii i preodolenie stereotipov [I. S. Turgenev at school: traditions and overcoming stereotypes]*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. Issue 1 (198). Pp. 113–126. (In Russian).
11. Cyavlovskij, M. A., Tarhova, N. A. (1999) (eds.) *Letopis' zhizni i tvorcestva A. S. Pushkina: v 4 t.* [Chronicle of the life and work of A. S. Pushkin: In 4 vols]. Moscow: SLOVO/SLOVO Publ. (In Russian).
12. Lotman, YU. M. (1985) *Biografiya – zhivoe lico* [Biography – a living person]. *Novyj mir – New World*. No. 2. Pp. 228–236. (In Russian).
13. Myunster, A. (1865–1869) *Portretnaya galereya russkikh deyatelej: 1864–1865T. 1: Sto biografij* [Portrait gallery of Russian figures: 1864–1865. Vol. 1: One hundred biographies]. St. Petersburg: Tip. A. Myunster, 1865–1869. (In Russian).
14. Petrovskaya, I. F. (2003) *Biografika: vvedenie v biografiku: istochniki biograficheskoy informacii o rossijanah, 1801–1917 gg.* [Biography: introduction to biography: sources of biographical information about Russians, 1801–1917]. St. Petersburg: Logos Publ. (In Russian).
15. Polevoj, K. A. (1836) *Mihail Vasil'evich Lomonosov: [Ist. povest']*. V 2 t. [Mikhail Vasilievich Lomonosov; ist. story in 2 vols]. Moscow: Tip. Avgusta Semena, pri Mediko-hirurgicheskoi akademii. (In Russian).
16. Polevoj, P. N. (1872) *Istoriya russkoj literatury v ocherkah i biografijah: (1862–1852)* [History of Russian literature in essays and biographies: (1862–1852)]. St. Petersburg: Tip. A. Transhelya. (In Russian).
17. Rejtblat, A. I. (2014) *Pisat' poperek: Stat'i po biografike, sociologii i istorii literatury* [Writing across: Articles on biography, sociology and history of literature]. Moscow: New Literature Observer Publ. (In Russian).
18. Rozhdestvenskaya, E. YU. (2012) *Biograficheskij metod v sociologii* [Biographical method in sociology]. Moscow: Izd. dom Vysshjej shkoly ekonomiki. (In Russian).
19. Sent-Byov, SH. O. (1987) *SHatobriyan v ocenke odnogo iz blizkikh druzej v 1803 g.* [Opredelenie biograficheskogo metoda] (otryvok iz stat'i, perevod V. Bol'shakova, G. Kosikova) [Cha-teaubriand in the assessment of one of his close friends in 1803 [Definition of the biographical

method] (excerpt from the article, translation by V. Bolshakov, G. Kosikov)]. *Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX–XX vv.: Traktaty, stat'i, esse* [Foreign aesthetics and theory of literature of the 19th–20th centuries: Treatises, articles, essays]. Moscow: MGU Publ. Pp. 39–48. (In Russian).

20. Chernohvostova, A. (1877) (ed.) *Siluety pyatidesyati russkih literatorov i kratkie ih biografiï po Galahovu, Myunsteru, Polevomu... i dr.* [Silhouettes of fifty Russian writers and their short biographies according to Galakhov, Munster, Polevoy... and others]. St. Petersburg: Tip. F. H. Iordana. (In Russian).

Об авторе

Лучкина Ольга Александровна, младший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН кандидат филологических наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: olyalukoie@gmail.com; ORCID ID: 0000–0002–8184–5309

About the author

Olga A. Luchkina, Junior Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkinsky Dom) of Russian Academy of Sciences, PhD in Philology (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: olyalukoie@gmail.com; ORCID ID: 0000–0002–8184–5309

дата получения: 29.08.2023 г.
дата принятия: 30.09.2023 г.
дата публикации: 30.12.2023 г.

date of receiving: 29 August 2023
date of acceptance: 30 September 2023
date of publication: 30 December 2023

В. И. Абрамова, Ю. В. Архангельская

Значение Пушкина для русской культуры: мифологема и ее репрезентации в фольклоре Рунета

Анализу подвергаются различные репрезентации мифологема, отражающей значение Пушкина для русской культуры («Пушкин – наше все», «солнце русской поэзии», «Ай, да Пушкин! ай да сукин сын!», памятник, пророк и др.), а также их функционирование в фольклоре Рунета (в анекдотах, мемах, мотиваторах, демотиваторах, стихах-пирожках и т. п.). Вербальной частью интернет-презентом часто являются оригинальные или преобразованные крылатизмы, авторство которых принадлежит либо самому Пушкину, либо другим деятелям культуры, оценивающим его творчество. Визуальная часть таких креолизованных текстов в основном представлена изображениями Пушкина (от автопортретов и классических портретов до условных, но узнаваемых рисунков) и памятниками поэту. В сетевых анекдотах личность Пушкина подвергается демифологизации, поэт бывает представлен в необычных, неожиданных обстоятельствах, при этом могут использоваться приемы буквализации, антитезы, анахронии. Востребованность рассматриваемой мифологема в сетевом фольклоре свидетельствует о том, что она актуальна и современна.

Ключевые слова: Пушкин, сетевой фольклор, мифологема, репрезентация, креолизованный текст, значение, русская культура.

Для цитирования: Абрамова В. И., Архангельская Ю. В. Значение Пушкина для русской культуры: мифологема и ее репрезентации в фольклоре Рунета // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 4. – С. 93–107. DOI: 10.35231/ 25419803_2023_4_93. EDN: FGJOZS

В русской картине мира Пушкин является культурным героем, создателем национального литературного языка и основоположником национальной литературы периода постклассицизма. С одной стороны, миф о Пушкине в этой его ипостаси поддерживается государством, в том числе путем введения его биографии и произведений в школьную программу по литературе, с другой стороны, востребованность пушкинских текстов в русской культуре, как элитарной, так и массовой, свидетельствует о том, что мифологема о поэте

как о национальном гении является не искусственно смоделированной в сознании русских людей, а органично ему присущей. Доказательством служит интернет-фольклор, аккумулирующий и транслирующий актуальные для современного общества темы, образы, идеи. Присутствие образа Пушкина в русском сегменте Сети свидетельствует о том, что он прочно укоренен в национальном сознании. Какие элементы пушкинского мифа и в каких формах представлены в Рунете, как они функционируют в интернет-пространстве, на какого потребителя рассчитан этот контент и для чего он существует – все это составляет научную проблему для разных сфер гуманитаристики. Продолжает ли образ Пушкина играть важную роль в формировании национальной самоидентификации или превращается в симулякр и объект шуток? «Работают» ли в интернет-фольклоре сложившиеся на протяжении двух веков стереотипные представления о поэте, появляются ли новые? Ответы на эти вопросы еще не получены, что определяет научную новизну предпринятого исследования и делает его актуальным для развития современного пушкиноведения.

Исследование особенностей рецепции образа Пушкина в сознании современников и потомков имеет давнюю историю. Во многом формированию этого образа способствовала сама русская литература: на протяжении нескольких веков поэту было посвящено немалое количество поэтических, прозаических и публицистических произведений. «Поэтическая пушкиниана» первоначально концентрировалась в хрестоматиях, составители которых прежде всего стремились популяризировать, по словам Р. В. Иезуитовой, то лучшее, «что было создано русскими поэтами о Пушкине» [8, с. 113]. Сама исследовательница опубликовала в 1967 г. статью, в которой анализировала эволюцию образа Пушкина в русской поэзии XIX века, создавшей конструкт «обобщенный, эмоционально окрашенный и наиболее приближенный к читателю» [8, с. 114]. Лирический образ Пушкина, по мнению ученого, менялся на протяжении XIX столетия следующим образом: любимец муз, живое воплощение искусства, изгнанник, выразитель дум и чаяний всей Руси, увядший дивный гений (его смерть – национальная трагедия), великий вольнолюбивый поэт [8]. Все эти ипостаси так или иначе отражали сущность пушкинского

образа. В национальной картине мира Пушкин – культурный герой, имеющий эталонное значение для многих сфер жизни.

Изучение рецепции образа поэта в литературе продолжилось в наши дни. «Поэтическую пушкиниану» Серебряного века рассмотрела в своей статье Л. Л. Шестакова [20]. Анализом образа Пушкина в русской литературе XX века активно занимается Т. Г. Шеметова. В своей монографии она отмечает, что современное восприятие поэзии и самого образа Пушкина формируется на стыке академического пушкиноведения, для которого авторитет поэта непререкаем, и массовой культуры, «поп-пушкинистики», для которой отсутствуют всяческие запреты [18]. В статье «Пушкинский миф: функционирование в современной литературе» исследовательница называет и комментирует основные мифологемы, поддерживающие пушкинский миф: потомок негров, чудо-ребенок, Сверчок, няня, Я вас любил (утаенная любовь), Пророк, Наталья Николаевна (Натали), Дантес [15; с. 203–204]. В других статьях Т. Г. Шеметова рассматривает конкретные мифологемы, вошедшие в данный список (потомок негров [16], няня [17]) и расширяющие его (южная ссылка [19]).

Пушкинский миф в литературе постмодерна анализируют О. В. Богданова [4] и М. А. Черняк [14]. Последняя отмечает, что «новый XXI в. начался с литературных игр, в которых Пушкин – главный герой» [14, с. 64].

Социокультурную функцию пушкинского мифа и его восприятие разными поколениями читателей исследует в своей монографии М. В. Загидуллина [7]. Функционирование пушкинского мифа в русской культуре в целом рассматривает Л. И. Сараскина, затрагивая в том числе сферу фольклора (анекдоты, легенды) [11]. Во многом фольклоризации образа Пушкина способствовали созданные в 1971–1972 годах литературные анекдоты В. Пятницкого и Н. Доброхотовой-Майковой. Исследованию этого культурного феномена посвящена книга искусствоведа С. Багдасаровой [9], а также статья И. В. Кукулина, отмечавшего, что образы попавших в литературные анекдоты классиков – это пародии на полумифологические стереотипы школьной программы и критической литературы¹. Распространяясь в самиздате, анекдоты о Пушкине и других русских литераторах «потеряли»

¹ Кукулин И. В. Анекдоты о русских писателях // Энциклопедия литературных произведений. Электронный ресурс. URL: <http://www.encyclopedia.elshed.in.ua/anekdoty-o-russkikh-pisatelyah/> (дата обращения: 01.01.2019).

авторов, долгое время приписывались Д. Хармсу, ушли в устный фольклор, а с появлением Интернета – в фольклор сетевой.

Интернет-стереотипы восприятия русских классиков (Пушкина, Гоголя, Достоевского и др.) рассмотрела в своей статье Г. Н. Боева, сделав краткий обзор существующих в Рунете репрезентаций основных пушкинских мифологем¹.

Авторы настоящего исследования уже обращались к анализу пушкинского мифа в интернет-фольклоре. Нами была предпринята попытка классификации представленных в фольклоре Рунета мифологем, которые мы объединили в следующие группы: 1) «мифологические представления о самом поэте», 2) «образы пушкинских героев и узнаваемые носителями русского языка прецедентные тексты (крылатизмы, часто цитируемые строки разных произведений, известные высказывания Пушкина)» [1, с. 357]. Мифологические представления о самом поэте, в свою очередь, распадаются на биографические (учеба в Царскосельском лицее, ссылки, женитьба, дуэль и др.) – именно их анализом мы ограничились в процитированной выше статье – и статусные, которые составляют мифологему, отражающую значение Пушкина для русской культуры. На её анализе мы хотим остановиться в настоящем исследовании.

Таким образом, целью данной статьи является анализ интернет-репрезентаций мифологемы, отражающей значение Пушкина для русской культуры, а также их функционирования в фольклоре Рунета. Задачи работы: выделить составляющие обозначенной мифологемы, представить их историко-литературный и лингвокультурологический комментарий, найти и охарактеризовать их фольклорные интернет-репрезентации, определить их роль и значение в русском сегменте Сети.

Гипотеза исследования: в фольклоре Рунета пушкинский миф в исследуемом аспекте поддерживается и транслируется с опорой на традиционные, давно сформировавшиеся в массовом сознании представления о значении Пушкина в русской культуре, с одной стороны, и актуальные для современного потребителя интернет-контента формы и образы, с другой, обновляясь и оставаясь востребованным.

¹ Боева Г. Н. Интернет-стереотипы восприятия русской классики: визуальный аспект // Журнал филологических исследований. 2022. Т. 7. № 4. Электронный ресурс. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/53508/view> (дата обращения: 03.03.2023).

Материалы и методы

Объектом исследования в самом широком смысле является интернет-фольклор, который, согласно разным точкам зрения, представляет собой: 1) произведения традиционных фольклорных жанров, которые размещены в Интернете и, как правило, повествуют про новые компьютерные технологии (сказки про хакеров, частушки про сисадминов и пр.); 2) фольклор и традиции компьютерщиков (программистов, веб-дизайнеров и т. п.); 3) любые тексты городского фольклора, которые можно найти в Интернете; 4) только те фольклорные формы, которые существуют и распространяются преимущественно в Сети [2]. Мы в своем исследовании под интернет-фольклором будем подразумевать и тексты городского фольклора, которые можно обнаружить в Сети (например, анекдоты), и те фольклорные формы, которые не существуют вне Интернета (мемы и т. п.).

Материалом для исследования послужили репрезентации мифологемы, отражающей значение Пушкина для русской культуры («Пушкин – наше все», «солнце русской поэзии», «Ай, да Пушкин! ай да сукин сын!», *памятник*, *пророк* и др.), функционирующие в фольклоре Рунета в форме сетевых анекдотов, мемов, мотиваторов, демотиваторов, стихков-пирожков, стикеров для мессенджеров и т. п.

При исследовании одних репрезентаций заявленной мифологемы («Ай, да Пушкин! ай да сукин сын!», «Пушкин – наше все», «солнце русской поэзии») применялся биографический метод, позволивший дать историко-культурный комментарий; при анализе других репрезентаций (*памятник* и *пророк*) использовался комплексный подход (сочетание историко-литературного и лингвокультурологического методов).

Репрезентации мифологемы, отражающей значение Пушкина для русской культуры, отслеживались в Рунете с помощью поисковых систем Yandex и Google, систематизировались и комментировались с применением контент-анализа.

Результаты

Мифологема, отражающая значение Пушкина в национальной картине мира, поддерживается прецедентными текстами как самого поэта, так и других представителей русской культуры.

Стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» справедливо считается текстом, в котором поэт подводит итоги своей творческой деятельности, констатируя тот факт, что он являлся и будет являться знаковой фигурой как гуманист и народный поэт не только в русской и мировой литературе, но и в истории. Оно включено в школьную программу и знакомо всем россиянам хотя бы на уровне первой строки. В фольклор памятник Пушкину попал задолго до изобретения Интернета. Корней Чуковский в своей книге «Живой как жизнь» писал: «Маяковский, например, рассказывал мне, будто молодые москвички, назначая randevу своим поклонникам, произносят два слова: – Твербуль Пампуш! И те будто хорошо понимают, что так называется популярное место любовных свиданий: Тверской бульвар, памятник Пушкину. <...> В 20-х годах в Москве существовало двустишие: На Твербуле у Пампуша Ждет меня миленок Груша»¹.

В фольклорных текстах образный «нерукотворный памятник» подвергается буквализации, превращается в настоящий памятник, «приземляется», что неизменно приводит к снижению пафоса пушкинского стихотворения и комическому его переосмыслению. В интернет-фольклоре тоже широко распространены шутки на тему Пушкин-памятник. Например, в анекдотах: «Парк, скамейка. Рядом памятник А. С. Пушкину. На скамейке сидит мужик. Курит, газетку читает. Вдруг памятник обращается к мужику: – Слышь, мужик, постой минут двадцать вместо меня, у меня дело важное. Уговорил его, мужик согласился, встал на пьедестал, изобразил на лице лиризм и задумчивость. Стоит. Проходит двадцать минут, проходит час – Пушкина нет. Мужик заскучал. Смотрит – дворник дорожки подметает. Спрашивает у дворника: – Ты не видел, куда этот чертов памятник делся? – Пушкин, что ли? Так они вместе с Маяковским второй час голубей ловят и на головы им гадят»². Вариацией этого анекдота является фраза, сопровождающая фотографию памятника Пушкину на интернет-презенте: «Прошлой ночью в Санкт-Петербурге замечен памятник Пушкину, который ловил голубей и гадил им на головы». В «перевернутом» инверсированном виде ситуация с «пачкающи-

¹ К. И. Чуковский Живой как жизнь // Vivos Voco! Электронный ресурс. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/BOOKS/LANG/LANG_4.HTM (дата обращения: 06.06.2023).

² Анекдот.ру. Электронный ресурс. URL: <https://www.anekdot.ru/id/-502400005/> (дата обращения: 06.06.2023).

ми» памятник Пушкину голубями представлена в следующем анекдоте: «Вчера на центральной площади стая сознательных голубей тщательно помыла памятник А. С. Пушкину...»¹.

Еще один анекдот, текст которого перешел в интернет-презентему: «Индекс самоизоляции в Москве настолько высокий, что к памятнику Пушкину начала зарастать народная тропа»². Тему ковидных ограничений продолжает интернет-презентема, на которой присутствуют пушкинский автопортрет в профиль (с пририсованной медицинской маской) и надпись: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный / Руками трогать ничего нельзя».

Наряду со знаменитым «Памятником» с образом Пушкина стойко ассоциируется еще один текст великого поэта – «Пророк». Традиционно он рассматривается как эстетический манифест, квинтэссенция представлений Пушкина о предназначении поэта. В фольклоре Рунета данная составляющая мифологемы репрезентирована чаще всего через цитату из стихотворения: «Глаголом жги сердца людей». Например, в интернет-презентеме, имитирующей переписку Пушкина и Гоголя: «Пушкин: Глаголом жги сердца людей! Гоголь: Ок»; в презентеме, стилизованной под сообщение в соцсетях: «Пушкин писал: “Глаголом жги сердца людей”, а я хочу, как Лавкрафт, деепричастными оборотами смутную тревогу вызывать». Поясним: Говард Лавкрафт (1890–1937) – американский писатель, работавший в жанрах литературы ужасов, фэнтези и научной фантастики, создатель собственной мифологии и образа чудовища Ктулху. Цитата из стихотворения «Пророк» в фольклоре Рунета может трансформироваться (императив преобразовывается в инфинитив): существует интернет-презентема, визуальная часть которой – репродукция картины П. П. Кончаловского «Пушкин в Михайловском», а вербальная – гипотетический диалог с поэтом: «Какую суперспособность ты бы хотел? – Глаголом жечь сердца людей»; другая презентема, сопровождающаяся изображением условного школьника за партой, включает четверостишие: «Поэт, в плену возвышенных идей, / Не игнорируй прозу средней школы; / Чтобы “глаголом жечь сердца людей”, /

¹ Анекдот.ру. Электронный ресурс. URL: <https://www.anekdot.ru/id/-502400005/> (дата обращения: 07.06.2023).

² Анекдот.ру. Электронный ресурс. URL: <https://www.anekdot.ru/tags/Пушкин> (дата обращения: 07.06.2023).

Необходимо твердо знать глаголы». Встречаются и другие формы трансформации крылатой фразы. Например, замена императива на глагол 1 л. ед. ч. изъявительного наклонения: «Глаголом жгу сердца людей, а зажигалкой так – балуюсь!» (вербальная часть карикатуры, изображающей юного Пушкина, поджигающего фалды фрака знатного господина, беседующего с дамой). Другой вид трансформации – усечение и замена императива на глагол в форме прошедшего времени мужского рода – присутствует в стихке-пирожке: «глаголом жег сердца Геннадий / ввергая в ужас всех и вся / то тся напишет где не надо / то ться» (для данного жанра сетевого фольклора характерны следующие особенности: стихотворный размер – ямб, форма – четверостишие, усеченная последняя строка, частое отсутствие рифмы, заглавных букв в начале строк и знаков препинания).

Широко известной и часто цитируемой является шутливая самохарактеристика Пушкина, данная им в письме, содержащем сообщение об окончании работы над трагедией «Борис Годунов» и адресованном П. А. Вяземскому: «...ай да Пушкин, ай да сукин сын!». Данная фраза является положительной самооценкой, несмотря на то что содержит бранное выражение (стилистическая фигура – антифразис). В. Серов в «Энциклопедическом словаре крылатых слов и выражений» так формулирует значение данного крылатизма: «Служит для шутливого выражения радости от удачно выполненной работы, блестяще реализованного замысла и т. д.» [12, с. 18]. В фольклоре Рунета это прецедентное высказывание активно используется: сокращается, распространяется, подвергается мене компонентов («Ай да Сашка, ай да сукин сын!», «Ай да сукин сын», «Ай да Пушкин, ай да сукин сын! Ты сам-то изумруды грызть пробовал? Подпись: Белочка»), сопровождается изображениями Пушкина и не только.

Мифологема о Пушкине как о национальном гении поддерживается крылатизмом «солнце русской поэзии». Выражение восходит к краткому извещению о смерти поэта, опубликованному А. А. Краевским в редактируемом им журнале «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”». Авторство фразы не установлено. Есть свидетельство, что она может принадлежать В. Ф. Одоевскому [3; с. 325–326].

В фольклоре Рунета перифраза, обозначающая Пушкина, обыгрывается в шутках и анекдотах. Например: «Солнце русской поэзии – и то черное»¹; «Наутро после посещения Александром Сергеевичем шикарного ресторана заходит няня Арина Родионовна в спальню Пушкиных. Видит – стоит Наталья Николаевна, жена поэта, в одном пеньюаре, на четвереньках, и заглядывает под кровать. – В чем дело, матушка-барыня? – спрашивает старушка-няня. – Да вот, няня, – отвечает Наталья Николаевна, – солнце русской поэзии закатилось»²; «В 37 лет: Пушкин (солнце русской поэзии) – погиб на дуэли, из-за женщины; Маяковский (певец революции) – застрелился, из-за женщины; Киркоров (солнце русской эстрады) – обматерил женщину... “О времена, о нравы!”»³. В данных анекдотах личность Пушкина демифологизируется за счет буквализации крылатой фразы «солнце русской поэзии» (в первом случае) и путем анахронии и антитезы (во втором случае).

Одна из интернет-презентем включает изображение Пушкина и Гоголя и надпись «Солнце русской поэзии. Огонь русской прозы». Пушкин и Гоголь, дружившие при жизни, часто появляются вместе в фольклоре Рунета. В данном случае мы видим, что крылатая перифраза, относящаяся к Пушкину, становится моделью для обозначения Гоголя (шутки о сожжении писателем второго тома «Мертвых душ» весьма распространены в Рунете).

Еще одна знаковая для русской культуры личность, которая в Рунете сопоставляется с Пушкиным, – это Виктор Цой. В одном из неподписанных постов ВКонтакте читаем: «Говорят, в Петербурге нет солнца. А мы уверяем – есть. Как минимум, целых два! «Солнце русской поэзии» – Александр Сергеевич Пушкин и «Звезда по имени Солнце» – Виктор Цой»⁴. Существует интернет-презентема, на которой изображения Пушкина и Цоя сопровождаются подписями: «Поэзия не пропала. Она просто приняла другую форму. XIX век – Пушкин, XX век – Цой». Судя по всему, ее создатели тоже

¹ Всё шуточки. Электронный ресурс. URL: <https://vse-shutochki.ru/shutka/92279> (дата обращения 07.06.2023).

² Сборник анекдотов // Рунит. Электронный ресурс. URL: <https://www.rulit.me/books/sbornik-anekdotov-read-143194-189.html> (дата обращения: 07.06.2023).

³ Анекдот про Пушкина-Блока // Анекдотас.ру. Электронный ресурс. URL: <https://www.anekdotas.ru/anekdot-pro-pushkina-bloka/> (дата обращения: 07.06.2023).

⁴ Человек, который не верил в дождь // Петербургское метро. Электронный ресурс. URL: <https://vk.com/@metrosbofficial-chelovek-kotoryi-ne-veril-v-dozhd> (дата обращения: 06.07.2023).

апеллировали к известным крылатизмам «солнце русской поэзии» и «звезда по имени Солнце».

Еще одна устойчивая перифраза, обозначающая Пушкина, – «наше всё». Ее автором является А. А. Григорьев. В статье «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» 1859 года он писал: «А Пушкин – наше всё: Пушкин – представитель всего нашего душевного, особенного, такого, что остается нашим душевным, особенным после всех столкновений с чужим, с другими мирами» [5; с. 56–57]. Современные исследователи трактуют эту фразу как знаковую для настоящего времени: она свидетельствует о национальной самоидентификации, которая определяется через обращение к Пушкину. Пафос крылатизма снижается в Рунете, где для него создается ироничный контекст.

Крылатая фраза «Пушкин – наше всё» подвергается в Рунете преобразованиям: «Пушкин – наше всё?», «Пушкин – наше кто?», «Пушкин – наше что?». Преобразование может касаться первого компонента: «Водка – наше всё», «Покупатель – наше всё», «Дети – наше всё», «Пелевин – наше всё», «Путин – наше всё». Ср. в анекдоте: «Пушкин – наше всё, Церетели – наше везде, Путин – наше всегда».

В сетевых анекдотах эта фраза тоже присутствует:

Сын учителя литературы спрашивает у своей матери:

- Мама, Пушкин – наше всё?
- К сожалению, да, сыночек.
- Почему “к сожалению”, мама?
- Потому, что всё остальное: газ, нефть, металл, лес и земля давно не наше¹.

Мифологема, отражающая значимость Пушкина в современной культуре, от элитарной до народной, низовой, массовой, поддерживается риторическим вопросом «А кто это делать будет? Пушкин?» и его вариациями. Оним «Пушкин» в подобных фразах имеет значение «неопределенное или неизвестное лицо» [13, с. 514] или «неизвестно кто; бог его знает кто» [6, с. 339]. Примечательно, что в роли «неизвестно кого»

¹ Анекдоты про // Всё шуточки. Электронный ресурс. URL: <https://vse-shutochki.ru/anekdoty-pro> (дата обращения: 06.06.2023).

выступает именно Пушкин, а не, например, Толстой, Достоевский, Чехов и т. д. Происходит это, очевидно, потому, что в русском сознании Пушкин – самый значительный из поэтов и писателей золотого века русской литературы, а следовательно, предположение о том, что именно он может что-либо делать вместо кого-то, является максимально абсурдным, парадоксальным. По мнению филолога Е. Г. Рабинович, подобное использование имени Пушкина в повседневной речи началось после открытия в Москве знаменитого памятника поэту, созданного скульптором А. М. Опекушиным [10]. В Рунете распространены презентемы, на которых изображение Пушкина сопровождается фразами от его имени: «Почему все время я?», «Ну почему я должен все делать?», «Да что же такое, почему опять я?», «Зачем мне это надо? Я умер», «Не буду!».

В сетевых анекдотах также обыгрывается этот риторический вопрос: «Дантес никак не мог решиться нажать на курок. Но услышав грозный окрик своего секунданта – “А стрелять за тебя Пушкин будет?” – вздрогнул и инстинктивно разрядил пистолет в поэта».

Обсуждение и выводы

Таким образом, сформулированная гипотеза доказана. Исследование показало, что в фольклоре Рунета пушкинский миф в аспекте анализа значения А. С. Пушкина для русской культуры, с одной стороны, поддерживается и транслируется с опорой на традиционные, давно сформировавшиеся в массовом сознании представления: Пушкин – выразитель национального самосознания («наше всё»), величайший русский поэт («солнце русской поэзии»), провозглашавший фундаментальные истины («пророк»), виртуозно владевший словом («Ай да Пушкин! ай да сукин сын!»), наследие которого обладает непреходящей ценностью («памятник»). С другой стороны, образ Пушкина репрезентирован через актуальные для современного потребителя интернет-контента формы (вирусные мемы, интернет-презентемы, мотиваторы, демомотиваторы, сетевые анекдоты, стишки-пирожки и т. п.), постоянно обновляясь и оставаясь востребованным.

Дальнейшее осмысление темы видится нам в плане анализа репрезентированных в Рунете образов пушкинских героев

и узнаваемых носителями русского языка прецедентных текстов (крылатизмов, часто цитируемых строк разных произведений, известных высказываний А. С. Пушкина).

Список литературы

1. Абрамова В. И., Архангельская Ю. В. Пушкинский миф в фольклоре Рунета: биографический аспект // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2023. – № 4 (49). – С. 357–361.
2. Алексеевский М. Д. Интернет в фольклоре или фольклор в Интернете (Современная фольклористика и виртуальная реальность) // От Конгресса к Конгрессу. Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов. Сборник материалов. – М.: ГРЦРФ, 2010. – С. 151–166.
3. Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения. – М.: Худож. лит., 1987. – 528 с.
4. Богданова О. В. «Пушкин – наше все...»: Литература постмодерна и Пушкин. – СПб.: Фак-т филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 239 с.
5. Григорьев А. Сочинения: В 2 т. – М.: Художественная литература, 1990. – Т. 2. – 509 с.
6. Елистратов В. С. Толковый словарь русского сленга. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. – 672 с.
7. Загидуллина М. В. Пушкинский миф в конце XX века. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2001. – 245 с.
8. Иезуитова Р. В. Эволюция образа Пушкина в русской поэзии XIX века // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом), Ин-т театра, музыки и кинематографии. – Л.: Наука, 1967. – Т. 5. Пушкин и русская культура. – С. 113–139.
9. «Лев Толстой очень любил детей...»: анекдоты о писателях, приписываемые Хармсу / Наталья Доброхотова-Майкова, Владимир Пятницкий; под ред. Софьи Багдасаровой. – М.: Эксмо, 2020. – 288 с.
10. Рабинович Е. Риторика повседневности: филологические очерки. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000. – 240 с.
11. Сараскина Л. И. Пушкинский миф в русской культуре: легенды, анекдоты, клише // Художественная культура. – 2018. – № 4 (26). – С. 128–161.
12. Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. – М.: Локид-Пресс, 2005. – 880 с.
13. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб.: Норинт, 2004. – 768 с.
14. Черняк М. А. «Спокойно, Маша, я Дубровский», или Новые игры с классикой // Universum: Вестник Герценовского университета. – 2008. – № 5. – С. 57–64.
15. Шеметова Т. Г. Пушкинский миф: функционирование в современной литературе // Вестник БГУ. – 2010. – № 10. – С. 201–207.
16. Шеметова Т. Г. Мифологема «потомок негров» как значимый элемент пушкинского мифа в литературе XX века // Вестник РУДН, серия Литературоведение. Журналистика. – 2011. – № 1. – С. 35–42.
17. Шеметова Т. Г. Метаморфозы мифологема «няня Пушкина» в русской литературе XX века // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2011. – № 4. – С. 134–145.
18. Шеметова Т. Г. Пушкин в русской литературе XX века. От Ахматовой до Бродского. – М.: Издательские решения, 2017. – 328 с.
19. Шеметова Т. Г. Мифологема южной ссылки Пушкина в цикле Б. Пастернака «Тема с вариациями» // Русская литература: XX век и современность. – М.: МАКС Пресс, 2020. – С. 199–209.

20. Шестакова Л. Л. «Он – Пушкин, и бессмертен он!»: образ Пушкина в строках поэтов Серебряного века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2020. – № 1. – С. 97–102.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50/50 %

Veronika I. Abramova, Iuliya V. Arkhangel'skaya

Pushkin's Significance to Russian Culture: The Mythologeme and its Representations in Runet Folklore

The article deals with representations of the mythologeme reflecting Pushkin's significance to Russian culture ("Pushkin is our everything", "the sun of Russian poetry", "What a Pushkin, what a son of a bitch!", the monument, the prophet, etc.), as well as their functioning in Runet folklore (in jokes, memes, motivators, demotivators, "stishki– pirozhki" rhymes, stickers for messengers). The verbal part of Internet-presentemes is often original or modified winged words, whose authorship belongs either to Pushkin himself or to other cultural figures assessing his creative work. The visual part of such creolized texts is largely represented by Pushkin's pictures (from self-portraits and classic portraits to conditional, but recognizable drawings) and monuments to the poet. In Internet jokes, Pushkin's personality is subjected to demythologization, the poet is often represented in unusual and unexpected circumstances with frequent use of literalization, antithesis, anachronisms. Popularity of this mythologeme in Internet folklore proves its relevance and modernity.

Key words: Pushkin, Internet folklore, mythologeme, representation, creolized text, meaning, Russian culture.

For citation: Abramova, V. I., Arkhangel'skaya, Iu. V. (2023) Znachenie Pushkina dlya russskoj kul'tury: mifologema i ee reprezentacii v fol'klоре Runeta [Pushkin's Significance to Russian Culture: The Mythologeme and Its Representations in Runet Folklore]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 93–107. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_4_93. EDN: FGJQZS

References

1. Abramova, V. I., Arhangel'skaja, Ju. V. (2023) Pushkinskij mif v fol'klоре Runeta: biograficheskij aspekt [Pushkin's myth in the folklore of the Runet: biographical aspect]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific notes of the Novgorod State University*. No. 4 (49). Pp. 357–361. (In Russian).
2. Alekseevskij, M. D. (2010) Internet v fol'klоре ili fol'klор v Internetе (Sovremennaja fol'klорistika i virtual'naja real'nost') [Internet in folklore or folklore on the Internet (Modern folklore and virtual reality)]. *От Конгресса к Конгрессу. Navstrechu Vtoromu Vserossijskomu kongressu fol'klористов* [From Congress to Congress. Towards the Second All-Russian Congress of Folklorists. Collection of materials]. Moscow: Gosudarstvennyj respublikanskij centr razvitya fol'klора Publ. Pp. 151–166. (In Russian).

3. Ashukin, N. S., Ashukina, M. G. (1987) *Krylatye slova: Literaturnye citaty; Obraznye vyrazhenija* [Winged words: Literary quotations; Figurative expressions]. Moscow: Hudozhestvennaja literatura Publ. (In Russian).
4. Bogdanova, O. V. (2009) «Pushkin – nashe vse...»: *Literatura postmoderna i Pushkin* ["Pushkin is our everything...": Postmodern Literature and Pushkin]. St. Petersburg: Fakultet filologii i iskusstva SPbGU Publ. (In Russian).
5. Grigor'ev, A. (1990) *Sochinenija* [Essays]. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Hudozhestvennaja literatura Publ. (In Russian).
6. Elistratov, V. S. (2010) *Tolkovij slovar' russkogo slenga* [Explanatory dictionary of Russian slang]. Moscow: AST-PRESS KNIGA Publ. (In Russian).
7. Zagidullina, M. V. (2001) *Pushkinskij mif v konce XX veka* [Pushkin's myth at the end of the twentieth century]. Cheljabinsk Chelyabinskij gosudarstvennyj universitet Publ. (In Russian).
8. Iezuitova, R. V. (1967) *Jevolucija obraza Pushkina v russoj poezii XIX veka* [The evolution of the image of Pushkin in Russian poetry of the XIX century]. *Pushkin: Issledovanija i materialy* [Pushkin: Studies and materials]. Vol. 5. *Pushkin i russkaja kul'tura* [Pushkin and Russian Culture]. Leningrad: Nauka Publ. Pp. 113–139. (In Russian).
9. Bagdasarova, S. (2020) (ed.) «Lev Tolstoj ochen' ljubil detej...»: *anekdoty o pisateljah, pripisyvaemye Harmsu* ["Leo Tolstoy loved children very much ...": anecdotes about writers attributed to Harms]; Natal'ja Dobrohotova–Majkova, Vladimir Pjatnickij. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian).
10. Rabinovich, E. (2000) *Ritorika povsednevnosti: filologicheskie ocherki* [The Rhetoric of everyday life: philological essays]. St. Petersburg: Ivan Limbach Publ. (In Russian).
11. Saraskina, L. I. (2018) *Pushkinskij mif v russoj kul'ture: legendy, anekdoty, klishe* [Pushkin's myth in Russian culture: legends, anecdotes, clichés]. *Hudozhestvennaja kul'tura – Art culture*. No. 4 (26). Pp. 128–161. (In Russian).
12. Serov, V. (2005) *Jenciklopedičeskij slovar' krylatyh slov i vyrazhenij* [Encyclopedic dictionary of winged words and expressions]. Moscow: Lokid-Press Publ. (In Russian).
13. Himik, V. V. (2004) *Bol'shoj slovar' russoj razgovornoj jekspressivnoj reči* [A large dictionary of Russian colloquial expressive speech]. St. Petersburg: Norint Publ. (In Russian).
14. Chernjak, M. A. (2008) «Spokojno, Masha, ja Dubrovskij», ili *Novye igry s klassikoj* ["Calmly, Masha, I am Dubrovsky", or New games with classics]. *Universum: Vestnik Gercenovskogo universiteta – Universum: Bulletin of the Herzen University*. No. 5. Pp. 57–64. (In Russian).
15. Shemetova, T. G. (2010) *Pushkinskij mif: funkcionirovanie v sovremennoj literature* [Pushkin's myth: functioning in modern literature]. *Vestnik BGU – Bulletin of the Bryansk State University*. No. 10. Pp. 201–207. (In Russian).
16. Shemetova, T. G. (2011) *Mifologema «potomok negrov» kak znachimyj jelement pushkinskogo mifa v literature XX veka* [The mythologeme "descendant of Negroes" as a significant element of the Pushkin myth in the literature of the twentieth century]. *Vestnik RUDN, serija Literaturovedenie. Zhurnalistika – Bulletin of the RUDN, a series of Literary studies. Journalism*. No. 1. Pp. 35–42. (In Russian).
17. Shemetova, T. G. (2011) *Metamorfozy mifologemy «njanja Pushkina» v russoj literature XX veka* [Metamorphoses of the mythologeme "Pushkin's nanny" in Russian literature of the twentieth century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologija – Bulletin of the Moscow University. Ser. 9. Philology*. No. 4. Pp. 134–145. (In Russian).
18. Shemetova, T. G. (2017) *Pushkin v russoj literature XX veka. Ot Ahmatovoj do Brodskogo* [Pushkin in the Russian literature of the twentieth century. From Akhmatova to Brodskij]. Moscow: Izdatel'skie reshenija Publ. (In Russian).
19. Shemetova, T. G. (2020) *Mifologema južnoj ssylki Pushkina v cikle B. Pasternaka «Tema s variacijami»* [Mythologeme of Pushkin's southern exile in B. Pasternak's cycle "Theme with variations"]. *Russkaja literatura: XX vek i sovremenost'* [Russian Literature: the twentieth century and modernity]. Moscow: MAX Press Publ. Pp. 199–209. (In Russian).
20. Shestakova, L. L. (2020) «On – Pushkin, i bessmertn on!»: *obraz Pushkina v strokah pojetov serebrjanogo veka* ["He is Pushkin, and he is immortal!": the image of Pushkin in

the lines of the poets of the Silver Age]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific Notes of Petrozavodsk State University*. No. 1. Pp. 97–102. (In Russian).

Об авторе

Абрамова Вероника Игоревна, доцент Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого кандидат филологических наук, доцент (г. Тула, Российская Федерация); e-mail: istinjobraz@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-3684-9658

Архангельская Юлия Владимировна, старший научный сотрудник Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого кандидат филологических наук, доцент (г. Тула, Российская Федерация); e-mail: archangelju@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-0998-7772

About the authors

Veronika I. Abramova, Associate Professor, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, PhD in Philology (Tula, Russian Federation); e-mail: istinjobraz@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-3684-9658

Yuliya V. Arkhangelskaya, Associate Professor, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, PhD in Philology (Tula, Russian Federation); e-mail: archangelju@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-0998-7772

дата получения: 10.08.2023 г.

дата принятия: 30.09.2023 г.

дата публикации: 30.12.2023 г.

date of receiving: 10 August 2023

date of acceptance: 30 September 2023

date of publication: 30 December 2023

М. Яхьяпур, Дж. Карими-Мотаххар, Ф. Сотудехмехр Роль женщин в судьбе детей («Анна Каренина» Л. Толстого и «Любовь и слеза» Дж. Фазела)

В статье дается сравнительный анализ романов «Анна Каренина» Льва Толстого и «Любовь и слеза» иранского писателя Джавада Фазела, который написал свой роман с явной опорой на роман Л. Толстого. В исследовании применялась методика сравнительного анализа разноязычных произведений, анализировались основы художественного мировоззрения в творчестве двух авторов. Среди тем, затронутых обоими авторами, – судьба детей в неудавшихся семьях. Великие писатели обращались к теме детства и правильного воспитания детей в семье и обществе, потому что отсутствие психического здоровья у детей может нарушить социальную безопасность в будущем. Оба автора считают, что семья является главной опорой общества, и именно в семье дается пища для тела и души ребенка. Матери в обоих романах предают своих мужей (отцов своих детей) под влиянием социальной атмосферы, особенно эмансипации женщин, в результате чего распадается семейный очаг. Нарушая нравственные принципы, Анна и Махин не только погубили себя, но они привели к краху семейные отношения и нанесли душевный ущерб членам семьи, а также своей волей устроили страшную судьбу для своих детей.

Ключевые слова: Л. Толстой, Джавад Фазел, художественное мировоззрение, философское мировоззрение, семья, судьба детей.

Для цитирования: Яхьяпур М., Карими-Мотаххар Дж., Сотудехмехр Ф. Роль женщин в судьбе детей («Анна Каренина» Л. Толстого и «Любовь и слеза» Дж. Фазела) // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 4. – С. 108–121. DOI: 10.35231/ 25419803_2023_4_108. EDN: FUMABR

Дети – чувствительные и уязвимые существа. Они могут наслаждаться покоем и комфортом только в надежном убежище своей семьи. Семья является главной опорой общества, и именно в семье дается пища для тела, души и духа детей. Поэтому великие русские и иранские писатели в своих произведениях занимаются вопросами судьбы детей и их правильного воспитания в семье и обществе. Потому что отсутствие у детей психического здоровья может нарушить социальную безопасность в будущем.

Настоящая статья посвящена исследованию судьбы детей в романах Льва Толстого «Анна Каренина» и «Любовь и слеза» («Эшго ашк») Джавада Фазела¹. Сравнительный анализ двух указанных романов по этой теме производится авторами впервые.

Литература двух соседних стран, Ирана и России, всегда находилась во взаимодействии. Совершенно очевиден рост влияния русской прозы на персидскую литературу в XX веке: «Влияние Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова было особенно значительным. Его можно заметить в художественных приемах, стиле, идеях, усвоенных иранскими писателями и использованных ими для решения собственных задач» [8, с. 185]. Россия и Иран в годы написания «Анны Карениной» (1873–1877) и «Любови и слезы» (1940–е гг.) стали свидетелями переворотов в обществе, в том числе и в вопросе эмансипации женщин. Эта свобода в обоих обществах, особенно в аристократическом слое, привела к распаду семей. В своих романах Толстой и Фазел решают эту проблему, ставя в центр семью. «Тема семейных отношений и судьбы женщины, глубоко раскрытая в романе Л. Н. Толстого "Анна Каренина", оказалась в зоне внимания современного иранского писателя Джавада Фазела, откликнувшегося на сочинение русского писателя своим романом "Любовь и слеза"» [9, с. 1337].

Материалы и методы

В статье исследуется проблема судьбы детей в романах Льва Толстого «Анна Каренина» и «Любовь и слеза» («Эшго ашк») иранского писателя Джавада Фазела. При анализе заявленного материала применялась методика сравнительного анализа разноязычных произведений в рамках изучения школ и методик литературоведения: исследовались научные основы соотношения общего и художественного мировоззрений в творчестве двух авторов, разрабатывались методы изучения связи между различными видами деятельности писателя – художественной, религиозной, философской.

Очевидность влияния Толстого на творчество Фазела, в том числе, на роман «Любовь и слеза», отметил русский востоковед А. И. Шифман в книге «Лев Толстой и Восток»: «В 1926 г.

¹ Мохаммад-Джавад Фазел-Лариджани (1916–1961). Фамилия иранского писателя Фазела в русском тексте иногда пишется через и: Фазил или Фазиль.

на страницах прогрессивной газеты "Туфан" ("Буря") печатаются отдельные главы романа "Анна Каренина". <...> Известную переключку с "Анной Карениной" исследователи усматривают и в повести Джавада Фазела "Любовь и слезы"¹» [7, с. 349, 355].

Результаты

В двух исследуемых произведениях ошибки и заблуждения родителей, важнейшая из которых – измена матери, изображены русским и иранским писателями как результат влияния политической и социальной атмосферы.

В романе Толстого отражена психология семейных отношений и события эпохи: «Толстой глубоко проник в психологию семейных отношений. В романе "Анна Каренина" показаны происходящие в XIX веке изменения в оценке самого обряда создания семьи и значения его для современников писателя» [2, с. 46]. Такие глубокие размышления свойственны и персидским писателям, таким как Джавад Фазел. «В 1940-х и 1950-х гг. в Иране были очень популярны социальные романы. Дж. Фазел поднимает проблемы освобождения женщин и изменения образа жизни семей в социально-политической атмосфере того времени. В этот период женщины больше не считали себя обязанными соблюдать патриархально-религиозные моральные принципы. В обществе, особенно в слое аристократов, романтические отношения между юношами и девушками стали обычным явлением. Размах этих отношений был настолько широк, что в них вступали даже замужние женщины» [9, с. 1338]. Итак, центральная проблема романов – семейная. По словам Софы Толстой, сам Лев Толстой считал «мысль семейную» центральной в романе [6, с. 497].

Выбор ложного пути матерей в двух произведениях, приведший к распаду семей, оказал сильное негативное влияние на судьбу детей – будущего поколения, нанес им моральный и физический ущерб.

Драматичная судьба иранских детей описана и в других произведениях Джавада Фазела. Это отсутствие семейного благополучия во всех работах Фазела коренится в политических и социальных проблемах. Например, помимо страданий,

¹ Слово слеза в оригинальном названии романа употреблено в единственном числе, а Шифман при переводе употребил это слово во множественном числе.

которые испытывает дочь Махин в романе «Любовь и слеза» после предательства матери, в другом произведении Джавада Фазела «Сирота» читатель также становится свидетелем страданий и мук, которым подвергается ребенок. Судя по всему, Джавад Фазел был не равнодушен к судьбе детей. Казем Джавади-Лариджани в книге «Биография Джавада Фазела-Лариджани (Знаменитые люди города Амол)» пишет: «Это несчастное семья, созданное страстными мужчиной и женщиной, в невзгодах жизни, в каком убежище укроется оно?» [10, с. 17].

Лев Толстой всегда считал важным брак и создание семьи и делал на этом акцент. Семья настолько важна с точки зрения Толстого, что он неоднократно упоминал о ее важности в проработке характера Левина в «Анне Карениной» и его желании создать семью и иметь детей. «Проблемы любви, семьи и брака и связанные с ними проблемы эмансипации женщин в пореформенную эпоху вызывали бурные споры в обществе. Требования Толстого к браку и семье достаточно суровы, но счастья в браке достигают далеко не все в силу различных причин, как личных, так и социальных»¹.

Одним из важных моментов, которые Толстой обсуждал в своих произведениях, посвященных проблемам семьи, является то, что он считает счастьем в браке рождение детей и любовь к ним, что должно являться высшим желанием мужчины и женщины.

Писатели до Л. Толстого пытались напомнить о важности сохранения семейных ценностей в русской литературе. Это означает, что родители (матери даже в большей степени, чем отцы) играют значительную роль в судьбе детей (как мальчиков, так и девочек). В классической литературе древнего Ирана также упоминается этот важный принцип и ответственность родителей: «В древнеиранской литературе можно найти яркие произведения на эту тему, такие как "Шахнаме" Фирдоуси – эпическое произведение, в котором не только показаны отношения отца и сына (Ростам и Сохраб), но и роль женщин в судьбе детей» [9, с. 1337].

Лев Толстой даже в образе Вронского, свободного молодого человека, показывает, что человеческим желанием

¹ Яхияпур М. Поэтика романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (в аспекте религиозно-нравственных воззрений писателя): дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. С. 15–16.

должно быть что-то, помимо мимолетных удовольствий, и это касается детей: «То, что раньше казалось Вронскому "глупостями", теперь составляет главную мечту его жизни: это мечта об узаконении его отношений с Анной, иными словами, мечта о семье и воспитании детей. "Мы соединены самыми светлыми узами любви, – говорит он Долли, и в этих словах трудно узнать того Вронского, который из Москвы когда-то вернулся в свою квартиру в Петербурге. – У нас есть ребенок, у нас могут быть еще дети. <...> Моя дочь по закону – не моя дочь, а Каренина. Я не хочу этого обмана!" Из этого же разговора обнаруживается, что Вронский нашел и свое "дело жизни" и этим "счастлив"» [3, с. 42].

В романе «Анна Каренина» Лев Толстой, развивая главный сюжет, которым является предательство Анны, полно и глубоко описывает ущерб, который она приносит своей семье. Одной из самых главных травм является удар, который эта женщина наносит собственными руками своим маленьким детям. И своему сыну Сереже, который от первого брака, и дочери Ани (так ее называла сама Анна), которая появилась в результате ее измены.

До встречи с Вронским Анна была очень преданной семье женщиной. Хотя у нее были некоторые претензии к своему замужеству и ее не радовало, что муж намного старше ее и между ними не было любви. Конечно, до знакомства с Вронским Анна даже не замечала недостатков в своем муже, в его внешности. Так же было и у Махин: «Мой муж немного староват для меня, и я хотела бы находиться в кибле¹ другого...». Однако Анна до встречи с Вронским была полностью предана своим обязанностям жены и матери. Она была матерью, очень зависимой от своего ребенка, и до достижения сыном восьмилетнего возраста не расставалась с ним ни на день. В эпизоде встречи Анны и Вронского на вокзале Лев Толстой намеренно через диалоги показал, что Анна, как и любая другая любящая мать, не устает часами рассказывать о своем ребенке: «– У Анны Аркадьевны, – сказала графиня, объясняя сыну, – есть сынок восьми лет, кажется, она никогда с ним не разлучалась и все мучается, что оставила его.

¹ Кибла – направление в сторону священной Каабы (Мекка). Здесь в значении – находиться в центре внимания.

— Да, мы все время с графиней говорили, я о своем, она о своем сыне, – сказала Каренина, и опять улыбка осветила ее лицо, улыбка ласковая, относившаяся к нему» [4, с. 79].

После установления отношений с Вронским жизнь Анны перевернулась и пришла в такой упадок, что она даже бросила ребенка и уехала с возлюбленным в Италию. Сереже суждено было остаться наедине с отцом, у которого не было теплых отношений с малолетним сыном, и Сережа мучается от этого. В результате всего случившегося с матерью Сереже приходится продолжать свою жизнь с осознанием того, что его мать была вероломной женщиной и бросилась под поезд.

Исследователь В. А. Котельников говорит, что Толстой в романе использовал «место действия», возникшее в современной цивилизации: «Во второй половине девятнадцатого века, а затем и в последующую эпоху некоторые русские писатели проницательно заметили и с немалым литературным эффектом использовали в сюжетном и персоналогическом планах новое "место действия", возникшее в современной цивилизации, – пространство в движущемся поезде... Железная дорога стала особым феноменом. Однако в том же столетии появился новый специфический в своем подвижном содержании локус – железная дорога, связующая урбанистические локусы и покрывающая разрастающейся сетью осваиваемое цивилизацией пространство. Железная дорога интенсивно социализирует это пространство, являясь массовым общественным транспортом, связывает и перемещает людей, определяет их состояния и поведение, когда они оказываются в пространстве поезда и на прилегающей к нему территории» [1; с. 19–20, 39]. Фазел тоже использует цивилизационный транспорт в романе. В «Любви и слезе» Джавада Фазела тоже говорится о поездке Махин в Мешхед. Махин убегает от мужа и семьи в Мешхед с Джахангиром (с любовником). Ее маленькую и невинную дочь с особой жестокостью убивает ее муж, ослепленный гневом и фанатизмом:

...в нескольких шагах лежал трехлетний ребенок с обезглавленным телом, как жертвенный агнец, отдавая свою последнюю жизнь, свою короткую жизнь. <...> Трехлетняя девочка была похожа на голубку, которой отрубили голову, и как будто девочка так плакала, что слезы еще блестя

на ее свежих щечках, глаза ее были еще полуоткрыты и полны слез <...>. Тело девочки отправили на кладбище, чтобы навеки в колыбели могилы убаюкать ее и закрыть ее глаза, чтобы она не видела этого мира [11, с. 7, 9; перевод здесь и далее наш. – М. Я.]

Сереза, еще до того, как Анна навсегда уехала из дому с Вронским, был в непростых отношениях с отцом, и Анна это хорошо знала, но перед отъездом она ни на минуту не задумалась о том, какой ущерб нанесет Серезе ее уход:

Сереза, и прежде робкий в отношении к отцу, теперь, после того как Алексей Александрович стал его звать молодым человеком и как ему зашла в голову загадка о том, друг или враг Вронский, чуждался отца. Он, как бы прося защиты, оглянулся на мать. С одною матерью ему было хорошо. Алексей Александрович между тем, заговорив с гувернанткой, держал сына за плечо, и Серезе было так мучительно неловко, что Анна видела, что он собирается плакать.

Анна, покрасневшая в ту минуту, как вошел сын, заметив, что Серезе неловко, быстро вскочила, подняла с плеч сына руку Алексея Александровича и, поцеловав сына, повела его на террасу и тотчас же вернулась [4, с. 243].

После поездки к Облонским в Москву Анна хочет вернуться в привычную среду к мужу и сыну:

"Ну, все кончено, и слава Богу!" – была первая мысль, пришедшая Анне Аркадьевне, когда она простилась в последний раз с братом, который до третьего звонка загораживал собою дорогу в вагоне. Она села на свой диванчик, рядом с Аннушкой, и огляделась в полусвете спального вагона. "Слава богу, завтра увижу Серезу и Алексея Александровича, и пойдет моя жизнь, хорошая и привычная, по-старому" [4; с. 120–121].

Но через некоторое время чувства Анны к мужу и ребенку и представление о них и даже о людях, окружающих ее, в ее сознании уже никогда не будут прежними. «Анна стремится домой, в Петербург, к мужу и сыну. Однако после встречи с Вронским в метель на железнодорожной станции она испытывает разочарование и в Каренине, и в Серезе. Ее неприятно поражают "хрящи ушей, подпиравшие поля круглой шляпы" Алексея Александровича, а Серезу "она воображала ...

лучше, чем он был в действительности". Недостатки людей из ее круга, таких, к примеру, как Лидия Ивановна, бросаются ей в глаза. "Ведь все это было и прежде, – думает героиня, – но отчего я не замечала этого прежде?"» [3, с. 39]

Теперь Анна уже не может быть такой матерью для своего сына Сережи, какой она была раньше. При том, что до Вронского Анна все видела иначе. Хотя Сережа еще не настолько взрослый, чтобы анализировать все как взрослые, он все чувствует и понимает вещи, которые ребенку его возраста не только трудно понять, но и принять. В спорах и даже скрытых действиях и реакциях родителей Сережа понимает закулисные проблемы даже больше, чем его родители это себе представляют: «Вошел Сережа, предшественный гувернанткой. Если б Алексей Александрович позволил себе наблюдать, он заметил бы робкий, растерянный взгляд, с каким Сережа взглянул на отца, а потом на мать. Но он ничего не хотел видеть и не видал» [4, с. 243]. Но Сережа любит мать больше, чем отца, его отношения с ней теплее, и пока Анна не забыла свои материнские чувства, Сережа был полностью счастлив с матерью. В этом романе отчетливо видна разница между поведением родителей Сережи и его самого, так что читатель может легко понять горе Сережи из-за потери матери. Перед отъездом Анны читатель может наблюдать ее постоянное внимание к воспитанию и образованию Сережи.

Но что можно сказать об отношениях между Шахин, дочерью Махин, и ее отцом? Когда капитан Л., муж Махин, узнает об измене жены, он начинает негативно относиться к дочери. Его волнует будущее дочери – это проблема, имеющая множество живых примеров в иранской культуре, и ревность заставляют его кровь кипеть. От таких горьких мыслей его отцовское чувство охлаждается:

О, Боже! Это значит, что через несколько лет Шахин станет такой же, как Махин. И она тоже будет предавать своего мужа? И она будет позорить семью?.. Наконец, он как отец будет обманут и будет страдать. Больше он не может терпеть из-за дурного пола, из-за женщины. Его больше не радуют сладкие речи дочери, и песни этой маленькой девочки уже не имеют изящества и не доставляют удовольствия ее скорбящему отцу. Он как будто в казарме на молодого солдата кричал: "Заткнись, пошла вон!" [1; с. 61–62].

Но главная причина, по которой капитан Л. убивает свою дочь, заключается в том, что его беспокоит ее будущее и ее сиротство, и это чувство беспокойства и страха приводит его к убийству девочки:

...Махин – мать, мать маленькой девочки, да, Махин – мать Шахин, невозможно так просто, так легко уничтожить такое существо, будущую мать. Когда Шахин проснется, увидит, что мама вся в крови. В чем смысл жизни Шахин? Будет ли другое существо, кроме Махин, лучше нее <...>. Голова Шахин легко отделилась от тела, и чарующие глаза девочки, полуоткрытые, смотрели на прекрасный мир, а из глаз продолжали течь слезы [11, с. 63, 66].

Шахин умерла, но Махин выжила и продолжала гнаться за тем, что называла любовью, пока ее не настиг горький конец.

Чувства Анны к дочери совершенно отличаются от того, что она испытывает к своему сыну Сереже. Как будто Анна не любила свою дочь, ее дочь была лишена материнской любви. Однако при глубоком рассмотрении того факта, что Анна в конце концов оставила Сережу, читателю становится ясно, что она и для Сережи не была такой уж преданной и любящей матерью. Она пошла за страстью. Кроме того, если бы Анна любила своих детей и заботилась об их судьбе больше, чем о себе, она никогда бы не покончила жизнь самоубийством и не заставила бы их терпеть боль из-за гибели матери.

Маленькая Аня, невинный ребенок, с самого начала родилась в не очень удачной семье. Анна родила ее с трудом. Девочка болела с рождения. Бог его знает, это было наказание для Анны или что-то другое? И родилась она в доме человека, который не был ее настоящим отцом, хотя и хорошо заботился о маленькой девочке благодаря своим убеждениям и добросердечности. Но Анна, сама не зная почему, наказывает невинную девочку, вместо того чтобы наказывать себя, и с самого рождения не выказывает дочери материнской любви. Эта недоброжелательность Анны расстраивает даже обманутого Каренина: «Ему досадно было на жену за то, что она не заботилась об этом прелестном ребенке, и в этом расположении досады на нее не хотелось идти к ней...» [4, с. 493].

Анна обращает на маленькую девочку очень мало внимания вплоть до того, что не замечает, когда у нее режутся молочные зубы, и Толстой порицает это равнодушие устами Дарьи Александровны, являющейся явным символом материнства: «В романе "Анна Каренина" Толстой противопоставляет истинные материнские чувства Долли, никогда не подвергавшиеся сомнению, чувствам Анны к своим детям, всё время подвергая сомнению их искренность. Чувство материнской гордости за своих детей, присущее Долли, совсем отсутствует в Анне»¹.

Какова действительно будет судьба детей женщин, которые забывают свои обязанности ради своих желаний и страсти? В романе «Любовь и слеза» невинная дочь Махин убита, и возможно, если бы она осталась жива, то ее не ждала бы хорошая судьба. В «Анне Карениной» такая женщина, как Анна, полностью погруженная в материнство до встречи с Вронским, внезапно становится столь безответственной, что даже оставляет сына, чтобы сопровождать Вронского в Италию. Роль матери Анна выполняет настолько плохо, что даже не знает, сколько зубов у ее девочки.

... общий дух детской и в особенности англичанка очень не понравились Дарье Александровне. Только тем, что в такую неправильную семью, как Аннина, не пошла бы хорошая, Дарья Александровна и объяснила себе то, что Анна, с своим знанием людей, могла взять к своей девочке такую несимпатичную, нереспектабельную англичанку. Кроме того, тотчас же по нескольким словам Дарья Александровна поняла, что Анна, кормилица, нянька и ребенок не сжились вместе и что посещение матерью было дело необычное. Анна хотела достать девочке ее игрушку и не могла найти ее. Удивительнее же всего было то, что на вопрос о том, сколько у ней зубов, Анна ошиблась и совсем не знала про два последние зуба [5, с. 217].

На самом деле Махин и Анна считали любовь выше всего остального в своей жизни. Выше, чем члены семьи, выше, чем честь, выше, чем репутация, выше, чем общество, и даже выше, чем ребенок, который был частью их самих. Махин сама в этом призналась Шоку (своей двоюродной сестре): «Вы думаете, что я не знаю, что потеряла любимую

¹ Яхияпур М. Поэтика романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (в аспекте религиозно-нравственных воззрений писателя): дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. С. 38.

и милую Шахин. Вы думаете, что когда у меня украли часть моего сердца, я была настолько беспечной и беспокойной, что не заметила это? <...> Я мать, я знаю, что было и что произошло, я все знаю, но хочу сказать, что считаю все, даже собственную жизнь, ничтожным перед любовью. Опозорила свою честь, моя Шахин умерла. Муж ушел, я испортила свою карьеру. <...> Я живу только ради своей любви» [11, с. 78].

Махин и Анна не заботятся ни о чем, кроме своих желаний и страсти. Они не берут на себя ответственность за жизнь невинных детей. В своих произведениях Лев Толстой и Джавад Фазел попытались подчеркнуть тему страстной любви замужних женщин, забывших о своей материнской ответственности: такая любовь не только разрушает личность, но ведет самых дорогих им людей – детей – к страданиям и несчастьям. От такой страсти ребенок страдает после смерти матери, а иногда сам погибает. В этих произведениях смерть «имеет символическое и мистическое значение. Смерть здесь предстает как жестокая разрушительная сила, мгновенно разрывающая связь человека с миром, с жизнью»¹.

Обсуждение и выводы

Таким образом, и для Толстого, и для Фазела важным в идеологическом отношении и в концепции романа является сохранение семейного очага. Самая главная опора в семье для детей – матери, которых из-за страсти самих постигла ужасная участь. Писатели показывают главную роль матерей в воспитании детей. Оба автора считают, что измена замужних женщин в семьях является результатом их ошибок. Под влиянием цивилизации женщины-матери отказались от своих основных обязанностей. Если мать пренебрегает своими обязанностями, это приводит к распаду семьи. Дети – это результат выбора родителей, и каждый должен нести ответственность за свой выбор. Ответственность является человеческим и моральным долгом, особенно если речь идет о невинном и зависимом существе – таком, как ребенок. Трагедия героинь – нарушение нравственных норм, традиций, законов человеческих. Эта страсть убивала в них

¹ Яхияпур М. Поэтика романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (в аспекте религиозно-нравственных воззрений писателя): дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. С. 119.

все лучшее: и материнские чувства, и доброту, и саму жизнь. Страсть и эгоизм приводили героинь к гибели, и не только нравственной, но и физической.

Список литературы

1. Котельников В. А. Железнодорожные сюжеты // Исследовательский журнал русского языка и литературы. – 2021. – № 9 (1). – С. 27–42.
2. Мальцева Т. В. Общественный контекст обрядовой поэтики в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Art Logos. – 2017. – № 1 (1). – С. 43–52.
3. Нагина К. А. Распадающийся дом: судьба Анны Карениной // Вестник Удмуртского университета. Серия филология. – 2013. – № 4. – С. 38–47.
4. Толстой Л. Н. Анна Каренина // Л. Н. Толстой. Собр. соч. в 22 тт. – М.: Художественная литература, 1963. – Т. VIII. – 494 с.
5. Толстой Л. Н. Анна Каренина // Л. Н. Толстой. Собр. соч. в 22 тт. – М.: Художественная литература, 1963. – Т. IX. – 449 с.
6. Толстая С. А. Дневники в двух томах. – М.: Художественная литература, 1978. – Т. 1. (1862–1900). – 627 с.
7. Шифман А. И. Лев Толстой и Восток // Толстой и Иран. – М.: Наука, 1971. – С. 324–339.
8. Яхьяпур М., Карими-Мотаххар Дж. «Двойник» Ф. М. Достоевского и «Слепая сова» С. Хедаята // Русская литература. – 2006. – № 3. – С. 185–189.
9. Яхьяпур М., Карими-Мотаххар Дж., Сотудехмехр Ф. Толстовская традиция в персидской литературе: семья и женская измена // Quaestio Rossica. – 2022. – Т. 10. – № 4. – С. 1334–1347. DOI: 10.15826/qr.2022.4.732.
10. Dzhavadi-Laridzhani, K. Biography of Javad Fazel Larijani (Famous people of Amol city). – Amol: SHomale pajdar Publ., 2005. – 120 p.
11. Fazel Javad. Love and tear. – Tehran: Kanun-e-Marefat Publ., 1952. – 150 p.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
40/40/20 %

Yahyapour Marzieh, Karimi-Motahhar Janolah,
Sotoudehmehr Forough

Women's Role in the Fate of Children ("Anna Karenina" by Leo Tolstoy and "Love and Tear" by Javad Fazel)

This article explores the children's fate problem in the novels "Anna Karenina" by Leo Tolstoy and "Love and Tear" by the Iranian writer Javad Fazel through the perspective of the family foundation idea. Javad Fazel wrote the "Love and Tear" novel with reliance on "Anna Ka-

renina" novel by L. Tolstoy. The fate of children in unsuccessful families is among the topics touched upon by both authors. Children are sensitive and vulnerable beings. They can enjoy peace and comfort only in the safety and haven of their family. Therefore, great writers addressed children and their proper upbringing in family and society. Because the lack of mental health in children can potentially threaten social security in the future. Both authors believe that the family is the central pillar of society, and it is the family that provides the child's body, soul, and spiritual nourishment. Due to their prominent role's virtue in the institution of family, women have the most significant share in the fate of children. The mothers in both novels betray their husbands (the fathers of their children) under the influence of the political and social atmosphere, especially the emancipation of women, leading to the disintegration of the family foundation. Anna and Mahin, by violating moral principles, not only killed themselves, but they caused the breakdown and mental disorder of the family children. Thus, they created a terrible fate for children by their will.

Key words: L. Tolstoy, Javad Fazel, artistic worldview, philosophical worldview, family, the fate of children.

For citation: Yahyapour, M., Karimi-Motahhar, J., Sotoudehmehr, F. (2023) Rol' zhenshchin v sud'be detej («Anna Karenina» L. Tolstogo i «Lyubov' i sleza» Dzh. Fazela) [Women's Role in the Fate of Children ("Anna Karenina" by Leo Tolstoy and "Love and Tear" by Javad Fazel)]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 108–121. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_4_108. EDN: FUMABR

References

1. Kotel'nikov, V. A. (2021) ZHeleznodorozhnye syuzhety [Railway plots]. *Issledovatel'skij zhurnal russkogo yazyka i literatury – Research journal of Russian language and literature*. No. 9 (1). Pp. 27–42. (In Russian).
2. Maltseva, T. V. (2017) Obshchestvennyj kontekst obryadovoj poetiki v romane L. N. Tolstogo «Anna Karenina» [Social context of ritual poetics in L. N. Tolstoy's novel "Anna Karenina"]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 1 (1). Pp. 43–52. (In Russian).
3. Nagina, K. A. (2013) Raspadayushchij dom: sud'ba Anny Kareninoy [A decaying house: the fate of Anna Karenina]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya filologiya – Bulletin of the Udmurt University. Philology series*. No. 4. Pp. 38–47. (In Russian).
4. Tolstoj, L. N. (1963) Anna Karenina [Anna Karenina]. L. N. Tolstoj. *Sobr. soch. v 22 tt.* [L. N. Tolstoy. Collection Op. in 22 vols.]. Vol. VIII. Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ. (In Russian).
5. Tolstoj, L. N. (1963) Anna Karenina [Anna Karenina]. L. N. Tolstoj. *Sobr. soch. v 22 tt.* [L. N. Tolstoy. Collection Op. in 22 vols.]. Vol. IX. Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ. (In Russian).
6. Tolstaya, S. A. (1978) *Dnevniki v dveh tomah* [Diaries in two volumes]. Vol. 1 (1862–1900). Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ. (In Russian).
7. SHifman, A. I. (1971) Lev Tolstoj i Vostok [Leo Tolstoy and the East]. *Tolstoj i Iran* [Tolstoy and Iran]. Moscow: Nauka Publ. Pp. 324–339. (In Russian).
8. Yah'yapur, M., Karimi-Motahkhar, Dzh. (2006) «Dvojnik» F. M. Dostoevskogo i «Slepaya sova» S. Hedayata ["Double" F. M. Dostoevsky and "The Blind Owl" by S. Hedayat]. *Russkaya literatura – Russian literature*. No. 3. Pp. 185–189. (In Russian).
9. Yah'yapur, M., Karimi-Motahkhar, Dzh., Sotudekhmekhr, F. (2022) Tolstovskaya tradiciya v persidskoj literature: sem'ya i zhenskaya izmena [Tolstoy's tradition in Persian literature: family and female infidelity]. *Quaestio Rossica – Quaestio Rossica*. Vol. 10. No. 4. Pp. 1334–1347. DOI: 10.15826/qr.2022.4.732. (In Russian).
10. Dzhavadi-Laridzhani, K. (2005) Biography of Javad Fazel Larijani (Famous people of Amol city). Amol: SHomale pajdar Publ. (In Persian).
11. Fazel, Javad (1952) Love and tear. Tehran: Kanun-e-Marefat Publ. (In Persian).

Об авторах

Яхьяпур Марзие, профессор кафедры русского языка и литературы Тегеранского университета кандидат филологических наук (Тегеран, Исламская Республика Иран); e-mail: myahya@ut.ac.ir; ORCID ID: 0000-0001-8195-6909

Карими-Мотаххар Джанолах, профессор кафедры русского языка и литературы Тегеранского университета кандидат филологических наук (Тегеран, Исламская Республика Иран); e-mail: jkarimi@ut.ac.ir; ORCID ID: 0000-0002-6072-5797

Сотудехмехр Фору, магистр Тегеранского университета (Тегеран, Исламская Республика Иран); e-mail: Forough.sotoudeh@ut.ac.ir; ORCID ID: 0000-0002-3662-1293

About the authors

Marzieh Yahyapour, Professor, University of Tehran, PhD in Philology (Tehran, Iran); e-mail: myahya@ut.ac.ir; ORCID ID: 0000-0001-8195-6909

Karimi-Motahhar Janolah, Professor, University of Tehran, PhD in Philology (Tehran, Iran); e-mail: jkarimi@ut.ac.ir; ORCID ID: 0000-0002-6072-5797

Forough Sotoudehmehr, Master in Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran); e-mail: Forough.sotoudeh@ut.ac.ir; ORCID ID: 0000-0002-3662-1293

дата получения: 25.07.2023 г.
дата принятия: 30.09.2023 г.
дата публикации: 30.12.2023 г.

date of receiving: 25 July 2023
date of acceptance: 30 September 2023
date of publication: 30 December 2023

В. В. Королева, А. Р. Притомская

Эволюция эзотерического символизма Э. Т. А. Гофмана в романе Г. Майринка «Голем»

В статье рассматривается символизм романа Г. Майринка «Голем» в рамках эзотерического дискурса и его связь с произведениями Э. Т. А. Гофмана (романом «Эликсир дьявола», новеллами «Песочный человек», «Золотой горшок»). Были выделены общие для писателей мотивы и символы, восходящие к эзотерическому символизму, а именно: мотив инициации героя и его последующего духовного преображения, мотив неудачной инициации, символизм карт Таро, символы розы, креста, кинжала (ножа), сада, мотив «гения рода». В статье делается вывод о том, что Г. Майринк в романе «Голем» трансформирует элементы эзотерического символизма творчества Э. Т. А. Гофмана с целью раскрыть концепцию духовного преображения личности в соответствии с идеями ордена «Золотой зари» и общества «Цепь Мириам». Используя эзотерический подтекст гофмановских произведений как один из источников, Майринк создает в романе «Голем» манифест о путях достижения духовного роста и преображения.

Ключевые слова: эзотерический символизм, «черный романтизм», алхимия, каббала, розенкрейцерство, Э. Т. А. Гофман, Г. Майринк.

Для цитирования: Королева В. В., Притомская А. Р. Эволюция эзотерического символизма Э. Т. А. Гофмана в романе Г. Майринка «Голем» // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 4. – С. 122–139. DOI: 10.35231/25419803_2023_4_122. EDN: BYLAWK

Густав Майринк – австрийский писатель, один из родоначальников «черного романтизма». Многие исследователи считают его скорее мистиком, увлеченным литературой, нежели изучающим мистику литератором. Известно, что Майринк интересовался многими эзотерическими учениями: теософией, алхимией, каббалой, йогой. Писатель состоял в герметическом ордена «Золотой Зари», братстве «Цепь Мириам», проводил собрания теософской ложи «У голубой звезды» [16]. В конце жизни писатель перешел в буддизм и за-

нялся медитациями. О мистических воззрениях Майринка написано достаточно (см., например: В. Крюков [11], А. Г. Дугин [7], Г. Ю. Канарш¹, А. В. Теличко² и др.).

На пути осмысления эзотерической традиции Майринк обращался и к литературным источникам, в которых прослеживался мистический символизм. В связи с этим Майринку становится близка немецкая романтическая традиция, как философская, так и литературная, о чем писали в своих работах П. фон Матт [21] и Н. В. Гладилин [5]. Одним из писателей-романтиков, вдохновивших Майринка, был Э. Т. А. Гофман, в произведениях которого также можно обнаружить эзотерический подтекст, на что в литературоведении уже обращалось внимание. Например, А. А. Аствацатуров упоминает о пути Медардуса, главного героя романа «Эликсиры дьявола», как о приобщении к мистическому знанию [2]. Вопрос символического смысла образов розы и креста в том же произведении, а также его эзотерический подтекст, восходящий к воззрениям розенкрейцеров, рассматривался нами ранее в статье «Символический смысл образов розы и креста в романе Э. Т. А. Гофмана "Эликсиры дьявола"»³. Обращает также внимание на архитектуру романа «Эликсиры дьявола» Л. А. Мишина, считая, что он построен как «процесс раскрытия тайн» [17, с. 336]. На интерес Гофмана к алхимии указывает и упоминание им в своих произведениях таких имен алхимиков и их трудов, как Леонард Турнейссер («Выбор невесты»), Парацельс («Королевская невеста»), Жерар Дорней («Огненный дух»), Мирандола (ему приписывают авторство «De Auro Libri Tres»), а также исследователей алхимической философии: И. Виглеба («Крошка Цахес») и Э. Сведенборга («Серапионовы братья»). В новелле «Огненный дух» Гофман называет имя Гермеса Трисмегиста [6, VI, с. 25], который считается автором «Изумрудной скрижали».

Вопрос о влиянии Гофмана на Майринка в литературоведении уже поднимался. На связь произведений Майринка с романом Гофмана «Эликсиры дьявола» указывали К. Грос

¹ Канарш Г. Ю. Густав Майринк: путь к Сокровенному // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 1. Электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gustav-mayrink-put-k-sokrovennomu> (дата обращения: 04.07.2023).

² Теличко А. В. Поэтологические особенности романов Г. Майринка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 190 с.

³ Королева В. В. Символический смысл образов розы и креста в романе Э. Т. А. Гофмана «Эликсиры дьявола» // Вестник ННГУ. 2017. № 5. Электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolicheskiy-smysl-obrazov-rozy-i-kresta-v-romane-e-t-a-gofmana-eliksiry-dyavola> (дата обращения: 29.06.2023).

[20] и Э. Веббер [24]. Гофмановские традиции новелл в прозе Майринка отмечали также русские литературоведы А. В. Теличко¹ и Н. В. Гладилин [5]. Однако исследователи оставляют без внимания эзотерический аспект гофмановского влияния, который заслуживает детального изучения. Об этом упоминает только Э. Франк, который называет Майринка преемником немецкого романтика и относит обоих авторов к «писателям-визионерам» [19, s. 284].

Материалы и методы

На наш взгляд, исследование гофмановских истоков алхимического и эзотерического символизма в романе Г. Майринка «Голем», которые восходят к новеллам «Золотой горшок», «Песочный человек» и роману «Эликсиры дьявола», является актуальным вопросом, так как позволяет решить сразу несколько задач. Во-первых, определить один из литературных источников эзотерической символики Майринка, которым является творчество Гофмана, во-вторых, проследить трансформацию гофмановских образов и символов в художественном мире австрийского писателя. В-третьих, анализ романа Майринка «Голем» помогает выявить эзотерический подтекст в творчестве самого немецкого романтика, который долгое время отрицался в литературоведении, а работы, которые на эту тему написаны, главным образом касаются только романа «Эликсиры дьявола».

Согласно нашей гипотезе, Майринк, увлеченный эзотерическими учениями, читая Гофмана, воспринимал его как «посвященного» в тайное знание, в связи с чем гофмановские образы и символы для него приобретали особое значение, не замечаемое обычным читателем. Прочитывая гофмановский эзотерический текст, он выделяет у немецкого писателя проблему преображения личности через ее инициацию, близкую ему, и развивает ее в своем творчестве. Таким образом, выявление эзотерического контекста в творчестве Гофмана становится возможно через призму восприятия Майринка.

Необходимо отметить, что Гофман, в отличие от Майринка, использует эзотерические образы и символы довольно вольно. Они служат ему для раскрытия концепции духовного

¹ Теличко А. В. Поэтологические особенности романов Г. Майринка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 190 с.

преображения через творчество, основной для романтической литературы. Майринк, вдохновленный многослойностью произведений Гофмана, его «игрой» с мистическим подтекстом, использует новеллы и роман немецкого романтика в качестве образца того, как эзотерические концепции и символы могут функционировать в литературе. На основе текстов Гофмана Майринк в романе «Голем», который включает в себя идеи и символы, лежащие в основе учений ордена «Золотой зари» и общества «Цепь Мириам», описывает пример успешной инициации и последующего духовного преобразования героя. Данные символы, как считали Майринк и его единомышленники, вели к обретению Сверх-Я и переходу на новый уровень бытия – сверхбытие. Мы предполагаем, что в написании романа «Голем», повествующего об успешной инициации героя и последующем духовном преобразении, особую роль сыграли три произведения Гофмана, наполненные эзотерическими символами: новеллы «Золотой горшок» (1815), «Песочный человек» (1815) и роман «Эликсиры дьявола» (1815). Примечательно то, что Гофман написал эти произведения в один год, что позволяет судить о том, что в этот период он был погружен в процесс осмысления проблемы преобразования личности и находился в поисках путей достижения ее гармонии. Эти произведения Гофмана дают три разных варианта инициации героя.

Результаты

Обращаясь к анализу гофмановского интертекста в произведении Майринка «Голем», в первую очередь следует отметить присутствие в романе яркого пласта интертекста новеллы «Золотой горшок», на что указывает отсылка к образу сада и аромату бузины: «Я не мог придумать никакого объяснения и на мгновение забыл, где я нахожусь. Тут вдруг я очутился где-то высоко ... в каком-то саду ... в волшебном аромате цветущей бузины» [13, с. 203]. Именно под деревом бузины Ансельм, главный герой «Золотого горшка», проходит инициацию, встретив говорящих змеек. Кроме того, в основе романа «Голем» лежит фабула «Золотого горшка» – процесс посвящения главного героя в избранные (мифологизация Великого деяния).

Гофмановская новелла состоит из символов и образов, трактовать которые можно с точки зрения алхимического дискурса. Сюда относится и путь преображения главного героя как аллегии алхимической ртути посредством единения с женским элементом – серой, и образы-символы змей, дракона (как защитника тайного алхимического знания). Образ ведьмы Рауэрин, которая обращается в свеклу как символ элемента земли, символизирует препятствия на пути Ансельма к посвящению, поэтому ее гибель необходима для совершения трансмутации. Алхимический символизм в «Золотом горшке» воплощается и в семантике цветов: черный характерен для начальной стадии Деяния и завязки новеллы (Черные ворота, черная одежда Ансельма), белый и красный – в образе белого аспида, напитанного кровью раненого протагониста для второй и третьей стадии Деяния). В этом контексте важное значение имеет и эпизод с заключением Ансельма в колбу, который в алхимическом дискурсе рассматривается как процедура разделения, где стекло несет сакральный смысл: «выражает таинственное превращение, что происходит внутри адепта. Из множества разрозненных частей личности с помощью работы и милости Господней составляет нечто целое: стеклянное тело, символизирующее единое, прочное сознание, твердое, но прозрачное для божественного света» [1, с. 174].

Оба протагониста, Ансельм («Золотой горшок») и Атанасиус («Голем»), в начале своего метафорического алхимического преображения предстают перед читателем духовно «неоформленными» обыкновенными людьми. Жизнь Атанасиуса до столкновения с «дыханием костей» была абсолютно непримечательной. Таким же заурядным является и Ансельм: неуклюжий студент-филистер, находящийся в разладе с материальным миром. Лишь некое экстраординарное событие, выступающее в качестве инициации неофита (встреча со змейками в «Золотом горшке» и прикосновение к книге Иббур в «Големе»), запускает процесс духовного пробуждения. Трансформацию героев сопровождает также символ тайного сада. Такой сад располагается в доме Саламандра в «Золотом горшке», скрытый для всех, кроме проходящих обучение неофитов. В саду оказывается и герой-рассказчик «Голема», где обитает ныне преобразившийся в гермафродита Атана-

сиус. В образе сада реализовалась концепция алхимического сада, куда попадают лишь адепты на пути познания и который защищает земляной дракон (в новелле ведьма, потомок дракона Рауэрин). Инициацию сопровождает и мотив выбора между «истинной» и «ложной» возлюбленной. От верного выбора невесты зависит духовное развитие протагониста. Так, Ансельм мечется между Вероникой (земной) и Серпентиной (духовной), но лишь дочь Саламандра способна провести студента в Атлантиду и сделать поэтом. Атанасиус повторяет путь гофмановского героя: выбирает между приземленной Ангелиной и одухотворенной Мириам последнюю, вступая с ней в духовный брак.

Гофман в новелле «Золотой горшок» мифологизирует концепцию Великого алхимического деяния: протагонист Ансельм выступает аллегорией мужского элемента, его невеста Серпентина – женского. Отец Серпентины, дух огня Саламандр, становится посредником в слиянии противоположных элементов, то есть огнем. Майринк обращается к этой идее и в своем романе. По замыслу писателя, «Голем» – «это "произведение в аллом", третья, завершающая стадия трансмутации, соединение мужского (Атанасиус) и женского (Мириам) элемента воедино» [11, с. 11]. Роман австрийского писателя повествует о преображении Атанасиуса Перната в Царственного Гермафродита посредством соединения с женской ипостасью своей разобщенной души, Мириам.

У немецкого романтика сюжет алхимической свадьбы представлен как сказка, поскольку соответствует романтическому идеалу духовного творческого преобразования через три элемента: веру (веру в чудесное), стойкость (способность пройти путь познания чудесного до конца) и любовь, те же три качества, что требуются от алхимика. Майринк же как адепт общества «Цепь Мириам» трансформирует данный сюжет из сказочного в эзотерический: метод Кремменца, он же «Путь Венеры» [11, с. 24] – соединение с женщиной посредством духовного огня. Если у Гофмана это единение мужского и женского представлено как свадьба Ансельма и Серпентины при посредничестве отца невесты элемента огня Саламандра, то Майринк в своем романе отказывается от сказочного элемента, оставляя лишь мистический контекст: погибшая

в «пироматическом» огне Мириам соединяется в идеальном мире с преобразившимся в том же магическом пламени Атанасиусом. Примечательно и то, как Майринк отказывается от идеи романтической любви в «Големе». Мириам и Атанасиуса не связывает чувство в привычном понимании, союз мужчины и женщины австрийский прозаик рассматривает как союз единомышленников, стремящихся к одной цели – к выходу на уровень сверхбытия, достичь которого можно, лишь слаженно работая над своим духом в паре.

Атанасиус и Ансельм как герои, прошедшие успешную инициацию, объединены также символизмом карт Таро и значением букв в учении каббалы. Майринк мог увидеть некий эзотерический подтекст в имени Ансельма интуитивно, но целенаправленно перенести и развить его в образе своего героя. Фигуре и имени протагониста в романе «Голем» соответствует первая буква алфавита в иврите, буква «Алеф». В каббале эта буква обозначает безграничную чистую божественность. Название «Алеф» также связывают с еврейским словом «илуф», которое означает «обучение» [8, с. 94]. Согласно учению каббалы и ордена «Золотой зари», буква также соответствует карта Таро, в данном случае «Дурак» или «Шут» (*pagad*). Эту связь Майринк подробно демонстрирует в «Големе», присваивая ее Пернату в начале его духовного пути («Как, простите, вы сказали: *pagad ultimo*? Кто знает, не это ли ваше истинное имя, господин Звак?»). Карта обозначает «готовность непредвзято изучать новое», что также соответствует и сюжетной линии Ансельма. Однако, «тьень» или «риски карты», по А. Кроули [9; с. 103–107], – «скатиться в скоморошество или юродство», что является истинно гофмановским мотивом, который встречается в «Золотом горшке» в образах Ансельма и Линдгорста, которых «непосвященные» друзья и коллеги воспринимали как юродивых. Вероятно, судьбой Ансельма, сделавшего неправильный выбор между «истинной» и «ложной» невестой, стала бы не успешная карьера, грезившаяся Веронике, а то самое юродство человека, пережившего столкновение с чудесным. Таким образом, Майринк трактует образы и мотивы, созданные Гофманом, согласно своим эзотерическим воззрениям, считывая мистический подтекст гофмановских сюжетов.

На наш взгляд, Майринк рассматривал новеллу «Золотой горшок» как пример успешной инициации в отличие от гофмановской новеллы «Песочный человек», где главный герой Натаниэль не проходит путь посвящения. Мы полагаем, что Натаниэль мог бы преобразиться, если бы его сопровождали те же неотъемлемые атрибуты духовной трансформации, что и Ансельма: духовный потенциал, наличие наставника, женская ипостась, а также такие качества, как вера в чудесное и стойкость на пути познания ирреального мира. Однако всего этого Натаниэль лишен с детства. Тонкая душевная организация мальчика деформируется, отчего Натаниэль становится не поэтом, а безумцем. Духовная слепота, к которой приводит протагониста символическое удаление глаз Коппелиусом, лишает Натаниэля возможности различить свой духовный путь. Нет у гофмановского персонажа и наставника, который бы направил его на путь истинный. Поэтому Натаниэль не воспринимает мистические «знаки судьбы» (огненный круг, визиты песочника, сон с переломанными конечностями) как значимые. Герой лишен и своей женской ипостаси, поскольку Клара не разделяет «экзальтированных» настроений жениха, а Олимпия – просто кукла.

Однако Майринк все же заимствует образ Коппелиуса и мотив лишения зрения из новеллы. Образ старьевщика Вассертрума из «Голема» перекликается с Коппелиусом: их отталкивающая внешность является отражением внутреннего порока. У Аарона было «отвратительное неподвижное лицо, с круглыми рыбьими глазами и с отвислой заячьей губой» [13, с. 43]. Когда он злился, «каждый мускул в его лице дрожал, его заячья губа поднялась к носу, он скрежетал зубами и бормотал, как индюк» [13, с. 238]. У Перната Вассертрум вызывает отвращение: «в нем отталкивало не ужасное уродство, а что-то другое, неуловимое» [13, с. 238]. Старьевщик напоминает внешне Коппелиуса из «Песочного человека»: «Представь себе человека с большой нескладной головой, землисто-желтым лицом; <...> огромный здоровенный нос навис над верхней губой. Кривой рот его нередко подергивается злобной улыбкой; странное шипение вырывается из-за стиснутых зубов» [6, II, с. 293]. Адвокат вызывает у Натаниэля схожую реакцию: «Весь его облик вселял ужас

и отвращение» [6, II, с. 293]. Примечательно и то, что оба антагониста приносят несчастья: появление Коппелиуса вызывает страх у маленького Натаниэля, приводит к смерти его отца, а затем доводит до самоубийства самого главного героя. Вассертрум же продает бывшую любовницу в бордель, сводит с ума Харузека, рушит жизнь Ангелины и Перната. И Вассертрума, и Коппелиуса сопровождает общая угнетающая атмосфера, сводящая с ума персонажей (Натаниэль в «Песочном человеке», Харузек в «Големе»). Так, гофмановский адвокат трансформируется в романе Майринка в старьевщика Вассертрума, но функция персонажа, как некоего зла, стоящего на пути познания главного героя, сохраняется, поскольку результатом козней Аарона должен был стать духовно мертвый Атанасиус, не прошедший инициацию.

Мотив лишения глаз Майринк передает не самому Вассертруму, но его сыну, доктору Вассори, который проводит операции по удалению мнимой катаракты, чтобы не только получить от несчастных пациентов деньги, но также испытать садистское удовольствие. Особое внимание Майринк уделяет символизму глаз, поскольку они играют важную роль как в индуистской, так и в буддистской философии, которыми увлекался писатель: обе доктрины трактуют глаз как символ интуитивного восприятия духовного, то есть истинного мира, за ширмой ложного материального [3; с. 4–5]. У Гофмана глаза дают способность распознавать живое-неживое¹, а также являются «зеркалом души» [6, II, с. 303] (Клара). У Майринка одними глазами невозможно постичь духовные истины. Примером этого является следовательно с говорящей фамилией Очин (славянский корень слова), доверяющий только эмпирически постижимым фактам реальности. Он не видит правды, и его с легкостью обманывает Вассертрум, подбросивший Пернату улики в деле об убийстве. Гиллель отмечает, что «смертные мыслят внешний мир глазами», но зримое при этом «призрак», «выпавший в материальный осадок», то есть со зрения начинается пробуждение ото сна «равного смерти» [13, с. 120]. По той же причине сын Вассертрума, окулист Вассори, спекулирует на операциях по восстановлению зрения, так как

¹ Королева В. В. «Гофмановский комплекс» в русской литературе конца XIX – начала XX веков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Иваново, 2020. 42 с.

«потерять зрение – означает потерять все» [13, с. 76]. Образ глаз у Майринка имеет, как и у Гофмана, сакральный смысл – инструмента, с которого начинается различение мертвого материального и духовно ожившего, но опора на одно лишь зрение без духовного взгляда все так же приводит к смерти души. Таким образом, Натаниэль переживает эту духовную гибель, лишенный потенциала познания духовных истин, отчего погибает и физически, вытесненный из собственного мира. На такую трактовку указывает финал новеллы и его имплицитная интерпретация в романе «Голем».

Гофман заканчивает новеллу «Золотой горшок» довольно ярким и неоднозначным образом, в котором мы усматриваем изображение карты из колоды Таро «Башня». Необходимо отметить, что символика карт таро входит как в учение каббалы, которое Гофман упоминал в своих произведениях («Огненный дух»), так и в положения ордена «Золотой Зари». В финале новеллы Гофман акцентирует внимание читателя на башне, с которой падает Натаниэль. На карте «Башня» в колоде Таро изображены люди, падающие вниз головой с горячей башни. Х. Банцхаф трактует эту карту как разрушение изжившей себя системы, выход за рамки и крах [4; с. 88–89]. Так Гофман подводит итог жизненного пути протагониста новеллы: Натаниэль как поэт, тонко чувствующий мир, столкнувшись с посланниками нового механизированного мира, Олимпией и Спаланцани, сходит с ума и погибает. Приземленная Клара не летит вместе с помешавшимся возлюбленным с башни, а продолжает жить счастливой жизнью в финале новеллы, так как она воплощает собой новый миропорядок. Таким образом Гофман выражает опасение за судьбу людей с тонкой душевной конституцией. В современном мире ни инициация, ни последующее духовное преображение не могут совершиться.

Майринк также использует в финале своего романа карту «Башня»: «охваченный пожаром дом, Атанасиус Пернат, загнанный огнем на крышу, спускается по веревке, но вдруг эта "пуповина", связывающая его с миром сим, рвется, вниз падают уже два Атанасиуса Перната <...>. Вот только до земли долетает лишь один – тот, что без короны» [11, с. 20]. Данную карту Майринк трактует уже в духе XX века, по «Книге Тота», написанной его коллегой по ордену «Золотой зари» одним

из самых влиятельных мистиков своего времени Алистером Кроули. В «Книге Тота» Кроули интерпретирует эту карту как «разрушение старого порядка в огне нового порядка. Цепляющиеся же за старый утвердившийся порядок поступают неразумно» [9, с. 159]. Данная карта может также обозначать Шиву-разрушителя. Известно, что Майринк увлекался индуизмом, в котором разрушение не имеет негативной коннотации, а напротив, необходимо для рождения нового, качественно лучшего мира [22, s. 181]. Успешная инициация, по Майринку, требует также такого важнейшего элемента духовного преобразования, как единение с женской ипостасью души, чего Натаниэль был лишен, поскольку не нашел в лице Клары единомышленницу. Для самого Майринка солидарность в вопросах духовного преобразования с женщиной была чрезвычайно важна, о чем мы можем судить по его членству в «Цепи Мириам» и ордене «Золотой зари», где состояли в том числе и женщины (что для эзотерического общества начала XX века явление скорее исключительное). Так, австрийский прозаик полемизирует с Гофманом о трагичности смерти и о страхе перед грядущим. Вероятно, Натаниэль, по версии Майринка, был способен духовно преобразиться, если бы не был окружен филистерами (Клара) и предвестниками нового механизированного мира (Спаланцани, Олимпия, Коппелиус).

В «Големе» можно обнаружить и следы влияния романа Гофмана «Эликсиры дьявола» в виде христианских мотивов и символов. Однако Гофман трактует их довольно свободно. Исследователь творчества Гофмана Х. Дамен писал об этом: «Гофман, как всегда, не увлекается даже малейшими намеками на религиозные и этические оценки» [18, s. 31]. В. Граль-Мегелин также отмечал: «Насколько нам известно, в его воспитании религиозный момент едва ли подчеркивался»¹. П. Зухер в книге «Источники сказочного у Гофмана» пишет: «Христианская библейская идея всегда была так далека от идей Гофмана, что мы ни в коем случае не можем ее допустить в "Дон Жуане" или в "Эликсирах"» [23, s. 43]. А. М. Б. Ладыгин, например, отрицает идею о том, что роман является «католической проповедью» [12]. В. Б. Микушевич же

¹ Grahl-Mögelin O. W. Die Lieblingsbilder im Stil E. T. A. Hoffmanns ["Lieblingsbilder" im Sinne von: Metapher]. Greifswald: H. Adler, 1914. S. 44. Электронный ресурс. URL: <https://archive.org/details/!essourcesdumerv00such> (дата обращения: 04.07.2023).

считает, что роман посвящен проблеме взаимоотношений мистического и традиционного христианства [15, с. 64].

Исходя из этого, мы предполагаем, что в романе «Эликсиры дьявола» Гофман исследует, как могут быть объединены идеи догматического (диалог папы Римского с Медардусом о борьбе со страстями) и мистического христианства, пришедшего из розенкрейцерства и предполагающего разделение души и тела, а также трансмутацию крови (на это указывают символы розы, креста и кинжала/ножа). Возможно, Гофман рассматривал те пути очищения души от греха, что предлагал католицизм, недостаточными. Согласно нашей гипотезе, Гофман отправляет своего протагониста на поиски искупления, поскольку привычные раскаяние и молитва не приносят желаемого результата. Важно отметить, что персонажи Гофмана все еще остаются в лоне христианства, так как Медардус возвращается в монастырь, искупив грех Франческо.

Вероятно, символизм розенкрейцерства в романе Гофмана привлекает внимание Майринка, состоявшего в ордене «Золотой зари», который опирался на учение братства, так как в его основе лежит проблема родового греха, которую австрийский прозаик рассматривал в виде «гения рода». Романтик предлагает «отделить» грех от потомков путем страдания за совершенный проступок. Медард орудует ножом, пока тело, которым является он и его предок, Франческо, не соединится с духом, т. е. пока его в конце романа не благословит «благоуханием роз» некогда отвергнутая художником Святая Розалия. Таким образом, Медардус искупает грех рода, приближаясь если не к догматической святости, то определенно к духовной цельности.

Майринк рассматривал христианство как ложную идею, уводящую человечество от истинного познания, однако был увлечен гностическим христианством, которое традиционная доктрина считает ересью. В этом прослеживается еще одна линия соприкосновения идей Гофмана и Майринка, которым последний придавал в силу своего увлечения эзотерикой глубокий тайный смысл. В романе Гофмана также реализуется мотив инициации и последующего духовного преображения героя. Медардус с детства отмечен крестом на шее, как символом избрничества, что указывает на духовный потенциал

героя и его способность приобщиться к истинной святости. Полноценную инициацию Медардус проходит лишь через сон, когда видит сначала свою кровь «бесцветной жидкостью». Он не имеет духовного права быть носителем естественной красной крови, уподобленной крови Спасителя, как Святой Петр не мог быть распятым подобно Христу. «Жидкость» может превратиться в кровь лишь путем осознанного очищения от греха.

Майринк заимствует у Гофмана мотив родового греха. Как пишет В. Крюков, «Майринк пользовался традиционной доктриной, рассматривающей человеческую личность не как самостоятельное, автономное Я, а как манифестацию некоей высшей сущности – так называемого "гения рода"» [11; с. 17–18]. Согласно этой теории, положения которой Майринк разделял, каждый член рода привносит в кровь некое качество, совокупность которых приближает или удаляет неопита от преобразования или «трансмутации крови и тела» [14, с. 181]. Медардус встречается чудесного младенца, и все указывает на его потенциал пройти путь духовного познания, но для этого нужно искупить родовой грех. Лишь очищение «гения рода» дает монаху возможность ступить на праведный путь. Инициацию Медардуса сопровождают также мистические символы: роза, крест и кинжал, отсылающие нас к теории Братства Розы и Креста, в которой можно увидеть идею трансмутации крови и тела [14, с. 181]. Значение этой символики мы более подробно рассматривали в статье «Символический смысл образов розы и креста в романе Э. Т. А. Гофмана "Эликсиры дьявола"»¹. Однако стоит упомянуть, что Медардуса сопровождает символ креста, то есть тела, Аврелию (а также святую Розалию) – роза, то есть символ души. Медардус использует нож, который выступает символом разделения души и тела ради трансмутации и преобразования адепта. Майринк также реализует в своем романе мотив кровопускания с целью искупления родового греха, что мы наблюдаем в сюжетной линии Харузека. Студент, который в глазах протагониста Перната выступал как Монах (это отсылает нас к духовной аскезе, принятой Медардусом с целью искупления родового греха), пришел к идее выпустить

¹ Королева В. В. Символический смысл образов розы и креста в романе Э. Т. А. Гофмана «Эликсиры дьявола» // Вестник ННГУ. 2017. № 5. Электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolicheskiy-smysl-obrazov-rozy-i-kresta-v-romane-e-t-a-gofmana-eliksiry-dyavola> (дата обращения: 29.06.2023).

себе кровь в землю, чтобы истребить ее порочные качества, приобретенные через родство с антагонистом Вассертрумом. Однако, его неполноценная духовная природа (он является лишь частью души Перната, его двойником) не позволяет ему пройти путь становления. Соединиться с духом, т. е. с женщиной, в романе может лишь сам протагонист. Мотив «гения рода» в произведении реализуется и в образах Геллеля и Вассертрума. В первом выразилось «два благословенных колена израилевых», в старьевщике – «десять проклятых». Родство с архивариусом приводит его дочь Мириам к преобразению и слиянию с Пернатом в мире посвященных. Родство с Аароном приводит его детей Харузека и Вассори к мучительной смерти.

Обсуждение и выводы

Таким образом, мы предполагаем, что австрийский писатель использовал литературу как инструмент систематизации и рефлексии философских и эзотерических идей. Обнаружив глубокий мистический и эзотерический подтекст в произведениях Э. Т. А. Гофмана, который проявляется в проблематике, мотивах и символах, восходящих к эзотерическому символизму (осмысление проблемы инициации героя и его последующего духовного преобразования, мотив неудачной инициации, символизм карт Таро, образы-символы (роза, крест, кинжал/нож, сад), а также мотив «гения рода»), Майринк трансформировал их в своем инициатическом романе «Голем» с целью раскрытия концепции духовного преобразования личности в соответствии с идеями тех эзотерических школ, к которым имел отношение, а именно ордена «Золотой зари» и общества «Цепь Мириам». В отличие от Гофмана, Майринк рассматривает бытие как непрерывный путь к духовному преобразению, который не зависит от воли неопита и начинается еще до рождения человека (посредством «гения рода»). Майринк иначе рассматривает и концепцию смерти, поскольку «настоящая жизнь» преобразенного начинается лишь после освобождения от физического тела (преобразование Атанасиуса, Мириам и Гиллеля через смерть). Прозаик отказывается также от идеи трансформации посредством или ради творчества, романтической любви, а также от фигуры поэта (художника),

поскольку считает, что выход на уровень сверхбытия лежит исключительно в приобщении к тайному знанию, а не в творческой свободе личности и ведет не к преобразению в поэта (гофмановский Ансельм), а к качественно новому уровню существования духа. Майринк трансформирует также мотив двойничества, создавая в образе двойника одну из ипостасей разобщенной души, не ступившей на путь познания и самосовершенствования, которое состоит в объединении всех «осколков» духа. Писатель отказывается и от идей христианства: инициация и трансформация героев Майринка проходит и успешно совершается вне христианского дискурса. Таким образом, создавая трилогию инициатических романов как манифест духовного преобразования, подобный «Химической свадьбе Христиана Розенкрейцера», Майринк идет дальше Гофмана, так как его произведение становится эзотерическим манифестом и философским трактатом о путях достижения духовного роста и преобразования.

Список литературы

1. Абт Т. Территория символа. – М.: Клуб Касталия, 2013. – 330 с.
2. Аствацатуров А. А. Феномен бессознательного в романе Э. Т. А. Гофмана «Эликсир сатаны» // Преломления. – 2003. – № 2. – С. 217–248.
3. Афанасьев А. Мифическая связь понятий: Света, зрения, огня, металла, оружия и жолчи. – М., 1854. – 16 с.
4. Банцхаф Х. Таро: ключевые понятия (учебник и расклады). – М.: КСП+, 2003. – 288 с.
5. Гладили Н. В. «Гофманиана» в романе Густава Майринка «Голем» // Успехи современной науки. – 2016. – № 7(4). – С. 6–12.
6. Гофман Э. Т. А. Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Художественная литература, 1991–2000.
7. Дугин А. Г. «Магический реализм» Густава Майринка // Г. Майринк. Голем. Вальпургиева ночь. – М.: Прометей, изд-во МГПИ им. Ленина, Философское общество СССР, Историко-философский центр «ЭОН», 1990. – С. 309–329.
8. Кроули А. 777. Каббала Алистера Кроули. – М.: Ланселот, 2011. – 560 с.
9. Кроули А. Книга Тота. – М.: Ганга, 2015. – 560 с.
10. Кроули Алистер. Магия в теории и на практике. – М.: Ганга, Телема, 2009. – 672 с.
11. Крюков В. Произведение в алом // Майринк Г. Голем. Избранные рассказы: Роман, рассказы. – М.: Эксмо, 2007. – С. 7–28.
12. Ладыгин М. Б. Романтический роман. – М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1981. – 126 с.
13. Майринк Г. Голем. Избранные рассказы: Роман, рассказы. – М.: Эксмо, 2007. – 800 с.
14. Макулотти М. Феи, ведьмы и дверь в мир иной: фольклорные и этнографические рельефы по творчеству Артура Мейчена // Zothique. – 2020. – Vol. 4. – С. 181–222.
15. Микушевич В. Б. Леонардо да Винчи в «Эликсирах дьявола» // Гофман Э. Т. А. Собрание сочинений в 6 т. – М.: Художественная литература, 1994. – Т. 2. – С. 426–432.
16. Митчелл М. VIVO: жизнь Густава Майринка. – М.: Клуб Касталия, 2017. – 208 с.
17. Мишина Л. А. Раскрытие тайн в романе Э.Т.А. Гофмана «Эликсиры Сатаны» // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № 2. – С. 330–336.

18. Dahmen H. E. T. A. Hoffmanns Weltanschauung // Beiträge zur deutschen Literaturwissenschaft. – 1929. – № 35. – S. 31.
19. Frank E. Nachwort // Gustav Meyrink: Der Golem. – Berlin, Wien, 1981. – S. 284–285.
20. Groß C. Das Grauen vor dem zweiten Ich – Selbstfindungsprozesse gespaltener Persönlichkeiten bei Hoffmann, Meyrink und Kubin. – Munich: GRIN Verlag, 2011. – 105 s.
21. Matt P. von. Die Augen der Automaten. E.T.A. Hoffmanns Imaginationslehre als Prinzip seiner Erzählkunst. – Tübingen, 1971. – 192 s.
22. Scholem G. La Kabbale et sa symbolique. Roma: Payot, 1966. – 231 p.
23. Sucher P. Les sources du merveilleux chez E.T.A. Hoffmann. – Paris: F. Alcan, 1912. – 232 p.
24. Webber A. The Doppelgänger: Double Visions in German Literature. – Oxford University Press, 1996. – 392 p.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
60/40 %

Vera V. Koroleva, Alina R. Pritomskaya

The Evolution of the Esoteric Symbolism of E. T. A. Hoffmann's Works in the Novel "The Golem" by G. Meyrink

The article examines the symbolism of G. Meyrink's novel "The Golem" within the framework of esoteric discourse and its connection with the works of E. T. A. Hoffman (the novel "The Devil's Elixirs", the short stories "The Sandman", "The Golden Pot"). Researchers employed biographical, historical-genetic methods and the method of motivic analysis. The authors report that there are stable motifs and symbols common to both writers: the motive of the hero's initiation and his subsequent spiritual transformation, the motive of unsuccessful initiation, the symbolism of Tarot cards, the symbols of rose, cross and dagger (knife), the motive "the genius of the generation". Results of the research suggest that G. Meyrink transformed these elements of the esoteric symbolism derived from E. T. A. Hoffman's work in his novel "The Golem" in order to reveal the concept of spiritual transformation of personality in accordance with the ideas of those esoteric schools to which he was related, namely "The Hermetic Order of the Golden Dawn" and the society "Chain of Miriam". Using the esoteric subtext of Hoffmann's works, Meyrink creates a manifesto in the novel "The Golem" about ways to achieve spiritual growth and transformation.

Key words: esoteric symbolism, E. T. A. Hoffmann, G. Meyrink, "dark romanticism", alchemy, Kabbalah, Rosicrucianism.

For citation: Koroleva, V. V., Pritomskaya, A. R. (2023) Evolyuciya ezotericheskogo simbolizma E. T. A. Gofmana v romane G. Majrinka «Golem» [The Evolution of the Esoteric Symbolism of E. T. A. Hoffmann's Works in the Novel "The Golem" by G. Meyrink]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 122–139. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_4_122. EDN: BYLAWK

References

1. Abt, T. (2013) *Territoriya simbola* [Territoriya simbola]. Moscow: Klub Kastaliya. (In Russian).
2. Astvacaturov, A. A. (2003) *Fenomen bessoznatel'nogo v romane E. T. A. Gofmana «Eliksir satany»* [The phenomenon of the unconscious in E. T. A. Hoffmann's novel "The Elixir of Satan"]. *Prelomleniya – Prelomleniya*. No. 2. Pp. 217–248. (In Russian).
3. Afanas'ev, A. (1854) *Mificheskaya svyaz' ponyatij: Sveta, zreniya, ognya, metalla, oruzhiya i zholchi* [Mythical connection of concepts: Light, vision, fire, metal, weapons and bile]. Moscow. (In Russian).
4. Banckhaf, H. (2003) *Taro: klyuchevye ponyatiya (uchebnik i rasklady)* [Tarot: key concepts (textbook and layouts)]. Moscow: KSP+ Publ. (In Russian).
5. Gladilin, N. V. (2016) «Gofmaniana» v romane Gustava Majrinka «Golem» [“Hoffmaniana” in Gustav Meyrink's novel “Golem”]. *Uspekhi sovremennoj nauki – Advances in modern science*. No. 7 (4). Pp. 6–12. (In Russian).
6. Gofman, E. T. A. (1991–2000) *Sobranie sochinenij: v 6 t.* [Collected works: in 6 volumes]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ. (In Russian).
7. Dugin, A. G. (1990) «Magicheskij realizm» Gustava Majrinka [“Magical realism” by Gustav Meyrink]. *G. Majrink. Golem. Val'purgieva noch'* [G. Meyrink. Golem. Walpurgis Night]. Moscow: Prometej, izd-vo MGPI im. Lenina, Filosofskoe obshchestvo SSSR, Istoriko-filosofskij centr «EON». Pp. 309–329. (In Russian).
8. Krouli, A. (2011) *777. Kabbala Alistera Krouli [777. Kabbalah of Aleister Crowley]*. Moscow: Lancelot Publ. (In Russian).
9. Krouli, A. (2015) *Kniga Tota* [The Book of Thoth]. Moscow: Ganga Publ. (In Russian).
10. Krouli, Alister (2009) *Magiya v teorii i na praktike* [Magic in theory and practice]. Moscow: Ganga, Telema Publ. (In Russian).
11. Kryukov, V. (2007) *Proizvedenie v alom* [Work in scarlet]. *Majrink G. Golem. Izbrannye rasskazy: Roman, rasskazy* [Meyrink G. Golem. Selected stories: Novel, short stories]. Moscow: Eksmo Publ. Pp. 7–28. (In Russian).
12. Ladygin, M. B. (1981) *Romanticheskij roman* [Romantic novel]. Moscow: MGPI im. V. I. Lenina Publ. (In Russian).
13. Majrink, G. (2007) *Golem. Izbrannye rasskazy: Roman, rasskazy* [Golem. Selected stories: Novel, short stories]. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian).
14. Makulotti, M. (2020) *Fei, ved'my i dver' v mir inoj: fol'klornye i etnograficheskie rel'efy po tvorchestvu Artura Mejchena* [Fairies, witches and the door to another world: folklore and ethnographic reliefs based on the work of Arthur Machen]. *Zothique – Zothique*. Vol. 4. Pp. 181–222. (In Russian).
15. Mikushevich, V. B. (1994) *Leonardo da Vinchi v «Eliksirah d'yavola»* [Leonardo da Vinci in “Elixirs of the Devil”]. Gofman E. T. A. *Sobranie sochinenij v 6 t.* [Collected works in 6 volumes]. Vol. II. Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ. Pp. 426–432. (In Russian).
16. Mitchell, M. (2017) *VIVO: zhizn' Gustava Majrinka* [VIVO: the life of Gustav Meyrink]. Moscow: Klub Kastaliya Publ. (In Russian).
17. Mishina, L. A. (2012) *Raskrytie tajn v romane E. T. A. Gofmana «Eliksiry Satany»* [Revealing secrets in the novel by E. T. A. Hoffmann “Elixirs of Satan”]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta – Bulletin of the Chuvash University*. No. 2. Pp. 330–336. (In Russian).
18. Dahmen, H. (1929) E. T. A. Hoffmanns Weltanschauung. Beiträge zur deutschen Literaturwissenschaft. No. 35. Pp. 31. (In German).
19. Frank, E. (1981) *Nachwort. Gustav Meyrink: Der Golem*. Berlin, Wien. Pp. 284–285. (In German).
20. Groß, C. (2011) *Das Grauen vor dem zweiten Ich – Selbstfindungsprozesse gespalte-ner Persönlichkeiten bei Hoffmann, Meyrink und Kubin*. Munich: GRIN Verlag. (In German).
21. Matt, P. von (1971) *Die Augen der Automaten*. E. T. A. Hoffmanns Imaginationslehre als Prinzip seiner Erzählkunst. Tübingen. (In German).
22. Scholem, G. (1966) *La Kaballe et sa symbolique*. Roma: Payot. (In Italian).
23. Sucher, P. (1912) *Les sources du merveilleux chez E.T.A. Hoffmann*. Paris: F. Alcan, (In French).

24. Webber, A. (1996) *The Doppelganger: Double Visions in German Literature*. Oxford University Press.

Об авторах

Королева Вера Владимировна, заведующий кафедрой второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых доктор филологических наук, доцент (г. Владимир, Российская Федерация); e-mail: queenvera@yandex.ru; ORCID ID 0000-0002-7608-9772

Притомская Алина Романовна, магистрант Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (г. Владимир, Российская Федерация); e-mail: gera.greenhill@gmail.com; ORCID ID: 0009-0006-0948-770X

About the authors

Vera V. Koroleva, Head of the Department of the Second Foreign Language and Methods of Teaching Foreign Languages, Vladimir State University, Doctor of Philology (Vladimir, Russian Federation); e-mail: queenvera@yandex.ru; ORCID ID 0000-0002-7608-9772

Alina R. Pritomskaya, Master's Student Vladimir State University (Vladimir, Russian Federation); e-mail: gera.greenhill@gmail.com; ORCID ID: 0009-0006-0948-770X

дата получения: 25.07.2023 г.
дата принятия: 30.09.2023 г.
дата публикации: 30.12.2023 г.

date of receiving: 25 July 2023
date of acceptance: 30 September 2023
date of publication: 30 December 2023

С. Лян

Рассказ «Безмолвный голос» китайского писателя Ли Эра как художественная интерпретация рассказа «Дама с собачкой» А. П. Чехова

В статье дается характеристика творчества известного китайского писателя-авангардиста Ли Эра. Отмечается его открытость к зарубежным влияниям и особенно к творчеству А. П. Чехова. Проводится компаративный анализ рассказа Ли Эра «Безмолвный голос» и рассказа Чехова «Дама с собачкой». Сравниваются социальные условия переходности, смены экономических и цивилизационных эпох, способствующих появлению обоих произведений. Дается композиционно-фабульное сравнение, обнаруживающее открытые отсылки китайского автора к русскому прецедентному тексту. Анализируются различия повествовательных стратегий: в отличие от целостного блока чеховского нарратива, повествование в китайском рассказе дробное, что подчеркивает смещение и расфокусировку у героев жизненных ориентиров. Делается вывод, что несмотря на сюжетное и идейное сходство произведений, китайский автор испытал влияние экзистенциальных проблем XX века, которые лишили чувства современных героев полноты и глубины, в отличие от любовных отношений героев Чехова.

Ключевые слова: рассказ, традиция, интерпретация, композиция, сюжет, повествовательные стратегии, А. П. Чехов, Ли Эр.

Для цитирования: Лян С. Рассказ «Безмолвный голос» китайского писателя Ли Эра как художественная интерпретация рассказа «Дама с собачкой» А. П. Чехова // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 4. – С. 140–155. DOI: 10.35231/ 25419803_2023_4_140. EDN: KQPIPL

Благодарности: Публикация статьи осуществлена при поддержке Комитета Национального фонда обучения за рубежом (本成果得到国家留学基金资助).

Многие китайские писатели, такие как Лу Синь, Цао Ю, Бакин и Чжан Цзе, находились под влиянием Чехова. Они прямо или косвенно учились на творческом опыте русского классика. Однако они не в полной мере подражали художественной манере Чехова, в их произведениях проявились и индивидуально-авторские особенности. Одним из таких продолжателей чеховских традиций является Ли Эр.

Ли Эр – современный китайский писатель (р. 1966), настоящее имя Ли Жунфэй. Псевдоним Ли Эр происходит от персонажа его автобиографической повести «Центральные равнины». В 1987 году Ли Эр окончил китайский факультет Шанхайского Восточно-Китайского педагогического университета. Формально вошел в литературный мир Китая в 1990-е годы. В течение многих лет преподавал в университетах, потом служил в качестве профессионального писателя в Академии литературы провинции Хэнань и по совместительству выступил в качестве заместителя редактора журнала «Мангюань», в настоящее время является заместителем заведующего Музеем современной китайской литературы и заместителем председателя Ассоциации писателей провинции Хэнань. Ли Эр известен как один из наиболее значительных представителей китайского литературного авангарда. Его произведения переведены на немецкий, итальянский, французский, английский и другие языки, но еще не переведены на русский язык. Как и остальные современные писатели, Ли Эр находился под сильным влиянием зарубежной литературы, в том числе русской.

Вся проза Ли Эра является размышлением над проблемой индивидуальности и современности. Литературовед У Ицинь справедливо считает, что «деконструкция и растворение индивидуальности и современности в обыденности является основной чертой нынешней прозы Ли Эра» [7, с. 10; здесь и далее перевод китайских источников наш. – С. Л.]. В то же время этот ученый полагает, что «деконструкция духовности интеллектуалов и восстановление значимости их повседневной жизни составляет основной цвет художественного мира Ли Эра» [7, с. 10].

Материалы и методы

Предлагается анализ чеховской «Дамы с собачкой» как прецедентного текста для рассказа Ли Эра «Безмолвный голос». Напомним, что рассказ Чехова «Дама с собачкой» был написан в 1898 году, «Безмолвный голос» Ли Эра опубликован в журнале «Урожай» в 1998 году.

Чехова и Ли Эра объединяет то, что их произведения создавались в сходных переходных исторических ситуациях, когда происходила смена этапов в развитии общества.

Чеховское мировоззрение формировалось в эпоху реформ в экономической, идеологической, правовой и других сферах, последовавших вслед за отменой крепостного права. В Китае с 1966 по 1976 год осуществлялась 10-летняя культурная революция. Китайский писатель глубоко погрузился в осмысление современной жизни и в судьбы обычных людей. Для него не так актуальны проблемы рока, он в первую очередь осмысляет феномен повседневности, старается выразить ее содержание и скрытые в ней потенциалы. Ли Эр пишет: «Проза больше не может служить объяснением жизни, а может лишь повествовать об этом загадочном состоянии человеческого существования» [3, с. 64].

При чтении прозы Ли Эра всегда возникает сильное чувство, что золотой век поиска писателем возможности для нравственного пробуждения человека и способности выступить в качестве учителя прошел, и проза претерпела глубокие изменения. В современном обществе писателям кажется неуместным продолжать создавать произведения в духе классики XIX века, в которой раскрывался конфликт между добром и злом, а его разрешение имело очищающий нравственный эффект.

Изменился и способ повествования. Ли Эр рассуждает: «Одно из самых прямых ощущений – исчезновение единства повествования. В прозе больше не рассказывается полная история, фрагментированный опыт и мелкие дела персонажей наполняют прозаические тексты. У прозы больше нет стандартного начала, кульминации и конца. В движении повествовательного времени, кажется, все перепутано, даже если это повествование идет по часовой стрелке, оно постоянно скатывается. Раньше главный герой умер, был похоронен, громко плакал, это была трагедия. Главный герой женился, родил сына, и это была комедия. Теперь ни один писатель не решается так опрометчиво выразить свое восприятие судьбы героев» [3, с. 64]. Это означает, что изменилась не только роль творческого субъекта, но и качество повествовательной позиции в художественном целом произведения. Пройден путь от всеведущего рассказчика до рассказчика, который поставлен как бы ниже главного героя произведения. Он превращается из всеведущего демиурга в субъект, который ограничен в своем знании, не уверен в своей правоте.

Результаты

Итак, художественные дарования русского классика и его китайского последователя формировались в рубежные для их обществ эпохи. Оба писателя выросли в атмосфере великих перемен, оба в своем творчестве, с одной стороны, следовали традициям реализма, а с другой, явились новаторами. Но разница в сто лет дает о себе знать. Ли Эр живет в эпоху крупнейших изменений в результате проведенной социальной реформы и открытости Китая в XX веке. Современное китайское общество готово принимать чужую культуру, не задумываясь над вечными ценностями. Социальные изменения и ритм жизни продемонстрировали свою беспрецедентную стремительность. У людей нет времени понять, что с ними происходит. В новом китайском обществе прежние представления либо утратили свою значимость, устарели, либо претерпели существенную трансформацию. «Свободная, полная и значимая жизнь благодаря личным действиям человека уже исчезла – перед серым, обычным и масштабным общественным опытом» [4, с. 284].

Вечная тема любви в современном обществе утратила свою прежнюю значимость, на первый план вышла повседневность как пространство пребывания человека и предмет его постижения. Именно эти факторы культуры привлекли внимание Ли Эра. Введением чеховской «Дамы с собачкой» в контекст своего произведения писатель создал контраст, необходимый для более глубокого понимания перемен, происходящих в современной культуре.

В китайских исследованиях русской литературы не так много работ, в которых соотносятся произведения А. П. Чехова и Ли Эра. Одной из наиболее влиятельных и заслуживающих внимания является статья Сюй Сяюй «Как “Безмолвный голос” Ли Эра подражает “Даме с собачкой” Чехова» (2018). Исследовательница считает, что в рассказе «Безмолвный голос» Ли Эра заимствованы фабула, воссоздана композиционная структура, другие значимые элементы «Дамы с собачкой». Сюй Сяюй пишет: «В подражание рассказу Чехова Ли Эр включился в линию преемственности литературы и, в свою очередь, развил традицию литературы, вступил в диалог с Чеховым, также осуществил диалог

литературных форм на рубеже двух веков» [6, с. 161]. Эта статья, по нашему мнению, внесла вклад в понимание вопроса о влиянии Чехова на творчество Ли Эра.

Сюжет в рассказе «Безмолвный голос» схож с сюжетом рассказа «Дама с собачкой»: рассказывается история любви вне брака, фабула разворачивается в хронологическом порядке. Благодаря такому расположению событий можно проследить психологические и эмоциональные изменения, происходящие во внутренней жизни главных героев. Повествование дано от третьего лица, в него включаются «психологические точки зрения героев» Дмитрия Гурова и Сунь Ляна. По мере развития сюжета постепенно меняется понимание героями своей возлюбленной, чувств к ней, осознание того, что по-настоящему их связывает.

Если иметь в виду композицию текста, то оба сопоставляемых рассказа делятся на несколько частей: рассказ «Безмолвный голос» разделен на шесть частей, а «Дама с собачкой» – на четыре части. Оба рассказа имеют много общего в построении фабулы.

В первой части «Дамы с собачкой» и в первой и второй частях «Безмолвного голоса» главные герои встречаются друг с другом. Повествователем кратко освещаются темы положения главных героев-мужчин в социуме и даются их характеристики. Мысль о любовном приключении пришла к двум мужчинам во время путешествия и отдыха на курорте или деловой поездки: Дмитрий и Анна впервые встретились на ялтинской набережной, а Сунь Лян и Дэн Линь договорились по телефону встретиться в парке. Гуров услышал, что в Ялте появилась незнакомая женщина, и заинтересовался ею, у него возникло желание с ней познакомиться. Сунь Лян, служащий в столице провинции Чжэнчжоу, впервые услышал историю ведущей на радио Дэн Линь в доме своего друга Фабиана и узнал, что она жила в его родном городе Цзиджу. Во второй части Сунь Лян поехал туда читать лекции, что дало ему шанс встретиться с ведущей.

В конце первой части «Дамы с собачкой» Дмитрий Гуров вспомнил о жалком внешнем виде Анны и пожалел ее, а после этого постепенно заснул. В конце второй части «Безмолвного голоса» Сунь Лян тоже мысленно представил себе образ

Дэн Линь. Он пожалел Дэн Линь из-за несчастья, которое случилось с ней, потом погрузился в сон под воздействием лекарства.

Во второй части «Дамы с собачкой» и в третьей и четвертой частях «Безмолвного голоса» происходит развитие действия: начались свидания героев и состоялась их физическая близость. Гурову казалось, что произошедшее – очередная его любовная победа, что он вскоре о ней забудет. Устремления героев-мужчин после любовного приключения совпадают: Гуров собирается вернуться на север, то есть в Москву, Сунь Лян – в столицу провинции Чжэнчжоу (после трех дней пребывания в Цзиджу).

Конкретика интимной связи не описана ни русским, ни китайским писателями. После близости настроение у обеих героинь было тяжелым, а в их душах заявило о себе чувство стыда. У Анны «опустились, завяли черты и по сторонам лица печально висели длинные волосы, она задумалась в унылой позе, точно грешница» [2, с. 132] на старинной картине. Она сказала Гурову: «Вы же первый меня не уважаете теперь» [2, с. 132]. Дэн Линь говорит Сунь Лян: «Вы теперь обязательно считаете, что я плохая женщина, должно быть, так оно и есть. Правда? Скажете, что я говорю неправильно?» [4, с. 12] Мы можем зафиксировать практически полное совпадение этих фрагментов.

Герои-мужчины, услышав подобное, молчали. Гуров отрезал себе кусок арбуза и медленно съел его, устав от не нужного ему признания Анны, и подумал: «Если бы не слезы на глазах, то можно было бы подумать, что она шутит или играет роль» [2, с. 133]. Гуров с трудом верил в искренность признания, ему не хотелось задумываться над тем, почему женщина переступила супружеский долг, почему она так потрясена произошедшим. Ему было скучно: по-видимому, в прошлом ему не раз уже приходилось видеть подобное. Сунь Лян съел гуанган (разновидность апельсина. – С. Л.) до того, как они занялись любовью. Услышав затем вопрос Дэн Линь, Сунь Лян не знал, чем ответить и как ее утешить, при этом положил на её руку свою и нашел шрам от оспы. Эта деталь, как и арбуз, также означает, что мужчина далек от переживаний женщины, что он способен фиксировать нечто внешнее, не имеющее отношения к тому, что происходит между ними.

В конце этой части рассказа Дэн Линь думает, что Сунь Лян собирается уйти, и женщине представляется, что ее роман с ним заканчивается, и она перестает плакать. Затем Сунь Лян вернулся в Чжэнчжоу к своей прежней жизни. У Чехова же рассказ о ялтинском периоде любви героев продолжен. Затем, согласно фабуле, Анна получила письмо от мужа и поспешила на поезде обратно в город С., Дмитрий тоже почувствовал, что осень пришла, и планировал вернуться в Москву.

Поворот в развитии событий и во внутреннем мире героев-мужчин приводится в третьей части «Дамы с собачкой» и в пятой части «Безмолвного голоса». Гуров и Сунь Лян возвратились в свои города. Но через некоторое время вспомнили о своих любовницах, и воспоминания о, казалось бы, мимолетной интрижке разгорались в их памяти, становились все яснее и ярче.

В третьей части «Дамы с собачкой» Гуров полностью восстановил прежний привычный ритм своей жизни. Он думал, что через некоторое время полностью забудет об Анне, но ошибся. Дмитрий не смог забыть её, где бы ни был. Сильное желание поговорить с кем-нибудь об Анне мучило его. Когда он обратился с этим к чиновнику, то не получил одобрения в ответ. Собеседник парировал фразой: «А давеча вы были правы: осетрина-то с душком!» [2, с. 137]. Такой ответ, заключающий в себе призыв сделать разворот от высокой мечты к пошлой реальности повседневной жизни, вызвал у Гурова сильнейшее отвращение. Он сразу почувствовал, что тратит все свое время и энергию на скучные, ненужные вещи, не замечая того, что является настоящей жизнью. До встречи с Анной Дмитрий не воспринимал привычный круг людей в своей жизни вульгарным. Однако появление образа Анны в воспоминаниях коренным образом изменило отношение главного героя к жизни. Дон Жуан, именно так называют Гурова в современном чеховедении [1], впервые влюбился, и именно в состоянии влюбленности он увидел свою жизнь в новом свете.

Сунь Лян, вернувшийся в Чжэнчжоу, быстро забыл Дэн Линь. Однако воспоминания о ней внезапно заявили о себе: это произошло во время его рассказа о птицах и в момент написания статьи в вечернюю газету. На симпозиуме Сунь Лян невольно сравнивал каждую встречен-

ную им женщину с Дэн Линь. Также вспомнил её застенчивое выражение лица и признание после физической близости. Если раньше он воспринял это признание как отчасти смешное, но теперь он смотрит на это уже не так. Теперь он пришел к такому выводу: «Если ты находишь это смешным, значит, ты смеешься над настоящей жизнью, смеешься над человеческим достоинством» [4, с. 14].

Гуров и Сунь Лян решили найти своих возлюбленных. В обоих рассказах упоминаются гостиницы, в которых остановились герои. После того, как Гуров приехал в город С., он увидел серый забор с гвоздями и сразу ощутил обстановку в этом городе как удручающую и вульгарную, поэтому он сказал: «От такого забора убежишь» [2, с. 138]. Сунь Лян вернулся в Цзиджу и решил позвонить Дэн Линь, но на звонок никто не ответил, и владелец магазина передал телефон кому-то другому. Сунь Лян почувствовал, что хозяин магазина не смог понять его настроения. Возможность связаться с Дэн Линь была овеяна для него поэзией, но случайный человек, того не зная, разрушил её.

Стоя перед забором дома Анны, Дмитрий увидел, как появился знакомый ему белый шпиц. Он хотел позвать собачку, но из-за волнения забыл ее кличку. Сунь Лян, который шел к входу на дорожную радиостанцию, увидел выходящую оттуда женщину. На женщине был надет знакомый берет. Хотя он знал, что эта женщина не Дэн Линь, он почти окликнул ее по имени. Оба мужчины были недовольны и возмущены тем, что не сразу увидели любимых. Гуров возненавидел серый забор, и ему казалось, что Анна его забыла. Сунь Лян начал ненавидеть Дэн Линь, потому что она разговаривала с другим мужчиной и смеялась.

Дмитрий пошел в театр, чтобы найти Анну, а Сунь Лян – на телестудию, чтобы найти Дэн Линь. Эти два места можно назвать общественными, публичными, и в то же время примечательно, что там присутствовали мужья героинь. Между выступлениями влюбленные встретились на лестнице. В «Даме с собачкой» два гимназиста курили, а в «Безмолвном голосе» двое рабочих тянули провода на лестнице. Гуров поцеловал Анну, а Сунь Лян – Дэн Линь. Сцены этих встреч включают в себя описание игры оркестра. Звуки оркестра в тот момент

казались героям не красивыми, а скорее шумными, они контрастировали с хаотичным сердцебиением главных героев.

В сцене встречи из рассказа «Дама с собачкой» передано эмоциональное состояние героя. В тот момент, когда Гуров увидел Анну, он почувствовал, что она стала для него самым близким, самым дорогим и самым важным человеком. В её руках была «вульгарная» лорнетка, однако эта предметная деталь уже не имела характерологической функции. Анна Сергеевна, на этот раз не овеванная поэтичностью влюбленного в нее человека, но явленная вне любых стереотипов и «кажимостей», предстала обычной женщиной, и в этой обыкновенности – любимой. Читатель увидел не исключительный образ женщины, но убедительный, отвечающий его нынешнему жизненному опыту. Анна Сергеевна стала для Гурова радостью, единственным счастьем и горем.

Сунь Лян уже не думал, насколько хороша Дэн Линь в белой кружевной юбке. Он не реагировал на её яркий публичный образ. В его воображении ничто из внешнего образа любимой не могло сравниться со шрамом от оспы под белой кружевной юбкой Дэн Линь. Это относилось к сфере его личных, глубоко интимных переживаний. Но Сунь Ляна волнует, что Дэн Линь, так красиво одетая, на самом деле не принадлежит ему.

Согласно четвертой части «Дамы с собачкой» и шестой части «Безмолвного голоса», двое влюбленных регулярно встречаются. Анна Сергеевна ездит в Москву из города С. каждые два-три месяца, останавливаясь в гостинице «Славянский базар» и посылая человека в красной шапке, чтобы известить Гурова о своем приезде. Сунь Лян и Дэн Линь встречаются каждые две или три недели. Если она приезжает в Чжэнчжоу, то селится в отеле, а затем звонит любимому. В том и другом повествовании упомянуты родственники героев: жена, сын и дочь Гурова и жена Сунь Ляна. Оба рассказа заканчиваются встречей зимой. В тот период и Гуров, и Сунь Лян, глядя на себя в зеркало, увидели седые волосы. Обе женщины плакали во время свиданий. Оба любовника тяготятся своим нынешним положением.

Места, где разворачиваются истории двух любовных историй, общие. Оба героя-мужчины живут в городах определенной административной значимости: Гуров – в бывшей столи-

це, ныне губернском городе Москве, Сунь Лян – в Чжэнчжоу (столице провинции Хэнань), а героини живут в провинциальных городах, Анна в городе С., Дэн Линь в Цзиджу. Первые герои и героини встретились в провинциальных городах, Дмитрий и Анна в Ялте, Сунь Лян и Дэн Линь в Цзиджу. Затем их свидания происходят в центре определенной губернии или провинции, Гуров и Анна Сергеевна видятся в Москве, Сунь Лян и Дэн Линь – в Чжэнчжоу. Влюбленность героев случается в художественной системе двух произведений на периферии, а любовь – в некоем центре.

Сходны описания персонажей – как портретные, так и характерологические, и социальные. Гуров и Сунь Лян примерно одного возраста. Гурову меньше 40 лет, а Сунь Ляну 35 лет. Эта возрастная группа охватывает зрелых мужчин. Гуров филолог по образованию, но служил в банке, Сунь Лян был интеллигентом-гуманитарием. Их профессии и статус признаны и уважаемы обществом. Их можно считать успешными людьми. У каждого есть семья, но они не испытывают радости от семейной жизни. Гуров презирал свою жену. Сунь Лян не упомянул, как относился к своей жене, потому что она постоянно жила в Австралии, но он и не тосковал по ней. Оба героя-мужчины до встречи с женщинами вполне удовлетворены текущим положением дел. Жизнь в семье без любви подталкивает каждого мужчину повысить самооценку, обуславливают их стремление к очередному любовному походу.

В «Безмолвном голосе» говорится о рефлексии героя: «В отношениях с женщинами Сунь Лян не мастер, но у него были неоднократные любовные приключения. Он знал: в его характере было что-то легкое, что очень привлекало женщин. После тридцати пяти он почувствовал, что его внешность и темперамент немного изменились: легкость все еще сохранилась, но добавилось новое содержание – в основном спокойствие и нечто неуловимое, заключенное в спокойствии. Спокойствие имеет свое преимущество, дающее женщинам чувство уверенности в нем; свойство же неуловимости усиливало эффект соблазнения» [4, с. 6].

Это похоже на описание, данное повествователем Гурову: «когда находился среди женщин, то чувствовал себя свободно и знал, о чем говорить с ними и как держать себя;

и даже молчать с ними ему было легко. В его наружности, в характере, во всей его натуре было что-то привлекательное, неуловимое, что располагало к нему женщин, манило их; он знал об этом, и самого его тоже какая-то сила влекла к ним» [2; с. 128–129]. Оба героя восходят к «вечному образу» мировой литературы – дон Жуану.

Обе героини – замужние женщины. Анне двадцать с небольшим лет, возраст Дэн Линь не упоминается. Анна – женщина из среднего сословия, как и Дэн Линь. она ведущая радиостанции. В современном Китае такая профессиональная занятость свидетельствует об устойчивом и признанном положении женщины. Можно сказать, что обе героини имеют определенный социальный статус.

Есть несколько совпадений в обрисовке героинь авторами. Анна Сергеевна думает, что ее муж подобен лакею, и она «никак не могла объяснить, где служит ее муж». Муж Дэн Линь тоже работает в правительственном отделе, но она ни разу не упомянула, чем он занимается, а просто сказала, что ее муж всегда на собраниях. Дэн Линь, в отличие от чеховской героини, не презирает своего мужа, но при этом считает, что он не приносит счастья в ее жизнь.

Повествование «Безмолвного голоса», в сравнении с таковым в «Даме с собачкой», более дробное. Анна Сергеевна появилась в самом начале произведения, затем сюжет рассказа постепенно разворачивается по времени. Иначе в китайском рассказе, где подробности, детали рассказа расфокусированы по отношению к магистральной истории любви и преображения героя. В начале «Безмолвного голоса» написано, что Сунь Лян в субботу пошел в гости к своему другу, чтобы сыграть в карты. Это, казалось бы, бесцельное описание повседневной жизни, в которой действуют его друзья: упомянут сельдерей, купленный его женой, Сунь Лян втайне рад, что у него даже есть ключ от двери, упоминаются стихи, написанные другом, и пр. Главная героиня появилась незаметно, читатель мог не обратить на нее внимания. В самом начале она не дана визуально, а только через указание на особенности звучания голоса: «Ее голос, немного усталый, казался немного грустным» [4; с. 3–4].

Разнообразные, не связанные между собой фрагменты рассредоточивают внимание читателя рассказа «Безмолв-

ный голос» и мешают ему определить главную тему, первая часть неизбежно вызывает у него некоторую растерянность. Однако любопытно, что этот фрагмент соответствует описанию московской жизни в третьей части рассказа «Дама с собачкой». После того как Гуров вернулся в Москву, его повседневная жизнь показана перед читателями, в эту часть входят житейские подробности, уводящие героя от ялтинских переживаний. Разница, тем не менее, в том, что чеховское повествование является плавным, совпадает с логикой продвижения сюжета, фон событий прорисован четко, их цель ясна, как и основная линия героя. В современном рассказе показана жизнь, утратившая единство, не сконцентрированная на чем-то главном, основном, Ли Эр как бы скрывает магистральную линию за многими необязательными, случайными фрагментами жизни.

Как современный писатель Ли Эр, несомненно, может глубже почувствовать хаотичные и сложные условия жизни. Писатель пытается по-настоящему представить жизненное и психологическое пространство современных людей, но не стремится проповедовать и судить с позиции морального превосходства. Именно осознание ценности повседневной жизни обычных людей делает повествование «Безмолвного голоса» более дробным, менее ярким по содержанию и более сложным по процессу создания характеров персонажей.

Истинная глубина личности Гурова в «Даме с собачкой» проявилась в истории любви к Анне Сергеевне. Он превратился из героя-любовника в человека, который испытывает глубокое чувство любви к женщине. Он отдает себе отчет в том, что происходит с ним, не бежит от своей любви, понимает, какие сложности ожидают его и любимую в будущем, идет им навстречу. Финал рассказа открытый, вместе с тем у читателя возникает надежда, что Гуров способен взять на себя ответственность, защищая свою любовь.

Главный герой Сунь Лян в «Безмолвном голосе» скорее вульгарен. С одной стороны, Сунь Лян ненавидит пошлость и не скрывает этого, а с другой, может с ней уживаться. Когда он был с Дэн Линь, то сказал своим бывшим одноклассникам, что не пойдет на ужин мэра Гао, потому что уже бросил пить. Когда Дэн Линь ушла, он отправился на этот ужин и напился.

Слова и поступки героя не соответствуют его внутренней жизни. Он умеет обманывать и озабочен карьерным ростом, чужд истинной духовности. Эта противоречивость проявляется в отношениях с Дэн Линь. Он скорее хотел убедить себя в том, что по-настоящему любит, но в конце концов не смог выразить Дэн Линь свои истинные мысли. Увидев её слезы, оказался беспомощным, боялся посмотреть в её лицо, уклонялся от своих чувств и ответственности перед другим человеком. Свет любви Сунь Ляна, действительно, тусклый. Даже если двух людей соединила настоящая любовь, она не преобразила скучную жизнь героя и не освободила его от повседневных мелочей. Герой лишь укрепился в распространенном представлении: не стоит ожидать «настоящей жизни», надежда на желаемое безжалостно похоронена в тривиальности и ничтожестве повседневной жизни. Справедливо суждение исследовательницы Сюй Сяюй: «Поэтическая любовь Д. Гурова была сильная, а слабый свет Сунь Ляна быстро погас» [6, с. 155].

Обсуждение и выводы

Проведенный анализ рассказов показал, что несмотря на сменяющиеся времена, на национальные и культурные особенности описываемых событий и героев, в жизни людей имеются непреходящие общие константы – отношения между мужчиной и женщиной, их чувства. Китайский автор пошел вслед за Чеховым и создал коллизию между чувством и долгом, вспыхнувшей страстью и семьей. При этом измена в обоих произведениях не выглядит грязно и греховно, в основе ее – высокое чувство, которое облагораживает героев, делает лучше. Такое усложнение любовных отношений является испытанием для героев и потому решение у авторов неоднозначное. Конфликт не снимается, а заставляет читателя, общество, задавать вслед за Чеховым актуальные вопросы: что есть ложь, что есть измена, какова роль женщины в семье? Китайский писатель Ли Эр реконструировал «Даму с собачкой» Чехова, основываясь на исторических реалиях своей страны, и создал сюжет, который вечен и понятен в любое время и любом месте. Но, в отличие от рассказа Чехова, чувства героев не спасительны, они лишь на время отодвигают по-

вседневность, продолжая с ней соседствовать, постепенно в нее полностью погружаясь.

Список литературы

1. Катаев В. Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 326 с.

2. Чехов А. П. Дама с собачкой // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – Т. 10. [Рассказы, повести, 1898–1903]. – М.: Наука, 1977. – С. 128–143.

3. Ли Эр, Лян Хун. Эволюция прозы в контексте слабости и подозрительности // Обзор творчества современных писателей. – 2008. – № 3. – С. 63–75 (李洱, 梁鸿. 虚无与怀疑语境下的小说之变[J]. 当代作家评论. 2008. (3). 63–75页).

4. Ли Эр. Безмолвный голос. Сборник. – Шанхай: Шанхайское издательство литературы и искусства, 2013. – 229 с. (李洱. 哑的声音). 短篇小说集. 上海. 上海文艺出版社. 2013. 229页)

5. Ли Эр. «Безмолвный голос». Персонаж внутри и снаружи «Безголосого голоса». Вопросы и ответы. – Шанхай: Шанхайское издательство литературы и искусства, 2013. – 405 с. (李洱: “哑的声音”. 哑的声音 “人物内外”. 《问答录》。上海: 上海文艺出版社, 2013. 405页).

6. Сюй Сяоюй. Как «Безмолвный голос» Ли Эра подражает «Даме с собачкой» Чехова // Китайская сравнительная литература. – 2018. – № 2. – С. 150–162. (徐晓宇. 论李洱《哑的声音》对契诃夫《带小狗的女人》的仿写 [J]. 中国比较文学. 2018. (2). 150–162 页).

7. У Ицинь. Поэтический саспенс – исследование о Ли Эре // Шань Хуа. – 1999. – № 9. – С. 76–81. (吴义勤. 诗性的悬疑 – 李洱论[J]. 山花. 1999. (9). 76–81 页).

Xuefei Liang

The Story "Silent Voice" by the Chinese Writer Lee Era as an Artistic Interpretation of the Story "Lady with a Dog" by A. P. Chekhov

The article describes the work of the famous Chinese avant-garde writer Li Er. His openness to foreign influences and especially to the work of A. P. Chekhov is noted. A comparative analysis of Lee Ayr's short story "Silent Voice" and Chekhov's short story "Lady with a Dog" is being carried out. The social conditions of transition, the change of economic and civilizational eras that contribute to the appearance of both works are compared. A compositional-plot comparison is given, revealing open references of the Chinese author to the Russian precedent text. Differences in narrative strategies are analyzed: unlike the holistic block of the Chekhov narrative, the narrative in the Chinese story is fractional, which emphasizes the displacement and defocusing of the heroes of life landmarks. It is concluded that despite the plot and ideological similarity of the works, the Chinese author was influenced by the existential problems of the twentieth century, which deprived the feeling of modern heroes of completeness and depth, in contrast to the love relations of Chekhov's heroes.

Key words: story, tradition, interpretation, composition, plot, narrative strategies, A. P. Chekhov, Li Er.

For citation: Liang, X. (2023) Rasskaz «Bezmolvnyj golos» kitajskogo pisatelya Li Era kak hudozhestvennaya interpretaciya rasskaza «Dama s sobachkoj» A. P. CHEkhova [The Story "Silent Voice" by the Chinese Writer Lee Era as an Artistic Interpretation of the Story "Lady with a Dog" by A. P. Chekhov]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 140–155. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_4_140. EDN: KQIPL

References

1. Kataev, V. B. (1979) *Proza Chekhova: problemy interpretatsii* [Chekhov's prose: problems of interpretation]. Moscow: MGU Publ. (In Russian).
2. Chekhov, A. P. (1977) *Dama s sobachkoj* [Lady with a dog] Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 18 t. AN SSSR. In-t mirovoi lit. im. A. M. Gor'kogo* [Complete collection of works and letters: In 30 vols. Works: In 18 vols.; USSR Academy of Sciences. Institute of World Literature n. a. A. M. Gorky]. *Rasskazy, povesti, 1898–1903* [Stories, novellas, 1898–1903]. Moscow: Nauka Publ. Vol. 10. Pp. 128–143. (In Russian).
3. Li, Er, Lyan, Khun (2008) The evolution of prose in the context of weakness and suspicion. Review of the work of modern writers. No. 3. Pp. 63–75. (In Chinese).
4. Li, Er (2013) *Silent Voice*. Shanghai. (In Chinese).
5. Li, Er (2013) «Silent Voice». The character inside and outside «Voiceless Voice». Shanghai. (In Chinese).

6. Syui, Syaoyui (2018) Lee Ayr emulates Chekhov's "Lady with a Dog". Chinese comparative literature. No. 2. Pp. 150–162. (In Chinese).

7. U, Itsin' (1999) Poetic suspense – a study about Li Er. Shan Hua. No. 9. Pp. 76–81. (In Chinese).

Об авторе

Лян Сюэфэй, аспирант Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: 1459400037@qq.com; ORCID ID: 0009–0003–0325–1761

About the author

Liang Xuefei, Graduate Student, Herzen University (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: 1459400037@qq.com; ORCID ID: 0009–0003–0325–1761

дата получения: 03.08.2023 г.

дата принятия: 30.09.2023 г.

дата публикации: 30.12.2023 г.

date of receiving: 03 August 2023

date of acceptance: 30 September 2023

date of publication: 30 December 2023

Л ИНГВИСТИКА.
ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО
КОММУНИКАЦИИ

В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко

«Евгений Онегин» в русской речи: от прецедентного текста к прецедентному раритету

«Евгений Онегин» является прецедентным макротекстом, дающим собственно прецедентные феномены и нечастотные единицы – интертекстовые прецедентные раритеты. Возникает функциональная амплитуда: от прецедентного текста и прецедентного феномена к интертекстовому прецедентному раритету, когда почти весь текст произведения готов в той или иной степени к цитированию. При лексикографической интерпретации интертекстового материала упор делается на приемы адаптации авторского слова, среди которых выделяется интертекстовая деривация и редеривация, импликация и экспликация, текстовые реакции, интертекстовая доминанта и нарративные сопроводители, модификация исходного выражения, интерпретационная парадигматика. Интертекстовые единицы целесообразно рассматривать функционально, прежде всего с учетом изменяемости, вариантности, структурного и семантического дробления, ассоциативной подвижности, «антинормативности».

Ключевые слова: макротекст, микротекст, прецедентный феномен, прецедентный раритет, сегментация, ассоциативность, модификация авторского слова, интертекстовая деривация.

Для цитирования: Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. «Евгений Онегин» в русской речи: от прецедентного текста к прецедентному раритету // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 4. – С. 158–177. DOI: 10.35231/25419803_2023_4_158. EDN: HOZNCW

В 1823 году Пушкин начинает работу над «Евгением Онегиным». Онегинское слово со временем занимает одно из центральных мест в корпусе интертекстовых единиц русской словесной культуры [29]¹. Участки употребления онегинских цитат – публицистика, художественная, научная и научно-популярная литература, эпистолярное творчество, дневники, реклама. В XXI веке интертекстовая активность перемещается в пространство Интернета, где встречаются реакции на тему, заголовки сообщений, сканворды, вопросно-ответные чаты и т. п. [20, с. 3].

¹ В статье в иллюстративных примерах интертекстовые элементы выделяются прописными буквами.
© Мокиенко В. М., Сидоренко К. П., 2023

Словам и выражениям, восходящим к тексту «Евгения Онегина», посвящен словарь-справочник крылатых выражений, цитат, образов, подготовленный авторами данной статьи. Роман в стихах рассматривается как текст, «вбирающий и пропускающий через себя иные тексты, и как источник “чужого слова”» [19, с. 5].

В основу этого лексикографического опыта положены принципы, разработанные в двух предшествовавших изданиях, в которых «классическое крылатое слово получает уточнение при введении в исследовательский обиход таких выражений, как крылатая единица, инотекстовое вкрапление, чужое слово, цитата, реминисценция, мотив, прецедентный текст и пр.» [20, с. 20], а нарушение «канонического слова позволило выявить определенные закономерности» [21, с. 3]. Опыт словаря содержит более 1000 словарных статей, при этом материал довольно разнороден в структурном и семантическом отношении. В словник включены фразеологизированные единицы, афоризмы, сентенции, получившие статус пословиц, цитаты (прямые и скрытые, точные и измененные), аллюзии, отдельные слова, случаи межтекстового параллелизма, а также разного рода модификации, шутливые подражания, пародирование, языковая игра и т. п. «Евгений Онегин» может быть причислен к тем явлениям словесной культуры, которые относятся к «прецедентным текстам» [9, с. 216], т. е. произведениям относительно известным, сохраняющимся в памяти народа.

Материалы и методы

Прецедентные тексты являются источником как прецедентных феноменов, так и редких, иногда единичных выражений. Показательно, что материал из «Евгения Онегина» используется в словарях разного времени и различных по своим целям. В «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г., работа над которым шла при жизни Пушкина, цитаты из романа в стихах – не редкость. Так, толкование глагола «намарывать» сопровождается иллюстрацией «*Что намарал я свой портрет, Как Байрон, гордости поэт*», наречие «намедни», соответственно, «*Порой дождливою намедни Я заглянул на скотный двор*» [32, с. 382]. Даже в толковом словаре кратко-

го типа С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой используется материал романа в стихах, хотя и очень ограниченно. Так, толкование термина «антитеза» сопровождается примером: «Поэтическая антитеза. Лед и пламень в “Евгении Онегине”» [28, с. 23].

Прежде всего, отметим вошедший в круг словесной культуры материал «общеизвестный», хрестоматийный. Такие выражения вводятся в состав популярных лексикографических изданий, в том числе, в составе заданий, упражнений (*наука страсти нежной; волна и камень; мы все учились понемногу; гусей крикливых караван; кудри черные до плеч; мечтам и годам нет возврата; морозной пылью серебрится его бровь; воротник; мы все глядим в Наполеоны и др.*).

Однако лексикографический парадокс состоит в том, что «Евгений Онегин» выступает как источник большого количества редких, но, как правило, не уникальных единиц, сохраняющих потенциальную прецедентность, готовность к применению в речи (*авось, дороги нам исправят; безрукий князь; бегут за делом и без дела; вид в окно сквозь сумрак лунный; вздохнуть о сумрачной России; вулкан Неаполя пылал; выходит на дорогу волк; гребенки, пилочки стальные; дитя расчета и отваги; и первым снегом с кровли бани умыть лицо, плеча и грудь; Лепажка стволы роковые; и сливки мальчик подавал; моря достались Албиону; на красных лапках гусь тяжелый; назло правописанью; обжорливая младость; он сердцем милый был невежда; идет меж кресел по ногам; перед избушкой две рябины; по чашкам темною струею уже душистый чай безжал; полужуравль и полукот; роптанье вечное души; стаи галок на крестах; светил небесных дивный хор; сердись иль пей; столбик с куклою чугуновой; холоднокровный генерал; царубийственный кинжал; читал духовными глазами и мн. др.*). Подобные единицы можно назвать интертекстовыми прецедентными раритетами, энергия которых обусловлена значимостью всего текста «Евгения Онегина». Они и составляют основу упомянутого выше опыта словаря. Подобное расширительное понимание и применение терминологического обозначения «крылатое слово» лежит в основе фундаментальной книги С. А. Коваленко, которая отмечает относительную частотность и известность цитатных единиц, что требует в каждом случае «историко-функционального подхода» [10,

с. 7]. Как пример новейшего специализированного издания прецедентных имен и высказываний можно привести словарь «Крошка сын к отцу пришел», ориентированный на детскую литературу и предназначенный для «сохранения национального культурного кода» [35, с. 9].

Наша попытка почти 30 лет тому назад минимизировать пушкинский материал не состоялась и по мере работы привела к стремлению учесть «практически все, что вышло из-под пера Пушкина» [21, с. 5]. Таким образом, сформировалась интерпретационная последовательность: прецедентный текст – прецедентный феномен – прецедентный раритет.

Результаты

О силе цитатного потенциала романа в стихах свидетельствует использование онегинского слова в письмах и дневниках современников Пушкина. Многочисленные примеры можно найти, например, в дневниковых записях В. К. Кюхельбекера. Так, в 1832 г. в оценке главы 8 «Евгения Онегина» он приводит несколько измененные слова о Татьяне (8, VII): Перечел я также 8-ю главу «Онегина». <...> История знакомства Поэта с Музой прелестна – особенно 4 строфа: но жлет Пушкин, чтобы музе **НРАВИЛСЯ**

ПОРЯДОК СТРОЙНЫЙ

ОЛИГАРХИЧЕСКИХ БЕСЕД

И ХОЛОД ГОРДОСТИ СПОКОЙНОЙ etc.» [11, с. 101].

В другом месте дневника (1832) В. К. Кюхельбекер использует стихи из гл. 8, XXXVI: «Получил письмо от моей доброй сестры Улиньки. Принесли мне это письмо, когда я читал Сарычева «Путешествие». Потом я хотел опять продолжить чтение, но, как Онегин,

МЕЖ ПЕЧАТНЫМИ СТРОКАМИ

ЧИТАЛ ДУХОВНЫМИ ГЛАЗАМИ

ИНЫЕ СТРОКИ» [11, с. 126].

В. А. Мануйлов обращает внимание на цитирование этих слов Пушкина в черновой рукописи «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова («Княжна Мери»), в окончательной редакции получивших перефразирование [14, с. 233]. Выражение начинает употребляться, и спустя полтора века находим случаи обыгрывания, например:

А что он видел: луг да ели,
 когда торфа под ними тлели,
 или прозрел, как тот герой,
 Кто МЕЖ ПЕЧАТНЫМИ СТРОКАМИ
 ЧИТАЛ ДУХОВНЫМИ ГЛАЗАМИ?

И я так паялился порой.

(О. Чухонцев. Прощание со старыми тетрадами).

Интертекстовый раритет, получая распространение, «стремится» стать прецедентным феноменом. В литературно-критическом журнале «Атеней» (1828, № 4) М. А. Дмитриев приводит как неудачный стих НА КРАСНЫХ ЛАПКАХ ГУСЬ ТЯЖЕЛЫЙ, ЗАДУМАВ ПЛЫТЬ ПО ЛОНУ ВОД (4, XLII), отмечая «ненужное часто обилие в выражениях и наконец недосмотр в составе стихов» [6, с. 52]. Этот же оборот вводится как пример использования в поэзии «живой речи» Р. О. Якобсоном [38, с. 287], который отмечает ее влияние на русскую поэзию и отрицательное отношение к этому критиков. Этнографы и лингвисты неоднократно фиксируют соотношение «гусь – лед», на котором основан паремиологический мотив, порождающий серию пословиц. Например, Д. Я. Медриш отмечает: «Из домашних животных больше других зависит от движения времен года ГУСЬ <...> У Пушкина: "НА КРАСНЫХ ЛАПКАХ ГУСЬ ТЯЖЕЛЫЙ, ЗАДУМАВ ПЛЫТЬ ПО ЛОНУ ВОД, СТУПАЕТ БЕРЕЖНО НА ЛЕД, СКОЛЬЗИТ И ПАДАЕТ"» [16, с. 95].

Интертекстовая преемственность сопровождается бесконечным рядом модификаций. Обращение к обыгрыванию исходного выражения позволяет вводить в словари «явные или – чаще – скрытые, точные или измененные – цитаты» [7, с. 4]. Так, эпиграф к гл. 2 «Евгения Онегина» (О rus! Ног. О Русь!) комментируется Ю. М. Лотманом, отмечая «каламбурное противоречие» [13, с. 175] слов Горация. Прием обыгрывания как интертекстовый дериватор получает продолжение у А. И. Герцена в ироническом восклицании, повторяющем депозитизированную Пушкиным цитату из Горация. При этом Польша выступает как частное по отношению к общему (т. е. Российской империи), что придает дополнительную иронию всему высказыванию: «Здесь есть один таможенный чиновник из Польши – услаждает меня анекдотами. О РУСЬ!» (А. Герцен – Н. П. Огареву, 28 января 1865 г.).

В другом случае возникает соотнесение с каламбурным противоречием, нарочито используемым Пушкиным: «В то лето я каждый вечер проезжал мимо золотой от заката избы, на черном пороге которой всегда в это время стояла Поленька, однолетка моя, дочь кучера. Она стояла, опершись о косяк, мягко и свободно сложив руки на груди – воплощая и RUS и РУСЬ, – и следила за моим приближением издали с удивительно приветливым сиянием на лице» (В. Набоков. Другие берега).

Встречается и тройная контаминация (Гораций–Пушкин–Гоголь), когда в интертекстовый ряд вводятся слова из «Мертвых душ» «Русь! Куда ж несешься ты? дай ответ». Возникающее в примере ниже «росс» создает ассоциативный соблазн расширить интертекстовое микрополе, вспомнив пушкинские «Воспоминания в Царском Селе» («В Париже росс! – где факел мщенья?»):

О, RUS – сказал Гораций как-то.
О РУСЬ, так Пушкин поддержал.
О Рос, ему ты вторишь с тактом
Де-факто и империал.
Империя за все в ответе.
Пора, пора...
(М. Берг. Рос и я).

В другом случае слова Горация уходят в подтекст, присутствуют имплицитно, остается Пушкин и Гоголь («Русь – тройка»): «Бедный Гоголь! Его возглас (как и пушкинский) "РУСЬ!" охотно повторялся шестидесятниками, но уже для тройки нужны шоссейные дороги, ибо даже русская тоска стала утилитарной» (В. Набоков. Дар).

Степень контаминированности усиливается, но уже «в пользу» Горация, когда собственно пушкинская часть эксплицитируется только за счет знака фонетического смягчения (РУСЬ – О, RUS!):

О, RUS!...
Боюсь!.. Боюсь!..
А ты не бойся, не бойся.

(И. Бурихин. О превращении Большой Медведицы в круглое тело евразийского континента и двубегемотие на ее панцире).

Пародийное обращение с латынью часто встречаются в русской литературе, в том числе «у Пушкина, Гоголя, Некрасова и Щедрина, любивших сталкивать лбами разные языки» [26, с. 159]. Этот прием выступает как дериватор, сопровождающий модификацию интертекстовой единицы. Стимулом для обыгрывания пушкинского эпиграфа становится словообразовательная ассоциативная связь («русистика» > О РУСЬ!]: «Но я, конечно, не прав: при чем тут Париж, когда я нахожусь в грандиозном пространстве Большой ДЕРЕВНИ <...> Имя ДЕРЕВНИ – Наука РУСИСТИКА (дошутился Александр Сергеевич: О RUS – О РУСЬ!)» [27, с. 52].

О пушкинской детали «И СТАИ ГАЛОК НА КРЕСТАХ» (7, XXXVIII) и реакции митрополита Филарета, усмотревшего «оскорбление святыни», пишет А. В. Никитенко [24, с. 139]. Этот стих возникает как прецедентный раритет в измененном скрытом цитировании:

Навстречу курьерскому, от города, как от моря,
По воздуху мчатся огромные рощи.
ЭТО ГАЛКИ, КРЕСТЫ и сады, и подворья
В перелетном клину пустырей.
(Б. Пастернак. Город).

Образ «галок и крестов» порождает текстовые параллели: «Раз вспоминали о храмах преимущественно в эмиграции (Сергей Горный, Дм. Кленовский, Алексей Угрюмов), когда от тех остались развалины да склады вторсырья. Одна Ахматова изначально видела в этой царской резиденции "ВОРОН НА СОБОРНЫХ КРЕСТАХ" (впрочем, не пушкинские ли это "СТАИ ГАЛОК НА КРЕСТАХ" из "Евгения Онегина"?)» (А. Арьев. Великолепный мрак чужого сада).

Вариантность цитаты дает то, что Ю. К. Щеглов называет «парадигмой», системой вариантов, «разветвлений и комбинаторных потенциалов» [36, с. 32]. Продолжая мысль Ю. К. Щеглова, можно предложить обозначение «интертекстовая интерпретационная парадигма». В примере ниже речь идет о сегментации содержательной структуры цитаты. Например, шутивная пушкинская оценка круга чтения Татьяны Лариной *британской музы* *небылицы* *тревожат сон* *отроковицы* (3, XII) функционально может быть ориентирована на актуализацию разных компонентов («отроковица – небылица»). Так,

в научно-популярной статье, посвященной особенностям юного возраста, пушкинские слова осмысляются, и довольно обстоятельно: «Есть в романе и откровенные намеки на юный возраст Татьяны. "ОНА В СЕМЬЕ СВОЕЙ РОДНОЙ КАЗАЛАСЬ ДЕВОЧКОЙ чужой". В куклы и горелки не играла, с младшей Оленькой и ее "маленькими подругами" на луг не ходила. А взахлеб читала любовные романы.

БРИТАНСКОЙ МУЗЫ НЕБЫЛИЦЫ
ТРЕВОЖАТ СОН ОТРОКОВИЦЫ.

(Отрок, отроковица – возраст от 7 до 15 лет, утверждает знаменитый толковый словарь Владимира Даля) (А. Котровский. Взгляд сексолога на роман «Евгений Онегин»).

Интерпретационный «зигзаг» пушкинской оценки встречаем при актуализации компонента «небылицы» при негативной оценке газетной информации: «"Что в газете, Андреич? – спросил Нержин. Потапов, щурясь с хохлацкой хитрецей, посмотрел вверх на свесившегося Нержина:

БРИТАНСКОЙ МУЗЫ НЕБЫЛИЦЫ
ТРЕВОЖАТ СОН ОТРОКОВИЦЫ.

Эти наг-ле-цы утверждают, что...". Тому уже шел четвертый год, как Нержин и Потапов встретились в гудящей, тревожной, избыточно переполненной, даже в июльские дни полутемной бытырской камере второго послевоенного лета» (А. Солженицын. В круге первом. Т. 1).

Сегментация исходного фрагмента достигает своего типологического предела в центоне, т. е. шутивном обыгрывании, основанном на сочетании стихов из разных произведений и авторов или мест одного и того же произведения. Художественный эффект центона – «в подобии или контрасте нового контекста и воспоминаний о прежнем контексте каждого фрагмента» [2, с. 492]. Так, стих *Онегин тихо увлекает Татьяну в угол* (5, XX) дает толчок к сниженному цитированию. Возникает шутивное обыгрывание, состоящее из сочетания прецедентных раритетов, соотносимых с разными местами из романа в стихах:

ОНЕГИН ТИХО УВЛЕКАЕТ
ТАТЬЯНУ В УГОЛ И СЛАГАЕТ
ЕЕ НА ШАТКУЮ СКАМЬЮ,
И КЛОНИТ ГОЛОВУ СВОЮ.

ЛЮБИМЕЦ ТАНИ... ОН ОТРАДЫ
 ВО ВСЕХ ПЕЧАЛЯХ ЕЙ ДАРИТ
 И БЕЗОТЛУЧНО С НЕЮ СПИТ.
 СИЛЬНЕЕ СТРАСТЬ ЕЕ ГОРИТ!

(Т. Кибиров. Выбранные места из неотправленных E-MAIL-ов. Вольная поэма).

Восприятие прецедентных единиц зависит от компетенции читателя и требует комментария. Редкое употребление обычно не является уникальным, особенно если речь идет о таком явлении, как «Евгений Онегин». Например, образы из сна Татьяны (5, XVII) появляются в заметке о «босхианском собрании» у Пушкина [22, с. 237]. Весь эпизод создает довольно разветвленную интертекстовую ситуацию, позволяющую связать возникающие события с деривационной базой (соотносимой с творчеством Иеронима Босха, фольклорными мотивами, политическими событиями). Такой синтез свидетельствует о том, «какими богатыми и разнообразными могли быть жизненные впечатления поэта, слитые в один образ романа» [3, с. 35].

Босхианские персонажи охватываются интертекстовой динамикой. Выражение *карла с хвостиком*, *контаминированное с череп на гусяной шее вертится в красном колпаке*, встречается у Т. Толстой в оценке пушкинской творческой фантазии: «Пушкину грезятся огни, стрельба, крики, Полтавский бой, ущелья Кавказа <...> **КАРЛА В КРАСНОМ КОЛПАКЕ**» (Т. Толстая. Сюжет).

Ассоциативная энергия вызывает пушкинское слово в анализе истории слова «карла» в русском языке: «Карлик», по всей видимости, – это форма, произведенная выравниванием от слова «карлица», поскольку <...> «карлик» фиксируется словарями русского языка с 1792 года, а «карлица» – с начала 18 века <...>. Это слово успело укорениться не только в смысле «человек странных пропорций», но и в смысле «необычное или сверхъестественное существо». Данное слово имеет в русском языке негативные ассоциации <...> У Пушкина в сне Татьяны мы находим все эти коннотации:

ЗДЕСЬ ВЕДЬМА С КОЗЬЕЙ БОРОДОЙ,
 ТУТ ОСТОВ ЧОПОРНЫЙ И ГОРДЫЙ,
 ТАМ КАРЛА С ХВОСТИКОМ, А ВОТ

ПОЛУЖУРАВЛЬ И ПОЛУКОТ». (С. Таскаева, Д. Виноходов. О карлах и гномах. К вопросу о переводческих традициях).

Показательно, что эпиграфом к работе С. Таскаевой и Д. Виноходова даются слова из басни И. А. Крылова «Ворона»: «Если карлой сотворен, / То в великаны не тянися» [34, с. 3]. В результате возникает эффект расширения интертекстового поля.

Измененные пушкинские образы встречаем у Велимира Хлебникова:

«ПОЛУВЕЛИКАН, ПОЛУЖУРАВЕЛЬ,

Он людом грозно правил...»

(Велимир Хлебников. Журавль).

Обыгрывание эпизода попадает и в материалах Интернета:

– ПОЛУЖУРАВЛЬ И ПОЛУКОТ. Есть мнение, что все мы снимся Пушкину.

– Пытаюсь выбрать, кем в таком случае лучше оказаться: ПОЛУКОТОМ или ПОЛУЖУРАВЛЁМ. Может быть, всё же есть получше варианты? (GITERLEO. ПОЛУЖУРАВЛЬ И ПОЛУКОТ (<https://giterleo.livejournal.com/137372.html>)).

Рассказ (тема) о событии, месте, предмете обсуждения нередко выступает как стимул, приводящий к текстовой реакции, основанной на прямой или косвенной связи с «Евгением Онегиным». Так, в монографии Е. Д. Юхневой об истории доходных домов в Санкт-Петербурге и украшении их «цельными окнами» в главе «Стекло и витражи» [37, с. 45] привлекается интертекстовое «подкрепление», соотносимое с романом в стихах (1, XXVII). Главу открывает эпиграф *Блестит великолепный дом; По цельным окнам тени ходят*. Глава «Свечное освещение» [37, с. 178] сопровождается эпиграфом *При свечке Шиллера открыл (6, XX)*.

Тема-стимул «шампанское вино» часто дает реакцию в виде серии цитат из разных мест романа в стихах (1, XVI, 4, XLV), например: «Три заводские марки – брют, сухое, полусухое отмечены Знаком качества, медалями и Гран-при международных конкурсов. Лестная мысль – ОНЕГИН с ЛЕНСКИМ наверняка отдали бы ему предпочтение из многих «ВИН КОМЕТЫ» ... Вино подается «В БУТЫЛКЕ МЕРЗЛОЙ» ИЗ ВАННЫ СО ЛЬДОМ и СТРЕЛЯЕТ ПРОБКАМИ... «БЛАГОСЛОВЕННОЕ

ВИНО» ... Во времена ОНЕГИНА его поставляли в Россию французские фирмы (Смена. 1981. 27 дек.); [Загол.] «ВИНА КОМЕТЫ БРЫЗНУЛ ТОК» ... В тексте: «Пожалуй, ни с каким другим напитком не связано столько легенд, традиций и даже стереотипов, сколько их существует вокруг шампанского» (Невское время. 1998. 7 мая).

Кофейная тема также стимулирует обращение к тексту романа в стихах. Слова, восходящие к «Отрывкам из путешествия Онегина», встречаем в заметке о кофейных традициях в России: «Есть кофе. Напиток, который стал моей профессией <...> Именно в Одессе Пушкин пишет – "КАК МУСУЛЬМАН В СВОЕМ РАЮ, С ВОСТОЧНОЙ ГУЩЕЙ КОФЕ ПЬЮ"» (А. Стукалов. Кишинев, Одесса, кофе и Пушкин); «"КАК МУСУЛЬМАН В СВОЕМ РАЮ, С ВОСТОЧНОЙ ГУЩЕЙ КОФЕ ПЬЮ", – читаем мы у Пушкина <...> В эпоху великого русского поэта заморский кофе в России стоил в зависимости от сорта» (Л. Бритенкова. Самовары-кофейники и кофейные традиции императорского Петербурга).

Кофейные мотивы могут выступать в функции реминисценции. Отмечая текстовые параллели у И. Бродского с «Евгением Онегиным», Л. Лосев пишет о возможном применении слов *потом свой кофе выпивал* (4, XXXVI–XXXVII) в новом контексте [12, с. 606]. Показательно, что сама текстовая ситуация у Пушкина («И отправлялся налегке К бегущей под горой реке») участвует в интертекстовом деривационном шаге («река – море»):

Свершивший туалет без мыла
Пророк, застигнутый врасплох
При сотворении кумира,
СВОЙ ПЕРВЫЙ КОФЕ ПЬЕТ УЖЕ
На набережной в неглиже.
Потом он прыгает в прибой, но в схватке рукопашной
Он терпит крах.
(И. Бродский. С видом на море).

Чайная тема достаточно регулярно порождает текстовую реакцию. Строки из 3, XXXVII вводятся в заметку о церемонии чаепития у русских помещиков: «Чайный стол сервировали заранее. Удовольствие разливать чай за столом хозяйка могла уступить только взрослой дочери. Чай у Лариных в "Евгении Онегине" наливает гостям не хозяйка дома, а ее дочь Ольга:

РАЗЛИТЫЙ ОЛЬГИНОЙ РУКОЮ,
ПО ЧАШКАМ ТЕМНОЮ СТРУЕЮ
УЖЕ ДУШИСТЫЙ ЧАЙ БЕЖАЛ,
И СЛИВКИ МАЛЬЧИК ПОДАВАЛ».

(Е. Лаврентьева. Культура застолья XIX века).

Эти же слова встречаем в негативном отзыве о рекламе чая: «Современные бизнесмены беззастенчиво используют Пушкина в рекламе <...>. Один из образцов <...> показывают сегодня в рекламе чая:

РАЗЛИТЫЙ ОЛЬГИНОЙ РУКОЮ,
ПО ЧАШКАМ ТЕМНОЮ СТРУЕЮ
УЖЕ ДУШИСТЫЙ ЧАЙ БЕЖАЛ,
И СЛИВКИ МАЛЬЧИК ПОДАВАЛ...

И производители чая дополняют Пушкина своей строкой, которую якобы озвучивает МАЛЬЧИК, ПОДАВАВШИЙ СЛИВКИ: "Вкуснее чая не видал!" <...> Это и есть интеллектуальный уровень тех бизнесменов, которые зарабатывают на нас с вами хорошую прибыль, смешивая чай с опилками, ароматизаторами, улучшителями вкуса и цвета» (Т. Асанов. Трудно быть Пушкиным).

Рассказ об употреблении чая с ромом также сопровождается иллюстративной реакцией из «Евгения Онегина» (5, XXXVII. XXXIII. XXXIX): «Со времен войны 1812 года широко известен был ЧАЙ С РОМОМ, неоднократно упоминаемый А. С. Пушкиным:

ОСТАВЯ ЧАШКУ ЧАЮ С РОМОМ,
ПАРИС ОКРУЖНЫХ ГОРОДКОВ,
ПОДХОДИТ К ОЛЬГЕ ПЕТУШКОВ».

(Е. Лаврентьева. Культура застолья XIX века).

Материалы о русском национальном напитке – квасе – устойчиво дают отсылку к «Евгению Онегину» – *им квас как воздух был потребен* (2, XXXV) в рассказе об обычаях и привычках семьи Лариных: [Загол.] «ИМ КВАС КАК ВОЗДУХ БЫЛ ПОТРЕБЕН», – Александр Сергеевич Пушкин. [В тексте] Русский квас – один из лучших безалкогольных напитков. По вкусовым и пищевым качествам он не имеет себе равных. Изобретенный более тысячи лет назад, квас пользуется заслуженной популярностью и в настоящее время» (Московские ведомости. 8 июня 2012 г.); [Загол.] «ИМ КВАС КАК ВОЗДУХ

БЫЛ ПОТРЕБЕН... [В тексте] Занимаясь летней уборкой в кухонном шкафу, я нашла задвинутый в самый дальний угол пакет с надписью "КВАС сухой хлебный". Ведь купила зачем-то. Значит, были намерения. Значит, хотела вспомнить, какой был. Просто руки не дошли. А на самом деле, в глубине души ПОТРЕБЕН. И срок годности на пакете еще не истек» (И. Васильева. О литературе и жизни – со вкусом).

Нередко характеристика или даже упоминание современников Пушкина сопровождается в том или ином виде отсылкой к соответствующему месту «Евгения Онегина». Например, как реакция на образ А. К. Ипсиланти в заметке о нем возникает выражение *безрукий князь* (10, IX). Ср. в скептической оценке деятельности А. К. Ипсиланти: «В Кишиневе Ипсиланти близко сошелся с будущими декабристами и молодым Пушкиным, который позже в "Евгении Онегине" упомянул его как "БЕЗРУКИЙ КНЯЗЬ ДРУЗЬЯМ МОРЕИ ИЗ КИШИНЕВА УЖ МИГАЛ". <...> В Греции Александр Ипсиланти считается героем национально-освободительной борьбы. Правда, когда он эту борьбу начал, его поддержали немногие» (Д. Карасюк. Александр Ипсиланти: БЕЗРУКИЙ горе-заговорщик).

Высокая степень ассоциативности проявляется в содержании популярного этимологического словаря для школьников, в предисловии к которому особо оговариваются «примеры из классической и современной русской художественной литературы» [8, с. 3]. Большинство словарных статей содержит пушкинский материал, при этом «Евгений Онегин» преобладает. Заголовок статьи является стимулом, на который возникает реакция уже в тексте этимологического этюда. Так, статья «авгур» получает эпиграф из ранних редакций романа в стихах: «как Цицероновы авгуры, Мы рассмеялись тишком» (Отрывки из путешествия Онегина. Черновая рукопись). В этюде «аи» (сорте шампанского) возникают две цитаты: «К Аи я больше не способен: Аи любовнице подобен...» (4, XXXXVI) и «Как зашипевшего Аи струя и брызги золотые» («Отрывки из путешествия Онегина»). Соответственно статья «альбом» дает эпиграф «Великолепные альбомы, мученье модных рифмачей» (4, XXX), «кукла» – «И столбик с куклою чугунной» (7, XIX), «отрада» – «Нигде, ни в чем ей нет отрад» (7, XIII), «пальцы» – «Склонясь на пальцы, узором шелковым она Не оживляла

полотна», «трепак» – «Да пьяный топот трепака, Перед по-
рогом кабака» («Отрывки из путешествия Онегина») и мн. др.

Перед нами прецедентные раритеты, возникающие в па-
мяти и в значительной степени так или иначе узнаваемые. Та-
кого рода фоновый идиоматический материал Логан П. Смит
называет «маленькими искорками жизни и энергии в нашей
речи; они похожи на витамины в нашей пище» [33, с. 172].
Книга очерков об историзмах и архаизмах Н. П. Матвеевой
«Свидетели истории народа» поражает обилием параллелей
с текстом пушкинского романа в стихах. Онегинские пре-
цедентные раритеты иллюстрируют почти каждое положен-
ие этого издания: *умолкнувшая лира, страдальческая тень,
животворящий глас, таинственное древо, уста жуют, сосед
сопит перед соседом, зимний друг ночей* [15, с. 54] и мн. др.

Лингвисты обращаются к тексту романа в стихах. Иллю-
стрируя материал, В. В. Виноградов отмечал, что мужской род
слова «боа» в тексте «Евгения Онегина» (8, XXX) обусловлен
грамматическим родом языка-источника [1, с. 55]. В этимоло-
гическом комментарии словообразовательного варианта
«отворять – открывать» как явления живой речи Ю. В. Откуп-
щиков пишет о неуместности «ориентироваться на этимоло-
гию слов» [29, с. 125] и цитирует слова из разговора Татьяны
с няней *открой окно да сядь ко мне* (3, XVII).

Нередки обращения к авторским Примечаниям к «Евгению
Онегину». Так, в анализе истории русских имен и, в частности,
имени Татьяна В. А. Никонов дает отсылку к словам Пушки-
на в Примечании (13): «Именник купчих, даже московских,
во второй половине века все же ближе к крестьянскому, чем
к дворянскому <...> Степанида, Татьяна, Устинья. Изумитель-
ное чутье Пушкина безошибочно подсказало ему имя героини
“Евгения Онегина”» (2, XXIV) [25, с. 53].

Вообще обращение к Примечаниям к «Евгению Онегину»
встречается часто. В наш словарь в качестве отдельных ста-
тей вошли такие интертекстовые единицы, как *балеты г. Дид-
ло исполнены живости воображения; известный ресторатор;
писано в Бессарабии; черта охлажденного чувства* и др. За-
крытые, казалось бы, для читателя участки романа в стихах
(«другие редакции», «варианты», «черновые рукописи») дают
полноценные контексты (*пролаз, нулек на ножках; проснулся*

раз он патриотом дождливой, скучною порой; боа соболий; как гонит бич в песку манежном по корде резвых кобылиц и мн. др.).

Обсуждение и выводы

В значительной степени воплощаемая нами лексико-графическая концепция была обусловлена словарными изданиями М. И. Михельсона (у которого, в частности, онегинское слово является и объектом, и средством толкования), основанными на прецедентной раритетности. Свою гибкую интерпретационную методику М. И. Михельсон сопровождает характеристикой – «совокупность приемов, объединяющих физиономию речи» [17, с. IV].

Два столетия отделяют нас от начала работы Пушкина над «Евгением Онегиным». Восприятие читателями романа в стихах не оставалось неизменным. При этом и смысловая канва, и оценка описываемых ситуаций переосмысливались, что-то теряло актуальность. Не оставался неизменным и сам набор крылатых слов и выражений, расширялся его вариантный диапазон. И тем не менее, несмотря на двухсотлетние мутации, существовали и по-прежнему существуют преемственность и постоянство в обращении к пушкинскому слову.

При этом «долгожителство» и «узнаваемость» крылатых выражений Пушкина обеспечивается сохранностью структурно-семантической модели, генерирующей самые прихотливые варианты. Возникает двухсотлетняя интертекстовая парадигма – преемственность, динамика, функциональная и содержательная. Текст «Евгения Онегина» выступает как макротекст, т. е. «целостное образование, единство которого зиждется на тематической общности входящих в него единиц» [4, с. 216]. Макротекст сегментируется на микротексты, т. е. «относительно самостоятельные структурно-смысловые или синтактико-тематические единицы» [5, с. 230]. В качестве же микротекста выступает, прежде всего, онегинская строфа. Пушкинский роман в стихах является прецедентным макротекстом, дающим собственно прецедентные феномены («хрестоматийные») и нечастотные единицы – интертекстовые прецедентные раритеты. Возникает функциональная амплитуда: от прецедентного текста и прецедентного феномена к интертекстовому прецедентно-

му раритету, когда чуть ли не весь текст романа в стихах готов в той или иной степени к цитированию. Сходное положение видим при обработке басен И. А. Крылова. Весь корпус басен так или иначе отразился в цитировании, при этом большая часть материала дает именно прецедентные раритеты, не входящие «в хрестоматийный канон» [18, с. 5].

При лексикографической интерпретации интертекстового материала из «Евгения Онегина» упор делался на приемы адаптации авторского слова, среди которых выделяются интертекстовая деривация и редеривация, импликация и экспликация, текстовые реакции, проблема «своего и чужого», интертекстовая доминанта и нарративные сопроводители, модификация исходного выражения, интерпретационная парадигматика. Интертекстовые единицы целесообразно рассматривать функционально с учетом изменяемости, вариантности, структурного и семантического дробления, ассоциативной подвижности, «антинормативности», многообразия и разнородности иллюстративных контекстов. Фактическое присутствие онегинского слова в русской речи свидетельствует об этом.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: Русский язык, 2001. – 720 с.
2. Гаспаров М. Л. Центон // Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 492.
3. Гречина О. И. О фольклоризме «Евгения Онегина» // Славянские литературы и фольклор. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. – С. 18–41 (Русский фольклор. XVIII).
4. Данилевская Н. В. Макротекст // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта; Наука, 2003. – С. 216–221.
5. Данилевская Н. В. Микротекст // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта; Наука, 2003. – С. 230.
6. Дмитриев М. А. «Евгений Онегин». Роман в стихах. Соч. Александра Пушкина // Пушкин в прижизненной критике: 1828–1830. – СПб.: Гос. Пушкинский театральный центр, 2001. – С. 47–56.
7. Дядечко Л. П. Словарь крылатых слов и выражений нашего времени. – М.: Словари XXI века, 2019. – 624 с.
8. Из истории русских слов: Словарь-пособие / Аникин А. Е., Корнилова И. А., Младенцов О. М. и др. – М.: Школа-Пресс, 1993. – 224 с.
9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – Изд. 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2022. – 264 с.
10. Коваленко С. А. Крылатые строки русской поэзии: Очерки истории. – М.: Современник, 1989. – 480 с.
11. Кюхельбекер В. К. Дневник (1831–1845) // Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1976. – С. 64–433.
12. Лосев Л. В. Примечания // Бродский И. А. Стихотворения и поэмы: В 2 т. – СПб.: Лениздат; Кн. лаборатория, 2017. – Т. 1. – С. 485–728.

13. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. – Л.: Просвещение, 1980. – 416 с.
14. Мануйлов В. А. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: Комментарий. – М.; Л.: Просвещение, 1966. – 275 с.
15. Матвеева Н. П. Свидетели истории народа: Наследие пращуров. – М.: Просвещение, 1993. – 224 с.
16. Медриш Д. Я. Язык поверий и примет // Русская речь. – 1993. – № 5. – С. 92–96.
17. Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Своё и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний. – СПб.: [Б. и.], 1902–1903. – Т. 1. – 779 с.
18. Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Крылатые слова басен Ивана Андреевича Крылова: Словарь. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018. – 796 с.
19. Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. «Мой дядя самых честных правил»: Крылатые слова, цитаты, образы из романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Опыт словаря. – СПб.: ЛЕМА, 2022. – 536 с.
20. Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Словарь крылатых выражений Пушкина. – СПб.: Изд-во СПбГУ; Фолио-Пресс, 1999. – 752 с.
21. Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Школьный словарь крылатых выражений Пушкина. – СПб.: Нева, 2005. – 800 с.
22. Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / Пер. с англ. – СПб.: Искусство-СПб; «Набоковский фонд», 1998. – 928 с.
23. Народный месяцеслов: Пословицы, поговорки, приметы, присловья о временах года и о погоде / Сост. и авт. вводн. текстов Г. Д. Рыженков. – М.: Современник, 1992. – 127 с.
24. Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. – М.: Гос. изд. худ. лит., 1955. – Т. 1: 1826–1857. – 539 с.
25. Никонов В. А. Имя и общество. – М.: Наука, 1974. – 278 с.
26. Новиков В. И. Книга о пародии. – М.: Советский писатель, 1989. – 544 с.
27. Новиков В. И. Роман с языком. Три эссе. – М.: Аграф, 2001. – 320 с.
28. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка (А–Я). – М.: Азъ, 1992. – 907 с.
29. Откупщиков Ю. В. К истокам слова: Рассказы о науке этимологии. Книга для учащихся. – М.: Просвещение, 1986. – 176 с.
30. Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: [В 17 т.]. – М.: Изд-во АН СССР, 1937. – Т. 6. – 699 с.
31. Сидоренко К. П. Цитаты из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина в текстах разного жанра. – СПб.: Образование, 1998. – 318 с.
32. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. – СПб.: В Типографии Имп. АН, 1847. – Том II. – 471 с.
33. Смит Л. П. Фразеология английского языка. – М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1959. – 208 с.
34. Таскаева С., Виноходов Д. О карлах и гномах: К вопросу о переводческих традициях // Палантир. – 2001. – № 24. – С. 3–10.
35. Черняк В. Д., Сидоренко К. П., Носова Е. П. Крошка сын к отцу пришел: Прецедентные имена и высказывания из детской литературы: Опыт словаря. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. – 216 с.
36. Щеглов Ю. К. Антиох Кантемир и стихотворная сатира. – СПб.: ГИПЕРИОН, 2004. – 720 с.
37. Юхнева Е. Д. Петербургские доходные дома: Очерки из истории быта. – М.: Центрполиграф, 2021. – 491 с.
38. Якобсон Р. О. Новейшая русская поэзия // Якобсон Р. О. Работы по поэтике: Переводы. – М.: Прогресс, 1987. – С. 272–316.

Личный вклад соавторов
 Personal co-authors contribution
 50/50 %

Valery M. Mokienko, Konstantin P. Sidorenko

"Eugene Onegin" in Russian Speech: from a Precedent Text to a Precedent Rarity

"Eugene Onegin" is a precedent macro-text giving precedent phenomena and non-frequency units themselves - intertext precedent rarities. A functional amplitude arises: from a precedent text and a precedent phenomenon to an intertext precedent rarity, when almost the entire text of the work is ready to cite to one degree or another. In the lexicographic interpretation of intertext material, emphasis is placed on the methods of adapting the author's word, among which intertext derivation and rederivation, implication and explication, textual reactions, intertext dominant and narrative accompanying agents, modification of the original expression, interpretive paradigm. Intertext units should be considered functionally, primarily taking into account variability, variability, structural and semantic crushing, associative mobility, "antinormativity".

Key words: macrotext, microtext, precedent phenomenon, precedent rarity, segmentation, associativity, modification of the author's word, intertext derivation.

For citation: Mokienko, V. M., Sidorenko, K. P. (2023) «Evgenij Onegin» v russkoj rechi: ot precedentnogo teksta k precedentnomu raritetu ["Eugene Onegin" in Russian Speech: from a Precedent Text to a Precedent Rarity]. *Art Logos - The Art of Word*. No. 4. Pp. 158-177. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_4_158. EDN: HOZNCW

References

1. Vinogradov, V. V. (2001) *Russkij yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (Grammatical doctrine of the word)]. Moscow: Russkij yazyk Publ. (In Russian).
2. Gasparov, M. L. (1987) Tsenton [Centon]. *Literaturnyj enciklopedicheskij slovar'*; pod obshch. red. V. M. Kozhevnikova, P. A. Nikolaeva. [Literary Encyclopedic Dictionary, eds. V. M. Kozhevnikov, P. A. Nikolaev]. Moscow: Sovetskaya enciklopediya Publ. P. 492. (In Russian).
3. Grechina, O. I. (1978) O fol'klorizme «Evgeniya Onegina» [On the folklorism of "Eugene Onegin"]. *Slavyanskije literatury i fol'klor* [Slavic Literature and Folklore]. Leningrad: Nauka Publ. Pp. 18-41. (Russkij fol'klor. XVIII [Russian folklore. XVIII]). (In Russian).
4. Danilevskaya, N. V. (2003) Makrotekst [Macrotext]. *Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo yazyka, pod red. M. N. Kozhinoj* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language, ed. M. N. Kozhina]. Moscow: Flinta; Nauka Publ. Pp. 216-221. (In Russian).
5. Danilevskaya, N. V. (2003) Mikrotekst [Microtext]. *Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo yazyka, pod red. M. N. Kozhinoj* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language, ed. M. N. Kozhina]. Moscow: Flinta; Nauka Publ. P. 230. (In Russian).
6. Dmitriev, M. A. (2001) «Evgenij Onegin». Roman v stikhakh. Soch. Aleksandra Pushkina ["Eugene Onegin". A novel in verse. Op. Alexander Pushkin]. *Pushkin v prizhiznennoj kritike: 1828-1830* [Pushkin in lifetime criticism: 1828-1830]. St. Petersburg: Gosudarstvennyi Pushkinskij teatral'nyj centr Publ. Pp. 47-56. (In Russian).
7. Dyadechko, L. P. (2019) *Slovar' krylatykh slov i vyrazhenij nashego vremeni* [Dictionary of winged words and expressions of our time]. Moscow: Slovarei XXI veka Publ. (In Russian).
8. Anikin, A. E. (1993) (eds.) *Iz istorii russkikh slov: Slovar'-posobie* [From the history of Russian words: Dictionary-allowance]. Moscow: Shkola-Press Publ. (In Russian).
9. Karaulov, Yu. N. (2022) *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. *Izd. 2-e*. [2nd ed.]. Moscow: Editorial URSS Publ. (In Russian).
10. Kovalenko, S. A. (1989) *Krylatye stroki russkoj poezii: Ocherki istorii* [Winged lines of Russian poetry: Essays on history]. Moscow: Sovremennik Publ. (In Russian).
11. Kuchelbeker, V. K. (1976) *Dnevnik (1831-1845)* [Diary (1831-1845)]. *Kuchelbeker, V. K. Puteshestvie. Dnevnik. Stat'i* [Journey. Diary. Articles]. Leningrad: Nauka Publ. Pp. 64-433. (In Russian).

12. Losev, L.V. (2017) Primechaniya [Notes]. Brodskij, I.A. *Stihotvoreniya i poemy: V 2 t.* [Verse: In 2 vols]. St. Petersburg: Lenizdat; Knizhnaya laboratoriya Publ. Vol. 1. Pp. 485–728. (In Russian).
13. Lotman, Yu. M. (1980) *Roman A. S. Pushkina «Evgenij Onegin»: Kommentarij* [Roman A. S. Pushkin "Eugene Onegin": Commentary]. Leningrad: Prosveshchenie Publ. (In Russian).
14. Manujlov, V. A. (1966) *Roman M. Yu. Lermontova «Geroj nashego vremeni»: Kommentarij* [Roman M. Yu. Lermontov "A Hero of Our Time": Commentary]. Moscow; Leningrad: Prosveshchenie Publ. (In Russian).
15. Matveeva, N. P. (1993) *Svideteli istorii naroda: Nasledie prashchurov* [Witnesses to the history of the people: The heritage of the ancestors]. Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russian).
16. Medrish, D. Ya. (1993) *Yazyk poverij i primet* [Language of beliefs and signs]. *Russkaya rech' – Russian speech*. No. 5. Pp. 92–96. (In Russian).
17. Mikhel'son, M. I. (1902–1903) *Russkaya mysl' i rech': Svoyo i chuzhoe: Opyt russkoj frazeologii: Sbornik obraznyh slov i inoskazanij* [Russian thought and speech: Own and alien: Experience of Russian phraseology: Collection of figurative words and allegories]. Vol. 1. St. Petersburg. (In Russian).
18. Mokienco, V. M., Sidorenko, K. P. (2018) *Krylatye slova basen Ivana Andreevicha Krylova: Slovar'* [Winged words of the fables of Ivan Andreevich Krylov: Dictionary]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press. (In Russian).
19. Mokienco, V. M., Sidorenko, K. P. (2022) «Moj dyadya samyh chestnyh pravil»: *Krylatye slova, citaty, obrazy iz romana v stikhakh A. S. Pushkina «Evgenij Onegin»: Opyt slovaryja* ["My uncle has most honest principles": Winged words, quotes, images from the novel in verse by A. S. Pushkin "Eugene Onegin": Dictionary experience]. St. Petersburg: LEMA Publ. (In Russian).
20. Mokienco, V. M., Sidorenko, K. P. (1999) *Slovar' krylatykh vyrazhenij Pushkina* [Dictionary of winged words of Pushkin]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press; Folio-Press. (In Russian).
21. Mokienco, V. M., Sidorenko, K. P. (2005) *Shkol'nyj slovar' krylatykh vyrazhenij Pushkina* [Pushkin's School Dictionary of Popular Expressions]. St. Petersburg: Publishing House Neva. (In Russian).
22. Nabokov, V. V. (1998) *Kommentarij k romanu A. S. Pushkina «Evgenij Onegin»: Perevod s angl.* [Commentary on the novel by A. S. Pushkin "Eugene Onegin": Transl. from English]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb; Nabokovskij fond. (In Russian).
23. Ryzhenkov, G. D. (1992) (ed.) *Narodnyj mesyaceslov: Poslovicy, pogovorki, primety, prislov'ya o vremenakh goda i o pogode* [Folk Menologion: Proverbs, sayings, signs, proverbs about the seasons and the weather]. Moscow: Sovremennik Publ. (In Russian).
24. Nikitenko, A. V. (1955) *Dnevnik: V 3 t.* [Diary: In 3 vols.]. Vol. 1: 1826–1857. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury. (In Russian).
25. Nikonov, V. A. (1974) *Imya i obshchestvo* [Name and society]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
26. Novikov, V. I. (1989) *Kniga o parodii* [The book of parody]. Moscow: Sovetskij pisatel' Publ. (In Russian).
27. Novikov, V. I. (2001) *Roman s yazykom. Tri esse* [Romance with language. Three essays]. Moscow: Agraf Publ. (In Russian).
28. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (1992) *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka (A–Ya)* [Explanatory Dictionary of the Russian Language (A–Z)]. Moscow: Az Publ. (In Russian).
29. Otkupshchikov, Yu. V. (1986) *K istokam slova: Rasskazy o nauke etimologii. Kniga dlya uchashchikhsya* [To the origins of the word: Stories about the science of etymology. Book for students]. Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russian).
30. Pushkin, A. S. (1937) *Evgenij Onegin* [Eugene Onegin] Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenij: (V 17 t.)* [Complete works: (In 17 vols)]. Vol. 6. Moscow: Akademiya nauk USSR Publ. (In Russian).
31. Sidorenko, K. P. (1998) *Citaty iz «Evgeniya Onegina» A. S. Pushkina v tekstakh raznogo zhanra* [Quotations from "Eugene Onegin" by A. S. Pushkin in texts of different genres]. St. Petersburg: Obrazovanie Publ. (In Russian).

32. *Slovar' cerkovnoslavjanskogo i russkogo yazyka, sostavlenyj Vtorym otdeleniem Imperatorskoj Akademii Nauk (1847)* [Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. II. St. Petersburg: V Tipografii Imp. Akademiya nauk. (In Russian).

33. Smith, L. P. (1959) *Frazeologiya anglijskogo yazyka* [Phraseology of the English language]. Moscow: Gos. Uchebno-ped. izd-vo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR. (In Russian).

34. Taskaeva, S., Vinokhodov, D. (2001) *O karlakh i gnomakh: K voprosu o perevodcheskikh traditsiyakh* [About dwarfs and gnomes: On the issue of translation traditions]. *Palantir* [Palantir]. No. 24. Pp. 3–10. (In Russian).

35. Chernyak, V. D., Sidorenko, K. P., Nosova, E. P. (2021) *Kroshka syn k otcu prishel: Precedentnye imena i vyskazyvaniya iz detskoj literatury: Opyt slovarya* [Baby son came to his father: Precedent names and sayings from children's literature: Dictionary experience]. St. Petersburg: Herzen University Publ. (In Russian).

36. Shcheglov, Yu. K. (2004) *Antiokh Kantemir i stikhotvornaya satira* [Antioch Kantemir and poetic satire]. St. Petersburg: GIPERION Publ. (In Russian).

37. Yukhneva, E. D. (2021) *Peterburgskie dohodnye doma: Ocherki iz istorii byta*. [Petersburg profitable houses: Essays from the history of life]. Moscow: Centrpoligraf Publ. (In Russian).

38. Yakobson, R. O. (1987) *Novejshaya russkaya poeziya* [The latest Russian poetry] Yakobson, R. O. *Raboty po poetike* [Works on poetics]. Moscow: Progress Publ. Pp. 272–316. (In Russian).

Об авторах

Мокиенко Валерий Михайлович, профессор Санкт-Петербургского государственного университета доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: mokienko40@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-0264-0576

Сидоренко Константин Павлович, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: sidorenko274@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-3424-1529

About the authors

Valery M. Mokienko, Professor, Saint Petersburg State University, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: mokienko40@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-0264-0576

Konstantin P. Sidorenko, Professor, Herzen University, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: sidorenko274@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-3424-1529

дата получения: 19.10.2023 г.
дата принятия: 30.11.2023 г.
дата публикации: 30.12.2023 г.

date of receiving: 19 October 2023
date of acceptance: 30 November 2023
date of publication: 30 December 2023

М. Н. Перфилова

Словообразование архаичных цветообозначений в русском языке

В статье рассматриваются основные способы словообразования и словообразовательные модели, которые использовались для создания архаичных цветообозначений в истории русского языка. По критерию актуальности или неактуальности словообразовательных моделей выделяются три основные категории колоративов: 1) образованные по актуальным словообразовательным моделям, 2) образованные по полностью устаревшим словообразовательным моделям, 3) образованные по частично устаревшим словообразовательным моделям. Каждая из выделенных категорий рассматривается в отдельности, в том числе с точки зрения того, функционируют словообразовательные модели, по которым созданы колоративы, только в границах семантического поля цвета или же наблюдаются и за его пределами. Семантическое поле цвета русского языка рассматривается как синергетическая система со всеми свойствами, присущими системам такого рода. В целях достижения наибольшей достоверности используется материал разнотипных словарей, основными из которых являются исторические и диалектные. Исторический материал анализируется в сопоставлении с данными современного русского языка.

Ключевые слова: цветообозначение, способ словообразования, словообразовательная модель, семантическое поле цвета, синергетическая система.

Для цитирования: Перфилова М. Н. Словообразование архаичных цветообозначений в русском языке // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 4. – С. 178–202. DOI: 10.35231/25419803_2023_4_178. EDN: MJWAXL

В настоящее время наблюдается повышение интереса лингвистов к словообразовательным процессам с точки зрения диахронии. Издаются монографии, пособия, научные статьи, посвящённые теоретическим проблемам исторического словообразования или конкретным морфемам русского языка. Кроме этого, на стадии разработки находится интернет-проект «Русский древослов. Историко-словообразовательный словарь русского языка» под руководством доктора филологических наук профессора А. М. Камчатнова¹.

¹ Русский древослов. Историко-словообразовательный словарь русского языка. Электронный ресурс. URL: <http://www.drevoslov.ru/> (дата обращения: 22.06.2023)
© Перфилова М. Н., 2023

Анализ эволюции отдельных словообразовательных формантов и динамики словообразовательных моделей позволит глубже понять, как развивался словарный состав русского языка. Один из путей подобного анализа – исследование особенностей словообразования в отдельных лексико-семантических группах (далее – ЛСГ) и, шире, семантических полях (СП).

Данная работа посвящена рассмотрению особенностей словообразования цветообозначений-архаизмов, являющихся неотъемлемой частью исторического развития СП цвета в русском языке, которое мы рассматриваем как сложную самоорганизующуюся (синергетическую) систему. Исследование посвящено поиску ответов на следующие вопросы: какие способы и модели словообразования были предпочтительны при создании архаичных колоративов; могло ли предпочтение тех или иных способов и моделей словообразования стать причиной устаревания цветообозначений; насколько распространены были отдельные словообразовательные модели за пределами СП цвета.

Материалы и методы

Материалом для анализа стали 772 архаичных колоратива, полученных методом сплошной выборки из исторических словарей русского языка XI–XIX вв. По критерию актуальности или неактуальности словообразовательных моделей, при помощи которых они созданы, устаревшие цветообозначения (ЦО) разделены нами на три основные категории: 1) ЦО, образованные по актуальным словообразовательным моделям, 2) ЦО, образованные по полностью устаревшим словообразовательным моделям (то есть моделям, полностью утратившим все структурные элементы), и 3) ЦО, образованные по частично устаревшим словообразовательным моделям (моделям, в которых были утрачены отдельные структурные элементы или которые перестали быть продуктивными в СП цвета). Особый интерес для историка-лексиколога представляют две последние категории, так как они иллюстрируют уникальный фрагмент словообразовательных отношений в СП цвета и позволяют связать его с историческими изменениями этого поля.

Историческое освещение словообразовательных моделей затруднено тем, что они не всегда поддаются полной реконструкции, поскольку в истории языка утрачиваются отдельные звенья словообразовательной цепочки. В связи с этим из частично или полностью устаревших словообразовательных моделей мы рассмотрим только те, что удалось восстановить с наибольшей степенью достоверности, и проанализируем, насколько распространёнными были они в СП цвета и за его пределами. Отметим, что кроме ЦО, относящихся к трём основным категориям, имеются те, для которых на данный момент точно определить словообразовательную модель затруднительно. Колоративы такого рода требуют отдельного углублённого изучения.

Ведущие методы исследования – интегральный, сравнительно-исторический и историко-сравнительный с его основными приёмами: внешней и внутренней реконструкции, культурно-исторической интерпретации, диалектографии, этимологического анализа. В качестве основных методов исследования также выбраны описательный и статистический методы, метод семантических полей, метод компонентного анализа, метод анализа словарных дефиниций.

Результаты

1. Архаичные колоративы, образованные по основным актуальным словообразовательным моделям

К архаичным колоративам, образованным по основным актуальным словообразовательным моделям, которые используются в том числе за пределами СП цвета, относятся: производные ЦО, образованные от основ имён прилагательных; производные ЦО, образованные от основ глаголов; производные ЦО, образованные от основ имён существительных; производные ЦО, мотивированные сочетаниями слов (компози́ты). Рассмотрим их.

1. Производные ЦО, образованные от основ имён прилагательных

Производные ЦО могут образовываться от основ имен прилагательных:

а) при помощи суффикса *-оват-/-еват-*: *багрян-оват-ый* [21, в. 1, с. 126], *блѣд-оват-ый* [21, в. 2, с. 61], *бѣлокур-оват-ый* [20, в. 1,

с. 135], *ворон-оват-ый* [21, в. 4, с. 73], *дик-оват-ый* [20, в. 4, с. 246], *дымн-оват-ый* [21, в. 7, с. 51], *пег-оват-ый* [21, в. 18, с. 254], *пелес-оват-ый* [20, в. 14, с. 189], *румян-оват-ый* [20, в. 1; с. 255–256]. Словообразовательное значение – «слабая степень проявления признака, названного мотивирующим прилагательным»;

б) при помощи суффикса *-е(и)ньк-/-оньк-*: *ворон-иньк-ий* [21, в. 4, с. 73], *дик-оньк-ий* [21, в. 6, с. 131], *мухорт-еньк-ий* [20, в. 9, с. 317]. Словообразовательное значение – «экспрессивное значение ласкательности или уничижительности с оттенком усиления признака или с различными оценками предмета».

В современном русском языке модели а) и б) позволяют образовать имена прилагательные-деминутивы от ядерных колоративов ЛСГ различных цветовых тонов. В среде архаичных ЦО эти модели имели более широкое употребление, так как распространялись и на ядерные, и на периферийные элементы ЛСГ;

в) при помощи суффикса *-ёхоньк-/-ёшеньк-*: *сив-ёхоньк-ий*, *сив-ешеньк-ий*, *сиз-ёхоньк-ий*, *син-ешеньк-ий* [23, т. 4; с. 122–125]. Словообразовательное значение – «усиленная степень признака, названного мотивирующим прилагательным, в сочетании с оценочной экспрессией». Колоративы, образованные по этой модели, относятся к поздним по времени возникновения (XIX в.) и устаревшим на этапе современного русского литературного языка. В целом же модель продуктивна и характерна для ЦО, входящих в ядро ЛСГ;

г) при помощи суффикса *-ость* (реже *-есть*): *блѣд-ость* [24, т. 1, с. 119], *жарк-ость* «красно-жёлтый цвет» [21, в. 7, с. 97], *красн-ость* [20, в. 8, с. 21], *нардел-ость* [21, в. 14, с. 13], *пестр-ость* [17, ч. 4, с. 781], *примрачн-ость* [23, т. 3, с. 476], *рус-ость* [24, т. 3, с. 198], *син-есть* [17, ч. 4, с. 451], *смягл-ость* [20, в. 25, с. 236], *чермн-ость* [24, т. 3, с. 1559] и др. (всего более 20). Словообразовательное значение – «непроцессуальный признак, названный мотивирующим прилагательным»;

д) при помощи нулевого суффикса: *бель* [24, т. 1, с. 219], *воронь* [21, в. 4, с. 73], *дичь* «серый цвет» [20, в. 4, с. 247], *краснь* [21, в. 10, с. 242], *рудожелть* [20, в. 22, с. 235], *серь* [17, ч. 5, с. 1066]. Словообразовательное значение то же, что у модели г);

е) при помощи суффикса *-изн-*: *сед-изн-а* [17, ч. 5, с. 1025], *сив-изн-а* [23, т. 4, с. 122], *сиз-изн-а*, *син-изн-а* [17, ч. 4; с. 440–451]. Словообразовательное значение то же, что у моделей г) и д);

ж) при помощи суффикса *-ств-*: *зелень-ств-о* [18, т. 3, с. 367], *румян(ь)-ств-о* [20, в. 22, с. 256], *чермень-ств-о* [23, т. 4, с. 78]. Словообразовательное значение то же, что у моделей г) – е).

При анализе материала по моделям г) – ж) наблюдается следующее:

- среди абстрактных существительных есть словообразовательные варианты с синонимичным значением суффиксов. Как отмечает Е. Н. Прокопович, такая вариативность наблюдается в памятниках письменности с XI до XVI–XVII вв., а в XVI–XVII вв. «... намечается явная тенденция к нарушению словообразовательной синонимии» [13, с. 89]. Процесс её распада был длительным и постепенным. Из словообразовательных вариантов язык стал выбирать наиболее оптимальные для выражения отвлечённого значения цвета. В этом выборе проявляется такое свойство синергетических систем, как стохастичность – непредсказуемость, случайность: неясно, по каким причинам язык сохранил, например, ЦО *желтизна*, а не *желтость*, *желтота*, *желть*;

- для языка было неактуально образовывать абстрактные существительные от ряда колоративов, называющих оттенки цвета: *зарделость*, *поблеклость*, *смягность*, *седоватость*, *черноватость* и т. д. Среди актуальных колоративов процент подобных абстрактных существительных, впрочем, достаточно высок: *алость*, *голубоватость*, *рыжеватость* и др.;

- абстрактные существительные создавались и от устаревших основ, и от актуальных, поэтому нельзя считать архаичность/актуальность производящей основы общей причиной архаизации ЦО, перечисленных в пунктах г) – ж);

з) при помощи суффикса *-е(-ѣ-)*: *багр-ѣ-ть* [21, в. 1, с. 125], *блѣд-ѣ-ти* [24, т. 1, с. 119], *бус-ѣ-ть* [20, в. 1, с. 359], *лазорев-ѣ-ти* [21, в. 11, с. 108], *пасмур-ѣ-ть* [21, в. 18, с. 226], *сѣдат-ѣ-ти* [20, в. 24, с. 20]. Словообразовательное значение – «приобретать признак или большую степень признака, названного мотивирующим прилагательным»;

и) при помощи суффикса *-и-*: *багров-и-ть* [21, в. 1, с. 125], *пѣж-и-ть* [21, в. 18, с. 256]. Словообразовательное значение – «наделять кого-что-л. признаком или большей степенью признака», тесно связанное с красильным производством.

Модели з) и и) проиллюстрированы небольшим числом архаичных ЦО, что говорит об актуальности глагольного образования от основ прилагательных.

2. Производные ЦО, образованные от основ глаголов

а) при помощи суффикса *-ниѣ-/-ениѣ-*: *бронѣ-ение* [20, в. 1, с. 339], *выбронзова-ние* [23, т. 1, с. 192], *зардѣ-ние* [18, т. 3, с. 343], *изчернива-ние* [23, т. 2, с. 126], *набагр-ение* [23, т. 2, с. 346], *очервл-ение* [20, в. 14, с. 96], *ошар-ение* «окраска, цвет» [20, в. 14, с. 106], *позлащ-ение* [17, ч. 2, с. 79], *причерн-ение* [17, ч. 5, с. 712], *процвѣт-ение* «цвет, расцветка» [20, в. 20, с. 283] и др. (всего около 25). Словообразовательное значение – «действие или состояние, названное мотивирующим глаголом»;

б) при помощи суффикса *-к-*: *осинь-к-а*, *пробѣл-к-а* [23, т. 3; с. 81–517]. Словообразовательное значение то же, что у модели а); для актуальных колоративов данная модель более продуктивна, чем для архаичных;

в) при помощи приставки *по-*: *по-забѣлить*, *по-зажелтить*, *по-зазеленить*, *по-зардѣть*, *по-зачервѣнеть*, *по-набѣлить*, *по-насинить*, *по-начернить*, *по-распестрить* [23, т. 3; с. 288–368], *по-синить* [20, в. 17, с. 168] и др. (всего 13). Словообразовательное значение – «неинтенсивное действие, названное мотивирующим глаголом». Среди архаичных ЦО данная модель была распространена в XIX в., в современной лексике цвета она почти не встречается: присоединение приставки *по-* используется для реализации иного словообразовательного значения – «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом». Данный факт говорит о том, что значение неинтенсивности действия в приобретении цвета перестало быть нужным для русской системы ЦО (оно реализуется редко, с помощью префикса *под-*: *подрумянить*, *подбелить*, *подсинить* и т. д.). Поскольку большинство перечисленных цветовых глаголов связаны с технологией окрашивания ткани, на их устаревание, возможно, как экстралингвистический фактор повлияло изменение этой технологии: на смену ручному многоэтапному труду пришла автоматизация, позволяющая быстро придать ткани нужный цвет;

г) при помощи приставки *за-*: *за-бусѣти* [20, в. 5, с. 140], *за-желкнуть* [23, т. 2, с. 18], *за-румянети* [20, в. 5, с. 291]. Сло-

вообразовательное значение – «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом»;

д) при помощи приставки *пере-*: *пере-желкнуть* [23, т. 3, с. 181], *пере-пестрити* [20, в. 15, с. 273]. Словообразовательное значение – «совершение действия повторно, заново, вновь»;

е) при помощи приставки *раз-/рас-*: *рас-краснѣть* [23, т. 4, с. 44]. Словообразовательное значение – «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом». Среди устаревших ЦО это единичный пример использования модели, в то время как в среде актуальных колоративов подобная модель встречается часто.

Касательно префиксального образования цветowych глаголов стоит отметить, что актуальные для современной лексики цвета словообразовательные модели с префиксами *вы-*, *до-*, *из-/ис-*, *на-*, *о-/об-*, *у-*, реализующие то же значение, что у модели е), в выборке по ЦО-архаизмам не встречаются;

ж) при помощи постфикса *-ся* (постфикс присоединяется при этом к основе переходного глагола): *багровати-ся* [20, в. 1, с. 63], *насинить-ся* [23, т. 2, с. 408], *обѣливать-ся* [23, т. 3, с. 41], *опрапрудити-ся* [24, т. 2, с. 592], *очервити-ся*, *очермнити-ся* [20, в. 14; с. 95–96], *подцвѣчать-ся*, *позажелить-ся*, *пораспестрить-ся*, *потемнѣть-ся*, *причернѣвать-ся* [23, т. 3; с. 282–506], *убѣливать-ся* [23, т. 4, с. 318] и др. (всего более 20). Словообразовательное значение – «побочно-возвратное: действие как соприкосновение с объектом, который стимулирует это действие». Глаголы, образованные по этой модели, «называют действие как соприкосновение с объектом, причѣм объект своим наличием как бы стимулирует, порождает само это действие, делает его возможным» [16, с. 616]. В качестве объекта, порождающего действие, в данном случае выступает краситель определённого цвета;

з) при помощи постфикса *-ся* (постфикс также присоединяется к основе переходного глагола): *выпестривать-ся* [21, в. 4, с. 253], *вырумянить-ся* [23, т. 1, с. 224], *потемнить-ся*, *прибѣлнить-ся* [23, т. 3; с. 400–455]. Словообразовательное значение – «собственно-возвратное: действие производится субъектом, который одновременно является и объектом действия».

Как и в актуальной лексике цвета, среди устаревших ЦО есть возвратные глаголы, которые в зависимости от контек-

ста имеют словообразовательные значения модели ж) или з): *изчернивать-ся* [23, т. 2, с. 126], *понабѣлить-ся* [23, т. 3, с. 331], *почернить-ся* [17, ч. 5, с. 712], *пробѣливать-ся* [17, ч. 4, с. 447], *распещрять-ся* [23, т. 4, с. 47] и др. (всего более 10);

и) при помощи постфикса *-ся* (в данной модели постфикс присоединяется к основе непереходного глагола): *златить-ся* [18, т. 3, с. 384], *обрыдати-ся* «покраснеть, зардеться, застыдиться» [24, т. 2, с. 551], *пламенить-ся* [21, в. 19, с. 235], *позазеленѣть-ся*, *позакраснѣть-ся*, *позардѣть-ся* [23, т. 3; с. 290–293]. Словообразовательное значение – «неопределённость, слабость выявления признака»: «... постфикс *-ся*, присоединяясь к непереходным глаголам со знач. (видеться в каком-либо цвете), может привносить в значение глагола оттенок неопределённости, слабости выявления признака; сравним: *белеть* и *белеться*, *краснеть* и *краснеться*, *чернеть* и *чернеться* [16, с. 616].

3. Производные ЦО, образованные от основ имён существительных

а) при помощи суффикса *-ов-/-ев-*: *амарант-ов-ый* [21, в. 1, с. 56], *бланж-ев-ый* [23, т. 1, с. 60], *кармезин-ов-ый* [21, в. 9, с. 259], *каштань-ев-ый* [21, в. 10, с. 20], *корал-ев-ый* [21, в. 10, с. 167], *кубк-ов-ый* [20, в. 8, с. 102], *мскус-ов-ый* [20, в. 9, с. 292], *селадон-ов-ый* [21, в. 8, с. 163], *чиж-ов-ый* [17, ч. 6, с. 753], *шмальт-ов-ый* [23, т. 4, с. 461]. Словообразовательное значение – «отнесённость к предмету (неодуш.), явлению»;

б) при помощи суффикса *-н-*: *багрянич-н-ый* [20, в. 1, с. 64], *бурнат-н-ый* [18, т. 1, с. 230], *глин-н-ый* [20, в. 4; с. 33], *злат-н-ый* [18, т. 3, с. 389], *олив-н-ый* [21, в. 16, с. 266], *порфир-н-ый* [20, в. 17, с. 144], *попель-н-ый* [20, в. 17; с. 79–80], *прапруд-н-ый* «багряный» [24, т. 2, с. 1372], *таусин-н-ый* «тёмно-синий» [23, т. 4, с. 272], *ценинь-н-ый* «окрашенный в цвет ценины (зелёный)» [24, т. 3, с. 1439] и др. (всего более 15). Словообразовательное значение то же, что у модели а).

Касательно моделей а) и б) отметим, что в истории языка наблюдаются пары ЦО с суффиксами *-ов-/-ев-* и *-н-*, реализующими синонимичные значения. Как и в случае с абстрактными существительными, невозможно определить, по каким причинам язык оставлял один вариант: почему, например, ЦО *бирюзный*, *вишеный*, *коричный* устарели, а *бирюзовый*, *вишнёв-*

ый, коричневый остались актуальными или, наоборот, устарело мраморовый, а мраморный – нет? Иногда систему не устраивали оба ЦО: аврорный/авроровый, инкарнатный/инкарнатовый, мраморный/мраморовый. В этом незакономерном выборе словообразовательных вариантов снова проявляется стохастичность СП цвета. Однако в количественном отношении чаще проходили процесс архаизации ЦО с суффиксом -н-. Возможно, причина этого кроется в большей древности суффикса по сравнению с суффиксами ов-/-ев-.

Указанные суффиксы присоединялись также к основам прилагательных: бруснишн-ов-ый [21, в. 2, с. 148], гвоздичн-ев-ый [20, в. 4, с. 14], гвоздичн-ов-ый [21, в. 5, с. 95], кипричн-ев-ый [20, в. 7, с. 135], сиз-ов-ый [24, т. 3, с. 344], смагль-н-ый [20, в. 25, с. 152]. В целом, язык не приветствовал подобное образование цветowych прилагательных от других прилагательных-колоративов: в них часто наблюдалось «соседство» синонимичных суффиксов -н- и -ов-/-ев-, которое не приносило в образованное слово новых смысловых оттенков;

в) при помощи суффикса -ист-: зелен-ист-ый, злат-ист-ый [21, в. 8; с. 162–181], мед-ист-ый [23, т. 2, с. 338], пепел-ист-ый [20, в. 14; с. 195–196], пламен-ист-ый [21, в. 19, с. 234], колер-ист-ый [23, т. 2, с. 188]. Словообразовательное значение – «имеющий свойства, характерные для кого-/чего-н.».

Морфема *ист-* могла присоединяться также к основам имён прилагательных: землян-ист-ый [21, в. 8, с. 171], пелес-ист-ый [23, т. 3, с. 166]. Как при «соседстве» суффиксов -н- и -ов /-ев- в одном слове, здесь не наблюдается семантического новшества, оправдывающего образование нового слова, что стало вероятной причиной устаревания этих двух колоративов;

г) при помощи суффикса -ан-/-ян-: зол-ян-ой [21, в. 8, с. 226], ольш-ан-ый «цвета ольховой коры» [21, в. 16; с. 269–270], пегга «пятно, крапина на коже» → пег-ан-ый «пегий» [20, в. 14, с. 185], снеж-ан-ый «белоснежный» [20, в. 25, с. 250], серебр-ян-ый [17, ч. 5, с. 433]. Словообразовательное значение – «отнесённость к предмету (неодуш.), явлению». Многие из этих устаревших ЦО имеют актуальные синонимы с другими суффиксами: зольный, ольховый, снежный. Подобное явление уже встречалось нам при анализе архаичных абстрактных имён существительных. Оно подтверждает, что язык накапливал для дальнейшего отбора

не только лексический материал (пик этого накопления приходится на XVIII век) [1], но и словообразовательный.

По семантике цветолексемы, образованные по моделям а) – г), были тесно связаны с предметами-эталоном цвета и занимали в своих ЛСГ, как правило, периферийное положение.

4. Производные ЦО, мотивированные сочетаниями слов (компози́ты)

Среди архаичных колоративов в значительном количестве (175 из 772) наблюдаются ЦО-компози́ты, образованные путём соединения основ слов (часто с суффиксацией) или сращения: *багряновинный*, *блѣдножаркий*, *гвоздичнобурый*, *зелено-саладоновой*, *иноличный* («другого цвета») и др.

Соединение основ двух слов является для языка одним из наиболее удобных способов передать сложный цветовой оттенок или обозначить сразу несколько цветов предмета. По каким же причинам устарело большое число цветových компози́тов, если они являются столь необходимыми для языка?

Предполагаем, что причинами могли стать следующие факторы:

– при архаизации слова, основа которого включена в компози́т, увеличивается вероятность того, что устареет и сложное образование от него. Например, устаревание колоратива *златой повлекло* архаизацию компози́тов *всезлатый*, *златобисерный*, *златордяный*, *златосребренный*, *златояхонтный* и др. Подобное явление наблюдается и в аффиксальном словообразовании: к примеру, устарели ЦО *броща* и *брощъ*, называющие красную краску, – и закономерно претерпели процесс архаизации ЦО *брощение*, *брощити*, *оброщены*, *оброщити*, образованные от них;

– основы *тѣмн-*, *ярк-*, *блѣдн-*, *светл-*, выступающие в качестве второй основы компози́та: *голуботемный* [21, в. 5, с. 460], *злато-яркий* [21, в. 8, с. 182], *красноватотемный* [21, в. 10, с. 234], *пестроблѣдный* [21, в. 19, с. 184], *червленосвѣтлый* [23, т. 4, с. 430]. Основы *тѣмн-*, *ярк-*, *блѣдн-*, *светл-* являются базой «модификаторов цветности» *тѣмно-*, *ярко-*, *блѣдно-*, *светло-* [9, с. 27], для которых в современном русском языке характерна позиция первой основы компози́та (препозиция), являющаяся более оптимальной для русского языка: *тѣмно-голубой*, *ярко-золотой*, *блѣдно-синий*, *светло-красный* и т. д.;

– в редких случаях – наличие более двух основ в составе композита, усложняющих восприятие его семантики носителями языка: *густокрасножелтый*, *светлорудожелтый*.

II. Полностью утраченные модели производных ЦО

Полностью утраченные модели касались производных ЦО, образованных префиксальным способом от основ имён прилагательных. Словообразовательное значение у них было одно и то же: «слабая степень проявления признака, названного мотивирующим прилагательным».

1. При помощи приставки *при-*: *при-белый*, *при-желтый*, *при-красный*, *при-зеленый*, *при-рыжий* [20, в. 19; с. 93–269], *при-смуглый*, *при-чермный*, *при-чернь* «рыжеватый», *при-чернь* «черноватый» [20, в. 20; с. 17–77].

Примеры из русских говоров и памятников письменности показывают, что эта модель использовалась вне СП цвета: *приблажный* – «с причудами, блаженный, глуповатый, придурковатый», *приглупый* – «глупый, глуповатый» [19, в. 31; с. 114–159], *прикорчеватый* – «слегка кудрявый, вьющийся», *прикудряв* – «слегка кудрявый» [20, в. 19; с. 186–191], *пристарый* – «пожилой» [20, в. 20, с. 32], *прищурый* – «подслеповатый» [3, с. 429] (ср.: у В. И. Даля в статье к слову *близорукий* – «у кого короткое зрѣніе <...> щурый») [4, с. 99].

При этом в говорах у приставки *при-* чаще наблюдается противоположное значение – «сильная степень проявления признака, качества»: *приблизный* – «самый близкий» [5, с. 703]; *приболезный* – «близкий сердцу, желанный» [19, в. 31, с. 117]; *призлющий* – «весьма злой» [5, с. 712]; *примелый* – «более мелкий» [11, т. 3, с. 392]; *примогучий* – «весьма большой, крупный, сильный» [5, с. 715] и др. Это явление отражено и в ранних памятниках письменности: *привысокий* – «высочайший», *привѣчный* – «вечный, бесконечный», *пригорил* – «худший», *присловый* – «преславный» [24, т. 2; с. 1387–1455] и др.

Анализируемый материал позволяет сделать следующие предположения:

1) значение префикса *при-* изначально было синкретичным и амбивалентным с точки зрения оценки. Такое же явление наблюдалось на уровне лексики, у значений слов на древних этапах их развития [7]. Это можно объяснить тем, что большинство префиксов, как подтверждают многие лингвисты (М. Фа-

смер, И. И. Срезневский, О. Н. Трубачёв, П. Я. Черных, А. П. Преображенский и др.), произошли от предлогов, находящихся в препозиции по отношению к слову. Предлоги, как мы предполагаем по причине их многозначности, особенно в говорах, могли быть в истории языка самостоятельной частью речи. Возможно, они являлись таковыми в индоевропейском языке, из которого унаследованы по большей части [6; 27; с. 346–347], однако, к сожалению, пока нет комплексных исследований морфологического статуса индоевропейских предлогов, чтобы подтвердить или опровергнуть это. Если же предположение верно, оно объясняет, почему в семантике предлогов протекали те же процессы, что и у слов иных частей речи;

2) синкретичность значений позволяла предлогам присоединяться к словам разных частей речи. Это привело к тому, что приставки имели в разных частях речи одинаковые значения. Так, префикс *при-* в говорах входил со своими значениями в состав как имён прилагательных, так и имён существительных и глаголов. В современном русском языке он перестал быть актуальным для образования имён прилагательных и существительных, но остался таковым для глаголов, чему способствовала «генетическая память»: ещё в общеславянском языке префиксальный способ образования был характерен для глаголов, а именное словообразование оперировало суффиксами [12, с. 272]. Со временем модели образования глаголов повлияли на модели именного словообразования: «... влияние глагола является в этих случаях доминирующим, и именно поэтому многие корневые тематические имена сопровождаются приставками по образцу глаголов, послуживших им моделями» [12, с. 273];

3) возможно генетическое родство приставок *при-* и *пре-*. Основаниями для такого предположения является следующее:

– сходство значений. Приставка *пре-* сохраняет значение сильной степени проявления признака в современном русском языке; в подтверждение этой мысли в «Материалах...» И. И. Срезневского в словарных статьях о словах с приставкой *при-* отмечается, что они употреблены вместо слов с приставкой *пре-*. В говорах тоже наблюдается только это значение, следовательно, префикс утратил амбивалентность ранее других. Данный факт, вероятно, обусловлен тем, что предлог *пре-*, упо-

треблявшийся в старославянском языке только как приставка, уже имел конкретизированную семантику в индоевропейском языке, из которого был унаследован (его фонетическая форма до метатезы – *r̥eg-). Это подтверждают данные других языков индоевропейской семьи, а именно приставки *per* (лат.), *peri* (греч.), *peĩ* (лит.) со значением «очень» [26, с. 347];

– гласные звуки в обеих приставках могли возникнуть в процессе утраты долготы и краткости гласных (**i* и **e* соответственно). Более того, как показывает последующий материал, по значениям приставок и тоже наблюдаемой в них утрате долготы и краткости гласных генетически родственными префиксам *при-* и *пре-* в теории можно считать приставки *про-* и *пра-* (гласные **ō*/ и **ō* соответственно). В данном случае можно говорить об аблауте – «системе гласных, связанных морфологическими чередованиями в корне» [15, с. 105]. В частности, П. Я. Черных отмечает, что предлог и приставка *про-* является аблаутом предлога и приставки *пра-* [27, с. 68]. Аблаут, унаследованный от индоевропейского языка протославянским, а затем ранним праславянским языком, предполагал как количественные, так и качественные чередования: [ĕ]//[ō]//[ē]//[ō]//[ø] [15, с. 105].

2. При помощи приставки *про-*: *про-пестрый* [20, в. 20, с. 191], *про-пелесый* [24, т. 2, с. 1555], *про-седый* [17, ч. 5, с. 1025], *про-черный* [20, в. 20, с. 285].

В говорах также имеются нецветовые примеры с этой приставкой: *прогорячий* – «слегка, немного подогретый, не очень горячий», *продурной* – «плохой, хулиганистый» [19, в. 32; с. 115–127]. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» отмечен интересный пример *пролетный* – «весенний», в котором приставка имеет такое же значение [20, в. 20, с. 158].

Как и у приставки *при-*, в говорах у префиса *про-* тоже наблюдается значение «сильная степень проявления признака, качества»: *пробедненький* – «очень бедный, несчастный», *провелик* – «очень, слишком велик» [19, в. 32, с. 80–93], *проученый* – «очень сведущий, образованный» [19, в. 33, с. 21].

Приставка *пра-*, являющаяся аблаутом префикса *про-*, практически не использовалась в СП цвета. Более того, она не была распространена в говорах, следовательно, переставала быть актуальной в дописьменный период русского языка. В своей

ранней истории эта приставка, впрочем, тоже имела значение «сильная степень проявления признака, качества», о чём свидетельствует редкий пример из смоленских говоров: *правсветлый* – «пресветлый» [19, в. 31, с. 68]. Это значение префикса отмечал И. И. Срезневский, одновременно указывая на его происхождение из предлога: «Пра – предлог слитный, входящий въ составъ очень небольшого количества словъ, которыхъ значение усиливаетъ, возводитъ въ высшую степень» [24, т. 2, с. 119].

3. При помощи приставки *под-*: *под-красный* [20, в. 15, с. 271]. Этот пример свидетельствует об уникальности морфемы для СП цвета. В говорах встречается второе слово *подсивый* со значением «совершенно сивый» [19, в. 28, с. 179], свидетельствующее о том, что приставка *под-* тоже раньше обладала амбивалентностью значений. Вне СП цвета примеров с ней достаточно много:

а) «слабая степень проявления признака, названного мотивирующим прилагательным»: *подвесёлый* – «слегка опьяневший» [19, в. 27, с. 353], *подкосый* – «страдающий косоглазием, косоглазый», *подлучший* – «не самый лучший, поношенный (о платье)», *подслепый* – «слеповатый» (из устойчивого сочетания *подслепаемая мышшь* («о человеке, который долго ищет то, что лежит у всех на виду»), *подсухий* – «сухопарый, худощавый» [19, в. 28; с. 47–207]. В современном русском языке этот префикс не используется для образования имён прилагательных, но актуален в аттенуативном, смягчительном значении для глаголов (ср.: *подкрасить, подсушить, подучить*);

б) «сильная степень проявления признака, качества»: *подлюбезный* – «разлюбезный, любезный», *подхилый* – «слабый, хилый, вялый» (значение префикса выводится из сочетания *хилый-подхилый*) [19, в. 28; с. 72–238].

Можно предположить, что по модели с приставкой *под-* образованы также *подласый* и *подчерленостный*, однако на данный момент полная реконструкция их словообразовательных цепочек затруднительна по причине отсутствия некоторых элементов. В частности, ещё не обнаружено слово *черленостный*, которое подтвердило бы отнесённость ЦО *подчерленостный* к модели с приставкой *под-*.

4. При помощи приставки *над-*: *над-чермень* «рыжеват» [20, в. 10, с. 82], *над-русый* [24, т. 2, с. 283]. В говорах

нами не обнаружено прилагательных с этой приставкой, но имеются наречия, указывающие на то, что когда-то такие прилагательные существовали, например, *надсырь* – «несколько сыровато» [19, в. 19, с. 253]. Также есть существительное, в котором реализуется то же значение префикса: *надзелень* – «собир. недозревшие зерновые; в знач. сказ. в незрелом, неспелом, зеленом состоянии» [19, в. 19, с. 234]. Из малочисленности примеров можно сделать вывод, что актуальность приставки *над-* в значении степени выражаемого признака была утрачена раньше, чем у префиксов, рассмотренных выше. Кроме того, исследователи отмечают, что приставка *над-* в аттенуативном значении перестаёт быть актуальной также в глагольном образовании, так как большинство из глаголов, имеющих эту приставку, уже устарели или находятся на стадии устаревания [8, с. 93].

Если судить по времени фиксации колоративов, модели 3 и 4 должны были активно использоваться в дописьменное время: в памятниках письменности они отображены минимально, что свидетельствует об их остаточном, «реликтовом» характере. Однако обращение к материалам говорков позволило увидеть, что в дописьменный период существования русского языка модель 3 была более распространённой, чем модель 4. Таким образом, модель 4 является реликтом не только для письменной, но и для дописьменной эпохи.

5. При помощи приставки *на-*: *на-зельный* [24, т. 2, с. 285]. Перед нами редкий пример, свидетельствующий об уникальности морфемы для СП цвета. С большой долей вероятности схожее значение имеет приставка в ЦО *накусный*, обозначающем два противоположных цвета. Оно образовано приставочно-суффиксальным способом от слова *сусá* («персидская шёлковая или полушёлковая полосатая ткань»), отмеченного только в говоре Оренбургской области [19, в. 42, с. 293].

При этом в говорах имеется пример *набельй* – «очень белый» (в т. ч. в сост. сочет. *бельй-набельй*) [19, в. 19, с. 112], в котором префикс репрезентирует противоположное значение. К нецветовым примерам такого рода относятся лексемы *набольший* – «самый большой», *навышний* – «высочайший (о Боге)», *наглухой* – в сост. сочет. *глухой-*

наглухой – «совсем глухой», нагустой – «очень густой» [19, в. 19; с. 127–219], надохлый – в сост. сочет. дохлый–надохлый – «очень худой» [11, т. 2, с. 486] и др.

6. При помощи приставки у-(ю-): у-(ю-)багрый, у-(ю-)зелень, у-(ю-)синь, у-(ю-)чермень [24, т. 3; с. 1108–1630]. Приставка у-(ю-) сохранилась в ЦО, зафиксированных в памятниках письменности XI–XII вв. Она произошла от дифтонга (*op → o → y) и являлась приименным вариантом приставки в-: «в гл. сложениях вместо o употребляется вь» [25, с. 142]. Особенность этой приставки в том, что в живой речи (в говорах) она в значении «слабая степень проявления признака, названного мотивирующим прилагательным» не встречается, как и в значении «сильной степени проявляемого признака», что свидетельствует о реликтовом характере приставки уже в дописьменную эпоху. Однако оба значения есть у родственного префикса во-, который в говорах присоединялся к основам имён прилагательных, видимо, под влиянием глаголов: вобелый – «беловатый» и «очень белый; очень чистый», вовеликий – «великоватый», вогустой – «густоватый» и «очень, слишком густой» [19, в. 4; с. 326–330], вожелтый – «желтоватый» и «слишком жёлтый», возеленый – «зеленоватый», вокрасный – «красный, красноватый», восиний – «синеватый», вочерный – «не совсем черный; темный, темноватый» и «утративший чёрный цвет, полинявший» [19, в. 5; с. 11–165] и др. Примечательно, что в СП цвета эта приставка присоединяется к основам актуальных ЦО, а не устаревших.

Итак, полностью утраченные модели образования колоративов связаны с префиксальным образованием имён прилагательных от основ других имён прилагательных. Все рассмотренные приставки остались актуальными для глаголов, что позволяет сделать общий вывод о предпочтении русского языка следовать основным принципам именного словообразования, заложенным ещё в общеславянском языке: суффиксальное образование предпочтено префиксальному, возникшему под влиянием глаголов. Это объясняет, почему для передачи значения «слабая степень проявления признака, названного мотивирующим прилагательным» осталась актуальной модель с суффиксами -оват-/-еват-, а не модели с приставками при-, про- и др.

III. Архаичные колоративы, образованные по частично устаревшим словообразовательным моделям

1. Значительное количество рассмотренных нами ранее архаичных цветовых композитов было создано по актуальной словообразовательной модели с сочинительным отношением основ. Семантика композита при этом – «относящийся в равной степени к предметам или процессам, названным мотивирующими основами образующих прилагательных» [16; с. 316–318] (в нашей выборке – 121 пример). Однако в 45 цветовых композитах отмечается нехарактерное для современного русского языка подчинительное отношение основ, когда одна основа уточняет содержание опорного компонента.

В таких композитах использовались основы *-вид-*, *-образ-*, *-подобн-* и *-цвет-*, которые позволяли реализовывать различную семантику в зависимости от того, с какими основами они соединялись: а) при сложении с основой существительного и суффиксацией – «похожий цветом на (предмет)»: *желѣзоцвѣтнѣй*, *златообразнѣй*, *каштановиднѣй*, *мрамороподобнѣй* и др. (всего 31); б) при сложении с основой прилагательного и суффиксацией – «похожий на такой, который имеет определённый цвет»: *багровиднѣй*, *блѣдноцвѣтнѣй*, *пестрообразнѣй* и др. (всего 14). Подобные модели были распространены в XVII–XVIII вв., но со временем язык отказался от подчинительного отношения основ в цветовых композитах.

2. К композитам, образованным по частично устаревшей модели, следует также отнести созданные при помощи сращения колоративы в *бѣлѣ-сѣрый*, *вбурѣпестръ*, *вбурѣлѣзь*, *вбурѣрыжъ*, *вгнѣдѣкаръ*, *вгнѣдѣлѣзь*, *вгнѣдѣчалъ*, *врусѣблѣй*, *втемнѣсѣрый*, зафиксированные в «Словаре русского языка XVIII века» в различном написании, слитном, раздельном или дефисном. Частично устаревший характер этой модели состоит в том, что при создании ЦО в препозиции используется основа наречия, образованного по непродуктивной в современном русском языке модели – от немотивированного прилагательного при помощи одновременного присоединения приставки *в-* и суффикса *-е(-ѣ)* [16, с. 401]: *в-бѣл-ѣ*, *в-бур-ѣ*, *в-гнѣд-ѣ*, *в-рус-е*, *в-темн-ѣ*. В данном случае соединяются значения признака, названного мотивирующим прилагательным, и наречия как части речи [16, с. 400]. Дан-

ная модель словообразования наречий была распространена в XVIII в. Так, в «Словаре русского языка XVIII в.: Восточная Сибирь. Забайкалье» А. П. Майорова отмечен ряд цветowych наречий, употреблявшихся в документах Забайкалья для точного описания лошадиных мастей: *вголубе, вкаре, вкоуре, вмухорте, врыже, втемне* [10, с. 4].

Указанный словарь иллюстрирует, что в говорах при создании цветowych наречий кроме приставки *в-* и суффикса *-е* к основам прилагательных могли присоединяться приставка *на-* с суффиксом *-е* (*набулане, наголубе, накаре, накоуре, нарыже, насавресе*) и приставка *с-* с суффиксом *-а* (*сбура, сгнеда, сголуба, скаря, срыжа, ссива*) [10; с. 8–12]. Эти словообразовательные модели тоже являются непродуктивными в современном русском языке. В СП цвета они, как и описанная выше модель, обслуживали узкую денотативную область (масти животных), что могло стать причиной их устаревания.

Стоит заметить, что у устаревших композитов с наречием в препозиции сохранился актуальный аналог – сложные слова, в препозиции которых тоже находится наречие, но образованное от прилагательного при помощи приставки *из-*(*ис-*) и суффикса *-а*: *избела-голубой, иззелена-синий, иссера-чёрный* и др. Следовательно, из всех рассмотренных выше префиксально-суффиксальных наречий для создания цветowych композитов сохранились только те, в которых используются префикс *из-*(*ис-*) и суффикс *-а*, и в отличие от архаичных наречий они обслуживают больше денотативных областей благодаря тому, что присоединяются к основам актуальных колоративов, имеющих широкую сочетаемость. В этом снова наблюдается накопление словообразовательных ресурсов, из которых язык в дальнейшем отбирает только самые оптимальные.

3. В аффиксальном образовании архаичных колоративов особое место занимает модель, по которой имена прилагательные образуются при помощи суффиксов *-оват-/еват-* от основ имён существительных: *дымл-еват-ый* [20, в. 4, с. 394], *мороз-оват-ый* «разновидность сивой масти лошадей» [20, в. 9, с. 266], *потел-оват-ый* [20, в. 17, с. 79–80], *сонц-оват-ый* [20, в. 26, с. 146]. Словообразовательное значение – «имеющий свойства того, что названо мотивирующим словом» [16, с. 285]. Данная модель относится к ряду тех, что

позволяют создать ЦО от наименования предмета-эталона. Для актуальных колоративов она нехарактерна, её вытеснили модели с суффиксами *-ов-/-ев-* и *-н-*, присоединяемыми к основам имён существительных. Однако сам факт её присутствия в истории русского языка говорит о том, насколько разнообразны были способы создания цветowych прилагательных и насколько активным был языковой поиск оптимального выражения цветовой семантики.

Возможно, по этой модели созданы архаичные ЦО *вишневатый*, *дымоватый*, *оливковатый*, *пепловатый*, *свинцоватый*, но они могли быть образованы и от основ прилагательных *вишнёвый*, *дымовой*, *оливковый*, *пепловый* и *свинцовый*, оканчивающихся на *-ов-*, и в этом случае стоило бы говорить о наложении суффиксов *-оват-/-еват-* на финаль производящей основы.

4. К частично устаревшим моделям мы также относим присоединение суффикса *-н-* к основе имени существительного с абстрактным значением цвета: *багряност-н-ый*, *белост-н-ый*, *блѣдост-н-ый* [20, в. 1; с. 64-237], *синостр-н-ый* [20, в. 24, с. 154]. Возможно, по этой же схеме образован колоратив *подчерленостный*, однако нами пока не обнаружено слово *подчерленость*, основа которого была бы для него производящей.

В перечисленных примерах при присоединении суффикса *-н-* к семантике основы производящего слова не добавляются новые смысловые оттенки, и, вероятно, поэтому язык решил избавиться от подобных конструкций. К тому же значения этих колоративов прекрасно передавались ЦО *багряный*, *белый*, *бледный*, *синий*. Такое отвержение словообразовательной инновации касается, по нашим наблюдениям, только СП цвета: для актуальных слов из иных СП присоединение суффикса *-н-* к абстрактному имени существительному вполне оправданно и позволяет реализовывать новые семантические оттенки: *жалост-н-ый* «вызывающий сострадание, сочувствие; жалкий» [2, с. 569], *скорост-н-ой* «отличающийся высокой скоростью» [22, с. 1027] и др. Вероятно, в СП цвета подобная модель появилась под влиянием общей словообразовательной тенденции в русском языке, однако именно для этого поля она оказалась непродуктивной, в чём и заключается характер её частичной устарелости.

Обсуждение и выводы

Обобщая результаты исследования, можно ответить на поставленные в начале работы вопросы следующим образом:

1. Из способов словообразования наиболее предпочтительными при создании архаичных колоративов были сложение и сращение, а также суффиксальный способ и постфиксальный способ. В отличие от современного русского языка при создании ЦО использовался префиксальный способ, появившийся под влиянием словообразования глаголов. Наиболее распространены были те словообразовательные модели, в которых соединяются основы двух цветowych имён прилагательных, и те, в которых различные суффиксы присоединяются к основам имён прилагательных. На втором месте по распространённости – присоединение к основам глаголов постфикса -ся в различных значениях и присоединение разнообразных суффиксов к основам имён существительных.

2. Предпочтение тех или иных способов и моделей словообразования влияло на выход колоративов из активного употребления частично, поскольку многие ЦО были созданы по продуктивным словообразовательным моделям, и в этом случае причины их устаревания следует искать в других факторах. В целом наличие ЦО-архаизмов, образованных как по устаревшим, так и по актуальным моделям, свидетельствует о самоорганизации СП цвета как синергетической системы. Устаревшие модели в данном случае можно рассматривать как элемент подвижности, способствующий переходу системы в новое состояние, а актуальные модели – как элемент её устойчивости [15]. Оба типа поддерживают динамическое равновесие системы в её историческом развитии.

3. Большинство из рассмотренных нами словообразовательных моделей были распространены за пределами СП цвета, что позволяет сделать вывод об их комплексном использовании в пределах одного языка – русского. Особенно чётко это просматривается на материале говоров русского языка при анализе полностью устаревших моделей.

Анализ словообразования архаичных ЦО позволил также прийти к следующим выводам:

1) наличие множества словообразовательных вариантов с синонимичными морфемами является подтверждением

того, что язык помимо лексического материала накапливал для дальнейшего отбора и словообразовательный материал. Выбор тех или иных словообразовательных вариантов связан со стохастичностью СП цвета как синергетической системы. На данный момент затруднительно определить причины предпочтения конкретных словообразовательных вариантов, для этого требуется более детальный анализ языкового материала, в том числе выходящего за пределы лексики цвета;

2) словообразовательные варианты возникали, очевидно, под влиянием общих словообразовательных тенденций русского языка. В этом наблюдается взаимодействие сложной синергетической системы цветowych слов с внешней средой, какой является для неё общая система языка¹. Устаревание ряда вариантов показывает, что не все общие словообразовательные тенденции были оптимальны для СП цвета (сюда можно отнести подчинительное отношение основ в цветowych композитах, одновременное использование суффиксов *-ов-/-ев-* и *-н-*, присоединение суффикса *-ист-* к основам имён существительных, суффикса *-н-* к основам абстрактных имён существительных и т. д.). Предполагаемой причиной неактуальности некоторых словообразовательных тенденций является отсутствие новых смысловых оттенков, добавляемых к основной семантике при образовании производного слова. Это отсутствие новых смысловых оттенков можно рассматривать как одно из «слабых звеньев» СП цвета, которые «в совокупности приводили к неустойчивости системы, её хаотичности и неопределённости и тем самым способствовали изменению системы, её переходу в новое синхроническое состояние»²;

3) обращение к материалам говорив и ранних памятников письменности показало, что большинство префиксов, используемых для образования архаичных цветowych прилагательных, во-первых, присоединялись к основам разных частей речи и, во-вторых, имели несколько значений, в том числе противоположных. Обе особенности префиксов связаны с тем, что приставки произошли от предлогов, бывших, как мы предполагаем, в истории языка самостоятельной частью речи, со своей семантикой и грамматическими свойствами. Отказ

¹ Перфилова М. Н. Динамика лексики цвета в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2022. С. 182.

² Там же. С. 109.

русского языка от приставочного образования цветowych прилагательных связан с тем, что ещё в общеславянском языке префиксация была характерна для глагольного словообразования, а именное было связано с суффиксацией. Данный факт объясняет, почему приставочные модели создания цветowych имён прилагательных были вытеснены суффиксальными.

Список литературы

1. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. – М.: Наука, 1975. – 286 с.
2. Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; ред.: Л. И. Балахонова. – М.: Наука; СПб.: Наука, 2004–2019. – Вып. 5.
3. Большой толковый словарь донского казачества: Ок. 18 000 слов и устойчивых словосочетаний / Ред.: коллегия В. И. Дегтярев и др.; Ростов. гос. ун-т; ф-т филологии и журналистики. – М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2003. – 608 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.; СПб: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880. – Т. 1. – LXXXIV, 723 с.
5. Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. – Смоленск: Типография П. А. Силина, 1914. – 1022 с.
6. Камчатнов А. М. Старославянский язык. Курс лекций. Издание 4-е, испр. и доп. – М., 2009. – 220 с.
7. Кезина С. В., Луннова М. Г. Семантическая асимметрия в лексике (на материале славянских языков и их говоров) // Российский гуманитарный журнал. – 2022. – № 5. – С. 373–381.
8. Кронгауз М. А. Опыт семантического описания приставки *над-* // Глагольные префиксы и префиксальные глаголы. – 2001. – Т. 5. – № 1. – С. 85–95.
9. Кульпина В. Г. Лингвистическая цветология: от истории к современности цветowych концептосфер: монография / В. Г. Кульпина; отв. ред. В. А. Татаринев. – М.: МАКС Пресс, 2019. – 288 с.
10. Майоров А. П. Термины животноводства в «Словаре русского языка XVIII в.: Восточная Сибирь. Забайкалье» // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. – 2010. – № 8. – С. 51–66.
11. Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков / в 4-х т. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002.
12. Мейе А. Общеславянский язык: пер. с фр. / общ. ред. С. Б. Бернштейна. – М.: Прогресс, 2001. – 500 с.
13. Прокопович Е. Н. Из наблюдений над суффиксальной синонимией (на материале памятников старорусской письменности) // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. – М.: Наука, 1978. – С. 84–98.
14. Пятаева Н. В. Динамическое описание генетически близкой лексики восточнославянских языков в контексте проблем исторической лексикологии русского языка // Русский язык: история, диалекты, современность: сборник научных статей по материалам докладов и сообщений конференции. – М.: МГОУ, 2017. – С. 248–258.
15. Ремнёва М. Л. Старославянский язык: учебное пособие. – 2-е изд., испр. – М.: Академический проект, 2004. – 352 с.
16. Русская грамматика АН СССР: в 2 т. / Ред. коллегия Н. Ю. Шведова и др. – М.: Наука, 1980. – Т. 1. – 789 с.
17. Словарь Академии Российской. – СПб.: при Имп. Акад. наук, 1789–1794.
18. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р. И. Аванесов. – М.: Рус. яз., 1988–2019.

19. Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор; гл. ред. Ф. П. Филин. – Л.; СПб.: Наука, 1965–2016.

20. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1975–2019.

21. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР, Ин-т рус. яз.; [редкол.: Ю. С. Соколин и др.]. – Л.; СПб.: Наука, 1984–2019.

22. Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. / Гл. ред. В. М. Чернышев. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965. – Т. 13.

23. Словарь церковнославянского и русского языка. В 4 т. / Сост. вторым отделением Императорской академии наук. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1847.

24. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1893. – 1956 стб.

25. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Перевод и доп. О. Н. Трубачёва. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 4. – 865 с.

26. Хабургаев Г. А. Старославянский язык. Учеб. пособие для студентов пед. ин-та по специальности № 2101 «Русский язык и литература». – М.: Просвещение, 1974. – 432 с.

27. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – М.: Рус. яз., 1994. – Т. 2. – 621 с.

Maria N. Perfilova

Word Formation of Archaic Color Designations in Russian

The article discusses the main methods of word formation and word-formation models that were used to create archaic color designations in the history of the Russian language. According to the criterion of relevance or irrelevance of word-building models, there are three main categories of coloratives: 1) formed according to actual word-building models, 2) formed according to completely outdated word-building models, and 3) formed according to partially outdated word-building models. Each of the selected categories is considered separately, including from the point of view of whether word-formation models, according to which coloratives are created, function only within the boundaries of the semantic field of color or are observed beyond it. The semantic color field of the Russian language is considered as a synergistic system with all the properties inherent in systems of this kind. In order to achieve the greatest reliability, the material of different types of dictionaries is used, the main of which are historical and dialectal. The historical material is analyzed in comparison with the data of the modern Russian language.

Key words: color designation, word-formation method, word-formation model, semantic field of color, synergetic system.

For citation: Perfilova, M. N. (2023) Slovoobrazovanie arhaichnykh cvetooboznachenij v russkom yazyke [Word Formation of Archaic Color Designations in Russian]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 178–202. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_4_178. EDN: MJWAXL

References

1. Bahilina, N. B. (1975) *Istoriya cvetooboznachenij v russkom yazyke* [The history of color designations in Russian]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

2. Balahonova, L. I. (2004–2019) (ed.) *Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo yazyka* [Big Academic Dictionary of the Russian Language]. Issue 5. Moscow: Nauka; St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).

3. Degtyarev, V. I. (2003) (ed.) *Bol'shoy tolkovyj slovar' donsogo kazachestva* [Big dictionary of the Don Cossacks]. Moscow: Russkie slovari; Astrel'; AST. P. 429. (In Russian).
4. Dal', V. I. (1880) *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow; St. Petersburg: Izdanie knigoprodavca-tipografa M. O. Vol'fa. Vol. 1. (In Russian).
5. Dobrovol'skij, V. N. (1914) *Smolenskij oblastnoj slovar'* [Smolensk Regional Dictionary]. Smolensk: Tip. P. A. Silina. (In Russian).
6. Kamchatnov, A. M. (2009) *Staroslavjanskij jazyk. Kurs lekcij* [Old Slavonic language. Lecture course]. Moscow. (In Russian).
7. Kezina, S. V., Lunnova, M. G. (2022) Semanticheskaya asimmetrija v leksike (na materiale slavyanskijh jazykov i ih govorov) [Semantic asymmetry in vocabulary (on the material of Slavic languages and their dialects)]. *Rossijskij gumanitarnyj zhurnal – Liberal Arts in Russia*. No. 5. Pp. 373–381. (In Russian).
8. Krongauz, M. A. (2001) Opyt semanticheskogo opisaniya pristavki *nad-* [The experience of the semantic description of the prefix *nad-*]. *Glagoľ'nye prefiksy i prefiksaly'nye glagoly – Verb prefixes and prefixed verbs*. Vol. 5. No. 1. Pp. 85–95. (In Russian)
9. Kul'pina, V. G. (2019) *Lingvisticheskaya cvetologiya: ot istorii k sovremennosti cvetovykh koncepcij* [Linguistic colorology: from history to the present of color concept spheres]. Moscow: MAKS Press. (In Russian).
10. Majorov, A. P. (2010) Terminy zhivotnovodstva v «Slovarje russkogo jazyka XVIII v.: Vostochnaya Sibir'. Zabajkal'e» [Terms of animal husbandry in the Dictionary of the Russian Language of the 18th Century: Eastern Siberia. Transbaikalia]. *Slovo: fol'klorno-dialektologičeskij al'manah – Word: folklore-dialectological almanac*. No. 8. Pp. 51–66. (In Russian).
11. Malecha, N. M. (2002) *Slovar' govorov ural'skijh (yaickijh) kazakov* [Dictionary of dialects of the Ural (Yaik) Cossacks]. Orenburg, Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)
12. Meje, A. (2001) *Obščeslavjanskij jazyk* [Common Slavic]. Moscow: Progress Publ. (In Russian).
13. Prokopovich, E. N. (1978) Iz nablyudenij nad suffiksaly'noj sinonimiej (na materiale pamyatnikov staroruskogo pis'mennosti) [From Observations on Suffixal Synonymy (on the Material of the Monuments of Old Russian Literature)]. *Issledovaniya po slovoobrazovaniju i leksikologii drevnerusskogo jazyka* [Research on word formation and lexicology of the Old Russian language]. Moscow: Nauka Publ. Pp. 84–98. (In Russian)
14. Pyataeva, N. V. (2017) Dinamicheskoe opisanie geneticheski blizkoj leksiki vostochnoslavjanskijh jazykov v kontekste problem istoričeskogo leksikologii russkogo jazyka [Dynamic Description of the Genetically Close Vocabulary of the East Slavic Languages in the Context of Problems of the Historical Lexicology of the Russian Language]. *Russkij jazyk: istoriya, dialektij, sovremennost': sbornik nauchnyh statej po materialam dokladov i soobščeniij konferencij* [Russian language: history, dialects, modernity]. Moscow: MGOU Publ. Pp. 248–258. (In Russian).
15. Remnyova, M. L. (2004) *Staroslavjanskij jazyk* [Old Slavonic language]. Moscow: Akademicheskij proekt Publ. (In Russian).
16. Shvedova, N. YU. i dr. (1980) (eds.) *Russkaja grammatika AN SSSR* [Russian Grammar of the Academy of Sciences of the USSR]. Vol. 1. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
17. *Slovar' Akademii Rossijskoj (1789–1794)* [Dictionary of the Russian Academy]. St. Petersburg: pri Imp. Akad. nauk. (In Russian).
18. Avanesov, R. I. (1988–2019) (ed.) *Slovar' drevnerusskogo jazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of the Old Russian language (XI–XIV centuries)]. Moscow: Rus. yaz. Publ. (In Russian).
19. Filin, F. P. (1965–2016) (ed.) *Slovar' russkijh narodnyh govorov* [Dictionary of Russian dialects]. Leningrad; St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).
20. *Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. (1975–2019)* [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
21. Sorokin, YU. S. (1984–2019) (ed.) *Slovar' russkogo jazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language XVIII century]. Leningrad; St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).
22. Černyšev, V. M. (1948–1965) (ed.) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka* [Dictionary of the modern Russian literary language]. Vol. 13. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. (In Russian).

23. *Slovar' cerkovnoslavjanskogo i russkogoazyka* (1847) [Dictionary of Church Slavonic and Russian language]. In 4 vols. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoj akademii nauk. (In Russian).

24. Sreznevskij, I. I. (1893) *Materialy dlya slovarya drevnerusskogoazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language Based on Written Monuments]. St. Petersburg: Tip. Imperatorskoj akademii nauk. (In Russian).

25. Fasmer, M. (1986) *Etimologicheskij slovar' russkogoazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. 4. Moscow: Progress Publ. P. 142. (In Russian).

26. Haburgaev, G. A. (1974) *Staroslavjanskij yazyk* [Old Slavonic language]. Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russian).

27. СHерныh, П. ЯА. (1994) *Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogoazyka* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language]. Vol. 2. Moscow: Rus. yaz. Publ. (In Russian).

Об авторе

Перфилова Мария Николаевна, документовед Пензенского государственного университета кандидат филологических наук (г. Пенза, Российская Федерация); e-mail: sovyshka2608@yandex.ru; ORCID ID: 0009–0006–9513–4889

About the author

Maria N. Perfilova, Documentation Specialist, Penza State University, PhD in Philology (Penza, Russian Federation); e-mail: sovyshka2608@yandex.ru; ORCID ID: 0009–0006–9513–4889

дата получения: 21.07.2023 г.
дата принятия: 30.09.2023 г.
дата публикации: 30.12.2023 г.

date of receiving: 21 July 2023
date of acceptance: 30 September 2023
date of publication: 30 December 2023

Н. В. Зубенко

Регулятивная функция «текстов о ценностях» в теории и практике функционального подхода к анализу художественного произведения (на материале стихотворения А. А. Блока «Коршун»)

В статье рассматривается текст через призму функционализма, при котором инвариантной функцией текста как инструмента воздействия на картину мира участников социального взаимодействия выступает регулятивная, наиболее полно проявляющаяся в художественных текстах, являющихся основой для формирования духовно-нравственной личности. Функциональный подход к анализу художественного текста, выявляя противоречие между обыденным восприятием действительности и индивидуально-авторским, позволяет обнаружить новое «семантическое приращение», которое и составляет эстетическое, нравственное ядро текста как произведения искусства. Отмечено, что формирование «читательской грамотности» как инструмента творческого познания мира уже давно укоренилось в современной науке, поэтому наиболее продуктивным методом, воплощающим на практике эти умения и навыки, является функциональный подход к анализу художественного текста. Научная новизна исследования заключается в практическом применении функционального подхода при интерпретации стихотворения А. А. Блока «Коршун» и выявлении индивидуально-авторского видения мира, позволяющего расширить рамки познания читателя.

Ключевые слова: регулятивная функция языка, функциональный подход, индивидуальная картина мира, ценность, семантический сдвиг.

Для цитирования: Зубенко Н. В. Регулятивная функция «текстов о ценностях» в теории и практике функционального подхода к анализу художественного произведения (на материале стихотворения А. А. Блока «Коршун») // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 4. – С. 203–215. DOI: 10.35231/25419803_2023_4_203. EDN: NEATTV

Сегодня перед образованием нашей страны поставлена задача формирования и воспитания человека «духовного и нравственного», «знающего», «всесторонне развитого», «творческого и созидającego» [9; с. 26–28]. Безусловно, для достижения этих задач требуются новые образовательные технологии, способные качественно реализовать как интеллектуальный, так и духовно-нравственный потенциал личности. В основе любой технологии лежит текст и его интерпретация. Подходы к пониманию природы текста различ-

ны. Так, М. М. Бахтин, считая текст «высказыванием», выделил два определяющих момента: «его замысел (интенция) и осуществление этого замысла» [1, с. 298]. В гуманитарной плоскости язык текста – всегда столкновение двух сознаний: автора (в тексте осуществляется замысел автора) и воспринимающего текст [1, с. 301]. И. Р. Гальперин, рассматривая текст как уровень речи, характеризует его как сознательно организованное, «обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [4, с. 18]. Ю. М. Лотман определяет сущность термина «текст» в соответствии с функциями, выполняемыми исходным текстом. При выполнении коммуникативной функции текст выступает как «тождественный код» («техническая упаковка») между адресантом, который кодирует сообщение, и адресатом, декодирующим сообщение; при выполнении функции памяти текст «не только генератор новых смыслов, но конденсатор культурной памяти» [8; с. 21–22]; «творческая» функция определяет текст как систему, которая «не только передает готовые сообщения, но и служит генератором новых» [8, с. 14], так как именно она позволяет в процессе трансформирования исходного текста осуществлять «приращение смысла» [8, с. 17]. В. Е. Хализев отмечает, что в последние десятилетия термин «текст» вышел за рамки лингвистики и филологии и может пониматься как «речевое (или шире: знаковое) образование, которое имеет внеситуативную ценность» [18, с. 275].

В рамках данного исследования за основу берется определение понятия текста А. Н. Рудякова: текст – «это знаковый (семиотический) по своей субстанции инструмент воздействия на сознание собеседника» [13, с. 54]; текст является «"собственно языковым" воплощением регулятивной функции языка», способным воздействовать на «индивидуальную картину мира» адресата «"здесь" и "сейчас", если текст устный, и вне времени и места, если текст письменный» [15, с. 68].

А. Н. Рудяков все многообразие текстов делит на две категории: «предназначенные для воздействия на знания о ценностях или на знания о субстанциях и функциях», раскрывающих содержание знаний человека о «качествах конкретной реалии» [13, с. 62]; к ним относятся научные и учебные тексты. Знания, получаемые посредством таких текстов, усваиваются безапелляционно, без критического анализа. В более сложных для понимания текстах «о ценностях» (как правило, это художественные тексты, тексты искусства) наиболее ярко проявляется регулятивная функция языка, так как они ориентированы на «на ценностную составляющую картины мира человека» [13, с. 62]. Тексты, выполняющие «творческую» функцию и служащие «генератором новых идей», являются основой для формирования духовно-нравственной личности, так как «необходимость искусства родственна необходимости знания, а само искусство – одна из форм познания жизни, борьбы человечества за необходимую ему истину» [7; с. 6–7].

Цель данного исследования: на основании результатов имеющейся исследовательской практики раскрыть особенности регулятивной функции текста «о ценностях» как инструмента воздействия на картину мира партнера по социальному взаимодействию; на основе функционального подхода к анализу текста стихотворения «Коршун» выявить (интерпретировать) индивидуально-авторское видение судьбы России А. А. Блоком.

По мнению исследователей, функциональный подход к языку, определенный еще в тезисах Пражского лингвистического кружка [17], на современном этапе лингвистического развития является ведущим. При функциональном подходе в тексте выделяется индивидуально-авторское восприятие действительности, однако именно интерпретация авторской идеи, воплощенной посредством языковых единиц, вызывает наибольшие трудности. Е. Р. Ядровская считает необходимым «формировать читательскую компетентность ...», развивать эмоции, воображение, образное и критическое мышление и творческое взаимодействие читателя и автора для «личностной эстетической и духовной актуализации произведения искусства» [19; с. 76–77], здесь «велико место со-участника диалога – сознания со-говорящего» [14, с. 121]. Сложность

взаимодействия (интерпретации) обучающегося-читателя с текстом обусловлена тем, что текст «должен обеспечить иллюзию самостоятельного преодоления, собственноручного открытия субъектом восприятия той или иной ценности, <...> должен быть понимаем с трудом, с преодолением, с криком “эврика” и катарсисом» [13; с. 62–63]. На наш взгляд, наиболее продуктивным методом интерпретации является функциональный подход к анализу текста художественного произведения как инструмент выявления «наращивания смысла», так как «помимо содержания, которое “является” читателю в буквальных значениях слов, заключено еще и специфическое, образное содержание, скрытое от непосредственного наблюдения, выраженное особой упорядоченностью языковых средств» [16, с. 11].

Материалы и методы

Н. А. Рудяков, выделяя в качестве основной функции языка регулятивную, формулирует основы теории, «отражающей природу художественного произведения, которое представляется как связанное целое, система, источником развития которой служит специфическое по своей природе противоречие – поскольку искусство как форма общественного сознания имеет личностный характер» [16, с. 13]. Данная концепция получила свое продолжение в последующих работах основателя Крымской школы функциональной лингвистики А. Н. Рудякова [11–16] и его последователей Ю. В. Дорофеева [11], Р. В. Забашты [5] и др. По мнению А. Н. Рудякова, при функциональном подходе к анализу художественного текста необходимо понимание, что структура текста «о ценностях» обусловлена необходимостью воздействия на сознание и поведение собеседника, поскольку текст – это «инструмент, созданный для того, чтобы сделать достоянием людей некую важную, с точки зрения автора, мысль, некую выстраданную им идею, понимание которой избавит его читателя от непоправимых заблуждений, ошибок» [12, с. 6]. В структуре художественного текста выделяется 2 компонента: «исходная» часть, в пределах которой заключено обыденное сознание, и «основная», заключающая в себе авторское (субъективное) отношение к предмету изображения. Бинарность системы обусловлена конфликтом

(противоречием) обыденного и субъективного сознания, при этом последовательность «исходной» и «основной» частей ничем не обусловлена. Следовательно, стержнем словесного произведения искусства является столкновение (противоречие, дисгармония, конфликт, антагонизм, противостояние, противоборство и т. д.) обыденного и индивидуального (идеального) видения объектов действительности. Здесь следует отметить, что конфликтный характер отношения автора к предмету изображения в художественном произведении с позиции идеала и неприятия обыденного представления и есть то эстетическое свойство, которое отличает художественное произведение, которое «появляется как результат глубокого осмысления автором предмета изображения, открытия в нем признака, дотоле не известного или находящегося на периферии наших знаний о предмете» [16; с. 22–23]. «Новый признак» возникает благодаря антагонизму обыденного сознания и идеального, при котором второе невозможно без первого, поэтому в художественном произведении является обязательным наличие как первого, так и второго. Сигналом для членения «исходной» и «основной» структурных частей является смысловая «шероховатость», некая семантическая «заусеница», «заноза» (термин А. Н. Рудякова), которая должна не только привлечь внимание читателя, но и «заставить его усомниться в том, что обыденное, привычное, “здоровомысленное” понимание чего-либо есть самое верное» [13, с. 80].

В двухкомпонентной структуре художественного текста выделяется «стержневой элемент», в котором и происходит «смена признака» в «основной» части текста: «преобразование семантической структуры, изменение иерархии ее компонентов – семантических признаков» [16, с. 23]. Обретение «стержневым элементом» нового «системного качества», ограниченного пределами данного текста, – это та новая семантика реалии, которую открывает нам автор. Мы должны понимать, что, например, два автора, отражая одну и ту же реалию, каждый в пределах своего текста, в итоге откроют два совершенно новых для нас, не пересекающихся между собой «системных качества» этой реалии, каждое из которых будет выражать «новизну авторского понимания и оценки предмета изображения» [16, с. 75], так как «системные каче-

ства надындивидуальны, они присущи той или иной реалии только в качестве элемента конкретной системы» [13, с. 81]. Таким образом, воздействие на собеседника осуществляется путем «преобразования значений слов» т. е. наращиванием нового смысла, но в пределах конкретно взятого текста. В концепции А. Н. Рудякова этот процесс определяется как «семантический сдвиг», предопределённый столкновением «представления о должном и желаемом» [16, с. 21].

Результаты

Со студентами 2 курса (филологи, переводчики) был проведен эксперимент. После первого прочтения текста стихотворения А. А. Блока «Коршун» [3] студентам предлагалось записать первое впечатление от прочитанного, ассоциации, вызванные текстом, свою интерпретацию текста. Этот этап работы не предполагал знакомства с методологией функционального подхода при анализе текста художественного произведения. Основные тезисы были сформулированы студентами следующим образом: «мир и его история цикличны», «цикличность бытия», «мать растит сына, чтобы он погиб на поле боя, чтобы стать пищей коршуна», «предопределенность судьбы» и самый распространённый – «коршун – это власть, мать – Россия, сын – народ. Пока коршун кружит, судьба страны предreshена». Исходя из этих «данных», напрашивается вывод, что со смертью (исчезновением) коршуна (власти), мать (Россия) перестанет «тужить».

При такой интерпретации авторского видения действительности возникает вопрос: если А. А. Блок уверен, что со сменой власти Россия обретет счастье, ей не придется «тужить» над сыном, и наступит, наконец, долгожданная счастливая жизнь на русской земле, тогда чем блоковская «картина мира» отличается от обывательской? Мы из поколения в поколение надеемся, что Россия станет счастливой, а ее народ будет свободен, будет жить в мире и согласии; мать будет радоваться над колыбелью ребенка, а не «тужить». В чем же тогда регулятивная функция этого текста? Получается, что этот текст вовсе не «инструмент-совет», не «инструмент-рецепт», тем более идея надежды на светлое будущее России в народе живет исстари.

Итак, мы признаем, что автор посредством текста воздействует на наше сознание, следовательно, нам необходимо «обнаружить» в тексте индивидуальное восприятие автора и его отношение к событиям, описанным в стихотворении, путем перехода к следующему этапу понимания текста – структурному членению, при котором обнаружится «столкновение» обобщенного и индивидуально-авторского видения мира.

На этом этапе студенты были ознакомлены с теоретической основой функционального подхода к анализу (интерпретации) текста художественного произведения, после чего композиционное соотношение частей совместно со студентами было определено таким образом: «исходная» часть составила первую строфу и 2 строки второй строфы, а «основная» часть составила 4 строки второй строфы. Попробуем разобраться сначала в картине мира обывателя.

Одним из стержневых элементов в стихотворении А. А. Блока является языковая единица «коршун», расположенная не только в исходной и основной частях, но и в названии произведения. При работе с толковыми словарями находим определение языковой единицы «коршун», которое имеет одно определение: «Крупная хищная птица с длинными крыльями» [10, с. 256]; «...полифаг, охотно питается падалью, всякого рода отбросами, а также иногда занимается клептопаразитизмом или подбирает остатки добычи других птиц <...>. Охотится коршун в открытых местах, медленно облетая большие участки» [2; с. 25–26]. Следует упомянуть, что в славянской культуре коршун является олицетворением смерти, грядущих войн, пожаров и т. д. Только после расширенного определения характеристик этой птицы становится ясно, почему коршун кружит над лугом: его появление – это знак приближающейся беды; прилагательные «сонный», «пустынный» выступают здесь синонимами мирного времени, которому приходит конец, так как коршун, «чертя за кругом плавный круг», уже «кружит» в ожидании чьей-то смерти.

Толкование семантической единицы «луг» как участка, покрытого травянистой растительностью, дает понять, что несмотря на мирное время возделывать поля некому, поэтому их затянуло травой, так как большая часть мужского насе-

ления уничтожена очередной войной или мятежом. Новое поколение растёт, чтобы повторить судьбу своих отцов.

В третьей строке первой строфы после точки стоит знак «тире», который выступает в рамках текста неким противопоставлением: автор рисует избушку, в которой мать растит сына – пищу для коршуна, в ожидании которой тот уже «кружит». Действительно, «в избушке мать над сыном тужит» от преддрешённости его будущего: «расти, покорствуй, крест неси». Императивы, использованные автором в речи матери, выполняют регулятивную функцию: мать формирует «картину мира» сына – повиновение и смирение с тяжелой судьбой: «крест неси». Частица «на» («На хлеба, на грудь ...») регулирует не сознание ребенка, а его поведение: есть – чтобы выжить, выжить – чтобы вырасти, вырасти – чтобы умереть на войне, в мятеже, в пожаре. Предначертанная судьба сына разъясняет и поведение птицы: «плавный круг» коршуна – ровный, мерный, без резких переходов означает, что коршун терпеливо ждет исхода предстоящих событий, результатом которых станет кем-то или чем-то поверженный «сын», который подрастает.

Вторая строфа начинается с описания бега времени и цикличности происходящих событий: война сменяется мятежом, который, в свою очередь, сменяется катастрофой (пожар, засуха, голод и т. д.), что завершает «исходную часть». Вот та цикличность, о которой говорили студенты, та предопределенность, которая выражена формой глаголов настоящего времени: «идут», «шумит», «встает», «горят»; вопреки этому в нас живет надежда, что «мать» перестанет «тужить» над сыном и будет радоваться его рождению и жить надеждой на его счастливую судьбу. Наступит время, когда Россия будет другой – воспрянет, станет счастливой. Нужно только подождать, потерпеть.

А. А. Блок в пределах стихотворения «Коршун» в «основной» части дает нам совершенно иное, свое, представление о будущем России: «А ты всё та ж, моя страна, / В красе заплаканной и древней». В блоковской «картине мира» Россия – страна, на долю которой выпали страдания, Россия-мученица (поэтому и «заплаканная»), в ее судьбе всегда будут испытания, так сложилось испокон веков («древняя»), в этом и заключается ее самобытность, ее «краса». Россия-страдалица – земля,

любимая и благословлённая Богом. Обращение «моя страна» определяет позицию автора любить вопреки всему.

Стержневым элементом в пределах произведения выступают строки в «исходной» части «мать над сыном тужит» и в «основной» – «Доколе матери тужить», где и обнаруживается «семантический сдвиг».

Вопросы, задаваемые А. А. Блоком, не являются риторическими, предполагающими, что страдания, выпавшие на долю России, конечны. Вопросы в «основной» части могут интерпретироваться как принятие судьбы родной страны-страдалицы, обреченной на вечные невзгоды. Соответственно, вопрос «Доколе матери тужить?» в рамках блоковского текста получает ответ – всегда. Народ, разделяя судьбу своей страны, «неся крест», преодолевая тяготы, лишь ненадолго облегчает ее судьбу. Поэтому и «коршун» будет продолжать кружить. Лексическая единица «коршун» также является стержневым элементом. Знак «тире» по завершении мысли о коршуне в 1 строфе и открытии мысли о нем во второй строфе, предполагает (даже на уровне композиции) ответ: коршун будет чертить «за кругом плавный круг» всегда. В «исходной» части «коршун» воплощает идею грядущего катаклизма (войны, пожара, восстания, голода), преодолев который ценою колоссальных потерь, народ будет надеяться на то, что в его судьбе и судьбе России он будет завершающим. В «основной» части произведения языковая единица обретает новый смысл: «коршун» – «вечный спутник» России и ее народа.

И опять мы возвращаемся к неизбежности судьбы России, которую нужно принять. Вот тот «инструмент-рецепт», «инструмент-совет», который А. А. Блок преподает нам: Россия-страдалица – прекрасна, прекрасна по-своему, и народ должен любить ее вопреки всем невзгодам, разделяя ее судьбу, и не тешить себя надеждой на светлое безоблачное будущее.

Обсуждение и выводы

На основе проведенной работы можно сделать следующие выводы: определение понятия «текст» с позиции функционализма предполагает обусловленность формы и содержания, при этом в качестве инвариантной функции текста как формы существования языка будет выступать регулятив-

ная. Текст создается автором целью воздействия на участника по социальному взаимодействию. При этом в текстах о «ценностях» (художественных текстах, текстах искусства) регуляция реализуется путем воздействия на ценностную составляющую картины мира читателя. Сложность интерпретации текстов о «ценностях» заключается, с одной стороны, в отсутствии творческого взаимодействия читателя и автора, с другой стороны, в приращении смысла в пределах текста, позволяющем расширять горизонты познания мира читателя. Восприятие и интерпретация текста художественного произведения, основанные на функциональном подходе, обнаруживают противоречие между обыденным восприятием действительности и индивидуально-авторским, что определяет бинарность структуры текста художественного произведения. Действительность отражается в тексте как некий идеал; новое «семантическое приращение» в «стержневом элементе» текста и составляет эстетическое, нравственное ядро текста как произведения искусства, соприкасаясь с которым, читатель вправе принять новое, ранее не известное, расширяя рамки «индивидуальной картины мира», или отказаться от него.

Кроме того, функциональный подход, предполагающий рассмотрение текста с позиции единства формы и содержания, при анализе выявляет соотношенность языковых средств, заключающую в себе новый образный смысл. Чем более разветвлена соотношенность языковых средств, тем больше образных смыслов, следовательно, тем выше художественность произведения.

На основе функционального подхода к анализу текста стихотворения А. А. Блока «Коршун» было выявлено противоречие между обыденным представлением о судьбе России и авторским, реализованное с помощью языковых средств, что позволило интерпретировать индивидуально-авторское восприятие судьбы России.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
2. Бахтин Р. Ф. Черный коршун в антропогенных ландшафтах: монография / Алтайская гос. академия образования им. В. М. Шукшина. – Бийск: АГАО, 2013. – 123 с.
3. Блок А. А. Собрание сочинений в 8 т. / Под общ. ред. В. Н. Орлова [и др.]. – М.: Гослитиздат [Ленингр. отд-ние], 1960. – Т. 3. Стихотворения и поэмы. 1907–1921. – 714 с.

4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – изд. 5-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.
5. Зыбашта Р. В. Смысловое чтение и функциональное описание поэтического текста // Крымский гуманитарный вестник: Сборник научных статей. – Симферополь, 2020. – № 4. – С. 23–27.
6. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. – Л.: Просвещение, 1972. – 274 с.
7. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
8. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
9. Национальная доктрина образования Российской Федерации. Проект / Под ред. чл.- корр. РАО В. И. Слободчикова. – изд. 2-е, исправленное дополненное. – М., 2022. – С. 26–28.
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. чл.- корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986.
11. Рудяков А. Н., Дорофеев Ю. В. Homo textus: человек в паутине текстов, или учебник для чтения умеющих читать. – Симферополь: Ната, 2007. – 176 с.
12. Рудяков А. Н. Об основах и следствиях функциональной теории текста // Крымский гуманитарный вестник: Сборник научных статей. – Симферополь, 2020. – № 4. – С. 5–10.
13. Рудяков А. Н. Топоры и тексты. Лингвистическая инструментология: учебное пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 312 с.
14. Рудяков А. Н. Лингвистика и её «скелеты в шкафу». – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2020. – 416 с.
15. Рудяков А. Н. Функция и язык: к регулятивной парадигме в лингвистике. – М.: Издательский дом ЯСК, 2023. – 216 с.
16. Рудяков Н. А. Поэтика, стилистика художественного произведения. – Симферополь: Таврия, 1993. – 143 с.
17. Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок: сб. статей. Сост., ред. и предисл. И. А. Кондрашова. – М.: Прогресс. – 1967. – 558 с.
18. Хализев В. Е. Теория литературы: Учебник. – М.: Высш. шк., 2002. – 437 с.
19. Ядровская Е. Р. Интерпретация художественного произведения как технология общения с искусством и путь творческого развития личности // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009. – № 113. – С. 76–82.

Natalya V. Zubenko

Regulative Function of "Texts about Values" in the Theory and Practice of the Functional Approach to the Analysis of Artistic Works (on the Material of A. A. Blok's Poem "Korshun")

The article examines the text through the prism of functionalism, in which the invariant function of the text as a tool to influence the picture of the world partner in social interaction, is regulative, which is most fully manifested in the artistic texts, which are the basis for the formation of spiritual and moral personality. The functional approach to the analysis of the text of a work of art, revealing the contradiction between the everyday perception of reality and the individual-author's, allows us to discover a new "semantic increment," which constitutes the aesthetic, moral core of the text as a work of art. It is noted that the formation of "reader's literacy" as a tool for creative cognition of the world has long been rooted in modern science, therefore, the most productive method embodying these skills in practice is a functional approach to the analysis of the text of a work of fiction. The

scientific novelty of the research lies in the practical application of a functional approach to the interpretation of A. A. Blok's poem "The Kite" and the identification of an individual author's vision of the world, which allows to expand the scope of the reader's knowledge.

Key words: regulatory function of language, functional approach, individual worldview, value, semantic shift.

For citation: Zubenko, N. V. (2023) Reguljativnaya funkciya «tekstov o cennostyax» v teorii i praktike funkcional'nogo podhoda k analizu hudozhestvennogo proizvedeniya (na materiale stihotvoreniya A. A. Bloka «Korshun») [Regulative function of "texts about values" in the theory and practice of the functional approach to the analysis of artistic works (on the material of A. A. Blok's poem "Korshun")]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 203–215. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_4_203. EDN: NEATTV

References

1. Bahtin, M. M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russian).
2. Bahtin, R. F. (2013) *CHernyj korshun v antropogennykh landshaftah: monografiya* [Black kite in anthropogenic landscapes: monograph]. Altajskaya gos. akademiya obr-va i im. V. M. Shukshina [Altai State Academy of education n. a. V. M. Shukshin]. Bijsk: AGAO Publ. (In Russian).
3. Blok, A. A. (1960) *Sobranie sochinenij v 8 t.* [Collected works in 8 volumes]. Under the general editorship of V. N. Orlov and others. Vol. 3. *Stihotvoreniya i poemy. 1907–1921*. Moscow: Goslitizdat [Leningr. otd-nie] Publ. (In Russian).
4. Gal'perin, I. R. (2007) *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]; 5th ed., ster. Moscow: KomKniga Publ. (In Russian).
5. Zabashta, R. V. (2020) Smyslovoe chtenie i funkcional'noe opisaniye poeticheskogo teksta [Semantic reading and functional description of a poetic text]. *Krymskij gumanitarnyj vestnik: Sbornik nauchnykh statej* [Crimean Humanitarian Bulletin: Collection of scientific articles]. Simferopol'. No. 4. Pp. 23–27. (In Russian).
6. Lotman, YU. M. (1972) *Analiz poeticheskogo teksta* [Analysis of the poetic text]. Leningrad: Prosveshchenie Publ. (In Russian).
7. Lotman, YU. M. (1970) *Struktura hudozhestvennogo teksta* [The structure of a literary text]. Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russian).
8. Lotman, YU. M. (1996) *Vnutri myslyashchih mirov. CHelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]. Moscow: Yazyki russskoj kul'tury Publ. (In Russian).
9. Slobodchikov, V. I. (2022) (ed.) *Nacional'naya doktrina obrazovaniya Rossijskoj Federacii. Proekt* [National doctrine of education of the Russian Federation. Project]. 2nd ed. Moscow. Pp. 26–28. (In Russian).
10. Ozhegov, S. I. (1986) *Slovar' russkogo yazyka: Ok. 57000 slov* [Dictionary of the Russian language: Ok. 57,000 words] pod red. chl.-korr. AN SSSR N. YU. SHvedovoj. 18 ed. Moscow: Rus. yaz. Publ. (In Russian).
11. Rudyakov, A. N., Dorofeev, YU. V. (2007) *Homo textus: chelovek v pautine tekstov, ili uchebnik dlya chteniya umeyushchih chitat'* [Homo textus: a man in a web of texts, or a textbook for those who can read]. Simferopol': Nata Publ. (In Russian).
12. Rudyakov, A. N. (2020) *Ob osnovah i sledstviyah funkcional'noj teorii teksta* [On the foundations and consequences of the functional theory of text]. *Krymskij gumanitarnyj vestnik: Sbornik nauchnykh statej – Crimean Humanitarian Bulletin: Collection of scientific articles*. No. 4. Pp. 5–10. (In Russian).
13. Rudyakov, A. N. (2013) *Topory i teksty. Lingvisticheskaya instrumentologiya: uchebnoe posobie* [Axes and texts. Linguistic Instrumentology: a textbook]. Moscow: FLINTA: Nauka Publ. (In Russian).
14. Rudyakov, A. N. (2020) *Lingvistika i eyo «skelety v shkafu»* [Linguistics and its "skeletons in the closet"]. Moscow: Azbukovnik Publ. (In Russian).
15. Rudyakov, A. N. (2023) *Funkciya i yazyk: k reguljativnoj paradigme v lingvistike* [Function and Language: towards a regulatory Paradigm in Linguistics]. Moscow: YASK Publ. (In Russian).

16. Rudyakov, N. A. (1993) *Poetika, stilistika hudozhestvennogo proizvedeniya* [Poetics, stylistics of a work of art]. Simferopol': Tavriya Publ. (In Russian).

17. Kondrashov, I. A. (1967) (ed.) *Tezisy Prazhskogo lingvisticheskogo kruzhka* [Abstracts of the Prague Linguistic Circle]. *Prazhskij lingvisticheskij kruzhok: sb. statej. Sost., red. i predisl. I. A. Kondrashova* [Prague Linguistic Circle: collection of articles. Comp., ed. and preface by Kondrashov I. A.]. Moscow: Progress Publ. (In Russian).

18. Halizev, V. E. (2022) *Teoriya literatury: Uchebnik* [Theory of Literature: Textbook]. Moscow: Vysshaja shkola Publ. (In Russian).

19. YAdrovskaya, E. R. (2009) *Interpretaciya hudozhestvennogo proizvedeniya kak tekhnologiya obshcheniya s iskusstvom i put' tvorcheskogo razvitiya lichnosti* [Interpretation of a work of art as a technology of communication with art and a way of creative development of the individual]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena – Izvestiya RSPU n.a. A. I. Herzen*. No. 113. Pp. 76–82. (In Russian).

Об авторе

Зубенко Наталья Викторовна, ассистент Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета (Севастополь, Российская Федерация); e-mail: zubenko.natalia.1985@mail.ru; ORCID ID: 0009-0007-8555-5775

About the author

Natalya V. Zubenko, Lecturer, Sevastopol State University (Sevastopol, Russian Federation); e-mail: zubenko.natalia.1985@mail.ru; ORCID ID: 0009-0007-8555-5775

дата получения: 24.05.2023 г.
дата принятия: 15.06.2023 г.
дата публикации: 30.09.2023 г.

date of receiving: 24 May 2023
date of acceptance: 15 June 2023
date of publication: 30 September 2023

Р. Е. Булат, Х. С. Байчорова

Воспитательный потенциал терминоведения

В статье анализируются факторы, отрицательно влияющие на воспитание, среди которых перенасыщение педагогической науки и практики новыми иноязычными терминами, имеющими русскоязычные аналоги. Доказывается, что терминоведение способно обеспечить выполнение принципов необходимости и достаточности применения новых иностранных терминов в российской системе образования. Результаты констатирующего эксперимента подтверждают сформулированные теоретические выводы, в том числе о необходимости регулирования употребления иностранных слов не только в официальном делопроизводстве, но и в содержании научных исследований в области образования и педагогической практики. Утверждается, что воспитательный потенциал терминоведения состоит в реализации решения о том, что новые нормативные словари должны содержать перечень иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке. Предстоящая экспертиза нормативных словарей должна стать для педагогических работников основой применения на уроках только тех иностранных слов, которые были рекомендованы для включения в словари.

Ключевые слова: терминоведение, воспитание, заимствование терминов, нормативные словари, лингвистическая экспертиза.

Для цитирования: Булат Р. Е., Байчорова Х. С. Воспитательный потенциал терминоведения // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 4. – С. 216–230. DOI: 10.35231/25419803_2023_4_216. EDN: ORBHLY

Эксперты Российской академии образования пришли к выводу, что чаще всего российские исследователи-педагоги сегодня защищают диссертации о методике преподавания иностранных языков. В опубликованном интервью президента академии О. Ю. Васильевой отмечается, что за период с 2011 по 2020 гг. «практически не защищались диссертации по таким темам, как воспитание, взаимодействие семьи и школы», что свидетельствует о недостаточности «исследований о формировании духовно-нравственных ценностей у детей». Отсюда был сделан

вывод о том, что «по направлениям, которые формируют человека и гражданина, у нас большой провал»¹.

В этой связи мы считаем, что тенденцию в научных изысканиях в области методики освоения языков и в области теории и практики воспитания не следует противопоставлять или разграничивать: язык – это и средство обучения, и средство воспитания. Воспитательный потенциал языка является значимым фактором духовно-нравственного воспитания и развития личности учащихся. Поэтому освоение иностранных языков предполагает воспитательную функцию на материале изучаемого языка. Однако обсуждение вопроса о наличии конкретно-исторического характера целей воспитания является дискуссионным. Истинные цели всегда специфичны не только для определённой эпохи, но и для конкретных социальных и общественных систем, конкретных институтов.

Вместе с тем в наших исследованиях [1–3; 21] неоднократно доказывалось, что несомненным воспитательным потенциалом обладают научные достижения в смежных с филологией областях. Следует отметить и то, что исследования в области семантического механизма языка, а также связей речи с мышлением и поведением доказали их значимость в процессе воспитания [4–7; 9; 13–15]. Более того, анализ паспорта научной специальности 5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика» показал, что наличие таких понятий, как «феномен культуры», «психолингвистика», «социолингвистики», «системы коммуникации», «речевое воздействие», «средства массовой информации» и др. предполагает необходимость учёта научных достижений филологии в сфере воспитания.

Одним из важных направлений развития воспитательной функции филологии мы считаем терминоведение – достаточно развитую отрасль лингвистики [17; 18; 22]. Поскольку система терминоведения является открытой, постоянно пополняющейся в силу необходимости отражения новых замеченных свойств и сторон объекта новыми монолексемными и полилексемными единицами, следует применять семантически прозрачные термины [8]. Вместе с тем для педагогической

¹ Васильева О. Ю. В России хотят повысить качество научных работ по педагогике. Парламентская газета. 18.06.2023. Электронный ресурс. URL: <https://www.pnp.ru/social/v-rossii-khotyat-povysit-kachestvo-nauchnykh-rabot-po-pedagogike.html> (дата обращения: 02. 07. 2023).

терминологии как совокупности лексических средств, обслуживающих теорию и практику педагогической деятельности, по мнению Б. Б. Комаровского, характерно наличие получивших статус общей нормы стабильных терминов и своеобразных их заменителей – условных терминов. Автор отмечает, что особенность педагогической терминологии заключается в тесной связи с повседневными отношениями людей, их опытом и традициями, с многообразием человеческих характеров, в силу чего терминология имеет определённый коннотативный оттенок, содержит оценку того, что выражается [13].

Однако в современной системе духовно-нравственного воспитания существует проблема, связанная с преобладанием необъективного характера воспитательных воздействий применяемой терминологии на обучающегося. Так, И. В. Кичевой ещё в 2007 году был отмечен ряд негативных тенденций, в числе которых: «отсутствие систематизации терминов; многозначность и разнородность их толкования; активизация индивидуально-авторского терминопроизводства; характерный в целом для русского языка конца XX – начала XXI вв. «номинационный взрыв» и связанное с ним снижение строгости в нормативности словоупотребления в научном контексте; укрепляющиеся интегративные связи педагогики с другими науками и возрастающая нерегулируемость процесса заимствования терминов» [10, с. 24].

Влияние последнего из названных факторов, на наш взгляд, обуславливает объективную потребность как в систематизации терминологии и уточнении понятий с учётом семантических характеристик педагогических лексических средств, так и в выявлении влияния процесса заимствования терминов на результаты воспитания [1; 10–12]. Именно в этом мы видим воспитательный потенциал терминоведения, которое в процессе развития русского языка способно обеспечить выполнение принципов необходимости и достаточности применения новых иностранных слов в российской системе образования.

Материалы и методы

Ввиду существенной значимости для языка науки степени специализации лексических средств мы придерживаемся позиции, что выполнение требований Федерального закона

от 28.02.2023 № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственном языке Российской Федерации"» должно быть распространено не только на регулирование употребления иностранных слов в официальном делопроизводстве, но и на содержание научных исследований и практики образования.

Перенасыщение педагогической лексики новыми иноязычными терминами вовсе не признак её интернационализации, в ряде случаев это следует признать игнорированием норм культуры речи [1; 6; 9; 15–20]. Они вызывают неизбежные сложности в понимании, тогда как положительной характеристикой термина является семантическая прозрачность. При характерном стремлении внедрения новых терминов в педагогическую теорию и практику избыток терминологической синонимии свидетельствуют об иллюзии возникновения новых понятий, а, следовательно, активной эволюции теории. При этом «относительная стабильность важнейших терминов позволяет создавать ясность в аргументации научных положений и помогает более глубокому проникновению в сущность педагогических явлений» [13, с. 18].

По нашему мнению, развитие русского языка за счёт внедрения в него иностранных слов, уже имеющих русскоязычные аналоги, является нецелесообразным. Поэтому мы солидарны с решением в том, что новые нормативные словари должны содержать перечень иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке¹. Мы солидарны с мнением ученых, которые считают, что чрезмерное применение учителем иностранных слов, имеющих русскоязычные аналоги, в процессе воспитания будет способствовать переносу смыслового акцента с воспитательной функции и воспитательного потенциала русской культуры на привитие обучающимся ценностей иной культуры [4; 7; 15].

Необходимо отметить и то, что повсеместное внедрение методических материалов разных уровней ведёт к увеличению ретранслирующей функции в деятельности учителя на уроке. Поэтому не подлежит сомнению роль лингвисти-

¹ Об утверждении требований к составлению и периодичности издания нормативных словарей, фиксирующих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 28.06.2023 № 1054. Электронный ресурс. URL: <http://government.ru/docs/all/148348/> (дата обращения: 02. 07. 2023).

ческой экспертизы разрабатываемых для учителей методических материалов. Вместе с тем разрабатываемые методические материалы базируются на нормативных правовых документах. Поэтому нами был проанализирован ФГОС ООО, в котором помимо понятия «тьютор», применены термины «кибербуллинг», «фишинг», «тренд» и др.

Так, понятие «кибербуллинг» не является общеупотребительным, не распространено в определениях словарей и, согласно ЮНИСЕФ, трактуется как «травля с использованием цифровых технологий»¹. При этом термин «фишинг» закреплён не в педагогических, а в экономических и политических словарях, а также в словарях синонимов. По мнению В. Н. Тришина, «фишинг» – мошенничество в сети интернет, а его синонимами являются «вишинг», «фарминг»². Согласно словарю Н. Г. Комлева, тренд определяется как «склонность, тенденция, преобладающее направление развития, направленность общественного мнения, актуального стиля в моде и т. д.»³. Поэтому вызывает сомнение необходимость включения в ФГОС ООО данных понятий, так как в Федеральном законе от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» в редакции от 06.02.2023 № 8-ФЗ они не упоминаются.

В результате приведённых данных следует отметить явную подмену понятий «травля», «мошенничество», «направленность», такими как «кибербуллинг», «фишинг» и «тренд» в речи учителей на уроках. При этом следует подчеркнуть мнение Н. Г. Комлева, который отмечает: «Уже само соответствующее именование вещей и объектов может производить известный воспитательный эффект. Простейшим примером могут служить топонимы: старинные названия городов, улиц, площадей. Эти слова сами по себе часто вызывают патриотические чувства и должны быть взяты под защиту закона, как исторические памятники» [14, с. 106].

Таким образом, на основании вышеизложенного допустимо выдвинуть гипотезу о том, что применение терминологии с определённым лингвистическим содержанием будет иметь

¹ Cyberbullying: What is it and how to stop it (20 January 2020). Available at: <https://www.unicef.org/end-violence/how-to-stop-cyberbullying> (accessed 13 February 2023).

² Тришин В. Н. Электронный словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS® (свод общеупотребительной, специальной и заимствованной лексики с синонимическими рядами). М.: Academia, 2010. 165 с. Электронный ресурс. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004714197_177293/ (дата обращения: 02. 07. 2023).

³ Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 2006. 669 с. Электронный ресурс. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-komlev/fc/slovar-210.htm#zag-2311> (дата обращения: 22. 11.2023).

соответствующее влияние на процесс и результат воспитания, а в самом терминоведении заложен значительный воспитательный потенциал. В этой связи с целью доказательства/опровержения выдвинутой нами гипотезы мы организовали проведение эмпирического исследования для выявления воспитательного потенциала терминоведения. В констатирующем эксперименте приняло участие 143 респондента.

Констатирующий эксперимент проводился дистанционно с применением платформы Google¹ методом анонимного опроса на тему «Воспитательный потенциал терминоведения». Ссылка и инструкция были опубликованы в профессиональном сообществе «Новости образования» в социальной сети «ВКонтакте»². В опросе приняли участие студенты, которые осваивают ОПОП ВО, входящие в УГНС 44.00.00 «Образование и педагогические науки» (37 человек), а также выпускники, продолжающие профессиональную деятельность в системе образования (106 человек), причём 33 из них имеют учёные степени.

Результаты

Обработка полученных данных позволила выявить, что 97,9 % опрошенных (140 из 143 человек) полагают, что применяемые учителем термины влияют на формирование у обучающихся духовно-нравственных ценностей, их гражданской позиции. Лишь 2,1 % респондентов не согласились с данным утверждением. При этом 82 % опрошенных (117 из 143) указали, что термины влияют значительно (табл. 1).

Приведённые в таблице данные показывают, что мнения 37 студентов (25,9 % от общего числа опрошенных) совпадают с мнениями 106 педагогических работников с высшим образованием, в том числе, имеющих учёные степени (33 человека).

Стремление к подмене в русском языке терминов иностранными аналогами оценивают как чрезмерное 54,5 % респондентов (табл. 2). При этом 42,6 % считают его умеренным, а 2,8 % – недостаточным.

Из приведённых в таблице данных можно сделать вывод, что мнения респондентов связаны с их уровнем образова-

¹ URL: https://docs.google.com/forms/d/1G6JqaA0HZ-2PleMXsOgsbQoSrr_wSnc6-Yf08FbafGU/edit#responses

² URL: https://vk.com/club216050638?w=wall-216050638_1981

ния. Так, чрезмерной данную тенденцию признают 72,7 % (24 из 33) педагогических работников, имеющих учёные степени, 58,9 % (43 из 73) педагогических работников с высшим образованием и лишь 29,7 % (11 из 37) студентов. Поэтому мы можем констатировать, что педагогическое воздействие на «вчерашних» школьников посредством подмены русскоязычных терминов иностранными аналогами отразилось на их осознании.

Таблица 1

Оценка влияния применяемых учителем терминов на формирование у обучающихся духовно-нравственных ценностей и гражданской позиции

Значения	Студенты		Педагогические работники с ВО		НПР, имеющие учёные степени		Всего	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Не влияют	1	2,7	1	1,4	1	3,03%	3	2,1%
Влияют, из них: значительно незначительно	36	97,3	72	98,6	32	96,97%	140	97,9%
	27	73,1	60	82,3	30	90,90	117	81,8
	9	24,2	12	16,3	2	6,07	23	16,1

Таблица 2

Оценка тенденции к подмене в русском языке терминов иностранными аналогами

Значения	Студенты		Педагогические работники с ВО		НПР, имеющие учёную степень		Всего	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Недостаточное	3	8,1%	0	0,0%	1	3,03%	4	2,8%
Умеренное	23	62,2%	30	41,1%	8	24,2%	61	42,6%
Чрезмерное	11	29,7%	43	58,9%	24	72,7%	78	54,6%

Вместе с тем отрицательную оценку влияния подмены иностранными терминами уже имеющихся в русском языке понятий в содержании уроков на процесс воспитания дали 73,4 % респондентов (105 из 143). Лишь 9,8 % опрошенных указали на положительный эффект такого влияния (табл. 3).

Данные, приведённые в таблице 3, свидетельствуют, что влияние подмены иностранными терминами уже имеющихся

в русском языке понятий в содержании уроков на процесс воспитания педагогические работники, включая имеющих учёные степени, оценили отрицательно (86,3 % и 90,9 % соответственно), а из числа студентов такое мнение выразили лишь 32,4 %. Поэтому возникает целесообразность переосмысления содержания учебных занятий со студентами в области терминологии с точки зрения развития осознанности ими применения иностранных терминов в дальнейшей профессиональной деятельности.

Таблица 3

Оценка влияния подмены иностранными терминами уже имеющихся в русском языке понятий в содержании уроков на процесс воспитания

Значения	Студенты		Педагогические работники с ВО		НПР, имеющие ученую степень		Всего	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Влияет отрицательно	12	32,4 %	63	86,3 %	30	90,9 %	105	73,4 %
Не влияет	13	35,2 %	8	11 %	3	9,1 %	24	16,8 %
Влияет положительно	12	32,4 %	2	2,7 %	0	0,0 %	14	9,8 %

Наряду с этим, по мнению большинства опрошенных (94,4 % респондентов: 135 из 143), существует необходимость лингвистического обоснования при введении в содержание уроков иностранных терминов, имеющих аналоги в русском языке (табл. 4).

Таблица 4

Оценка необходимости лингвистического обоснования введения в содержание уроков иностранных терминов, имеющих аналоги в русском языке

Значения	Студенты		Педагогические работники с ВО		НПР, имеющие ученую степень		Всего	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Нет необходимости	6	16,2 %	2	2,7 %	0	0,0 %	8	5,6 %
Есть необходимость	31	83,8 %	71	97,3 %	33	100 %	135	94,4 %

При этом в данном вопросе мнения студентов и педагогических работников схожи: о необходимости лингвистического обоснования при введении в содержание уроков иностранных терминов, имеющих аналоги в русском языке, заявили 83,8 % студентов и 97,3 % педагогических работников. При этом абсолютно все имеющие учёные степени педагогические работники придерживаются подобного мнения.

Большинство респондентов поддержало и идею лингвистической экспертизы школьных учебников и других методических и учебных материалов (табл. 5). Такого мнения придерживаются 60,8 % опрошенных (87 из 143).

Таблица 5

Оценка необходимости лингвистической экспертизы школьных учебников и других методических и учебных материалов

Значения	Студенты		Педагогические работники с ВО		НПР, имеющие ученую степень		Всего	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Нет необходимости	6	16,2 %	49	67,1 %	1	3,03 %	56	39,2 %
Есть необходимость	31	83,8 %	24	32,9 %	32	96,97 %	87	60,8 %

Однако интересным для нашего исследования являлось то, что в данном вопросе контрастируют мнения педагогических работников, имеющих учёные степени, и мнения других педагогических работников. Так, за лингвистическую экспертизу выступили почти 97 % педагогических работников, имеющих учёные степени, и лишь 32,9 % остальных педагогических работников с высшим образованием. При этом мнение студентов (83,8 %) совпадает с мнением педагогических работников, имеющих учёные степени.

Полученные данные свидетельствуют о доверии действующих педагогических работников к рекомендуемым и утверждённым учебникам и другим методическим и учебным материалам и о их несогласии с усложнением процедуры экспертизы учебных материалов. Однако при этом следует отметить, что анализ ответов на «открытые» вопросы подтвердил мнение большинства о том, что если будет проводиться лингвистическое обоснование введения в содержание уроков

иностранных терминов, имеющих аналоги в русском языке, в лингвистической экспертизе школьных учебников и других методических и учебных материалов необходимости не будет.

Обсуждение и выводы

В результате обобщения и переосмысления полученных данных следует отметить поддержку со стороны большинства респондентов пункта 5 Постановления Правительство России, который определил, что «экспертиза нормативных словарей, справочников и грамматик проводится экспертными организациями – федеральным государственным бюджетным учреждением «Российская академия наук», федеральным государственным бюджетным учреждением «Российская академия образования», образовательными организациями высшего образования или иными организациями, имеющими в своем штате специалистов, имеющих ученые степени кандидата наук или доктора наук в области филологии, и (или) психологии, и (или) права, ведущих научные исследования в указанных областях, а также имеющих опыт экспертной деятельности»¹. Поэтому мы считаем, что такая экспертиза должна быть положена в основу применения на уроках только тех иностранных слов, которые были рекомендованы для включения в словари.

Таким образом, исследование воспитательного потенциала терминоведения позволило сформулировать следующие выводы:

* применение научных достижений филологии в сфере воспитания не вызывает сомнений, так как исследования в области семантического механизма языка, а также связей речи с мышлением и поведением доказали их значимость в процессе воспитания;

* перенасыщение теории воспитания новыми иноязычными терминами и терминологическая синонимия создают иллюзию возникновения новых понятий, а следовательно, активной эволюции теории;

¹ О порядке формирования и утверждения списка нормативных словарей, справочников и грамматик, фиксирующих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, внесении изменений в Положение о Правительственной комиссии по русскому языку и признанию утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 01.07.2023 № 1092. Электронный ресурс. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307030035> (дата обращения: 02.07.2023).

* чрезмерное применение учителем иностранных слов, имеющих русскоязычные аналоги, в процессе воспитания способствует переносу акцента с воспитательной функции и воспитательного потенциала русской культуры на привитие обучающимся ценностей иной культуры;

* негативное влияние процесса заимствования терминов на результаты воспитания определяет не только регулирование употребления иностранных слов в официальном делопроизводстве, но и влияет на содержание научных исследований и практики образования;

* повсеместное внедрение методических материалов разных уровней ведёт к увеличению ретранслирующей функции в деятельности учителя на уроке, что требует проведения лингвистической экспертизы разрабатываемых для учителей методических материалов;

* терминоведение в процессе развития русского языка способно обеспечить выполнение принципов необходимости и достаточности применения новых иностранных терминов в российской системе образования;

* воспитательный потенциал терминоведения состоит в реализации решения о том, что новые нормативные словари должны содержать перечень иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке (слов, которые обозначают понятие, для которого нет слова в русском языке, либо оно отличается от сходного по значению русского слова стилистической характеристикой или оттенком значения);

* констатирующий эксперимент подтвердил сформулированные теоретические выводы и выявил со стороны большинства респондентов мнения о том, что экспертиза нормативных словарей должна быть положена в основу применения педагогическими работниками на уроках только тех иностранных слов, которые были рекомендованы для включения в словари.

Список литературы

1. Байчорова Х. С., Булат Р. Е. К вопросу применения терминов в системе образования // Развитие современного образования в контексте педагогической компетентологии: материалы III Всероссийской научной конференции с международным участием / Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова. – Чебоксары, 2023. – С. 19–26. DOI: 10.31483/r-105571. EDN: BLWUPP

2. Булат Р. Е. Термин «качество» в сфере образования // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков: Сб. науч. статей XXVII Международной научно-практ. конф., Санкт-Петербург, 23–24 июня 2017 г. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический ун-т, 2017. – С. 21–23. EDN: YTTZYN
3. Булат Р. Е., Байчорова Х. С. Качество образования: рост, развитие или преобразование? // Юрист ВУЗа. – 2023. – № 5. – С. 3–10. EDN: VYQJWB
4. Волков В. В. Проблемы презентации «традиционных ценностей» в современной ситуации русского языка как иностранного // Язык. Культура. Образование. – 2023. – № 8. – С. 131–137. EDN: PCTNTK
5. Волков В. В. Филологическая экология: культура речи, языковая, речевая и лингвистическая среда // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2016. – № 1. – С. 103–113. EDN: WBOTTT
6. Волков В. В., Волкова Н. В., Гладилина И. В. Функциональная грамотность и лингводиактика: к герменевтике термина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2022. – № 1 (72). – С. 67–77. DOI: 10.26456/vtfilol/2022.1.067. EDN: KZUNZO
7. Герд А. С. Прикладное терминоведение в его отношении к терминоведению и прикладной лингвистике // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. – 2005. – № 7. – С. 1–6. EDN: WCNNHN
8. Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах. – М.: Высшая школа, 1987. – 104 с.
9. Иванова С. В. Языковая картина мира как объект и инструмент анализа: что не так в учебнике? // Вопросы психолингвистики. – 2022. – № 4 (54). – С. 25–35. DOI: 10.30982/2027-5911-2022-54-4-25-35. EDN: VYEWYB
10. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: ГНОЗИС, 2004. – 389 с.
11. Кичева И. В. Развитие терминологии теории воспитания во взаимодействии с лексикой других наук // Педагогика. – 2003. – № 9. – С. 24–32.
12. Кичева И. В., Неверова Т. А. Современные трансформации терминологии воспитания // Педагогика. – 2012. – № 3. – С. 49–59.
13. Комаровский Б. Б. Русская педагогическая терминология. – М.: Просвещение, 1969. – 311 с.
14. Комлев Н. Г. Язык как средство воспитания // Вопросы психологии. – 1987. – № 1. – С. 103–111.
15. Копнина Г. А., Еремина Е. В. Системность языка, экология коммуникации и гуманитарная составляющая образования: к 85-летию юбилею профессора А. П. Скородникова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2015. – № 1 (25). – С. 21–29. DOI: 10.15688/jvolsu2.2015.1.2. EDN: RPXFH1
16. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. – 2-е издание, стереотипное. – М.: Знак, 2009. – 231 с. EDN: PUDJBV
17. Лейчик В. М. О языковом субстрате термина // Вопросы языкознания. – 1986. – № 5. – С. 87–97.
18. Лейчик В. М. Язык и культура – многоаспектный анализ проблемы // Вестник МАПРЯЛ. – 2002. – № 34. С. 14–17.
19. Мальцева Т. В. Главная национальная богатство: как сохранить и как защитить? // Современное состояние русского языка и проблемы речевой культуры. Материалы круглого стола. – СПб., 2023. – С. 10–18. EDN: NENGCV
20. Мещерякова О. А. Реконструкция рефлексии носителя языка и культуры как задача лингвокультурологии // Язык. Человек. Культура: Сборник научных трудов, посвященный юбилею Марии Львовны Ковшовой. – М.: Канцлер, 2022. – С. 113–119. EDN: ВНКЛО
21. Строцкая Е. Е., Булат Р. Е., Байчорова Х. С. Психолингвистический аспект процесса формирования иноязычной коммуникативной компетенции иностранных военнослужащих // Русский язык в военном вузе. – 2022. – № 1 (5). – С. 18–25. EDN: WKWJXH
22. Федюченко Л. Г. Определение понятия «термин» в рамках когнитивного терминоведения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2019. – № 3. – С. 29–36. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-3-29-36. EDN: QMBEPZ

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50/50 %

Roman E. Bulat, Khafiza S. Baychorova

Educational Potential of Terminology

The article proves the necessity of applying the scientific achievements of philology in the field of upbringing. The authors cite factors indicating the negative impact on the upbringing of the oversaturation of pedagogical science and practice with new foreign-language terms that have Russian-language analogues. It is proved that terminology is able to ensure the implementation of the principles of necessity and sufficiency of the use of new foreign terms in the Russian education system. The results of the ascertaining experiment obtained by the authors confirmed the formulated theoretical conclusions about the need to regulate the use of foreign words both in official records management and in the content of scientific research in the field of education and pedagogical practice. Accordingly, the educational potential of terminology studies is that new normative dictionaries should contain a list of foreign words that do not have common analogues in the Russian language. According to the authors, the upcoming examination of normative dictionaries should become the basis for teachers to use only those foreign words that were recommended for inclusion in dictionaries in the lessons. And as a consequence, the use of terminology with a certain linguistic content will have a corresponding impact on the process and result of upbringing.

Key words: terminology studies, upbringing, borrowing of terms, normative dictionaries, linguistic expertise.

For citation: Bulat, R. E., Baychorova, Kh. S. (2023) Vospitatel'nyj potencial terminovedeniya [Educational Potential of Terminology]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 216–230. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_4_216. EDN: ORBHLV

References

1. Baychorova, Kh. S., Bulat, R. E. (2023) K voprosu primeneniya terminov v sisteme obrazovaniya [On the issue of the use of terms in the education system]. *Razvitie sovremennoogo obrazovaniya v kontekste pedagogicheskoy kompetenciiologii* [Development of modern education in the context of pedagogical competence]. Materials of the III All-Russian Scientific Conference with International participation. Cheboksary: I. N. Ulyanov Chuvash State University. Pp. 19–26. (In Russian). DOI: 10.31483/r-105571. EDN: BLWUPP
2. Bulat, R. E. (2017) Termin "kachestvo" v sfere obrazovaniya [The term "quality" in the field of education]. *Novoe v lingvistike i metodike prepodavaniya inostrannyh i russkogo yazykov* [New in Linguistics and methods of teaching foreign and Russian languages]. Collection of scientific articles of the XXVII International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg: St. Petersburg State Economics University. Pp. 21–23. (In Russian). EDN: YYTZYN
3. Bulat, R. E., Baychorova, Kh. S. (2023) Kachestvo obrazovaniya: rost, razvitie ili preobrazovanie? [Quality of education: growth, development or transformation?]. *YUrist VUZA – University Lawyer*. No. 5. Pp. 3–10. (In Russian). EDN: VYQJBW
4. Volkov, V. V. (2023). Problemy prezentatsii «tradicionnyh cennostej» v sovremennoj situatsii russkogo yazyka kak inostrannogo [Problems of presentation of "traditional values" in the modern situation of Russian as a foreign language]. *YAzyk. Kul'tura. Obrazovanie – Language. Culture. Education*. No. 8. Pp. 131–137. (In Russian). EDN: PCTNTK
5. Volkov, V. V. (2016) Filologicheskaya ekologiya: kul'tura rechi, yazykovaya, rechevaya i lingvisticheskaya sreda [Philological ecology: speech culture, language, speech and linguistic

environment]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya – Vestnik TvGU Series: Philology*. No. 1. Pp. 103–113. (In Russian). EDN: WBOTTT

6. Volkov, V. V., Volkova, N. V., Gladilina, I. V. (2022) Funkcional'naya gramotnost' i lingvodidaktika: k germenевtike termina [Functional literacy and Linguodidactics: towards the Hermeneutics of the term]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya – Vestnik TvGU Series: Philology*. No. 1 (72). Pp. 67–77. (In Russian). DOI: 10.26456/vtfilol/2022.1.067. EDN: KZUNZO

7. Gerd, A. S. (2005). Prikladnoe terminovedenie v ego otnoshenii k terminovedeniyu i prikladnoj lingvistike [Applied terminology in its relation to terminology and applied linguistics]. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Seriya 2: Informacionnye processy i sistemy – Automatic Documentation and Mathematical Linguistics*. No. 7. Pp. 1–6. (In Russian). EDN: WCNHNNH

8. Golovin, B. N., Kobrin, R. YU. (1987) *Lingvистicheskie osnovy ucheniya o terminah* [Linguistic foundations of the doctrine of terms]. Moscow: Vysshaya shkola Publ. (In Russian).

9. Ivanova, S. V. (2022) YAzykovaya kartina mira kak ob'ekt i instrument analiza: chto ne tak v uchebnike? [Language worldview as an object and an instrument of analysis: what is wrong with the textbook?]. *Voprosy psiholingvistiki – Journal of psycholinguistics*. No. 4 (54). Pp. 25–35. (In Russian). DOI: 10.30982/2077-5911-2022-54-4-25-35. EDN: VYEWYB

10. Karasik, V. I. (2004) YAzykovoј krug: lichnost', koncepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow: GNOZIS Publ. (In Russian).

11. Kicheva, I. V. (2003) Razvitiе terminologii teorii vospitaniya vo vzaimodejstvii s leksikoј drugih nauk [Development of the terminology of educational theory in interaction with the vocabulary of other sciences]. *Pedagogika – Pedagogy*. No. 9. Pp. 24–32. (In Russian).

12. Kicheva, I. V., Neverova, T. A. (2012) Sovremennye transformatsii terminologii vospitaniya [Contemporary transformations in the terminology of education]. *Pedagogika – Pedagogy*. No. 3. Pp. 49–59. (In Russian).

13. Komarovskij, B. B. (1969) *Russkaya pedagogicheskaya terminologiya* [Russian pedagogical terminology]. Moscow: Prosveshchenie. (In Russian).

14. Komlev, N. G. (1987) YAzyk kak sredstvo vospitaniya [Language as a means of upbringing]. *Voprosy psihologii – Psychology Matters*. No. 1. Pp. 103–111. (In Russian).

15. Kopnina, G. A., Eremina, E. V. (2015) Sistemnost' yazyka, ekologiya kommunikatsii i gumanitarnaya sostavlyayushchaya obrazovaniya: k 85-letnemu yubileyu professora A. P. Skovorodnikova [Language consistency, ecology of communication and humanitarian constituent of education: devoted to the 85th anniversary of Professor A. P. Skovorodnikov]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: YAzykoznanie – Science journal of Volgograd State University. Linguistics*. No. 1 (25). Pp. 21–29. (In Russian). DOI: 10.15688/jvsu2.2015.1.2. EDN: RPXFHI

16. Krongauz, M. A. (2009) Russkij yazyk na grani nervnogo sryva [Russian on the verge of a nervous breakdown]. Moscow: Znak Publ. (In Russian). EDN: PUDJBV

17. Lejchik, V. M. (1986) O yazykovom substrate termina [About the linguistic substratum of the term]. *Voprosy yazykoznaniya – Questions of linguistics*. No. 5. Pp. 87–97. (In Russian).

18. Lejchik, V. M. (2002) YAzyk i kul'tura – mnogoaspektnyj analiz problemy [Language and Culture – Multi-Faceted Problem Analysis]. *Vestnik MAPRYAL – Bulletin International Association of Teachers of Russian Language and Literature*. No. 34. Pp. 14–17. (In Russian).

19. Mal'ceva, T. V. (2023) Glavnoe nacional'noe bogatstvo: kak sohranit' i kak zashchitit' [The main national wealth: how to preserve and how to protect?]. *Sovremennoe sostoyaniye russkogo yazyka i problemy rechevoj kul'tury* [The current state of the Russian language and problems of speech culture]. Round table materials. St. Petersburg. Pp. 10–18. (In Russian). EDN: NENG CW

20. Meshcheryakova, O. A. (2022) Rekonstruktsiya refleksii nositelya yazyka i kul'tury kak zadacha lingvokul'turologii [Reconstruction of native speaker's reflection and culture as a task of linguoculturology]. *YAzyk. CHElovek. Kul'tura* [Language. Human. Culture]. Collection of scientific papers dedicated to the anniversary of Maria Lvovna Kovshova. Moscow. Pp. 113–119. (In Russian). EDN: BHIKLO

21. Strockaya, E. E. Bulat, R. E., Baychorova, Kh. S. (2022) Psiholingvистicheskiј aspekt processa formirovaniya inoyazychnoj kommunikativnoj kompetentsii inostrannyh voennosluzhashchih [Psycholinguistic aspect of the process of forming foreign language

communicative competence of foreign servicemen]. *Russkij yazyk v voennom vuze – Russian language in a Military University*. No. 1 (5), Pp. 18–25. (In Russian). EDN: WKWJXH

22. Fedyuchenko, L. G. (2019). Opredelenie ponyatiya "termin" v ramkah kognitivnogo terminovedeniya [Term definition for the purpose of cognitive terminology]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika – Bulletin of the MSRU. Series Linguistics*. No. 3. Pp. 29–36. (In Russian). DOI: 10.18384/2310-712X-2019-3-29-36. EDN: QMBEPZ

Об авторах

Булат Роман Евгеньевич, профессор Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина доктор педагогических наук, доцент (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: bulatrem@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-2652-6380

Байчорова Хафиза Срафилъевна, доцент Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулёва Министерства обороны Российской Федерации кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: baj-hafizka@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-1079-0419

About the authors

Roman E. Bulat, Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, Doctor of Pedagogy (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: bulatrem@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-2652-6380

Khafiza S. Baychorova, Associate Professor, Military Academy for Material and Technical Supply, PhD in Pedagogy (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: baj-hafizka@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-1079-0419

дата получения: 03.08.2023 г.
дата принятия: 30.09.2023 г.
дата публикации: 30.12.2023 г.

date of receiving: 03 August 2023
date of acceptance: 30 September 2023
date of publication: 30 December 2023

K. Kolar

Molim Vas and *Извините*: Analysis of Politeness Markers in Russian and Croatian Languages

Contemporary scholars in politeness have shifted away from traditional linguistic approaches, which relied heavily on politeness maxims and strategies. Instead, they now emphasize the importance of politeness markers, whose usage and meaning has not been extensively analysed in many languages. This article explores and compares the usage of verbal politeness markers in the Russian and Croatian language. Specifically, the focus is put on Russian and Croatian cultural equivalents of the terms *sorry*, *oprositi(te)* and *ispričavat se*, *извини(те)* and *попроси прощения*, and *please*, i. e. *molim (te/Vas)* and *пожалуйста* in a requesting speech act, particularly emphasizing interactions between individuals of varying power and social status. These markers are illustrated on the basis of results from two questionnaires administered to Russian and Croatian university students. The analysis reveals that *oprosite* is less formal than *ispričavam se*, whereas *извини(те)* and *попроси прощения* can both be used in formal and informal contexts, with *ispričavam se* being the most formal and used the most often out of the four. Furthermore, *molim te/Vas* proved to be more personal than *molim*, and less ritualised than *пожалуйста*, although the terms overlap significantly. Additionally, it has been suggested that Croatian students perceive the distance between themselves and their teachers as longer than Russian students. This research provides valuable insights into politeness markers in Croatian and Russian, highlighting the significance of context, formality, and linguistic nuances, as well as intercultural differences in the given languages. The article is a fragment of a tripartite research of politeness in university student-teacher email communication, and it serves as a call for further exploration of this under-researched topic.

Key words: politeness, politeness markers, intercultural differences, culture, comparative analysis, Russian, Croatian, linguistics.

For citation: Kolar, K. (2023) *Molim Vas i Izvinite: analiz markerov vezljivosti v ruskom i horvatskom jeziku* [Molim Vas and Извините: Analysis of Politeness Markers in Russian and Croatian Languages]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 231–246. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_4_231. EDN: PUJXJ

While many of us possess at least a basic understanding of the concept of politeness, very few, and quite rarely, delve deeper into its intricate components. We seldom take the time to ponder what exactly comprises politeness, what factors influence it, and how it evolves over time. Even when we do engage in such contemplation, we encounter a plethora of diverse ideas and theories on the subject, providing contrasting information and theo-

ries. For instance, Grice [8] and subsequently Leech [13] introduced the concept of politeness maxims and principles as the governing rules in communication politeness. On the other hand, Brown and Levinson [7] argued that politeness is contingent on a multitude of strategies and factors that influence its usage; nevertheless, all four believed these factors are universal, non-dependent on cultures and languages. In contemporary times, however, our perspective on politeness has become more nuanced. First of all, it is now widely considered that the notion of politeness differs from culture to culture Ide [9], Kharlova [5], Larina [3; 12], Leech and Larina [14], Locher [15], Watts [16–17], Wierzbicka [18], as well as that it not only includes the aforementioned theories but also incorporates additional elements and factors, such as politeness markers. According to Aleksandrova¹, these markers are used to mitigate statements, which are sometimes associated with the speaker's desire to directly express their opinion or assessment. Although quite inconspicuous, these markers play a significant role in shaping our perception of politeness within a given discourse unit, particularly in the context of various speech acts. Surprisingly, in spite of their importance, they have been somewhat neglected in politeness research across various cultures, including the Russian culture, and even more so in smaller cultures, such as the Croatian culture. Consequently, this article seeks to, at least on a superficial level, identify the form, usage and characteristics of specific verbal politeness markers in both Russian and Croatian language.

This endeavour will entail a qualitative analysis of Croatian and Russian equivalents of two of the most common English verbal politeness markers, namely, *sorry* and *please*. More specifically, the terms we will focus on, define and analyse are *oprosti(te)* and *ispričavam se*, i. e. *извини(те)* and *прошу прощения* as Croatian and Russian translations and supposed linguocultural equivalents of *sorry*, as well as *molim (te/Vas)* and *пожалуйста* as their equivalents of *please*. Additionally, we will illustrate the utilization of these equivalents using examples from the Croatian language corpus² and the Russian National Corpus³, as well as insights

¹ Александрова Ю. О. Эмотивное градуирование иллюквативной силы высказывания в английском оригинальном и переводном тексте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. СПб., 2003. 211 с. Available at: <http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/jemotivnoe-graduirovanie-illokutivnoj-sily-vyskazyvanija-v-anglijskom-originalnom.html> (accessed 12 August 2023).

² Croatian language corpus. Institute of Croatian Language and Linguistics. Available at: <http://riznica.ihji.hr/philologic/Cijeli.whizbang.form.hr.html> (accessed 12 August 2023).

³ Russian National Corpus. Electronic resource. URL: <https://ruscorpora.ru/en/> (accessed 15 October 2023).

from two questionnaires administered by Kolar in 2022. In these questionnaires, Croatian and Russian university students were asked to write a polite requesting email to their professor. This means that, in it, the focus was on the application of politeness in the speech act of request within the context of an interaction between individuals of differing power and social status. Our hypothesis is that the terms *molim (te/Vas)* and *пожалуйста* can be considered cultural equivalents, and so could *oprosti(te)* and *извини(me)*, as well as *ispričavam se* and *прошу прощения*, which we also assume could be considered the most formal markers in the group. Additionally, we assume that the terms to be analysed are formal enough to be used in requests, even between people of different social and power level, and shall appear in the analysed questionnaire. The main literary sources for this research, apart from the abovementioned corpora and questionnaires, will be Islentyev, Pesendorfer and Tolochin¹, as well as Alemi and Maleknia [1], as the terms we have decided to discuss were chosen on the basis of their suggestions, and defined with the help of their descriptions of English politeness markers.

The analysis forms a vital component of an on-going tripartite research project focused on politeness strategies in university settings in Croatia, Russia, and the USA. It also serves as an extension to articles by Kolar (2023; forthcoming), which concentrate only on Croatian politeness markers, as this article adds a multicultural perspective, as well as an opportunity to detect potential linguocultural differences between the two languages.

Method and Materials

Before defining the methodology we used, we should first address our references, as well as the definitions upon which this analysis and our choice of markers in it will be based. As suggested by Islentyeva, Pesendorfer, and Tolochin², politeness markers encompass words and expressions that are linguistically associated with politeness. These markers can be categorized into two main groups: structural markers, including salutations, openings, and closings, and verbal markers, which consist of ex-

¹ Islentyeva, A., Pesendorfer, L., Tolochin, I. (2023) 'Can I have a cup of tea please?' Politeness markers in the Spoken BNC2014 // Journal of Politeness Research. Vol. 19, No. 2. Pp. 297-322. Available at: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/pr-2022-0010/html> (accessed 15 October 2023).

² Ibid.

pressions related to gratitude, apology, and more [1, c. 75]. In this article, our primary focus will be on verbal markers, and we will not delve into the discussion of structural markers. Within the realm of verbal politeness markers, there exists a wide array of expressions; however, as already stated, in this study, we aim to identify the Croatian and Russian counterparts for two of the most distinctive politeness markers in modern English: *sorry* and *please*. These markers have been chosen because they hold a significant position in English politeness [6, p. 230], making them an ideal starting point and reference for our analysis of politeness in the Croatian and Russian language. Consequently, for analysis, we propose *oprosti(te)*, *ispričavam se*, *извини(те)* and *прошу прощения* as Croatian and Russia cultural equivalents for *sorry*, and *molim (te/Vas)* and *пожалуйста* as their equivalents of *please*. In terms of methodology, our approach will involve a two-step process. First, we will provide a description of the meanings and potential applications of these selected terms, using their dictionary definitions and comparing them to their English cultural counterparts. For the purpose of defining their meanings, we shall use the Croatian Language Portal (HJP)¹ for Croatian definitions, and Wikislovar² for Russian definitions. Following this, the second step will involve presenting real-world examples of their usage, which were gathered from the Russian and Croatian language corpora, as well as Google Forms questionnaires administered in 2022 [10]. For these questionnaires, Croatian and Russian university students were tasked with composing an email to a hypothetical professor in which they requested to retake an exam they had failed, hoping to receive a favour from them. Consequently, as suggested in the introduction, our article will focus on the utilization of politeness markers within the context of a requesting speech act occurring between a university teacher and students, i. e. involving individuals with differing levels of social and power distance.

Results

Considering that the Croatian portion of this research has already been partially conducted, we shall start with

¹ Croatian Language Portal, HJP. Available at: <https://hjp.znanje.hr/> (accessed 10 August 2023).

² Wikislovar' Dictionary. Available at: <https://ru.wiktionary.org/> (accessed 10 October 2023).

the Croatian part of the analysis first, which will be followed by the analysis of Russian terms. For better understanding, we shall start with the terms *oprosti(te)* and *ispričavam se* in Croatian, and follow with *извини(ме)* and *прошу прощения* in Russian. Afterward, logically, the focus will be put on the Croatian and Russian cultural equivalents/translations of *please*, namely *molim (te/Vas)* and *пожалуйста*. In the end, their similarities and differences will be pointed out and discussed briefly before the formal discussion and conclusion.

Commencing with the concept of *sorry*, as asserted by Islentyeva, Pesendorfer, and Tolochin in their 2023 study, the given term is primarily recognized as an expression employed for the purpose of apologizing. Secondarily, it finds utility in self-correction, self-editing, double-checking, conveying irony and sarcasm, as well as in confrontational situations (2023). In the Croatian language, the most prevalent term employed in these contexts is *oprosti* in the second person singular form, and *oprostite* in the second person plural form, or when addressing someone with respect in the second person singular. *Oprosti* and *oprostite* represent two forms of the verb *oprostiti*, which, according to HJP, means to take into consideration somebody's explanation for a bad deed they have done, and to forgive someone's debts. In meaning, thus, we could say that they are close to the English *forgive me* – however, there is a difference. The difference is that *oprosti* and *oprostite* are more versatile and can be used both in formal and informal settings, across various speech acts of varying degrees of seriousness, as can be seen in the following examples from the Croatian language corpus:

1) *Mama, mamica, oprosti mi. Ne ljuti se...* / Mom, mommy, sorry. Don't be angry...

2) *Oprosti da te smetam, ali je stvar o kojoj se radi vrlo hitna i vrlo neugodna.* / I'm sorry to bother you, but the situation in question is urgent and very uncomfortable.

3) *Ovo s Džombom je jedna najobičnija, da oprostite, pizdarija!* / Sorry, but this Džomba issue is absolute bullshit!

As can be seen in the examples, the terms function with both formal and informal contexts, in personal and impersonal oral and written situations. Thus, we can conclude it would also work within the framework of requesting speech acts as

demonstrated in the questionnaire. With this in mind, one would expect to see it in the questionnaire: intriguingly, however, there were no instances of *oprosti(te)* found in it, so we cannot provide examples in this regard.

On the other hand, unlike *oprosti(te)*, *ispričavam se* is a term that is almost exclusively reserved for the act of apologizing, primarily in formal contexts. It comes from the Croatian verb *isprič(av)ati se*, which, according to HJP, means to give excuses or to justify yourself/your behaviour. This means it comes from the opposite point of view than the term *oprosti(te)* – the first person perspective. As such, it is closer to the meaning of the English phrase *I apologise*, and it is relatively close to it with regard to the perceived level of formality. It is particularly employed in conversations between individuals who may not be well-acquainted or possess a professional relationship, thereby indicating a significant social and power distance between the interlocutors, as can be deduced from the following corpus examples:

4) *Ispričavam se ako sam na ovakav način omeo efikasnost suda.* / I'm sorry if I thus disrupted the efficiency of the court.

5) *Prije svega, ispričavam se što Vas smetam, posebno što Vas izuzetno cijenim...*

First and foremost, I am sorry to bother you, especially since I respect you very much... / Such a distance, in addition to the given examples, is particularly evident in the context of the questionnaire, in the analysed teacher-student communication. An example of its usage is exemplified below:

6) *Ispričavam se na smetnji i unaprijed zahvaljujem na odgovoru.* / Sorry for bothering you and thank you in advance for your reply.

While *ispričavam se* could also be used ironically, considering the formality of its nature, it commonly pertains to more sincere and earnest contexts, as is the case in the abovementioned examples. Considering that the term *ispričavam se* appeared in several occasions in the questionnaire, while *oprosti(te)* did not appear in it at all, despite being more common in Croatian, we can conclude that the students were aware of the social and power distance between them and their teacher and chose to emphasise it by opting for the phrase *ispričavam se*.

In Russian, on the other hand, *извини(те)* represents the imperative form of the verb *извинить* (with *извини* being

used for second person singular, and *извините* for second person plural and respectful second person singular), which, according to Wikislovar', means to forgive someone for a relatively minor offense or sin or to release from responsibility for the bad action committed. Just like *sorry* and *oprosti(te)*, it is used for apologies, in both formal and informal contexts, but also for the purpose of expressing disagreement, especially before denying someone a favour. The usage of the terms can be seen in the following corpus examples:

7) *А у нас кот тоже Томасом зовут, извините, что не по теме.* / Our cat is also called Tomas; sorry, this is off-topic.

8) *Извини, что так поздно, но, если я этого не скажу, я лопну.* / Sorry I'm saying this so late, but if I don't do it, I'll burst.

9) *На этот раз, уж извините, без фоток – фотографирование в цирке не приветствуется.* / Sorry, no photos this time – taking photos is not encouraged at the circus.

The term *извини(те)* is often made synonymous with the term *прости(те)* in Russian – however, the terms are not the same, and the latter term did not appear in our questionnaire, so we will not focus on it in this context. Having said that, the term *извините* (always in the respectful second person singular form) appeared in the questionnaire several times, usually in the following contexts:

10) *Извините, у меня не получилось сдать экзамен с первого раза, но я бы очень хотела попробовать повторно сдать.* / Sorry, I failed to pass the exam the first time, but I would really like to try to take it again.

11) *Извините за беспокойство, но я бы хотела спросить, возможно ли пересдать экзамен?* / Sorry to bother you, but I would like to ask if it is possible to retake the exam?

As can be seen on the basis of the examples from the questionnaire, *извините* was used primarily as an apology before a request was made. However, it appeared in relatively few emails, which might potentially be the result of perceived distance between the student and the teacher in the email – perhaps the students thought *извините* was not formal enough. To get a better insight into this, we shall start with the analysis of the next Russian apology term we have chosen – *прошу прощения*.

Прошу прощения, according to the Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language¹, carries the same meaning as *извините*, in the sense that it is used when addressing or warning about something or as form of an apology for what was said or done. The main difference between the two terms is the form, considering that *прошу прощения* is a phrase in first person singular, which could be translated as *I ask for forgiveness*, which would inherently make it more personal, apologetic, and even subordinate. In that sense, it could be considered closer to *ispričavam se*. Its usage, as exemplified in the Russian National Corpus, can be seen below:

12) *Еще раз прошу прощения, что беспокоил Вас длинным ненужным письмом.* / Once again, sorry for bothering you with a long unnecessary letter.

13) *Всё прежде было загажено, замусорено и, я прошу прощения, засрано.* / Everything before was dirty, littered and, sorry, full of shit.

14) *Прошу прощения и предлагаю тебе руку и сердце.* / I'm sorry and I give you my hand and heart.

Despite the subordinate wordage, as we can see from the examples, *прошу прощения* seems to work both in formal and informal context, as well as with strangers and acquaintances, even people we consider very close. Interestingly, in spite of all this, in the analysed Russian questionnaires, the given phrase appeared only once, in the example below:

15) *Прошу прощения, но могу ли я попробовать сдать экзамен ещё один раз?* / I'm sorry, but can I try to pass the exam one more time?

This example points to the fact that both *прошу прощения* and *извините* can be used in formal and informal situations. Apart from this, the questionnaire has shown that *извините* is more common of the two, but also that the Russian students had less need to use it than Croatian students, which could suggest that they perceive the distance between themselves and their teacher as shorter.

Regarding the term *please* and its Croatian cultural counterpart, as discussed in the introduction, the prevailing expression

¹ Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language. Available at: <https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com/> (accessed 16 October 2023).

used to express this notion in the given culture is *molim (te/Vas)*. It actually represents a first person singular present tense of the verb *moliti*, which, according to HJP, means to request, to ask, to pray or plead with someone. In their research, Islentjeva, Pesendorfer, and Tolochin (2023) discuss that *please* serves as a linguistic tool for mitigation, typically coming before command issuances and a various utterances. *Molim (te/Vas)* functions in a similar manner, with the primary distinction residing in the utilization of the pronouns *te* and *Vas* in conjunction with *molim*, as opposed to the usage of *molim* in isolation. The objectless form, *molim*, is primarily employed within professional domains, particularly in public spaces such as railway and bus stations, hospitals, supermarkets, and the like. It carries an inherently impersonal quality, as its purpose is to address the general public. Consequently, it bears an emphatic, though not necessarily empathetic tone. Thus, using *molim* without the associated pronouns in one-on-one interactions may come across as rather stern and authoritative, sometimes even misplaced and impolite. It is worth noting that this objectless form did not make an appearance in the questionnaire, suggesting that the students were cognizant of the inappropriateness of addressing individuals (of higher power or social status) in such a manner. Conversely, employing *molim* in conjunction with the pronouns *te* (second person singular) and *Vas* (second person plural; respectful second person singular) offers a broader range of applications. This combination is suitable for both formal and informal situations, accommodating professional as well as personal discourse, irrespective of the age or status of the individuals involved, as displayed in the following sentences from the Croatian language corpus:

16) *Dragi Isuse, molim te oprosti mi i ne daj mi više da sam zločesta...* / Dear Jesus, please, forgive me and don't let me be bad again...

17) *Molim te, molim te, molim te, nazovi me. Volim te svim svojim srcem.* / Please, please, call me. I love you with all my heart.

18) *Molim Vas da nam potvrdite rezervaciju, mi vam unaprijed najljepše zahvaljujemo na ljubaznosti.* / Please, confirm your reservation, and thank you for your kindness in advance.

The term *molim (te/Vas)* is the most commonly utilized mechanism for softening commands and features prominently in re-

quests, pleas, and similar communicative functions. This prevalence explains its appearance in the aforementioned questionnaire and a representative example of its usage can be observed below:

19) *Molim Vas da mi javite ako postoji drugi termin kada bih mogla doći napisati ispit.* / Please, notify me if there is another time I could come and take the exam.

Of course, the term used included the respectful, second person singular pronoun *Vas* instead of *te*, which confirms the students who took part in the questionnaire are aware of the social distance between them and their professor. Additionally, and quite interestingly, in the questionnaire, *molim Vas* appeared more often in the conditional form or in the past tense (past simple), rather than in present simple, as is the case with following sentences:

20) *Molila bih Vas za veliku uslugu te da mi izađete u susret.* / I would ask you for a big favour and to meet me half way.

21) *Ovim bih Vas putem htjela najljepše zamoliti da mi dozvolite da još jednom izađem na ispit.* / This way, I would most kindly like to ask you to allow me to once again take the exam.

22) *Htjela sam vas zamoliti da mi ipak omogućite izlazak na ispit.* / I wanted to ask you to allow me to take the exam anyway.

The use of such language demonstrates that the participants possess an awareness of the significant power differential between themselves and their teacher. Therefore, they employed an indirect politeness strategy that involves the use of negative forms, enhancing their efforts to convey politeness while maintaining a certain degree of distance, emphasising their request and mitigating it at the same time.

As for Russian and *пожалуйста*, the situation is slightly more complex. While, similarly to *molim (te/Vas)* it also serves as the most common translation and equivalent of *please*, *пожалуйста* is actually neither a verb, nor a phrase – it is a particle, and its usage is significantly more diverse. In addition to being used in requests, it is also used as a response to *thank you*, as a polite remark used when handing something to someone (in the sense of English *here you are*), and with the notion of emphasising orders, irony, joy, confusion etc. Some of the examples of its usage can be seen below:

23) *Скажите, пожалуйста, а какая у меня цифра в голове?* / Tell me, please, what number am I thinking of?

24) Я приеду к тебе... Пожалуйста... Мне это очень нужно... / I'll come to your place... Please... I really need that...

25) Вот. Пожалуйста... Конверт... / Here you are... An envelope...

While the term can be applied in various different ways, it is imperative to note that it is generally used for the purpose of increasing politeness levels, i. e. as a proper and common politeness marker. Considering so many usage possibilities, it is not a surprise that *пожалуйста* appeared quite frequently in the questionnaire, most often in the following sense:

26) Подскажите, пожалуйста, какие у меня есть варианты для сдачи? / Tell me, please, what are my possibilities for exam retaking?

Although *пожалуйста* here does function as plea enforcement, the form it appears in is actually well-known as a “double imperative” (Glazkova: [2]), which is the most common (polite) request format in Russian (Formanovskaya: [4, p. 198]). In that sense, we can actually say it functions similarly to *molim (te/Vas)*, as well as that the students participating in the questionnaire realised what speech act they were taking part in and that they were in a subordinate position, which required more politeness.

Conclusion

Based on the analysis we conducted, we arrived at several noteworthy conclusions. To begin, we delved into the realm of apologies in Croatian and Russian and uncovered that the most prevalent cultural equivalents for sorry in Croatian are *oprosti(te)* and *ispričavam se*, whereas in Russian these are, among others, expressed by *извини(те)* and *прошу прощения*. While these expressions share similar meanings, our investigation illuminated the following information: *oprosti(te)* possesses a broader spectrum of applications than *ispričavam se*, and can be utilized in formal and informal contexts. On the other hand, *ispričavam se* is primarily reserved for formal contexts. When it comes to Russian, *извини(те)* seems to be used more often than *прошу прощения*, although both expressions can appear in formal and informal contexts. Additionally, while *прошу прощения* has a more personal, and even subordinate, form, it does not seem to have a more subordinate or more formal effect than *извини(те)*. In general,

it would seem that the Croatian term *oprosti(te)* is semantically and pragmatically very close to *извини(те)*, and pragmatically close to *прошу прощения*, whereas *ispričavam se* seems to be the most formal out of the four apology-focused terms here. Overall, we can conclude that *oprosti(te)* and *извини(те)* would be the closest equivalent of sorry in Croatian and Russian respectively, whereas *прошу прощения*, and even more so *ispričavam se*, overlap with its meaning, but are not semantically and pragmatically identical to each other and to sorry. Finally, on the basis of quantitative appearance of these terms in the article, it would seem that Croatian (or rather Croatian students) tend to apologise more than Russian students, although this topic requires significantly more research.

When it comes to the Croatian and Russian counterparts of *please*, in these articles, we have identified them as *molim (te/Vas)* and *пожалуйста*. In its bare form, *molim* is employed in formal situations, often with instructions to a general audience, and it can potentially come across as impolite when directed at an individual. However, by incorporating the pronouns *te* or *Vas*, *molim* takes on a more personal tone and can be used in both formal and informal settings, irrespective of social or power dynamics. For an even higher degree of politeness, individuals have the option of employing the conditional or past simple forms of *molim*, such as *zamolila bih Vas*, *htjela bih Vas zamoliti*, or *htjela sam Vas zamoliti*. This enhances the formality, intensity, and personalization of the request. *Пожалуйста*, on the other hand, although universal in form, has a broader usage spectrum, and is more ritualized than *molim Vas*. Therefore, while both *molim Vas* and *пожалуйста* were used quite often in the questionnaire, *пожалуйста* appeared almost exclusively in the context and form of so-called double imperatives as a tool of request mitigation, whereas *molim Vas* appeared in different forms, tenses and contexts. As such, we can conclude that, while they are similar, *пожалуйста* is more universal and ritualised, whereas *molim* in combination with the pronoun *te/Vas* is more personal and, in a way, more subordinate. This, apart from their grammatical form, creates the greatest difference between the two terms. However, it must be emphasised that markers in Croatia have so far not been studied, and a superficial research such as this one is not enough to get a full and comprehensive insight into

the topic, especially when it comes to the usage of *molim*. Finally, it must also be pointed out that the analysed markers are not the only politeness markers that appeared in the research: there were plenty of other markers, including the *te/Vas* pronouns and the respectful second person singular in both languages. However, as has been stated, due to the lack of research in Croatian in this regard, and the limitations of our study, we have decided to start with the most basic markers, in hope that more markers will be taken into consideration further on.

In conclusion, we could make a preliminary suggestion that the perceived power and social distance between Croatian students and their teachers is greater than the perceived distance between their Russian counterparts. Nevertheless, for a more comprehensive understanding of politeness markers in both Croatian and Russian language, further research is warranted. A quantitative analysis should be conducted to identify the most common and expected markers, as well as their usage, in the given languages. Moreover, there is a need for exploration and investigation of additional politeness markers, ideally through a broader-reaching questionnaire, to gain deeper insights into the intricacies of politeness in both languages, the differences in their perception, and the cultural expectations their speakers have in this regard. Conducting such research would shed light on politeness in both countries, especially Croatia, which is currently underexplored. This would benefit both locals and foreigners, particularly in academic contexts, as international mobility in universities all over the world is increasing. We hope this study inspires further exploration of linguistic politeness, especially in multicultural and Slavic context.

References

1. Alemi, M., Maleknia, Z. (2023) Markery vezhlivosti v angloyazychnyh elektronnyh pis'mah studentov [Politeness markers in emails of non-native English speaking of university students]. *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 27. No. 1. Pp. 67–87. (In Russian).
2. Glazkova, S. N. (2010) *Direktivnost' v zerkale «dvoynogo imperativa»: pragmaticheskii paradoks ili otrazheniye natsional'no-kul'turnoy spetsifiki russkoy kommunikatsii* [Directiveness in the mirror of the “double imperative”: a pragmatic paradox or a reflection of the national and cultural specifics of Russian communication]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Chelyabinsk State University*. Vol. 48. Pp. 43–48 (In Russian).
3. Larina, T. (2009) *Kategoriya vezhlivosti y stil' kommunikatsii: sopostavleniye angliyskiy y russkiy lingvokul'turnih traditsiy* [Politeness and Communicative Styles: Comparative Analysis of English and Russian Language and Culture Traditions]. Moscow: Jazyki slavianskiy kul'tur Publ. (In Russian).

4. Formanovskaya, N. I. (2007) *Rechevoe vzaimodeystvie: kommunikaciya i pragmatika*. [Speech Interaction: Communication and Pragmatics]. Moscow: Ikar Publ. (In Russian).
5. Kharlova, M. L. (2014) *Konceptualizatsiya nevezhlivosti v russkom i angliyskom yazykah* [The Conceptualisation of Impoliteness in Russian and English]. *Russian Journal of Linguistics*. No. 4. Pp. 119–131. (In Russian).
6. Baker, Paul (2017) *American and British English: Divided by a common language?* London: Cambridge University Press.
7. Brown, P., Levinson, S. (1987) *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Grice, H. P. (1975) Logic and Conversation. *Syntax and Semantics*. Vol. 3. Pp. 41–58.
9. Ide, S. (1989) Formal forms and discernment: Two neglected aspects of linguistic politeness. *Multilingua*. No. 8. Pp. 223–248.
10. Kolar, K. (2022) Politeness Strategies in Croatian University Student-Teacher Email Communication. *Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects. Proceedings of the 11th international conference*. Vol. 2. Pp. 72–76.
11. Lakoff, R. (1973) Language and woman's place. *Language in Society*. Vol. 2. No. 1. Pp. 45–79.
12. Larina, T. (2015) Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics*. No. 7. Pp. 195–215.
13. Leech, G. (1983) *Principles of Pragmatics*. London; New York: Longman.
14. Leech, G., Larina, T. (2014) Politeness: West and East. *Russian Journal of Linguistics*. No. 4. Pp. 9–13.
15. Locher, M. (2004) *Power and Politeness in Action: Disagreements in Oral Communication*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
16. Watts, R. (1992) Linguistic politeness and politic verbal behavior: Reconsidering claims for universality. *Politeness in Language: Studies in its History, Theory and Practice* ed. by Richard J. Watts, Sachiko Ide, and Konrad Ehlich. Berlin; New York: Mouton de Gruyter. Pp. 43–69.
17. Watts, R. (2003) *Politeness*. Cambridge: Cambridge University Press.
18. Wierzbicka, A. (2003) *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. Berlin; New York: De Gruyter Mouton.

Клара Колар

***Molim Vas* и *Извините*: анализ маркеров вежливости в русском и хорватском языках**

Современные исследователи категории вежливости отошли от традиционных лингвистических подходов, опирающихся на максимы и стратегии вежливости. Интерес переместился на маркеры вежливости, использование и значение которых не подвергались анализу во многих языках. В статье сравнивается использование речевых маркеров вежливости в русском и хорватском языках. Основное внимание уделяется русским и хорватским культурным эквивалентам маркера *sorry – oprostite(te)/ispricavat se* и *извини(me)/прошу прощения* и маркера *please – molim (te/Vas)/пожалуйста* в речевом акте просьбы, особенно при взаимодействии людей разного социального статуса. Данные маркеры проиллюстрированы примерами из двух опросов российских и хорватских студентов на материале их общения с преподавателями по электронной почте. Анализ учитывал степень официальности/неофициальности маркеров в условиях разных контекстов общения. Сделан вывод, что хорватские студенты воспринимают дистанцию между собой и преподавателями как более формальную, чем русские студенты. Это исследование дает ценную информацию о маркерах вежливости в хорватском и русском языках, подчеркивая значимость контекста и лингвистических нюансов, а также межкультурные различия в данных языках.

Ключевые слова: вежливость, маркеры вежливости, межкультурные различия, культура, сравнительный анализ, русский язык, хорватский язык, лингвистика.

Для цитирования: Колар К. Molim Vas и Извините: анализ маркеров вежливости в русском и хорватском языках // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 4. – С. 231–246. DOI: 10.35231/25419803_2023_4_231. EDN: PUJXJ

Список литературы

1. Алеми М., Малекнина З. Маркеры вежливости в англоязычных электронных письмах студентов // Russian Journal of Linguistics. – 2023. – Т. 27. – № 1. – С. 67–87.
2. Глазкова С. Н. Директивность в зеркале «Двойного императива»: прагматический парадокс или отражение национально-культурной специфики русской коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 32. – С. 43–48.
3. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М.: Языки славянских культур (Язык. Семиотика. Культура). – 2009. – 512 с.
4. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. – М.: Икар, 2007. – 480 с.
5. Харлова М. Л. Концептуализация невежливости в английском и русском языках // Russian Journal of Linguistics. – 2014. – № 4. – С. 119–131.
6. Baker P. American and British English: Divided by a common language? – London: Cambridge University Press, 2017. – 264 p.
7. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987– 345 p.
8. Grice H. P. Logic and Conversation // Syntax and Semantics. – 1975. – Vol. 3. – Pp. 41–58.
9. Ide S. Formal forms and discernment: Two neglected aspects of linguistic politeness // Multilingua. – 1989– № 8. – Pp. 223–248.
10. Kolar K. Politeness Strategies in Croatian University Student–Teacher Email Communication // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Материалы XI Международной научной конференции. – Челябинск, 2022. – Т. 2. – С. 72–76.
11. Lakoff R. Language and woman's place // Language in Society. – 1973. – Vol. 2. – № 1. – Pp. 45–79.
12. Larina T. Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies // International Review of Pragmatics. – 2015. – № 7. – Pp. 195–215.
13. Leech G. Principles of Pragmatics. – London; New York: Longman, 1983. – 250 p.
14. Leech G., Larina T. Politeness: West and East // Russian Journal of Linguistics. – 2014. – № 4. – Pp. 9–13. EDN: 73733
15. Locher M. Power and Politeness in Action: Disagreements in Oral Communication. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2004. – 365 p.
16. Watts R. Linguistic politeness and politic verbal behavior: Reconsidering claims for universality // Politeness in Language: Studies in its History, Theory and Practice ed. by Richard J. Watts, Sachiko Ide, and Konrad Ehlich. – Berlin: Mouton de Gruyter. 1992. – Pp. 43–69.
17. Watts R. Politeness. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 304 p.
18. Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. – Berlin; New York: De Gruyter Mouton. 2003. – 502 p.

About the author

Kolar Klara, Graduate Student, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow, Russian Federation); e-mail: klara.kolar96@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-6762-2790

Об авторе

Колар Клара, аспирант Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Москва, Российская Федерация); e-mail: klara.kolar96@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-6762-2790

дата получения: 20.09.2023 г.
дата принятия: 30.10.2023 г.
дата публикации: 30.12.2023 г.

date of receiving: 20 September 2023
date of acceptance: 30 October 2023
date of publication: 30 December 2023

И. И. Конькова

Метаструктуры как отражение диалогичности в англоязычном научно-техническом дискурсе

В статье дается критический дискурс-анализ метаструктур, исходя из выполняемой ими диалогической функции (научно-технический дискурс, сфера робототехники). Цель статьи заключается в выявлении способов выражения диалогичности через метаструктуры. Актуальность статьи состоит в демонстрации реализации коммуникативной функции посредством использования метаструктур. Новизна исследования заключается в том, что впервые метаструктуры в функции диалогизации классифицируются на три группы, исходя из степени выраженности описываемого научного диалога, а также проводится критический дискурс-анализ указанных групп метаструктур. Материал исследования представлен современными текстами англоязычных статей электронного периодического издания *Robotics*, в котором были выделены дискурсивные фрагменты, содержащие метаструктуры, реализующие функцию диалогизации. В статье используются методы критического дискурс-анализа, сплошной выборки и статический метод. Делаются выводы о частности употребления выделенных типов метаструктур, выполняющих функцию диалогизации в исследуемом типе дискурса и причинах этого.

Ключевые слова: научная статья, метаструктура, диалогичность, коммуникативная функция, научно-технический дискурс, метод критического дискурс-анализа, робототехника.

Для цитирования: Конькова И. И. Метаструктуры как отражение диалогичности в англоязычном научно-техническом дискурсе // *Art Logos (искусство слова)*. – 2023. – № 4. – С. 247–256. DOI: 10.35231/25419803_2023_4_247. EDN: PXXDYO

Широкое освещение диалогичность получила в работах М. М. Бахтина, который отмечал, что понимание замысла автора произведения ведёт к пониманию его сознания, в чем и заключается диалог между автором и читателем [1]. И. Джозефс описывает диалогичность как особое отношение, интерсубъективность, средство конструирования смыслов, трансформацию значения, своего рода «уловку» (*circumvention strategy*), которая может повлиять на мыслительный процесс реципиента, на его решения [8].

Диалогичность напрямую пересекается с коммуникативной функцией, что означает, что любой вид речи – это некая форма диалога явного или скрытого. М. М. Бахтин отмечал, что «язык живет только в диалогическом общении пользующихся им. Диалогическое общение и есть подлинная сфера жизни языка. Вся жизнь языка в любой области его употребления <...> пронизана диалогическими отношениями» [1, с. 212]. По мнению Л. В. Щербы, монологическая речь представляет собой «искусственную языковую форму и <...> подлинное свое бытие язык обнаруживает в диалоге» [5; с. 3–4]. Учитывая, что по сравнению с диалогом «уровень условности при монологической письменной и устной речи существенно выше: она обращена не к конкретному собеседнику, от которого можно ждать непосредственной реакции, а к реципиенту "вообще", т. е. к некоей абстракции» [4, с. 107], важно понимать, что воздействие оказывается на конкретного адресата, а не на группу читателей в целом. Адресат и адресант являются партнерами, ведущими активный диалог. Таким образом осуществляется скрытая диалогизация монологического текста. На это указывает М. Н. Кожина, отмечая, что «если в устной обиходно-разговорной речи диалогичность выступает в своей чистой форме – явного диалога, спонтанно протекающего реплицирования, детерминированного условиями общения, то в других сферах <...> диалогичность выступает как бы в скрытой форме, хотя и сохраняет при этом отдельные черты устного диалога» [3, с. 129].

В данной статье автор придерживается точки зрения, что диалогичность представляет собой дискурсивную категорию, которая присутствует во всех типах дискурса, однако степень ее выраженности может варьироваться даже в пределах одного дискурсивного типа. Создавая свой текст, его автор учитывает многие факторы, в том числе интересы читателя, объем его фоновых знаний и др. Задача читателя состоит в обработке предложенной ему информации с целью определения ее релевантности. Так как объем современного знания очень велик, то автору научной статьи необходимо приложить особое усилие для поддержания заинтересованности читателя. Последнее осуществляется через дискурсивные средства.

Материалы и методы

В данной статье анализируются метаструктуры с позиции выполнения ими диалогической функции. Материалом исследования выступает современный англоязычный научно-технический дискурс (сфера робототехники), представленный статьями электронного периодического издания *Robotics* объемом 1190 страниц формата А4. Методом сплошной выборки был выделен 261 дискурсивный фрагмент, в котором метаструктуры создают эффект диалогичности. Отобранные метаструктуры были проанализированы с использованием метода критического дискурс-анализа и статистического метода.

Тексты научного дискурса и научно-технического, в частности, отличаются ориентацией на читателя / на автора; ориентацией на форму / на содержание; вовлечённостью читателя в дискурс [6]. Ориентация на читателя означает высокую степень диалогичности, автор избегает недосказанности, строит текст статьи таким образом, чтобы избежать его неверной трактовки читателем. Ориентация на форму является следствием ориентации на читателя, при которой текст строится и структурируется с целью создания условий для комфортного смыслоизвлечения. Для удобства продвижения читателя по тексту осуществляется рубрикация: введение, материалы и методы исследования, результаты исследования, заключение и выводы. Для того чтобы вовлечь читателя в дискурс, автор прилагает усилия, направленные на установление контакта с читателем. Степень такой вовлечённости напрямую связана с академической традицией. Если в ней преобладает ориентированность на автора или форму, то дискурс характеризуется минимальной степенью диалогичности. Если, напротив, автор ориентируется на читателя, то степень диалогичности возрастает. К. Хайланд выделяет следующие средства диалогичности: инклюзивные местоимения; директивы; ссылки на общеизвестную информацию; пояснительные вставки; вопросы [7].

Результаты

В данной статье приводятся результаты анализа способов выражения диалогичности через метаструктуры. В ходе анализа англоязычных статей было выделено три типа метаструктур, выполняющих функцию диалогизации: 1) цити-

рование других исследователей или просто ссылка на них; 2) прямое обращение к читателю; 3) эпонимы.

Рассмотрим подробно каждый выделенный тип.

1. Цитирование других исследователей или просто ссылка на них

(1) Thus, **Notash proposed** two methods for recovering a lost wrench by imposing an additive tension on the remaining cables [12]¹.

[12] Notash L. Wrench Recovery for Wire-Actuated Parallel Manipulators. In Romansy 19 – Robot Design, Dynamics and Control; Padois V., Bidaud P., Khatib O., Eds.; Springer: Viena, Austria, 2013; pp. 201–208.

(2) The accuracy of CDRPs is influenced by various effects ... A detailed list **can also be found in [4]**².

[4] Schmidt V. L. Modeling Techniques and Reliable Real-Time Implementation of Kinematics for Cable-Driven Parallel Robots Using Polymer Fiber Cables; Fraunhofer Verlag: Stuttgart, Germany, 2017.

(3) **According to the stability analysis in [20]**, the admittance controller globally asymptotically regulates the admittance error system and the position error system is passive all the time³.

[20] Cousin C. A., Rouse C. A. Dixon W. E. Split-Crank Functional Electrical Stimulation Cycling: An Adapting Admitting Rehabilitation Robot. IEEE Trans. Control Syst. Technol. 2020, 1–13.

(4) In the mid-1950s, **the Swiss Jean Tinguely was one of the first artists that developed artistic painting machines, the so-called Metamatic sculptures [15]**⁴.

[15] Bradley J. P. The Delirious Abstract Machines of Jean Tinguely. In Ecosophical Aethetics: Art, Ethics and Ecology with Guattari; Bloomsbury Publishing: London, UK, 2018; pp. 193–216.

(5) This is similar to the Cerebot, a robot system for healthcare environments **developed by Ahn et al [57]**⁵.

¹ Boschetti, G., Minto, R. Trevisani, A. Experimental Investigation of a Cable Robot Recovery Strategy // Robotics. 2021. Vol. 10 (1). DOI: 10.3390/robotics10010035. Available at: <https://www.mdpi.com/2218-6581/10/1/35> (accessed 20 August 2023).

² Martin, Ch., Fabritius, M., Stoll, J. T., Pott, A. A laser-based direct cable length measurement sensor for CDRPs // Robotics. 2021. Vol. 10 (2). DOI: 10.3390/robotics10020060. Available at: <https://www.mdpi.com/2218-6581/10/2/60> (accessed 20 August 2023).

³ Cousin, Ch., Duenas, V., Dixon, W. FES cycling and closed-loop feedback control for rehabilitative human-robot interaction // Robotics. 2021. Vol. 10 (2). DOI: 10.3390/robotics10020061. Available at: <https://www.mdpi.com/2218-6581/10/2/61> (accessed 20 August 2023).

⁴ Scalera, L., Seriani, S., Gallina, P., Lentini, M., Gasparetto, A. Human-robot interaction through eye tracking for artistic drawing // Robotics. 2021. Vol. 10 (2). DOI: 10.3390/robotics10020054. Available at: <https://www.mdpi.com/2218-6581/10/2/54> (accessed 20 August 2023).

⁵ Holland, J., Kingston, L., McCarthy, C., Armstrong, E., O'Dwyer, P., Merz, F., McConnell, M. Service robots in the healthcare sector // Robotics. 2021. Vol. 10 (1). DOI: 10.3390/robotics10010047. Available at: <https://www.mdpi.com/2218-6581/10/1/47> (accessed 20 August 2023).

[57] Ahn H. S., Lee M. H., MacDonald B. A. Healthcare robot systems for a hospital environment: CareBot and ReceptionBot. In Proceedings of the 2015 24th IEEE International Symposium on Robot and Human Interactive Communication (RO-MAN), Kobe, Japan, 31 August – 4 September 2015, pp. 571–576.

Как видно из примеров (1) – (5), цитирование работ предшественников сопровождается использованием разнообразных лексических единиц, таких как *author's name studied*, *author's name reported*, *author's name proposed*, *author's name developed*, *author's name presented*, *the aforementioned studies include*, *was described by*, *as done by name* и др. Такое многообразие выражений связано с обязательным упоминанием автора цитаты с целью соблюдения авторского права, а также признания научной ценности и значимости цитируемых работ и их автора (–ов).

2. Прямое обращение к читателю

(6) **Note that** *we are not considering mechanical, material, or other hardware aspects as the same testing that is used as standard will be used in inspection robots*¹.

(7) **Does the operator now trust the robot enough to send it into a dangerous environment? Will it do the “the right thing” when it encounters a problem?**²

(8) *To demonstrate that the methodology developed in previous sections can be effectively applied to a real scenario, let us consider a real robotic arm with 7 degrees of freedom ...*³

(9) *As far as the solutions of Figure 9 are concerned, the reader may clearly notice the discontinuities in the derivate of the joint positions at each of the three intermediate corners of the trajectory*⁴.

(10) **The reader must note that** *this new heuristic completely avoids the use of any quantitative angle parameter to make decisions*⁵.

Как показано в примерах (6) – (10), прямое обращение к читателю происходит за счет использования вопросов по теме исследования, побуждающих последнего к рефлекс-

¹ Fisher, M., Cardoso, R. C., Collins, E. C. An overview of verification and validation challenges for inspection robots // Robotics. 2021. Vol. 10 (2). DOI: 10.3390/robotics10020067. Available at: <https://www.mdpi.com/2218-6581/10/2/67> (accessed 20 August 2023).

² Ibid.

³ Cousin, Ch., Duenas, V., Dixon, W. FES cycling and closed-loop feedback control for rehabilitative human-robot interaction // Robotics. 2021. Vol. 10 (2). DOI: 10.3390/robotics10020061. Available at: <https://www.mdpi.com/2218-6581/10/2/61> (accessed 20 August 2023).

⁴ Ferrentino, E., Salvioli, F., Chiacchio, P. Globally optimal redundancy resolution with dynamic programming for robot planning A ROS implementation // Robotics. 2021. Vol. 10 (1). DOI: 10.3390/robotics10010042. Available at: <https://www.mdpi.com/2218-6581/10/1/42> (accessed 20 August 2023).

⁵ Miguel-Tomé, S. The heuristic of directional qualitative semantic: a new heuristic for making decisions about spinning with qualitative reasoning // Robotics. 2021. Vol. 10 (1). DOI: 10.3390/robotics10010017. Available at: <https://www.mdpi.com/2218-6581/10/1/17> (accessed 20 August 2023).

сии, глагола в повелительном наклонении (*note*), призыва к совместному действию (*let us*) либо обособления читателя с целью предугадывания путей восприятия предоставляемой ему информации (*the reader may/must*).

3. Эпонимы

Эпонимия представляет собой название вещей и явлений в честь реальных или мифических персонажей, широко применяется в актах вторичной номинации: при наименовании географических объектов, назывании наград, кинокомпаний, промышленных концернов [2]. В научно-техническом дискурсе такая номинация связана с изобретениями, законами, функциями и другими научными явлениями, которые именуются в честь ученых. Д. Минкова и Р. Стоквел предлагают следующее определение эпонимов: “These are new words based on names (epi- ‘upon’ onym ‘name’)” [9, p. 19]. («Это новые слова, образованные от имен»: epi- «на» онум «имя». Перевод наш. – И. К.). Велико число подобных новообразований в таких отраслях науки, как биология, физика и медицина, поскольку очень часто открытие называется в честь ученого, его совершившего. В данной статье автор под эпонимом понимает структурное образование, состоящее из имени собственного и термина (структура «антропоним + имя нарицательное»).

(11) ... and it is therefore not possible to evaluate its inversion; however, it is possible to evaluate t by adopting **the Moore–Penrose generalized inverse S^{+1}** . Данная обратная матрица была независимо описана тремя исследователями: американским математиком и педагогом Э. Г. Мур (1920), шведским геодезистом А. Е. Бьерхаммаром (1950) и британским физиком и математиком Сэром Р. Пенроузом (1955), однако название получила в честь первого и последнего ученого².

(12) On the basis of **the Taguchi method**, the method has been proposed in which CAE analysis is applied and the defective rate is reduced by adjusting the injection parameters³. Метод Тагучи представляет собой статистический метод, названный в честь

¹ Boschetti, G., Minto, R., Trevisani, A. Experimental Investigation of a Cable Robot Recovery Strategy // Robotics. 2021. Vol. 10 (1). DOI: 10.3390/robotics10010035. Available at: <https://www.mdpi.com/2218-6581/10/1/35> (accessed 20 August 2023).

² Moore–Penrose inverse. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Moore–Penrose_inverse (accessed 20 August 2023).

³ Cholleti, E. R., Stringer, J., Kelly, P., Bowen, Ch., Aw, K. Mechanical behavior of large strain capacitive sensor with barium titanate ecoflex composite used to detect human motion // Robotics. 2021. Vol. 10 (2). DOI: 10.3390/robotics10020069. Available at: <https://www.mdpi.com/2218-6581/10/2/69> (accessed 20 August 2023).

японского инженера и статистика Г. Тагучи, изначально стремящегося улучшить качество производимых товаров¹.

(13) *Kim et al. studied the hyperelastic nature of chloroprene rubber? And the results show that **the Mooney-Rivlin and Neo-Hookean models** have limitations to model the large deformations of chloroprene rubber*². Первая модель в данном примере, сделанная из гиперупругого материала, носит имена двух исследователей: американского физика М. Муни, который предложил ее в 1940 г. и английского и американского ученого в области механики Р. Ривлина, который доработал ее в 1948 г.³ Вторая модель, упомянутая в примере (8), также представляет собой модель из гиперупругого материала, однако данная модель основана на законе Гука по имени английского естествоиспытателя и изобретателя Р. Гука⁴.

(14) *Next, we calculate **the Euclidean distance** between each of the k pixels and the centre of the bounding box*⁵. Евклидова метрика (евклидово расстояние) – метрика в евклидовом пространстве – расстояние между двумя точками евклидова пространства, вычисляемое по теореме Пифагора, названо в честь древнегреческого математика и логика Евклида⁶.

(15) *A **fast Fourier transform algorithm** is used to compute **the Fourier transform of the deflection signal** which contains $N_s = 2000$ number of samples*⁷. Быстрое преобразование Фурье (FFT) – алгоритм ускоренного вычисления дискретного преобразования Фурье, позволяющий получить результат за меньшее время, именуется в честь французского математика и физика Ж. Фурье⁸.

Как следует из примеров (11) – (15), в научно-техническом дискурсе широко представлены эпонимы, которые в сжатой форме именуют описываемое автором научное явление, процесс, функцию и др., позволяя избегать объемных описательных конструкций, при этом отсылая к ученым-

¹ Taguchi methods. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Taguchi_methods (accessed 22 August 2023).

² Kabasawa, N., Noda, Y. Model-based flow rate control with online model parameters identification in automatic pouring machine // *Robotics*. 2021. Vol. 10 (1). DOI: 10.3390/robotics10010039 Available at: <https://www.mdpi.com/2218-6581/10/1/39> (accessed 22 August 2023).

³ Mooney-Rivlin model. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Mooney-Rivlin_solid (accessed 22 August 2023).

⁴ Neo-Hookean model. Available at: https://en.m.wikipedia.org/wiki/Neo-Hookean_solid (accessed 22 August 2023).

⁵ Shi, L., Copot, C., Vanlanduit, S. Gaze EMD: detecting visual intention in gaze-based human-robot interaction // *Robotics*. 2021. Vol. 10 (2). DOI: 10.3390/robotics10020068. Available at: <https://www.mdpi.com/2218-6581/10/2/68> (accessed 22 August 2023).

⁶ Euclidean distance. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Euclidean_distance (accessed: 22.08.2023).

⁷ Subedi, D., Tyapin, I., Hovland, G. Dynamic Modeling of planar Multi-Link flexible manipulations // *Robotics*. 2021. Vol. 10 (2). DOI: 10.3390/robotics10020070. Available at: <https://www.mdpi.com/2218-6581/10/2/70> (accessed 22 August 2023).

⁸ Fast_Fourier_transform. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Fast_Fourier_transform (accessed 22 August 2023).

первопроходцам в описываемой области, тем самым вовлекая читателя не только в виртуальный научный диалог с собой, но и со всеми предшественниками, занимавшимися изучением аналогичной научной проблемы.

Обсуждение и выводы

В результате анализа метаструктур в диалогической функции в научно-техническом дискурсе были сделаны следующие выводы:

1) метаструктуры в функции диалогизации делятся на три группы: ссылки и цитаты, прямое обращение к читателю, эпонимы;

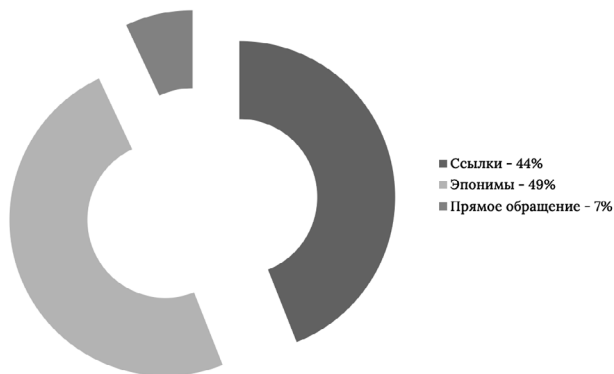

Рис. Частотность использования метаструктур в функции диалогизации

2) как следует из диаграммы, наиболее часто в исследуемом типе дискурса используются эпонимы (49%), называющие научные открытия, изобретения, функции и др. в честь исследователя. Употребление таких лексических единиц способствует компрессии информации, так как отпадает необходимость в пересказе сути достижения того или иного исследователя (что делается при использовании цитаты или сноски), достаточно просто использовать термин-эпоним;

3) на втором месте по частоте употребления стоят ссылки и цитаты (44%), которые являются неотъемлемым элементом

исследуемого типа дискурса, так как позволяют осветить степень изученности проблемы, подчеркнуть ее актуальность и новизну за счет построения научного диалога;

4) реже всего в научно-техническом дискурсе присутствует прямое обращение к читателю (7%), что напрямую связано с характеристиками рассматриваемого типа дискурса, максимально стремящегося к обезличиванию, строгости и нормированности. Желание прямого взаимодействия с читателем, скорее, больше связано с непосредственным желанием отдельно взятого автора.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – 336 с.
2. Варнавская Е. В., Ефимова Т. В. Морфологические особенности эпонимов // Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья. – 2017. – № 68. – С. 113–120.
3. Кожина М. Н., Дускаева Л. П., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. – М.: Флинта, 2020. – 464 с.
4. Славгородская Л. В. О диалогизации научной прозы // Стиль научной речи. – М.: Наука, 1978. – С. 106–120.
5. Шерба Л. В. Восточно-лужицкое наречие. – Петроград, 1915. – Т. 1. – 194 с.
6. Canagarajah S. A. Geopolitics of Academic Writing. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2002. – 344 p.
7. Hyland K. Academic Discourse. – New York: Continuum, 2009. – 256 p.
8. Josephs I. E. A psychological analysis of a psychological phenomenon: the dialogical construction of meaning // Social Science Information, Sage. – 2000. – Vol. 39 (1). – Pp. 115–129.
9. Minkova D., Stockwell R. English Words. History and Structure. – New York: Cambridge University Press, 2009. – 219 p.

Inna I. Konkova

Metastructures as Dialogization Reflection in English Scientific and Technical Discourse

This article is devoted to critical discourse analysis of metastructures according to their dialogization function (scientific and technical discourse, the sphere of robotics). The aim of the article is to find out the ways of dialogization expression via metastructures. The relevance of the article is the demonstration of text communicative function realization by means of metastructures. The novelty of the article is the fact that it is the first time when metastructures in dialogization function are classified into three groups due to the degree of the described scientific dialogue expression as well as critical discourse analysis of these groups is performed. The research material is the texts of modern English scientific articles published in periodic electronic journal Robotics containing discursive passages with metastructures in dialogization function. The critical discourse

analysis method, the method of continuous sampling and statistic method are applied. Conclusions about the usage frequency of the selected metastructure types performing dialogization function in the studied discourse and the reasons of it are made.

Key words: scientific article, metastructure, dialogization, communicative function, scientific and technical discourse, critical discourse analysis method, robotics.

For citation: Konkova, I. I. (2023) Metastruktury kak otrazhenie dialogichnosti v angloyazychnom nauchno-tekhnicheskom diskurse [Metastructures as dialogization reflection in English scientific and technical discourse]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 247–256. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_4_247. EDN: PXXDY0

References

1. Bahtin, M. M. (2000) *Avtor i geroj. K filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk* [Author and character. To philosophical bases of humanities]. St. Petersburg: Azbuka Publ. (In Russian).
2. Varnavskaya, E. V., Efimova, T. V. (2017) Morfologicheskie osobennosti eponimov [Morphological features of eponyms]. *Nauchno-medicinskij vestnik Central'nogo Chernozem'ya – Medical Scientific Bulletin of Central Chernozemye*. No. 68. Pp. 113–120. (In Russian).
3. Kozhina, M. N., Duskaeva, L. R., Salimovskij, V. A. (2020) *Stilistika russkogo yazyka* [Russian Language Stylistics]. Moscow: Flinta Publ. (In Russian).
4. Slavgorodskaya, L. V. (1978) O dialogizacii nauchnoj prozy [About scientific prose dialogization]. *Scientific speech style*. Moscow: Nauka Publ. Pp. 106–120. (In Russian).
5. Shcherba, L. V. (1915) *Vostochno-luzhickoe narechie* [East-luzhisk dialect]. Petrograd, 1915. Vol. 1. (In Russian).
6. Canagarajah, S. A. (2002) *Geopolitics of Academic Writing*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
7. Hyland, K. (2009) *Academic Discourse*. New York: Continuum.
8. Josephs, I. E. (2000) A psychological analysis of a psychological phenomenon: the dialogical construction of meaning. *Social Science Information*, Sage. Vol. 39 (1). Pp. 115–129.
9. Minkova, D., Stockwell, R. (2009) *English Words. History and Structure*. New York: Cambridge University Press.

Об авторе

Конькова Инна Игоревна, доцент Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева кандидат филологических наук (г. Саранск, Российская Федерация); e-mail: mirna_13@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-3326-0493

About the author

Inna I. Konkova, Associate Professor, Ogarev Mordovia State University, PhD in Philology (Saransk, Russian Federation); e-mail: mirna_13@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-3326-0493

дата получения: 26.08.2023 г.
дата принятия: 30.10.2023 г.
дата публикации: 30.12.2023 г.

date of receiving: 26 August 2023
date of acceptance: 30 October 2023
date of publication: 30 December 2023

Е. В. Купчик, С. Ма

Антропоморфные метафоры С. Есенина с областью цели «природа» в аспекте перевода на китайский язык

В статье рассматриваются антропоморфные метафоры С. А. Есенина как репрезентанты когнитивной модели «природа – человек» в их переводах на китайский язык. Переводы Гу Юньпу, Лань Мань, Лю Чжэньцзю, Чжэн Чжэн, Чжэнь Тиву анализируются с точки зрения сохранения в них метафорических образов. Выявляются типы переводческих трансформаций в области грамматики и лексики (перестановка, добавление, замена и др.). Указывается на сочетание разных переводческих трансформаций в рамках одного фрагмента, содержащего антропоморфную метафору. Определяется тематическая группа наиболее сложной для перевода лексики. Производится сопоставление различных вариантов перевода одних и тех же антропоморфных метафор С. А. Есенина разными авторами с выявлением сходства и различия языкового воплощения метафорической модели. Выявляется автор переводов, наиболее точно передающий метафорические образы природы в текстах поэта. Отмечается, что при сохранении в большинстве случаев метафорической модели исходного текста ее языковое воплощение в переводе в той или иной степени отличается от представленного в оригинале.

Ключевые слова: С. А. Есенин, антропоморфная метафора, метафорическая модель, русский язык, китайский язык, перевод, переводческие трансформации.

Для цитирования: Купчик Е. В., Ма С. Антропоморфные метафоры С. Есенина с областью цели «природа» в аспекте перевода на китайский язык // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 4. – С. 257–275. DOI: 10.35231/25419803_2023_4_257. EDN: TCLFIU

Феномен метафоры подвергается научному осмыслению с времен античности и до настоящего времени, являясь темой многочисленных трудов по лексикологии, семантике, лингвокультурологии и др. Понимаемая в лингвистической стилистике достаточно узко – как «перенос по сходству», «более краткое сравнение» [18, с. 396] и традиционно помещаемая в один ряд с другими тропами (олицетворением, перифразой и др.) метафора в языкознании конца XX – начала XXI вв. рассматривается не только как многоплановое языковое явление. С зарождением и ста-

новлением когнитивной лингвистики (этапы формирования, теоретические установки, тенденции развития которой отражены в многочисленных исследованиях отечественных и зарубежных ученых, например, Е. С. Кубряковой [13], В. З. Демьянкова [8], Е. В. Рахилиной [20], А. Ченки [25] и др.) связано представление о метафоре как когнитивном феномене. В сознание человека встроено «концептуальный каркас» [24, с. 108], в связи с чем особо значимым является исследование метафорических моделей, базирующихся на моделях когнитивных. Человек как «система переработки информации» [8, с. 17] познает и объясняет мир посредством метафоры, которая, как отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон, представляет собой понимание и переживание сущности одного вида в терминах совершенно иной сущности [11, с. 10]. Осмысление какой-либо концептуальной области происходит посредством обращения к другой, и таким образом – путем выявления метафорических моделей – может быть описан целый дискурс (как это показал, например, А. П. Чудинов в исследовании политической метафорологии [27]). Метафорические смысловые схемы, как отмечает З. И. Резанова, лежат в основе ключевых концептов русского языка, что дает возможность говорить о метафорическом фрагменте русской языковой картины мира [21, с. 28].

Особенно важную роль в метафорическом моделировании мира играет одна из наиболее древних метафор – антропоморфная, «проецирующая» человека на окружающий его мир [22, с. 60]. Представление о природе как о человеке отражает важнейшие константы когнитивной теории метафоры – «человек» и «мир»; человек во всем богатстве его проявлений от телесного облика, физиологии до внутреннего мира – и является «безграничным источником метафорического обогащения» [3, с. 28].

Антропоморфный образ природы широко и глубоко раскрывается в поэзии С. А. Есенина, с полным основанием называемого певцом русской природы. Авторы многочисленных научных трудов, посвященных творчеству поэта, неоднократно указывали на одушевленность, очеловеченность есенинской природы. Об этом, например, подробно пишет А. М. Марченко [17]. Исследователи языковой картины мира С. Есенина при описании лингвокогнитивного уровня языко-

вой личности поэта указывают на преимущественно антропоморфный характер природных реалий – олицетворенных, способных к коммуникации с человеком [9, с. 52].

Произведения С. Есенина, переведенные на разные языки мира, пользуются большой популярностью также и в Китае: они не только занимают важное место в курсе зарубежной литературы в учебных заведениях страны, но и входят в круг чтения многих китайцев, интересующихся как русской культурой в целом, так и творчеством данного автора. Как отмечает Ли Цин в работе об истории переводов Есенина в Китае и состоянии китайского есениноведения, жители страны испытывают к поэту и его творчеству «особое сердечное чувство», обусловленное в том числе и тем, что поэзия С. Есенина отражает особенности русской национальной культуры и внимание к таким значимым темам, как природа, деревня и родина, и высоко оценивает деятельность авторов переводов есенинских текстов на китайский язык [16; с. 90–91]. Гу Юньпу во введении к китайскому изданию стихотворений Есенина пишет, что уникальный идиостиль поэта, имеющий истоки «в родной земле», неразрывно связан с русской поэтической традицией, в том числе и фольклором [30, с. 5].

Поэтический текст, имеющий ряд принципиальных отличий от текста нехудожественного, содержащий помимо фактуальной информации глубинную, концептуальную, а также эстетическую, являющую собой сложнейший информационный комплекс [7], представляет значительную трудность для переводчиков. Как отмечает Ю. Найда, переводчики в стремлении передать содержание обычно жертвуют формой произведения, в результате чего поэтический текст, переведенный прозой, оказывается не полностью эквивалентным исходному варианту [19, с. 116]. По мнению Л. С. Бархударова, отсутствие иноязычного аналога какого-либо элемента оригинального текста не является препятствием для полноценного перевода произведения, представляющего собой структурно-семантическое целое, которому подчинены его составные части [1, с. 41]. В арсенале переводчика имеется немало возможностей для адекватной передачи языка оригинала. В классических (и неоднократно переизданных) трудах по теории перевода Я. И. Рецкера [23], Л. С. Бархударова [2] и др. опи-

саны разнообразны виды переводческих трансформаций, применяемых и при переводе метафор, внимание к которым не ослабевает и в работах последних лет (см., напр.: 14]).

Исследователи художественного текста (в том числе и в аспекте его перевода) считают важным соблюдение «закона сохранения метафоры», суть которого заключается в максимальном – по возможности – сохранении отраженного в метафоре образа [6, с. 81]. Перевод метафоры с одного языка на другой представляет известную сложность. Различия образных систем тех или иных языков обуславливают проблематичность сохранения метафоры в переводе. В литературе о художественном переводе описан ряд возможных действий переводчика, имеющего дело с метафорами: перевод в неизменном виде, буквальный; перевод метафоры сравнением или парафразом; снятие метафоры, неметафорическая передача смысла; опущение метафоры, ее устранение из текста и др. П. Ньюмарк говорит о двух стратегиях перевода – семантической, ориентированной на «культурно-языковую среду оригинала», и коммуникативной, учитывающей главным образом интересы адресата. Для художественной литературы особо значим семантический перевод. П. Ньюмарк считает, что вопросы перевода метафор зависят от их простоты или сложности, общераспространенности или ограниченности, степени оригинальности и других факторов, с учетом которых выбираются те или иные способы перевода. В качестве оптимального способа ученый называет подбор эквивалентной метафоры со схожим образом. При отсутствии в иностранном языке аналогичных метафорических конструкций переводчик должен найти способ передачи смысла метафорического выражения с учетом соответствующего эмоционального воздействия на адресата [29, с. 107]. Задача переводчика усложняется в случае обращения к типологически несходным языкам – таким, как русский и китайский.

Таким образом, актуальность исследования связана 1) с важностью рассмотрения проблем перевода, в том числе относящихся к трансформациям, которым подвергается исходный текст в результате переводческой деятельности; 2) с обращением к поэзии С. А. Есенина; 3) с необходимостью дальнейшего изучения метафоры, понимаемой в современ-

ной лингвистике как способ познания и объяснения мира. Новизна работы обусловлена недостаточной изученностью антропоморфных метафор С. Есенина как объекта перевода на китайский язык, практическая значимость – возможностью использования при изучении русской лингвокультуры, отраженной в поэтической картине мира, поэтических произведениях С. Есенина в китайской аудитории, в переводческой практике. Цель исследования – характеристика метафорической репрезентации когнитивной модели «природа – человек» в переводах поэзии С. Есенина на китайский язык – раскрывается в следующих задачах: выявить в китайских переводах стихотворений С. Есенина фрагменты, соответствующие реализациям антропоморфной метафоры с областью цели «природа» в оригинальном тексте; оценить переводной материал в плане сохранения/несохранения модели «природа – человек»; выявить типы переводческих трансформаций, использованных авторами переводов; определить и описать группу лексики, представляющей наибольшую трудность для переводчика; проанализировать антропоморфные метафоры в разных переводах одних и тех же текстов С. Есенина.

Материалы и методы

Источниками материала исследования являются переводы произведений С. Есенина [10] на китайский язык, авторами которых являются Гу Юньпу [31], Лань Мань, Фу Кэ, Чжэнь Шоучен [32], Лю Чжаньцю [33], Чжэн Чжэн [34], Чжэнь Тиву [35]. Сборники данных авторов включают основной массив переведенных на китайский язык стихотворений С. Есенина (отметим, что в настоящее время переведены не все произведения поэта). Рассмотрению подвергались переводы реализаций когнитивной модели «природа – человек» – компаративных тропов, главным образом, метафор. В переводных текстах нами было выявлено 296 случаев уподобления человеку объектов природы. В процессе рассмотрения соответствующих контекстов и сопоставления их с фрагментами текстов оригинала выявлялись случаи сохранения, модификации или утраты в процессе перевода антропоморфного образа; определялись группы лексики, репрезентирующей метафорический образ; рассматривались виды переводческих трансформаций в об-

ласти лексики и грамматики; производилось сопоставление разных переводов одного и того же фрагмента оригинального текста с целью определения степени их эквивалентности оригиналу и проявления индивидуальности переводчика.

Результаты

При проведенном нами ранее сопоставительном исследовании антропоморфных метафор С. Есенина и «китайского Есенина» Хайцзы мы выявили в есенинских текстах ряд тематических групп антропоморфных метафор, к сфере цели которых относятся разнообразные реалии мира природы (растения, животные, природные явления, объекты земного, воздушного, водного пространства), а к сфере источника – человек (детали внешнего облика, речь, движения, чувства и т. д.) [15]. Рассмотрение китайских переводов произведений С. Есенина привело нас к выводу о сохранении почти во всех случаях метафорических моделей, реализованных в оригинальных текстах; вместе с тем мы наблюдали разного рода различия в языковом воплощении данных моделей в исходном и переводном тексте.

Отмечая то обстоятельство, что сопоставление двух языков сводится главным образом к сравнению их грамматических систем, Чжао Юньпин указывает, что и русская, и китайская грамматика относятся к числу наиболее сложных среди грамматик языков мира, и если русская грамматика «трудна своей сложностью», то китайская – «своей простотой», что иллюстрируется, например, неизменяемостью слов в китайском языке – в отличие от русского [28, с. 22]. Из содержания трудов по сопоставительной грамматике данных языков [4; 28] явствует, что особенно заметными при переводе будут отличия в области синтаксиса. Для китайского языка характерен строгий, не допускающий, в отличие от русского, каких-либо вариаций порядок слов: подлежащее стоит в начале предложения, сказуемое – после подлежащего, определение – перед определяемым словом и т. д.; нарушение данного порядка приводит, как правило, к изменению грамматического значения слов и смысла всего предложения.

При рассмотрении переводов антропоморфных метафор С. Есенина на китайский язык выявлено широкое (87% от об-

щего объема материала) использование переводчиками такой синтаксической трансформации, как *перестановка* (слов, словосочетаний). Активное использование данного вида трансформации обусловлено как достаточно свободным порядком слов в русском языке, так и значительной его вариативностью в поэтическом тексте, обусловленной ритмом стиха, необходимостью выразить эмоцию, желанием автора привлечь внимание на то или иное слово и др. (прием инверсии), а также особенностями творческой манеры С. Есенина. В его произведениях глагол-сказуемое часто оказывается перед подлежащим, обозначающим субъект действия, а иногда стоит в начале предложения и текста в целом – в сильной позиции, получая тем самым стилистическую «нагруженность»: «Зашумели над затоном тростники...»; «Проплясал, проплакал дождь весенний...»; «Сыплет черёмуха снегом...» и др. Чаше всего китайские переводчики осуществляют перестановку сказуемого, перенося его из начала в предложения в позицию после подлежащего, а также перемещение определения из постпозиции в препозицию по отношению к определяемому слову, например: «Улыбнулись сонные березки...» [10, IV, с. 66] – «睡梦初醒的小白桦微微一笑» [31, с. 40] (Сонные березки улыбнулись); «Воробышки игривые, / Как детки сиротливые, / Прижались у окна» [10, I, с. 17] – «一些顽皮可爱的小麻雀蜷缩在窗户下, 瑟瑟索索, 像一群孤儿般让人心疼» [34, с. 2] (Игривые воробышки прижались у окна, как сиротливые детки).

В большинстве случаев перестановка дополняется другими видами синтаксических и иных трансформаций. Более трети от общего количества рассмотренного нами переводного материала отражает наличие такой грамматической трансформации, как *добавление*. Если изменение порядка слов при переводе связано с учетом особенностей китайской грамматики, то добавление слов, фразеологических оборотов и иных словосочетаний, в том числе метафорических, расширяющих структуру предложения, вызваны, на наш взгляд, субъективным мнением переводчика относительно того, как должна выглядеть та или иная метафора или предложение в целом. Например, Лань Мань вводит в конструкцию дополнительный глагол-сказуемое, переводя предложение «На бору со звонами плачут глухари» [10, I, с. 28] как «雷鸟

啼哭着飞向着青青的松林» [32, с. 7] (Глухари плачут и летают в бору). Гу Юньпу переводит есенинские строки «Не слышать мне ту песню отрадную, что в саду распевал соловей» [10, IV, с. 14], добавляя словосочетание «мою любовь»: «我听不到那支欢快的歌了，夜莺在花园曾唱出我的爱» [31, с. 22] (Не слышать мне ту отрадную песню, которой соловей в саду воспевал мою любовь!). Лю Чжаньцю перевел эти же строки с добавлением отсутствующей в оригинале метафоры, в результате чего в предложении появляется новая предикативная часть: «我不能听见那支欢乐的歌，夜莺在花园里唱，动人心怀» [33, с. 11] (Не слышать мне ту отрадную песню, что в саду распевал соловей, которая затрагивает человеческие струны!)

В переводах стихотворений Есенина на китайский язык встречаются многочисленные замены, состоящие в замещении слова словосочетанием (в том числе фразеологического и метафорического характера), метафоры – сравнением и др. Такие случаи составляют примерно четвертую часть от общего количества материала. Например, Лю Чжаньцю в стихотворении «Песнь о собаке» заменяет форму «в полях» на метафору: «纤细的月牙滑过去了，隐入小丘后田野的怀抱» [33, с. 49] (Тонкий месяц скользил, скрылся за холм в объятие поля). Словосочетание «в страну далёкую» из стихотворения «Поёт зима – аукает...» этот же переводчик заменяет китайским фразеологизмом, имеющим значение «очень далеко» (天涯海), и предложение в его переводе выглядит следующим образом:

«灰白色的云朵 带着深沉的忧郁 浮游向那天涯海角» [33, с. 3] (Седые облака с глубокой тоской плывут на край небес и в дальний уголок моря). Авторы переводов нередко прибегают к трансформации метафоры в сравнительный оборот. Например, Чжэн Чжэн переводит строки «И вызванивают в чётки ивы – кроткие монашки» [10, I, с. 39] как «睡梦初醒的小白桦微微一笑» [34, с. 21] (Ивы, как кроткие монашки, звенят чётками). Замены метафоры на сравнение используются разными переводчиками. Например, Гу Юньпу переводит строки «Осенний холод ласково и кротко крадётся мглой к овсяному двору...» [10, I, с. 74] как «秋寒似烟雾亲昵而温顺地偷偷袭向晒燕麦的场院...» [31, с. 71] с употреблением сравнения «холод крадётся, как дым». Строки «Кудрявый сумрак за горой / Рукою машет белоснежной» [10, I, с. 70] в переводе Лю Чжаньцю

выглядят следующим образом: «山那边袅袅升起的暮色，像用洁白的手在向我招呼» [33, с. 45] (Сумрак медленно восходит за горой, как белоснежной рукой мне машет).

Опущение как грамматическая трансформация заключается в пропуске в переводном тексте языковых единиц, имеющих в тексте оригинала. Случаи устранения компонентов предложения составляют примерно пятую часть рассмотренного материала. Например, Чжэн Чжэн в переводе строки «А месяц скользил тонкий / И скрылся за холм в полях» («Песнь о собаке») не только изменил порядок следования членов предложения, но и убрал одно сказуемое – глагол «скользить»: «秀丽的明月却悄悄隐藏，隐入田野上的一座山丘» [34, с. 32] (Тонкий месяц скрылся за холм в полях). Предложение «И клены морщатся ушами длинных веток» [10, II, с. 94] Гу Юньпу перевел как «枫树竖起长长的耳朵倾听谈话» [31, с. 147] (Клены навестили длинные уши, слушают разговор). Устранив упоминание о ветках, переводчик сделал есенинский образ менее конкретным. В данном примере присутствует добавление «слушают разговор», которое мотивировано в тексте «Русь советская» упоминанием в предыдущих строках о беседе крестьян, однако в данном предложении в оригинале отсутствует информация о том, что клены прислушиваются к разговору. Лю Чжанью переводит строки «Тот почти берёзке каждой / Ножку рад поцеловать» [10, I, с. 291] как «他就会喜欢每一棵白桦树，高兴地抱着它亲了又亲» [33, с. 179] (рад ее обнять и поцеловать), пропуская слово «ножка», и т. д.

Морфологические трансформации встречаются значительно реже синтаксических, они составляют примерно одну седьмую часть от общего количества материала. При замене переводчиком слова одной части речи на слово, относящееся к другой части речи, как правило, изменяется и структура предложения, а иногда и его тип. Например, двусоставное предложение с основой «грезит ночь» становится односоставным номинативным («глубокая ночь»), номинативное («тоска равнин») двусоставным. Словосочетание превращается в предикативную основу: например, «песни весны» переведены как «весна поёт», «метельные всхлипы» как «метель всхлипывает» и т. д. В китайском языке отсутствует такая глагольная форма, как деепричастие, поэтому переводчик использует глагол.

Например, предложение «Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло» [10, I, с. 28] в переводе выглядит как «雷鸟藏在树洞里也在哭泣» [33, с. 5] (иволга спряталась в дупло плакать).

Лексические трансформации в переводе метафор С. Есенина особенно заметны при обращении к религиозной лексике, широко используемой поэтом, в творчестве которого весьма важное место занимает тема православия, как отмечает, например, О. Е. Воронова, рассматривающая творчество С. Есенина в аспекте русской духовной культуры [5]. Природа в есенинских текстах представляется храмом – с его внешним и внутренним убранством, священнослужителями и монахами, службами, таинствами, в которых активно участвуют растения, животные, явления природы, объекты земного, водного, воздушного пространства. В связи с различием религиозных традиций двух народов для перевода русской церковной лексики в китайском языке в большинстве случаев нет точных эквивалентов, соответствующие слова передаются с помощью особых иероглифов. Такая лексика (наименования священнослужителей, предметов церковного обихода и т. д.) зачастую переводится посредством подбора синонима, использования слов с более широким значением, а также описательных характеристик с толкованием значений слов. Если, например, строки «На дворе обедню стройную / Запевают петухи» [10, I, с. 39] в переводе выглядит как «公鸡在院子里引颈高啼，唱着对上帝的庄严颂歌» [34, с. 21] («Петухи на дворе запевают богу стройную обедню»), то «схимник ветер» переводится как «风儿苦行僧» (ветер-монах), а строки «У лесного аналоя / Воробей псалтырь читает» [10, I, с. 55] как «麻雀在读经台旁读圣经» [33, с. 18] (Воробей читает книгу псалмов у лесного стола, предназначенного для чтения священных книг).

В некоторых случаях отсутствие китайских аналогов русских церковных слов приводит к утрате в метафорическом выражении религиозной семантики. Таков, например, неоднократно используемый Есениным по отношению к природным объектам глагол «венчаться», относящийся к церковному таинству освящения и благословения брачного союза, который переводится как «麻雀在读经台旁读圣经» [33, с. 18] (устроить свадебный обряд). Орарь как принадлежность облачения дьякона в виде носимой через плечо парчовой ленты в пере-

воде строки «Синею водою солнце моюсь, / Свой орарь мне кинуло к ногам» [10, IV, с. 150] выглядит так: «太阳沐浴着蓝色的水, 把它的圣带扔到我脚旁» [33, с. 83] (Солнце мылось синей водой, кинуло свой плечевой ремень к моим ногам). Строка «Резеда и риза кашки» [10, I, с. 39] переведена как «木犀草和三叶草的僧服» [34, с. 21], то есть «риза» переведена как «монашеский халат»), что искажает есенинский образ праздничной земли, покрытой белым и розовым клевером, поскольку одежда как русских, так и китайских монахов не соотносится с образом цветущей земли ни по цвету, ни по настроению; к тому же риза – это не монашеская одежда, а облачение священника. При переводе строк «Как будто тысяча / Гнусавейших дьячков, поет она плакидой – / Сволочь – вьюга!» [10, II, с. 130]. Лань Мань и Лю Чжаньцю заменяют форму «дьячков» на «людей» (人们), превращая есенинскую вьюгу из церковнослужителя в обычного участника похорон. В отдельных случаях антропоморфная метафора при переводе полностью разрушается. Например, строка «Звонки ветры панихидную поют» [10, I, с. 30] в переводе выглядит как «风唱的歌也惹人忧愁» [32, с. 22] (Человек грустит о звонких ветрах); «мать-земля черница» [10, I, с. 98] (то есть монахиня) – как «黝黑的大地母亲» [35, с. 32] (черная мать-земля).

Мы полагаем, что неточности переводов могут быть объяснены сравнительно поздним появлением соответствующих лексикографических источников: например, русско-китайский словарь православной лексики под редакцией М. В. Румянцевой [12] опубликован в 2021 г., а его первое издание вышло в свет также в начале XXI в. Кроме того, в Китае, в отличие от России, традиционные религиозные направления отличаются многообразием (конфуцианство, буддизм, даосизм и др.) [26, с. 5].

Некоторые произведения Есенина знакомы китайскому читателю в нескольких переводах, которые, как правило, имеют определенные отличия. Сравним переводы первого предложения из стихотворения с одноимённым названием «Выткался на озере алый свет зари...» [10, I, с. 28], сделанные тремя переводчиками. Это Гу Юньпу: «湖面上织出了红霞的锦衣。顾蕴璞» [31] (На озере ткали роскошную одежду красной зари); Лю Чжаньцю: «朝霞在湖上织成鲜红的锦缎。刘湛秋» [33] (Заря

на озере ткала красную парчу); Чжэн Чжэн: «湖水上织出了一片晚霞的嫣红。郑铮» [34] (На озере ткали алый свет вечерней зари). Все авторы переводов сохраняют в целом смысл предложения, не утрачивается и метафорическая модель, реализации которой передают представление о женском образе зари и процессе изготовления ткани. Вместе с тем наблюдаются и различия в переводах, касающиеся как лексики (например, варианты *свет – парча – одежда*), так и грамматики. Если в варианте Лю Чжанью заря является субъектом действия, обозначенного формой глагола «ткать», то в переводах Чжэн Чжэн и Гу Юньпу она не имеет отношения к процессу изготовления ткани, соответствующее действие осуществляется без ее участия. В данных примерах, как и во многих других, наблюдается сочетание разных переводческих трансформаций грамматического и лексического плана; используются перестановка, замена одного члена предложения на другой, добавление.

Отметим, что в некоторых случаях отклонения перевода от текста оригинала обусловлены особенностями китайской культуры. Например, строки «И берёзы в белом / Плачут по лесам» [10, IV, с. 232] в переводе Гу Юньпу выглядят как «白桦穿着孝，哭遍了树林» (Берёзы носят траурную одежду, плачут в лесу). Белая одежда в китайской культуре – знак траура, ее надевают люди, оплакивающие умершего.

Рассмотрение переводов стихотворений Есенина приводит к выводу о том, что их авторы в некоторых случаях допускают неточности, вызванные, как нам представляется, как личными вкусами переводчиков, так и неполным пониманием ими оригинальных текстов. Данные неточности проявляются как на лексическом, так и на грамматическом уровнях. Например, в переводе строки «О красном вечере задумалась дорога» [10, I, с. 74] переводчики сохраняют предикативную основу, но производят замену глагола: вместо «задумалась» – «怀想» (вспоминает) [31, с. 71], «思忖着» [33, с. 59] (скачает). Характеристика леса в предложении «Лес застыл без печали и шума» [10, I, с. 32] представлена в переводах следующим образом: «没有痛苦» [33, с. 51] (без страдания) и «无怨无悔地» [35, с. 29] (без жалобы и раскаяния). Лань Мань превращает сочетание подлежащего и сказуемого в именное словосочетание «呆立的树林» [32, с. 33] (остолбенелый лес). В одном из переводов стихотворения

«Пороша» при описании покрытой снежной косынкой сосны заменена форма единственного числа слова «сосна» (栎山松) на множественное (栎栎山松), в результате возникает отсутствующий в оригинале образ толпы старушек-сосен [32, с. 20].

В некоторых случаях в результате переводческих действий изначальная образность оказывается утраченной или видоизмененной. Например, в переводе строк «Там, где капустаные грядки / Красной водой поливает восход» [10, I, с. 16], в которых восход предстаёт производителем действия, уподобляясь огороднику, Лань Мань устраняет действующего субъекта: «在白菜地的畦垄上，流动着红色的水浪» [32, с. 4] (На капустные грядки льётся красная вода). Чжэнь Тиву переводит строки «Опять весенним гулом / Приветствует нас дол» [10, I, с. 134] как «又一次，春天在平原上向我们大声欢呼» [35, с. 66] (Весна на равнине кричала от радости), заменяя как производителя действия, так и само действие.

Обсуждение и выводы

Рассмотрение антропоморфных метафор С. А. Есенина в переводах на китайский язык позволяет сделать вывод, что в большинстве случаев наблюдается сохранение метафорических моделей, репрезентирующих когнитивную модель «природа – человек», что относится как к области цели (обозначение разнообразных реалий природного мира – от флоры и фауны до пространственных объектов), так и к области источника (внешний облик человека, его речь, действия, эмоциональная сфера и др.) При переводе есенинских метафор широко используются переводческие трансформации – как грамматические, среди которых наиболее употребительной является перестановка, обусловленная главным образом синтаксическими особенностями китайского языка, так и лексические, связанные как с отсутствием в китайском языке соответствующих понятий (например, религиозной сферы), так и с собственными предпочтениями переводчика, в результате чего происходит видоизменение есенинского образа – вплоть до утраты (в отдельных случаях) метафорической модели. Характерным для китайских переводов является комбинирование грамматических и лексических трансформаций. Наиболее точное отражение антропоморфных метафор

С. Есенина отмечено нами в переводах Гу Юньпу – известного исследователя творчества Есенина, автора комментариев ко многим его произведениям. В переводах Лю Чжанью, по сравнению с другими авторами, наблюдается большее количество отсутствующих в текстах оригинала языковых элементов (например, фразеологизмов).

Значимость антропоморфных метафор С. Есенина (как и метафор в целом), являющихся источником богатой информации как о поэтическом идиостиле любимого и ценимого в Китае поэта, так и о русской народной культуре, языковой картине мира народа, обуславливает важность дальнейших исследований китайских переводов метафор в плане их семантики, структуры, приемов перевода, способствующих адекватной передаче как смыслового, так и поэтического содержания метафорических образов в поэзии С. А. Есенина.

Список литературы

1. Бархударов Л. С. Некоторые проблемы перевода английской поэзии на русский язык // Тетради переводчика. – М.: Высшая школа, 1984. – Вып. 21. – С. 38–48.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
3. Бурмакова Е. А. Когнитивная природа антропоморфной метафоры в художественном дискурсе // Язык и культура. – 2015. – № 3. – С. 28–36.
4. Волков К. В., Гурулева Т. Л. Сопоставительный анализ типологических характеристик китайского и русского языков // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. – 2018. – № 8 (131). – С. 148–154.
5. Воронова О. Е. Сергей Есенин и русская духовная культура. – Рязань: РГПУ им. С. А. Есенина; Узорожье, 2002. – 512 с.
6. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
7. Гончаренко С. Ф. Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность // Тетради переводчика: научно-теоретический сб. – М.: МГЛУ, 1999. – С. 107–122.
8. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
9. Дронсейка Р. П. Языковая личность С. Есенина сквозь призму концептуального пространства русской деревни // Гуманитарные исследования. – 2016. – № 2 (11). – С. 51–53.
10. Есенин С. А. Полное собрание сочинений: В 7 томах. (9 книг) / Гл. ред. Ю. Л. Прокушев. – М.: Наука; Голос, 1995–1996.
11. Лакофф Д., Джонсон М.. Метафоры, которыми мы живём: пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – изд. 2-е. – М.: ЛКИ, 2008. – 256 с.
12. Краткий тематический русско-китайский словарь православной лексики. Под ред. М. В. Румянцевой. – М.: Китайское Патриаршее подворье, 2021. – 287 с.
13. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 6–17.
14. Кулемина К. В. Основные виды переводческих трансформаций // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2007. – № 5 (40). – С. 143–146.

15. Купчик Е. В., Ма С. Антропоморфные метафорические модели концептуальной сферы «природа» в поэзии С. Есенина и Хайцзы // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2021. – Т. 7. – № 4 (28). – С. 60–77.

16. Ли Ц. Поэзия С. А. Есенина в Китае // Евразийский гуманитарный журнал. – 2022. – № 3. – С. 86–92.

17. Марченко А. М. Поэтический мир Есенина. – М.: Советский писатель, 1972. – 312 с.

18. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. – изд. 3-е, испр. и доп. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 940 с.

19. Найда Ю. К науке переводить // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Сб. статей. Под ред. В. Н. Комиссарова. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 114–137.

20. Рахилина Е. В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2000. – Т. 59. – № 3. – С. 3–15.

21. Резанова З. И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2010. – № 1 (9). – С. 26–43.

22. Резанова З. И., Абрамова А. А. Антропоморфная метафорическая интерпретация концептуальной сферы «средства передвижения» (степень метафоричности концептуальной сферы и продуктивности метафорической модели) // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2014. – № 3 (29). – С. 60–73.

23. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. – М.: Международные отношения, 1975. – 215 с.

24. Сегал Н. А. Метафорические модели как объект современных лингвистических исследований // Ученые записки Крымского государственного федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2017. – Т. 3 (69). – № 2. – С. 108–117.

25. Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 68–78.

26. Чжан Си. Изучение религии в Китае и развитие религиоведения в новый период // Science Time. – 2020. – № 12 (84). – С. 5–8.

27. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии. Монография. – Екатеринбург: УрГПУ, 2013. – 176 с.

28. Юньпин Ч. Сопоставительная грамматика русского и китайского языков. – М.: Прогресс, 2003. – 455 с.

29. Newmark P. A Textbook of Translation. – Harlow: Pearson Education Limited, 2008. – Pp. 106–113.

30. Гу Юньпу. Введение // Есенин С. А. Избранное. Стихотворения / пер. с русского яз. Гу Юньпу. – Нанкин: Илин Чубаньшэ, 1999. С. 1–7. (顾蕴璞. 前言. 叶塞宁. 叶赛宁诗选顾蕴璞译. 译林出版社, 1999. 1–7 页).

31. Гу Юньпу. Стихотворения С. Есенина. – Пекин: Иностранное педагогическое издательство, 2006. – 275 с. (顾蕴璞. «叶赛宁诗选». 北京: 外语教学与研究出版社, 2006. 275页).

32. Лань Мань, Фу Кэ, Чэнь Шоучэн. Стихотворения С. Есенина. – Пекин: Ли Цзянь, 1983. – 202 с. (蓝曼, 付克, 陈守成. «叶赛宁诗选». 漓江出版社, 1983. 202页).

33. Лю Чжанью. Стихотворения С. Есенина. – Чэн Ду: Сы Чуань, 2015. – 223 с. (刘湛秋. «叶赛宁抒情诗选». 成都: 四川文艺出版社, 2015. 223页).

34. Чжэн Чжэн. Береза. – Пекин: Издательство иностранной литературы, 1991. – 152 с. (郑铮. «白桦». 北京: 外国文学出版社, 1991. 152页).

35. Чжэнь Тиву. Стихотворения и поэмы. – Шанхай: Шанхайское переводное издательство, 2018. – 297 с. (郑体武. «叶赛宁诗选». 上海: 上海译文出版社, 2018. 297页).

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50/50 %

Elena V. Kupchik, Xun Ma

S. Yesenin's Anthropomorphic Metaphors with the Field of the Goal "Nature" in the Aspect of Translation into Chinese

The Article examines S. A. Yesenin's anthropomorphic Metaphors as representatives of the cognitive Model "Nature – Human" in their translations into Chinese. Translations of Gu Yunpu, Lan Man, Liu Zhanqiu, Zhen Tiwu, Zheng Zheng are analyzed from the point of view of preserving metaphorical Images in them. The Types of translation Transformations in the field of Grammar and Vocabulary (Permutation, Addition, Replacement etc.) are identified. The Combination of different translation Transformations within one Fragment containing an anthropomorphic Metaphor is indicated. The thematic Group of the most difficult Vocabulary for translation is determined. The comparison of different versions of the Translation of the same anthropomorphic Metaphors of S. A. Yesenin by different Authors is carried out with the identification of Similarities and Differences in the linguistic Embodiment of the metaphorical Model. The Author of the Translations who most accurately convey the metaphorical Images of Nature in the poet's Texts are identified. It is noted that while in most cases the metaphorical Model of the source Text is preserved, its linguistic Embodiment in Translation differs to one degree or another from the one presented in the Original.

Key words: S. Yesenin, anthropomorphic metaphor, metaphorical model, Russian language, Chinese language, translation, translation transformations.

For citation: Kupchik, E. V., Ma, X. (2023) Antropomorfnye metafory S. Esenina s oblast'yu celi «priroda» v aspekte perevoda na kitajskij yazyk [S. Yesenin's Anthropomorphic Metaphors with the Field of the Goal "Nature" in the Aspect of Translation into Chinese]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 257–275. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_4_257. EDN: TCLFIU

References

1. Barhudarov, L. S. (1984) Nekotorye problemy perevoda anglijskoj poezii na russkij yazyk [Some problems of translating English poetry into Russian]. *Tetradj perevodchika* [Translator's Notebooks]. Issue 21. Pp. 38–48. Moscow: Vysshaya shkola Publ. (In Russian).
2. Barhudarov, L. S. (1975) *Yazyk i perevod. Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda* [Language and translation. Questions of general and particular theory of translation]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russian).
3. Burmakova, E. A. (2015) Kognitivnaya priroda antropomorfnoj metafory v hudozhestvennom diskurse [Cognitive nature of anthropomorphic metaphor in artistic discourse]. *Yazyk i kul'tura – Language and culture*. No. 3. Pp. 28–36. (In Russian).
4. Volkov, K. V., Guruleva, T. L. (2018) Sopotstavitel'nyj analiz tipologicheskikh harakteristik kitajskogo i russkogo yazykov [Comparative analysis of the typological characteristics of the Chinese and Russian languages]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki – News of the Volgograd State Pedagogical University. Philological sciences*. No. 8 (131). Pp. 148–154. (In Russian).
5. Voronova, O. E. (2002) *Sergej Esenin i russkaya duhovnaya kul'tura* [Sergej Yesenin and Russian spiritual culture]. Ryazan': RGPU im. S. A. Esenina; Uzoroch'e Publ. (In Russian).

6. Gal'perin, I. R. (1981) *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

7. Goncharenko, S. F. (1999) *Poeticheskij perevod i perevod poezii: konstanty i variativnost'* [Poetic translation and translation of poetry: constants and variability]. *Traditii perevodchika: nauchno-teoreticheskij sb.* [Translator's Notebooks: scientific and theoretical collection]. Moscow: MGLU Publ. Pp. 107–122. (In Russian).

8. Dem'yankov, V. Z. (1994) *Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushchego podhoda* [Cognitive linguistics as a type of interpretative approach]. *Voprosy yazykoznanija – Questions of linguistics*. No. 4. Pp. 17–33. (In Russian).

9. Dronsejka, R. P. (2016) *Yazykovaya lichnost' S. Esenina skvoz' prizmu konceptual'nogo prostranstva russkoj derevni* [The linguistic personality of S. Yesenin through the prism of the conceptual space of the Russian village]. *Gumanitarnye issledovaniya – Humanitarian Research*. No. 2 (11). Pp. 51–53. (In Russian).

10. Esenin, S. A. (1995–1996) *Polnoe sobranie sochinenij: V 7 tomah. (9 knig)* [Complete works: In 7 volumes. (9 books)] Gl. red. YU. L. Prokushev. Moscow: Nauka; Golos Publ. (In Russian).

11. Lakoff, D., Dzhonson, M. (2008) *Metaforj, kotorymi my zhivym* [Metaphors by which we live: trans. from English]. ed. A. N. Baranova; 2nd ed. Moscow: LKI Publ. (In Russian).

12. Rumyanceva, M. V. (2021) (ed.) *Kratkij tematicheskij russko-kitajskij slovar' pravoslavnoj leksiki* [A brief thematic Russian–Chinese dictionary of Orthodox vocabulary]. Moscow: Kitajskoe Patriarshee podvor'e Publ. (In Russian).

13. Kubryakova, E. S. (2004) *Ob ustanovkah kognitivnoj nauki i aktual'nyh problemah kognitivnoj lingvistiki* [About the attitudes of cognitive science and current problems of cognitive linguistics]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki – Questions of cognitive linguistics*. No. 1. Pp. 6–17. (In Russian).

14. Kulemina, K. V. (2007) *Osnovnye vidy perevodcheskih transformacij* [Main types of translation transformations]. *Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Bulletin of the Astrakhan State Technical University*. No. 5 (40). Pp. 143–146. (In Russian).

15. Kupchik, E. V., Syun', M. (2021) *Antropomorfnye metaforicheskie modeli konceptual'noj sfery «priroda» v poezii S. Esenina i Hajczy* [Anthropomorphic metaphorical models of the conceptual sphere “nature” in the poetry of S. Yesenin and Haizi]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates – Bulletin of Tyumen State University. Humanities studies. Humanities*. Vol. 7. No. 4 (28). Pp. 60–77. (In Russian).

16. Li, C. (2022) *Poeziya S. A. Esenina v Kitae* [Yesenin in China]. *Evrasijskij humanitarnyj zhurnal – Eurasian Humanitarian Journal*. No. 3. Pp. 86–92. (In Russian).

17. Marchenko, A. M. (1972) *Poeticheskij mir Esenina* [Yesenin's poetic world]. Moscow: Sovetskij pisatel' Publ. (In Russian).

18. Moskvina, V. P. (2007) *Vyrazitel'nye sredstva sovremennoj russkoj rechi. Tropy i figury. Terminologicheskij slovar'* [Expressive means of modern Russian speech. Paths and figures. Terminological dictionary]. 3d ed. Rostov-na-Donu: Feniks Publ. (In Russian).

19. Najda, YU. (1978) *K nauke perevodit'* [Towards the science of translation] *Questions of the theory of translation in foreign linguistics*. Sat. articles. Ed. V. N. Komissarova [Questions of the theory of translation in foreign linguistics. Sat. articles. Ed. V. N. Komissarova]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. Pp. 114–137. (In Russian).

20. Rahilina, E. V. (2000) O tendenciyah v razvitii kognitivnoj semantiki [On trends in the development of cognitive semantics]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka – News of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series*. Vol. 59. No. 3. Pp. 3–15. (In Russian).

21. Rezanova, Z. I. (2010) Metaforicheskiy fragment russkoj yazykovoj kartiny mira: idei, metody, resheniya [Metaphorical fragment of the Russian language picture of the world: ideas, methods, solutions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Bulletin of Tomsk State University. Philology*. No. 1 (9). Pp. 26–43. (In Russian).

22. Rezanova, Z. I., Abramova, A. A. (2014) Antropomorfnyaya metaforicheskaya interpretaciya konceptual'noj sfery «sredstva peredvizheniya» (stepen' metaforichnosti konceptual'noj sfery i produktivnosti metaforicheskoy modeli) [Anthropomorphic metaphorical interpretation of the conceptual sphere of “vehicle” (the degree of metaphoricality of the conceptual sphere and the productivity of the metaphorical model)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Bulletin of Tomsk State University. Philology*. No. 3 (29). Pp. 60–73. (In Russian).

23. Recker, YA. I. (1975) *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoy teorii perevoda* [Translation theory and translation practice. Essays on the linguistic theory of translation]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russian).

24. Segal, N. A. (2017) Metaforicheskie modeli kak ob'ekt sovremennyh lingvisticheskix issledovanij [Metaphorical models as an object of modern linguistic research]. *Uchenye zapiski Krymskogo gosudarstvennogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki – Scientific notes of the Crimean State Federal University n.a. V. I. Vernadsky. Philological sciences*. Vol. 3 (69). No. 2. Pp. 108–117. (In Russian).

25. CHenki, A. (1996) Sovremennye kognitivnye podhody k semantike: skhodstva i razlichiya v teoriyah i celyah [Modern cognitive approaches to semantics: similarities and differences in theories and goals]. *Voprosy yazykoznaniya – Questions of linguistics*. No. 2. Pp. 68–78. (In Russian).

26. CHzhan, S. (2020) Izuchenie religii v Kitae i razvitie religiovedeniya v novyj period [The study of religion in China and the development of religious studies in the new period]. *Science Time – Science Time*. No. 12 (84). Pp. 5–8. (In Russian).

27. Chudinov, A. P. (2013) *Ocherki po sovremennoj politicheskoy metaforologii. Monografiya* [Essays on modern political metaphorology. Monograph]. Ekaterinburg: UrGPU Publ. (In Russian).

28. YUn'pin, CH. (2003) *Sopostavitel'naya grammatika russkogo i kitajskogo yazykov* [Comparative grammar of Russian and Chinese languages]. Moscow: Progress Publ. (In Russian).

29. Newmark, P. (2008) *A Textbook of Translation*. Harlow: Pearson Education Limited. Pp. 106–113.

30. Gu, Yunpu (1999) Introduction. Yesenin S. A. Favorites. Poems; trans. from Russian Gu Yunpu. Nanjing. Pp. 1–7. (In Chinese).

31. Gu, Yunpu (2006) *Selected Poems of Yesenin*. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press. (In Chinese).

32. Lan, Man, Fu, Ke, Chen, Shoucheng (1983) *Selected Poems of Yesenin*. Lijiang Publishing House. (In Chinese).

33. Liu, Zhanqiu (2015) *Selected Lyrical Poems by Yesenin*. Chengdu: Sichuan Literature and Art Publishing House. (In Chinese).

34. Zheng, Zheng (1991) White Birch. Beijing: Foreign Literature Publishing House. (In Chinese).

35. Zheng, Tiwu (2018) Selected Poems of Yesenin. Shanghai: Shanghai Translation Publishing House. (In Chinese).

Об авторах

Купчик Елена Викторовна, профессор Тюменского государственного университета доктор филологических наук (г. Тюмень, Российская Федерация); e-mail: elwika@list.ru; ORCID ID: 0009-0002-9178-81-81

Ма Сюнь, преподаватель Цюйфуского педагогического университета (Цынин, Китайская Народная Республика); e-mail: maxun198821@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0003-8251-0433

About the authors

Elena V. Kupchik, Professor, Tyumen State University, Doctor of Philology (Tyumen, Russian Federation); e-mail: elwika@list.ru; ORCID ID: 0009-0002-9178-81-81

Xun Ma, Teacher, Qufu Normal University (Qining, China); e-mail: maxun198821@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0003-8251-0433

дата получения: 23.09.2023 г.

дата принятия: 30.10.2023 г.

дата публикации: 30.12.2023 г.

date of receiving: 23 September 2023

date of acceptance: 30 October 2023

date of publication: 30 December 2023

ОБЗОРЫ
И РЕЦЕНЗИИ

О. Б. Абакумова, А. Д. Бакина

7-я Международная научно-практическая конференция «Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение». Орел, 12-13 октября, 2023

В статье представлена информация о Международной конференции «Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение», которая уже в седьмой раз организуется и проводится в Орле кафедрой английской филологии Института иностранных языков Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева. Статья характеризует материалы докладов, представленных 12-13 октября 2023 года в ОГУ им. И. С. Тургенева. Участниками научно-практической конференции стали российские и зарубежные лингвисты из 8 стран мира (Россия, Белоруссия, Испания, Китай, Чехия, Венгрия, Украина, Бенин), обсудившие актуальные проблемы и перспективы современной лингвистики, лингвокультурологии, лингводидактики, теории и практики перевода. Целью мероприятия является установление образовательных и научных контактов, обмен мнениями ученых и будущих специалистов научно-образовательной сферы, повышение профессионального уровня научной молодежи, углубление взаимодействия сотрудников образовательных, научных учреждений Российской Федерации и других стран.

Ключевые слова: конференция, лингвистика, коммуникация, культура, изучение и обучение.

Для цитирования: Абакумова О. Б., Бакина А. Д. 7-я Международная научно-практическая конференция «Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение». Орел, 12-13 октября, 2023 // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 4. – С. 278–289. DOI: 10.35231/25419803_2023_4_278. EDN: LYWIUD

12–13 октября 2023 года в Орловском государственном университете имени И. С. Тургенева на базе Института иностранных языков состоялось очередное научное мероприятие, 7-я Международная научно-практическая конференция «Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение».

Пленарное заседание научно-практической конференции открылось приветствиями: проректора по научно-технологической деятельности и аттестации научных кадров, профессора Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева Сергея Юрьевича Радченко, директора депар-

тамента по международным связям, профессора Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева Светланы Анатольевны Ароновой, заместителя директора института иностранных языков Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева Алексея Валерьевича Ключкова.

Выступления гостей начались с доклада ведущего научного сотрудника Института языкознания Российской академии наук доктора филологических наук Ирины Владимировны Зыковой, которая посвятила свое выступление описанию лингвокреативного потенциала полимодального дискурса в его методологическом аспекте. Доклад был подготовлен в рамках научного гранта и представлял результаты работы группы исследователей, занимающихся данной темой несколько лет. Наибольшее внимание было уделено докладчиком методу параметризации, в частности лексическим параметрам кинодискурса. Среди лексических параметров были выделены следующие: имена регистров коммуникации (например, ввод единицы неформального регистра в коммуникативную ситуацию общения); смена социально-территориального кода (например, ввод диалектизмов, просторечных слов, контекстно-обусловленной лексики); смена профессионального кода (например, ввод термина); смена языкового кода (например, ввод иноязычного элемента); смена лингвосемиотического кода (например, ввод жеста вместо слова); лексический эмотив или экспрессив: лексический неологизм или окказионализм: парадигматическая активность (синонимы, антонимы, омонимы, паронимы); многозначность (например, энантиосемия); стилистический троп (метафора, метонимия, литота, гиперболы, оксюморон и т. п.); имя (собственное) и его модификации, прозвища, клички (ономастическая новация); ошибка (не) намеренная (лексическая, фразеологическая); фразеологизм (узуальный или модифицированный, а также потенциальный/неологизм. Исследователями был введен термин фильмоним и описана специфика его использования в заголовочном комплексе. В заключение Ирина Владимировна указала, что использование метода параметризации позволяет провести системную оценку реализации креативного потенциала языковой системы в дискурсах разных типов, в частности,

кинодискурсов; получить сопоставимые результаты, дающие возможность сравнить лингвокреативные возможности разных моно- и полимодальных дискурсов.

В своем докладе, посвященном англо-русским контактам, которые имели место между нашими странами в 11 веке, профессор из Наваррского университета Эндрю Чарльз Бриз подробно остановился на событиях, связанных с Гитой, дочерью английского монарха Харольда II, павшего в битве при Гастингсе, которая вышла замуж за русского князя Владимира Мономаха. В докладе профессора Бриза с опорой на западные источники было высказано предположение о том, что она оказала влияние на написание известного произведения своего мужа («Обращение к сыновьям»), познакомив его с древнеанглийской поэмой *Precepts*. Профессор предоставил слушающим большой список научной литературы по теме, чтобы заинтересованные смогли провести самостоятельное исследование. В работе чешского ученого Франсиса Дворника высказана мысль о том, что русский князь мог получить информацию от своей матери, греческой принцессы, и использовал греческие источники. Еще одним интересным фактом, сюрпризом, вытекающим из признания брака между русским князем и английской принцессой, является логический вывод о том, что нынешний британский монарх Карл (Чарльз) III находится в родстве с русским князем Владимиром, а его жена стала прародительницей многих европейских правителей, как западных, так и восточных. В заключение Эндрю Бриз высказал пожелание о том, что, поскольку англосаксонские ученые недостаточно владеют древнерусским, то надежды на решение этой проблемы ложатся полностью на российских исследователей.

Владимир Михайлович Савицкий, доктор филологических наук, профессор Самарского социально-педагогического университета представил доклад «Соотношение устойчивости и моделированности лингвистических единиц». В докладе рассматривались лексико-синтаксические модели словосочетаний и выявлялось обратно пропорциональная зависимость между продуктивностью этих моделей и устойчивостью порождаемых ими словосочетаний. Исследование проведено на материале английского и русского

языков. Рассмотрев и сопоставив модели словосочетаний русских и английских лингвистических единиц, Владимир Михайлович приходит к выводу: этническая лингвокультура на каждом историческом этапе располагает обширным, но всё же конечным фондом словосочетаний разной степени устойчивости; этот фонд упорядочен системой лексико-синтаксических моделей. Большинство этих словосочетаний находятся на слуху у языкового коллектива и воспринимаются как знакомые независимо от того, воспроизводятся ли они как готовые или создаются каждый раз в актах речи. Средний носитель английского языка хранит в памяти определенное число привычных сочетаний, употребление которых в речи придает ей естественность, аутентичность и должное этнолингвистическое и этнокультурное своеобразие.

Людмила Ивановна Богданова, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова посвятила свое выступление выявлению культурных эталонов красоты в русской языковой картине мира. В докладе рассматривается формирование культурных эталонов красоты в русской языковой картине мира, отмечается гендерная асимметричность языкового представления красоты, особое внимание уделяется проблеме трансляции культурных ценностей. Эталон в данном лингвистическом контексте понимается как образная подмена свойства или качества человека какой-либо реалией, которая становится знаком доминирующего, с точки зрения обиходно-культурного опыта, свойства. Богатый источник выявления национально-культурной специфики эталонов дает анализ метафорической семантики фразеологических единиц, а также углубленное изучение устойчивых сравнений. В языке закрепляются и длительное время сохраняются те образные выражения, которые отражают характерный для данной языковой общности способ мировидения. Красота как сложный лингвокультурный концепт представляет интерес в аспекте изучения национально-культурной специфики эталонов, описывающих внешнюю и внутреннюю красоту человека. Предметом рассмотрения в данной работе являются в основном культурные эталоны внешней красоты. Однако, говорит Л. И. Богданова, следует сразу отметить, что даже

на уровне толковых словарей фиксируется роль нравственного начала в осмыслении русской красоты, поскольку красотой в русской культуре называется всё красивое, прекрасное, всё то, что доставляет эстетическое и нравственное наслаждение.

Игорь Николаевич Юдкин-Рипун, доктор искусствоведения, член-корреспондент Академии художеств Украины ИИФЭ НАНУ (Киев) сделал акцент своего выступления на идиоматических антитезах и перипетиях как факторе связности повествования в «Жизни Клима Самгина» М. Горького. Докладчик сообщил, что эпопея М. Горького имеет черты драмы, где семантические сдвиги в деталях реплик влекут за собой возникновение ситуативных антонимов (явление энантиосемии), выражающееся, в частности, противительными отношениями. Поляризация значений сообщает эпизодам повествовательного текста свойства драматических перипетий. Прозаические эпизоды обретают облик сцен с драматическими способами мотивировки, усиливающими их связность. Таким образом, в построении горьковского текста значимыми являются цепочки альтернатив, сообщающие повествованию облик дерева выборов. Поляризация значений (энантиосемия) деталей становится отправной точкой в разрастании ситуативных антонимов, знаменующих конфликтные ситуации, составляющие основу повествования. Создаются перипетии, оказывающиеся существенной силой мотивировки повествовательного потока. Проза обретает драматические свойства, заключенные в зародышевом виде в ситуативной антонимии и создающие широкие возможности для сцены и экрана.

Интересное исследование в русле лингвокультурологического направления было проведено студенткой магистратуры Университета им. Сунь Ятсена (Гуанчжоу, Китай) Геге Ванг, которая поделилась результатами анализа концептуальных метафор, представленных на постерах экологической тематики. Доклад дал ясное представление о бережном отношении к природе и окружающей среде китайского народа и о том, как эти идеи воплощаются в яркие визуализации посредством метафоры. Несомненно, при сравнении лингвокультурологических особенностей китайской нации и русского народа можно найти большое количество сходств, однако есть и различия. Вопросы аудитории о символах и образах,

чуждых русскому менталитету и культуре, еще раз доказали, что исследование актуально и способно вызвать определенный научный резонанс по его завершению.

Доклад Ольги Сергеевны Орловой, кандидата филологических наук, младшего научного сотрудника отдела теории и практики коммуникации имени Ю. С. Степанова Института языкознания Российской академии наук был посвящен непрямым номинациям, употребляющимся при обсуждении актуальных проблем в современном англоязычном пространстве сети «Интернет». Особое внимание исследователя было сосредоточено на анализе такого типа не прямых именовании, как эвфемистические замены, которые могут рассматриваться как неподходящие в той или иной коммуникативной ситуации. Доказательная база исследования строилась на результатах фреймового анализа и дополнялась культурологическим комментарием. Таким образом, по мнению О. С. Орловой, применение когнитивно-культурологического подхода в исследовании такого рода не прямых номинаций, наполняющих современное интернет-пространство «позволяет раскрыть механизм их создания».

Профессор Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова Ольга Владимировна Петрова в своем докладе, посвященном анализу явных и скрытых ошибок машинного перевода, вновь поднимает насущную проблему обучения переводу студентов языковых вузов. В связи с тем, что в последнее время жизнь и работа современных переводчиков значительно облегчается за счет стремительно развивающихся инновационных переводческих технологий, возросло количество пользователей ряда программ, осуществляющих машинный перевод текстов, среди студенческой молодежи. Автор доклада отмечает, что очень часто студенты прибегают к такого рода программам при выполнении переводов, однако никакой постпереводческой и редакторской правки не осуществляют, подчас просто не замечая «ляпы», как грубые ошибки, так и легкие неточности, которые приводят к искажению смысла текста перевода. Кроме того, такие ошибки необходимо не только своевременно выявлять, но и анализировать, чтобы в будущем с легкостью их распознавать

и устранять. Таким образом, в докладе делается вывод о том, что задачей преподавателя перевода в языковом вузе является научить студентов адекватно пользоваться программами машинного перевода, которые должны служить лишь вспомогательным инструментом, облегчающим, но не полностью заменяющим работу переводчика-профессионала.

Актуальную проблему лингвистики затронула в своем исследовании профессор Южного федерального университета Наталья Борисовна Боева-Омелечко. Как отмечает автор, в настоящее время необходимо расширение представлений об антонимии как языковой категории, представленной на разных языковых уровнях. Цель исследования автор видит в «описании способов передачи противоположного значения без участия лексических антонимов». Исследователем описываются различные виды грамматических и текстообусловленных антонимов русского и английского языков, которые наличествуют в составе связного текста. В результате исследования были выделены такие грамматические морфологические оппозиции, как антонимические оппозиции первичного времени, антонимические оппозиции наклонения, а также межчастеречные антонимы, синтаксические антонимы, текстообусловленные субституционные антонимы. Обширный материал исследования был представлен значительным количеством примеров из текстов, демонстрирующих специфику функционирования контекстообусловленных антонимов. Таким образом, исследователем было доказано, что «в составе связного текста значение противоположности может передаваться без участия лексических антонимов с помощью морфологических, синтаксических и текстообусловленных антонимов». Причем выделенные виды антонимов не окказиональны, а регулярны и частотны в различных видах дискурса. Перспективой данного исследования является изучение нелексической антонимии на материале других языков.

Бакина Анна Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева представила доклад, посвященный исследованию библейской фразеологии английского и русского языков в аспекте теории интертекстуальности. Согласно результатам прове-

денной работы по изучению специфики воспроизводимости библейских фразеологизмов как репрезентантов библейского текста в разных типах дискурса (художественном и медийном), т. е. их частотности, а также на основе данных эксперимента были выявлены наиболее и наименее употребительные фразеологические единицы библейской этимологии. Кроме того, было установлено, что высоким интертекстуальным потенциалом обладают как сами фразеологические единицы, так и их узуальные и окказиональные варианты. В целом исследование подтвердило первоначальную гипотезу о высокой частотности библеизмов в разных типах дискурса как интертекстуальных отсылок к тексту Библии.

Темой выступления доктора филологических наук профессора Ивановой Светланы Викторовны стала проблема взаимодействия акциональности и бытийности в нарративе американских песен кантри. Исследуя бытийные конструкции на предмет передачи бытийности и акциональности в нарративе американских песен, автор выявляет, что нарратив данного песенного жанра строится на глаголах действия, которые сменяют друг друга по цепочке, создавая событийное повествование. Исследование 100 американских песен музыкального стиля кантри показало, что бытийность и акциональность в этих текстах тесно взаимосвязаны между собой и что «они смыкаются в своем взаимодействии, что позволяет говорить о некоей акциональной бытийности в нарративе американских песен стиля кантри».

Доктор филологических наук профессор Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева Абакумова Ольга Борисовна исследует антропный код культуры в пословицах о счастье, который является базовым в каждой лингвокультуре. Данное исследование стоит в ряду целого цикла работ автора и ее аспирантов, посвященных изучению паремиологического фонда английского и русского языков. Для настоящего исследования применялся интегральный метод интерпретации паремий при сравнительно-сопоставительном исследовании пословиц тематической группы Счастье. Целью исследования выступает «декодирование культурных смыслов, закодированных антропной и какой-либо другой метафорой в русских и английских пословицах о счастье». Автором рассматрива-

ются возможные субкоды I и II уровней для представления антропного кода культуры на материале русских и английских пословиц о счастье. В результате были выявлены: 1) антропоморфный субкод, включающий антропно-иерархический СК II уровня, антропно-социальный СК, антропно-национальный СК, антропно-профессиональный СК, антропно-семейный СКП, гендерный подкод (СКК II уровня), антропно-онимный (антропонимический) субкод; 2) антропно-ментальный субкод, включающий мнемонический, мыслительный, восприятия, внимания, воображения, воли, сознания; 3) антропно-интеллектуальный субкод; 4) антропно-сенсорный субкод (визуальный, звуковой, вкусовой); 5) антропно-эмоциональный субкод; 6) антропно-деятельностный; 7) антропно-аксиологический; 8) антропно-независимый субкод. Таким образом, выделенные субкоды репрезентируют «целостную картину отражения в пословицах материального и духовного мира человека». Вместе с тем пословичный концепт счастье имеет «определенную культурную специфику, которая проявляется в качественном или количественном различии концептуальных признаков, представленных в паремических знаках двух неблизкородственных языков».

Целью мастер-класса доктора филологических наук профессора Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина Владимира Ильича Карасика на тему «Осмысление мирной жизни в паремиологии и афористике» является рассмотрение концепта «мирная жизнь», который репрезентруется пословицами и афоризмами. Исследование выполнено в русле активно развивающейся антропологической лингвистики, а именно аксиологической лингвистики, которая тесно связана с лингвокультурологией и когнитивной лингвистикой. Автор выделяет три базовых направления аксиологического описания языка: 1) вертикальное измерение – характеристики типов ценностей, 2) горизонтальное измерение – характеристики ценностей по количеству носителей языка и культуры, 3) сагиттальное измерение – конкретизацию выражения ценностей. Мирная жизнь представляет собой витальную общечеловеческую ценность. Исследование данного концепта посредством анализа и интерпретации пословиц, «продвигающих базовые ценности», показало, что «мир однозначно оце-

нивается как благо»; для поддержания мира необходимы усилия двух сторон; «всякая ссора и война завершаются миром»; следует поддерживать даже непрочный мир; необходимо идти на примирение даже ценой уступок; мир и война взаимосвязаны; труд и правда способствуют мирной жизни; женщина – хранительница мира в семье; женщины иногда лишают своих мужей покоя; мир после ссоры не очень крепок. Анализ афоризмов, актуализирующих концепт «мирная жизнь», выявил некоторые расхождения по сравнению с пословицами и поговорками, поскольку в отличие от воспроизводимых устойчивых комплексов, отражающих коллективную мудрость народа, афоризмы есть авторские изречения, следовательно они не специфичны в этнокультурном плане. По мнению исследователя, в афористике преобладают речения, критически оценивающие реальность достижения мира и способы его сохранения, выделяются высказывания, в которых сказано о неразрывной связи мира и справедливости. Автор делает вывод о том, «что пословицы сориентированы на выражение практических советов, в то время как в афористике доминирует критическая оценка человеческой природы».

Обязательным элементом научной конференции уже много лет является Молодежный круглый стол, где начинающие исследователи могут поделиться некоторыми результатами своих исследований. В этом году таких желающих было 14 человек. Руководили работой Молодежного круглого стола ст. преподаватель Виктория Игоревна Ильминская и ассистент Надежда Владимировна Кирюхина (ОГУ имени И. С. Тургенева). Наиболее запоминающимися были выступления аспирантов из МГЛУ и ЮФУ: Валерия Александровна Куликова из МГЛУ (Москва) сообщила о своем исследовании в области темпоральных характеристик лингвокогнитивных сравнительных моделей с немецкими антропонимами, Кирилл Павлович Постерняк из ЮФУ (Ростов-на-Дону) поделился наблюдениями над репрезентациями этнических стереотипов в англоязычном сегменте сети Интернет, магистрант 2 курса ОГУ имени И. С. Тургенева Сачиви Родольфо Жан-Батист (Бенин) рассказал о том, как феномен счастья представлен в Бенинских пословицах, а магистранты 1 курса ОГУ имени И. С. Тургенева Анастасия Егупова и Полина Сапронова

представили свои наблюдения в области адекватности и эквивалентности перевода единиц в художественном тексте.

В заключение отметим, что 7-я Международная научно-практическая конференция «Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение» продолжает уже ставшие хорошей традицией филологические и лингводидактические встречи на международном уровне в рамках международной научно-практической конференции, на протяжении семи лет организуемые в Институте иностранных языков ОГУ имени И. С. Тургенева. Мы очень высоко ценим и благодарим наших постоянных участников, отечественных лингвистов (из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Самары, Перми, Брянска, Белгорода, Томска, Рязани и др.) и зарубежных исследователей (из Испании, Чехии, Китая, Белоруссии, Украины, Бенина) и всегда открыты новым контактам, концепциям и идеям.

O. B. Abakumova, A. D. Bakina

7th International Scientific and Practical Conference “Language. Culture. Communication: Learning and Teaching.” Orel, October 12-13, 2023

The paper covers information about the 7th Intercultural scientific conference “Language. Culture. Communication: Study and Teaching”, that was organized and held in Oryol by the English Philology Department in the Institute of Foreign Languages of the Oryol State University named after I. S. Turgenev. The paper presents materials of the Plenary meetings' reports, made by the Russian and foreign participants of the conference on the 12-13 of October 2023. The researchers from 8 countries (Russia, Belarus, Spain, Czechia, Hungary, China, Ukraine, Benin) discussed topical problems and perspectives of modern linguistics, linguo-culturology, linguo-didactics, theory and practice of translation. The aim of the conference was to develop educational and scientific contacts between leading scholars and young researchers in Russia and abroad.

Key words: conference, linguistics, communication, culture, study and teaching.

For citation: Abakumova, O. B., Bakina, A. D. (2023) 7-ya Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Yazyk. Kul'tura. Kommunikaciya: izuchenie i obuchenie». Orel, 12-13 oktyabrya, 2023 [7th International Scientific and Practical Conference “Language. Culture. Communication: Learning and Teaching.” Orel, October 12-13, 2023]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 278–289. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_4_278. EDN: LYWIUD

Об авторах

Абакумова Ольга Борисовна, профессор Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева доктор филологических наук, доцент (г. Орел, Российская Федерация); e-mail: abakumova-ob@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-9488-1440

Бакина Анна Дмитриевна, заведующий кафедрой английской филологии Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева кандидат филологических наук, доцент (г. Орёл, Российская Федерация); e-mail: Heart-anna@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-8217-1828

About the authors

Olga B. Abakumova, Professor, Orel State University n.a. Turgenev, Doctor of Philology (Orel, Russian Federation); e-mail: abakumova-ob@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-9488-1440

Anna D. Bakina, Head of the Chair of English Philology, Orel State University n.a. Turgenev, PhD in Philology (Orel, Russian Federation); e-mail: Heart-anna@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-8217-1828

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50/50 %

дата получения: 18.10.2023 г.
дата принятия: 30.10.2023 г.
дата публикации: 30.12.2023 г.

date of receiving: 18 October 2023
date of acceptance: 30 October 2023
date of publication: 30 December 2023

Правила направления рукописей статей для публикации в научном журнале «Art Logos» («Искусство слова»)

К публикации в журнале «Art Logos» принимаются статьи, отражающие широкий спектр проблем современного научного знания в области филологии.

Материал должен быть представлен одним файлом в следующей последовательности:

1. Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, идентификатор ORCID (можно получить здесь: <https://orcid.org/>), контактный телефон.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках;
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом не менее 1000 знаков с пробелами;
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языке.

3. Статья

Объем статьи – не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Суг, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 10 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word. Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках, например [7] или [5, с. 56–57]. Список литературы (в алфавитном порядке) помещается после текста статьи.

Русские источники необходимо транслитерировать, для автоматической транслитерации использовать программу <https://transliteration.pro/bsi>

Рекомендуемый алгоритм работы с рукописью статьи

1. Определите тип публикации:

- *научная статья / Original article* – развернутый формат представления результатов логически завершенного научного исследования; – 8–10 стр., 5–8 рисунков, не менее 15 ссылок;
- *обзорная статья / Review* – критическое обобщение какой-то исследовательской темы; от 10 и более страниц, от 5 и более рисунков, от 50 ссылок;
- *краткое сообщение / Short Communication* – краткий формат представления отдельных результатов логически завершенного научного исследования; – не более 2500 слов, не более 2-х рисунков или таблиц, минимум 8 ссылок.

2. Определите шифр УДК: <https://teacode.com/online/udc/>

3. Определите шифр ГРНТИ: <https://grnti.ru/>

4. DOI и EDN присваиваются редакцией после принятия статьи к публикации.

5. Оформите статью по шаблону, учитывая следующие рекомендации:

- **Заголовок статьи** призван кратко (максимум 10–12 слов) и точно отражать содержание статьи и полученные научные результаты. NB! В заголовке на английском языке все значительные слова должны начинаться с прописной буквы. Служебные слова (артикли, союзы и предлоги меньше четырех букв) пишутся со строчной буквы. Не допускается написание заголовка на обоих языках исключительно прописными буквами. Пример: Formation and Implementation of the Plan of A. A. Blok's Essay "The Last Days of Imperial Power".

- **Аннотация.** Рекомендуемый объем не менее 1000 знаков с пробелами. Недопустимо копировать в аннотацию фрагменты соответствующих разделов статьи за исключением рубрики «Материалы и методы».

- **Ключевые слова.** 7–10 слов, точно отражающих содержание статьи. Не рекомендуется использовать объемные словосочетания, за исключением общепринятых терминов.
- **Благодарности.** В разделе целесообразно упомянуть людей и организации, которые оказали автору финансовую и иную поддержку в процессе подготовки статьи, в том числе рецензентов.
- **Введение.** Рекомендуемый объем 2–4 страницы. Содержит формулировку научной проблемы, обоснование ее актуальности и новизны, значение для развития соответствующей отрасли знания. Введение содержит обзор основных актуальных источников, на которые опирается автор. Целесообразно рассмотреть не менее 20 публикаций. Завершить введение следует формулировкой цели, задач и гипотезы исследования. Заголовок «Введение» внутри статьи не указывается, ввиду особенностей технической верстки журнала.
- **Материалы и методы.** Рекомендуемый объем 1–2 страницы. Содержит описание методики исследования, ее объекта и последовательности.
- **Результаты.** Рекомендуемый объем 4–5 страниц. Содержит систематизированное изложение основных результатов исследования с целью доказательства гипотезы, в том числе необходимый иллюстративный материал (рисунки, таблицы).
- **Обсуждение и выводы.** 1–2 страницы. Содержит формулировку результатов исследования, выводов и рекомендаций по дальнейшему осмыслению темы.
- **Список литературы.** Содержит не менее 20 источников по теме исследования. ВСЕ источники должны быть процитированы в тексте. NB! НЕ допускается помещение в список литературы интернет-ресурсов, нормативных правовых актов, учебных изданий, диссертаций и авторефератов диссертаций, источников, недоступных широкой научной общественности (ссылки на указанные материалы допустимы в формате страничных сносок).

Если авторов несколько, после текста статьи необходимо указать личный вклад в выполненную работу каждого соавтора. Порядок указания авторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
00/00 %

Рисунки и таблицы

Нумерация рисунков в рамках статьи сквозная, подрисуночная подпись начинается со слова «Рис.» и цифры, соответствующей номеру рисунка в порядке встречаемости в тексте. Если рисунок один, слово пишется без сокращения, цифра после нее не ставится. Подпись к рисунку выравнивается по центру и размещается в тексте статьи.

Рисунки не следует вставлять в текстовый документ со статьей, поскольку при этом происходит потеря качества. Изображения должны быть представлены в редакцию отдельными файлами в следующих форматах:

- TIFF (300 dpi)
- PNG
- JPG/ JPEG

Исходные файлы изображений должны быть пронумерованы в соответствии с порядком упоминания в тексте. Диаграммы и графики, как и рисунки, представляются в вышеперечисленных форматах.

Пример наименования файла изображения: **01.jpg**

Если в статье предполагается использование нескольких изображений, автором самостоятельно создается архив с рисунками и направляется в редакцию. Предпочтительно использовать для архивации файлов программу 7-Zip: <https://www.7-zip.org/>.

Таблицы используются для наглядного представления числового материала. Таблица должна иметь ширину 16 см и не менее трех граф. Таблицы нумеруются по сквозному принципу в порядке упоминания в тексте арабскими цифрами, название таблицы должно следовать после номера на следующей строке. Если таблица одна, то после слова «Таблица» номер не ставится.

Примеры оформления библиографического описания различных источников

Монография

- Гродецкая А. Г. Гончаров в литературном доме Майковых. 1830–1840-е годы. – СПб.: ИРЛИ РАН; Полиграф, 2021. – 432 с. EDN: VMHZME

Книга под редакцией

- Письма А. П. Чехова. 1–6 т. / Под ред. М. П. Чеховой. – М.: Книгоиздательство писателей, 1912–1916. EDN: ABCDEF

Статья в журнале (с указанием DOI)

- Николина Н. А., Петрова З. Ю. Ключевые образные поля в текстах современной русской прозы // Верхневолжский филологический вестник. – 2021. – № 4. – С. 93–101. DOI: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-93-101. EDN: IKSZXJ

Статья в сборнике трудов конференции

- Жуков А. В. О потенциальности фразеологических единиц // Пушкинские чтения-2018. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст. Материалы XXIII международной научной конференции. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2018. – С. 371–379. EDN: UPWPDR

Статья в сборнике научных статей

- Мучник Х. «Раковый корпус»: Судьба и вина // Солженицын: мыслитель, историк, художник. Западная критика 1974–2008: сб. науч. ст. – М.: Русский путь, 2010. – С. 558–574. EDN: ABCDEF

Монография на иностранном языке

- Durand R. Handbook to the poetry of Rudyard Kipling. – Garden City; New York: Doubleday, Page&Co., 1914. – 386 p.
- Jeffris L. Opposition in discourse. The construction of oppositional meaning. – London: Continuum, 2010. – 150 p.

Статья в журнале на иностранном языке

- Ralph M. Balthasar and Speyr: First Steps in a Discernment of Spirits // Angelicum. – 2014. – Vol. 91. – No. 2 – Pp. 273–302.

Примеры описания постраничных сносок

Интернет-ресурсы

- Адамов А. Ветвь // Слово/Word. – 2013. – № 78. Электронный ресурс. URL: <https://magazines.gorky.media/slovo/2013/78/vetv.html?ysclid=l7n9k8i1l701490013> (дата обращения: 01.07.2022).
- Трубецкая Н. А. Вера Анатольевна Пушкина (Константинович): к неизвестным страницам биографий представителей рода Пушкиных // Музеемания. Электронный ресурс. Электронный ресурс. URL: https://muzeemania.ru/2022/06/06/trubeckaya-pushkina/?ysclid=l7nc2do7fp72375959#_ftn7 (дата обращения: 01.07.2022).

Интернет ресурсы на иностранном языке

- Clubfoot. Available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/clubfoot> (accessed 20 June 2022).

Нормативные правовые акты

- Об образовании в Российской Федерации: федер. закон № 273-ФЗ от 29 дек. 2012 г.

Учебные издания

- Русский язык. 8 класс: учеб. / Л. М. Рыбченкова, О. М. Александрова, О. В. Загоровская, А. Г. Нарушевич. – М.: Просвещение, 2017. 223 с.
- Пасечник С. В. Логика: учеб. М.: Просвещение, 2006. 256 с.

Диссертация и автореферат диссертации

- Мкртчян Т. Ю. Речевое поведение журналистов в политическом теле- и радиointerview (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 181 с.

- Сотова И. А. Теория и практика самоконтроля в письменной речевой деятельности школьников на уроках русского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2008. 47 с.

References

References должны быть представлены на латинице. Необходимо учитывать, что:

- при переводе указанных сведений недопустимо использовать автоматический машинный перевод;
- сведения должны соответствовать тексту на русском языке.
- для оформления References целесообразно использовать автоматические системы транслитерации, например, <http://translit-online.ru/> используя две основные формулы:

Для научных статей

Familia, I. O. (Year) *Trasliteraciya zagolovka stat'i* [Translation of the headline of the article]. *Trasliteraciya nazvaniya istochnika – Translation of the headline of the source*. Vol. 0. No. 0. Pp. 0–0. (In Russian).

Для книг

Familia, I. O. (Year) *Trasliteraciya nazvaniya knigi* [Translation of the headline of the book]. Place: Izdatel'stvo. (In Russian).

Примеры оформления References

Монография

- Grodeckaya, A. G. (2021) *Goncharov v literaturnom dome Majkovykh. 1830–1840-e gody* [Goncharov in the Maikov literary house. 1830–1840s / rev. Ed. A. Yu. Balakin]. St. Petersburg: Institute of Russian Literature RAS; Poligraf. (In Russian). EDN: VMHZME

Статья в журнале

- Kilina, L. F., Sokolova, A. (2022) *Feminitivy s suffiksom -ih(a) v tekstax XVIII–XX vv.: korpusnoe issledovanie*. [Feminitives with the suffix -ih(a) in the texts of the 18th–20th centuries: a corpus study]. *Voprosy yazykoznaviya – Questions of linguistics*. No. 1. Pp. 85–105. (In Russian). EDN: GNFCJS

Статья в сборнике трудов конференции

- Zhukov, A. V. (2018) *O potencial'nosti frazeologicheskikh edinic* [On the potentiality of phraseological units]. *Pushkinskie chteniya-2018. Hudozhestvennye strategii klassicheskoy i novoy slovesnosti: zhanr, avtor, tekst* [Pushkin Readings-2018. Artistic strategies of classical and new literature: genre, author, text]. Proceedings of the XXIII International Scientific Conference. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Pp. 371–379. (In Russian). EDN: UPWPDR

Статья в сборнике научных статей

- Muchnik, KH. (2010) «Rakovyy korpus»: Sud'ba i vina [“Cancer Ward”: Fate and Guilt]. *Solzhenitsyn: myslitel', istorik, khudozhnik. Zapadnaya kritika 1974–2008* [Solzhenitsyn: thinker, historian, artist. Western Criticism 1974–2008]. Moscow: Russkiy put' Publ. Pp. 558–574. (In Russian). EDN: ABCDEF

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией. Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании. Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются.

При оформлении статьи необходимо руководствоваться шаблоном, размещенном в разделе "Авторам" на странице журнала: <https://lengu.ru/mag/art-logos/avtoram-5>

Материалы, оформленные в соответствии с требованиями, необходимо направлять на e-mail главного редактора art.logos@lengu.ru

Для заметок

Для заметок

научный журнал

Art Logos

(искусство слова)

№ 4 (25)
2023

Редактор **Т. В. Мальцева**
Технический редактор **Е. И. Ягин**
Оригинал-макет и обложка **Е. И. Ягин**

Подписано в печать 30.12.2023. Формат 60x84 1/16.
Гарнитуры Jost, Loga. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 18,5. Тираж 500 экз. (первый завод – 50 экз.)
Заказ № 1913

Адрес учредителя, издателя
196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58 <http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции
196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 451-91-76 <http://lengu.ru/>
e-mail: art.logos@lengu.ru